

Е.Л. Березович

**ТОПОНИМИЯ РУССКОГО СЕВЕРА
ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**

**Екатеринбург
Издательство Уральского университета
1998**

ББК
Ш 141.12–314+Д8я4
Б 484

Исследование осуществлено при поддержке
Российского фонда фундаментальных
исследований (грант 96–15–98603 –
Уральская топонимическая школа)

Под редакцией
члена-корреспондента РАН **А.К. Матвеева**

Березович Е.Л.
Б 484 **Топонимия Русского Севера: Этнолингвистические исследования.** — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. — 338 с.

ISBN 5–7525–0662–X

Обширный массив традиционной крестьянской топонимии Русского Севера, собранный в полевых условиях, интерпретируется в монографии в этнолингвистическом аспекте, что предполагает выявление своеобразия топонимии как источника информации о духовной культуре народа. Особое внимание автор уделяет проблеме реконструкции системы народных представлений о пространстве — как реальном географическом, так и ирреальном сакральном.

Для филологов-языковедов, преподавателей русского языка.

$\frac{4602000000}{182(02) - 98}$

ББК Ш 141.12–314 + Д 8я4

ISBN 5–7525–0662–X

© Е.Л.Березович, 1998

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вопросы изучения взаимосвязи языка и национальной культуры настолько популярны в современной лингвистической науке, что претендуют на ведущее место в перечне ее базовых проблем; сама констатация этого факта стала неизбежным общим местом и традиционным «зачином» многих вновь появляющихся языковедческих исследований. Отношения между языком и культурой трактуются разнообразно — как взаимоотражение (ср. устойчивые сочетания *язык в зеркале культуры* и *культура в зеркале языка*), взаимопроникновение (*культурно-окрашенная лексика*, *культурная коннотация*, *культурная семантика* и т.п.), взаимоперевод (*языки культуры*). Подходы к изучению корреляции *язык : культура* осваиваются разными лингвистическими дисциплинами, при этом несомненно, что важнейшая роль среди них должна принадлежать **этнолингвистике**.

Представления о предмете и задачах этнолингвистики, существующие в современной языковедческой традиции, нельзя назвать устоявшимися. На проводившейся во Франции конференции «Теория в этнолингвистике», где рассматривались трактовки термина *этнолингвистика*, «лишь пограничное положение этой дисциплины не вызвало сомнений ни у кого из присутствующих (ее, например, сравнивали с летучей мышью — героиней басни, выдающей себя то за птицу, то за мышь в зависимости от обстоятельств)» [Кабакова 1993, 101].

Существует широкое понимание предмета этой науки, согласно которому этнолингвистика призвана изучать «явления и процессы в области языка, в определенной степени связанные с проявлением самосознания какого-либо этноса или со взаимоотношением этносов между собой» [Арутюнов 1995, 145], «этнос в зеркале языка» [Копыленко 1995б, 16]. При таких трактовках в компетенции этнолингвистики оказываются вопросы социолингвистики, диалектологии, лингвистической географии, контактологии, ономастики, т.е., по сути, всё, что входит в так называемую «внешнюю лингвистику» (см. широчайший перечень этих вопросов, представленный в [Арутюнов 1995]).

Некоторое сужение предмета этнолингвистики достигается в том случае, когда выдвигаемое на роль предмета этой науки отношение **язык : этнос** заменяется отношением **язык : этническая культура** [см. Карлинский 1991, 133; Карленко 1997, 89; ЛЭС, 597; РЯ, 647 и др.] и далее **язык : этническая культура бесписьменных народов** (последняя трактовка, как известно,

связана преимущественно с американской традицией, у истоков которой стояли Ф. Боас, Э. Сепир, Б. Уорф [см. Кернер 1992; Лакофф 1988; Calame-Griale 1987; Douaud 1985; Ethnolinguistics 1979; Hall, Freedle 1975 и мн. др.]. Последнее ограничение приветствуется теоретиками лингвокультурологии (о задачах этой дисциплины см. в [Воробьев 1993; 1994; 1996; 1997; Карпенко 1997; Мурзин 1996аб]), которые пытаются развести лингвокультурологию и этнолингвистику, указывая, что «по сравнению с лингвокультурологией, ориентированной на современность и общепринятую нормативность, объект исследования в этнолингвистике оказывается «смещенным» в сторону изучения языка племен, диалектов, языковой семьи и культурной группы, праязыка и пракультуры» [Воробьев 1997, 35].

Однако такое ограничение и смещение не очерчивает с удовлетворяющей определенностью границы научной дисциплины. Трудности выделения этих границ связаны также с тем, что культуроведческая проблематика разрабатывается в настоящее время не одной, а целой группой наук, функционирующих в рамках языкознания. Поэтому весьма симптоматично, что в ряде стран (к примеру, во Франции, а еще раньше в США) интерес к этнолингвистике падает; этот термин не упоминается «Международной лингвистической энциклопедией», выпущенной в 1992 г. в Нью-Йорке (вместо него выделяются три независимых направления: этнография речи, этносемантика и этнопоэтика) [Кабакова 1993, 112; см. также Демьянков 1995, 289–295; Хаймс 1975].

В отечественной науке последних десятилетий позиции этнолингвистики являются достаточно прочными: эта область научного поиска представлена именами таких видных исследователей, как А.С. Герд, А.В. Гура, А.Ф. Журавлев, Вяч.Вс. Иванов, В.М. Мокиенко, С.Е. Никитина, Н.И. Толстой, С.М. Толстая, А.Л. Топорков, В.Н. Топоров, Б.А. Успенский, А.Т. Хроленко, Т.В. Цивьян, О.А. Черепанова и др. Как указывает А.Ф. Журавлев, ведущиеся в нашей стране работы, затрагивающие этнолингвистическую проблематику, группируются вокруг двух основных научных направлений: одно представлено прежде всего именами Вяч.Вс. Иванова и В.Н. Топорова, другое — Н.И. Толстого и его сотрудников и учеников. «С известной долей условности эти направления могут быть определены как «этимологическое» и «диалектологическое» соответственно: первое связывается по преимуществу с постановкой и решением задач реконструкции, воссоздания древнейшей системы онтологических, космологических, социальных представлений, отражаемых «культурной» лексикой, с этимологизацией слов мифологического харак-

тера и т.п.; второе в качестве первоочередного выдвигает требование максимальной дескрипции, выявления насколько возможно полного инвентаря форм культуры, ритуалов, обрядовой лексики с преимущественным вниманием к ареальным проблемам, к диалектологии культурных феноменов, к географическому аспекту их изучения» [Журавлев 1993б, 111]. Подчеркивая преемственность традиций, заложенных в русской науке XIX в. А.А. Потебней, Ф.И. Буслаевым, А.Н. Афанасьевым, для современной славянской этнолингвистики, Н.И. Толстой и С.М. Толстая отмечают, что последняя «сформировалась на пограничье языкознания, мифологии, фольклористики, этнографии как комплексная дисциплина, изучающая традиционную народную духовную культуру и ее отражение в языке (специальная «культурная» терминология, семантика слов быденного языка, народная этимология, мифопоэтические притяжения, метафорика, идиоматика и фразеология, фольклорные тексты и т.д.)» [Толстой, Толстая 1995б, 488]; в другой формулировке тех же авторов этнолингвистика — «дисциплина, которая изучает язык сквозь призму человеческого сознания, менталитета, бытового и обрядового поведения, мифологических представлений и мифопоэтического творчества» [Толстой, Толстая 1995а, 5]. Таким образом, задается основная координата этнолингвистических исследований: **язык и традиционная духовная культура народа**. Такая формулировка позволяет найти для этнолингвистики нишу в комплексе гуманитарных дисциплин; обращение к традиционной духовной культуре, как представляется, обеспечивает наиболее удачный выбор маркированной этнической спецификой области исследования.

В соответствии с этой трактовкой можно выделить как минимум два аспекта этнолингвистических штудий. С одной стороны, четко вырисовывается своеобразная «лингвистика этнической культуры», которая предполагает изучение народной культуры с помощью аппарата лингвистики, основанное на постулате об изоморфности культуры и языка (обоснование этого постулата во многом можно считать заслугой семиотики, с наивысшими достижениями которой в отечественной традиции ассоциируется представление о тартуско-московской семиотической школе и ее вдохновителе — Ю.М. Лотмане). По мнению Н.И. Толстого, «подобная экспансия «лингвистического» подхода к явлениям культуры отнюдь не является неким «переводом» культуроведческой терминологии на терминологию лингвистическую, а скорее иным, структурально более четким подходом к культуре как некоему систематическому целому» [Толстой 1995, 16]. Данный подход, отработанный в трудах Н.И. Толстого, В.Н. Топорова, Б.А. Успенского и др., нашел яркое отражение в

словаре «Славянские древности»: жанр этого труда, являющегося энциклопедией традиционной духовной культуры славянских народов, определен как «этнолингвистический словарь» [см. СД].

С другой стороны, неминуемо обращение этой науки к выявлению специфики основного кода традиционной духовной культуры — естественного языка. Изоморфность языка и других культурных кодов не исключает их глубокой индивидуальности, ср.: «становление этнолингвистики как науки «на стыке» отнюдь не предполагает утраты «стыкующимся» дисциплинами их своеобразия» [Журавлев 19956, 10]. Комментируя невыводимость этнолингвистики из суммы этнографии и лингвистики, А.Т. Кайдаров указывает, что «под одним шаныраком каждая из них кроит свою шубу, поет свою песню» [цит. по: Копыленко 19956, 17–18]. Вторая сторона этнолингвистического исследования не отрицает первую, поскольку своеобразие того или иного культурного кода (в данном случае языкового) становится явным при контрастивном анализе.

Таким образом, этнолингвистические штудии в любом случае являются комплексными. Они могут быть нацеленными либо на описание того или иного фрагмента традиционной картины мира по данным разных культурных кодов, либо на выявление специфики отражения духовной культуры в языке (на фоне других культурных кодов). Можно сказать, что мы вновь получили широкое и узкое понимание этнолингвистики, однако эта широта и узость трактуются в данном случае иначе, чем в описанных выше подходах, когда широкая этнолингвистика приравнивается к изучению практически любых связей между языком и этносом, а узкая предполагает исследование языка в соотношении с этнической культурой бесписьменных народов (при этом не делается акцент на анализе именно духовной культуры). Такая неоднозначность в определении предмета науки является нормальным (хотя очень трудным и для объективной научной работы, и для субъективного исследовательского «самочувствия») следствием нынешнего переломного периода в развитии языкознания и культурологии, предполагающего смену методологических парадигм.

Все широкие и узкие подходы имеют право на существование, однако каждое конкретное исследование должно, естественно, самоопределиться в общеметодологическом плане. Подходя к формулировке задач настоящего исследования, мы исходим из следующих посылок: во-первых, оно выполнено на языковом материале — данных **русской народной топонимии**, являющейся специфической сферой традиционной культуры; во-вторых, как уже гово-

рилось, обращение в рамках этнолингвистики к традиционной **духовной** культуре народа представляется удачным ограничением «безразмерной» культуроведческой проблематики (кроме того, именно в этом аспекте топонимия изучена крайне недостаточно). Любой пласт естественного языка, включающий в себя единицы с общей денотативной направленностью, кодирует информацию об определенном фрагменте действительности, пропущенную через призму внутреннего мира носителя языка и, соответственно, вобравшую в себя особенности его духовной культуры. Этнолингвистическое исследование, имеющее дело с двойным отражением (фрагмента действительности — в сознании посетителя культуры, фрагмента сознания — в языке), должно, соответственно, ставить перед собой две взаимосвязанные задачи: определить специфику национально-обусловленного восприятия фрагмента действительности; показать особенности языкового канала трансляции информации о данном фрагменте действительности. По отношению к топонимическому материалу эта двуединая задача может быть сформулирована так: **выявить своеобразие топонимии как языкового источника информации о духовной культуре народа**. Именно она — в применении к русской топонимии — является магистральной задачей настоящего исследования.

Обращение к топонимии как материалу для этнолингвистического исследования представляется вполне закономерным. Этот малоизученный в указанном аспекте пласт духовной культуры народа кодирует информацию об окружающем человека пространстве, а восприятие пространства, несомненно, является одной из важнейших составляющих национальной модели мира. Пространство осмысливается по-разному: как некая протяженность, являющаяся, в первую очередь, ориентационным полем для человека, который определяет местоположение отдельных пространственных объектов, их доступность, протяженность и т.п.; как окружающая человека земная поверхность — и всё то, что называется природой; как взаимодействующая с человеком среда, по отношению к которой человек играет роль и субъекта, и объекта воздействия; как «виртуальная реальность», наполненная сверхъестественными явлениями; как арена разворачивания исторических событий; и др.

Эти варианты моделирования образа пространства могут быть представлены в топонимии. Следовательно, **цель** этнолингвистического изучения топонимии может быть переформулирована и уточнена как **определение концептуальных основ топонимической версии различных моделей пространства** (прежде всего — географического пространства).

В рамках одного исследования невозможно охватить все названные выше концептуальные варианты. В центре нашего внимания будет, с одной стороны, концепция реального географического пространства — пространства *se ipsum* (она рассматривается во второй главе данной работы), с другой стороны, концепция пространства ирреального, сакрального, являющаяся составной частью народной религии (анализ этой концепции представлен в третьей главе исследования).

Анализу языкового материала должно предшествовать обоснование принципов этнолингвистического изучения топонимии и технологии экспликации этнокультурной информации из топонимического материала. Эта задача также поставлена в работе (ее рассмотрению посвящена гл. I исследования).

Необходимо отметить, что традиции историко-культурного изучения собственных имен можно считать четко обозначенными в отечественной науке [ср. некоторые из работ, появившихся в последние 10–15 лет: Агеева 1989; Амирова 1992; Бабичева, Черепанова 1992; Бербеков 1996; Бойко 1997; Варникова 1995; Горбаневский 1989; 1991; 1994; 1996; Гурская 1996; Карaban 1993; Картавенко 1993; Керимбасв 1991; 1992; Керг 1995; Климова 1990; Косничану 1993; Мамонтова 1993; Мамонтова, Муллонен 1993; Материалы к серии... 1993; Муразаев 1993а; Успенский 1989; Фролов 1984; Цетинин 1993 и др.]. Значительное количество исследований носит лингвострановедческий характер [Аникина 1988; Белая, Зайченко 1992; Бирило 1995; Бондалетов 1993; Верещагин 1991; Леонович 1991; Митрофанов 1992; Ощепкова 1995; Томахин 1984; 1989; 1991; Шабанова 1994]. Развитию этого направления весьма способствует и появление ономастических словарей, имеющих, помимо собственно лингвистической, культуроведческую направленность [например: Матвеев 1987а; 1990; 1997а; Полякова 1997; РО; Смолицкая 1995; Чайкина 1988 и др.].

Поставив задачу историко-культурного изучения собственных имен, ономасты, как правило, сосредоточены на проблемах отражения в ономастике особенностей материальной культуры, бытового уклада, социальных отношений и т.п. Значительно реже внимание ученых оказывается привлеченным к вопросам кодирования в топонимии информации о духовной культуре народа, являющейся объектом этнолингвистического исследования. Такая информация в работах по топономастике нередко оказывается соположенной сведениям «материально-этнографического» характера. К примеру, Д.Р. Амирова, оперирующая термином *этнографический топоним*, включает в этот разряд следующие группы названий: а) этнографические топонимы, образованные от

прилагательных со значением качества (размер, цвет и т.п.; б) этнографические топонимы, образованные от этнонимов и патронимов; в) этнографические топонимы, образованные от слов и терминов, отражающие мифологические и религиозные взгляды народа; г) этнографические зоотопонимы; д) этнографические фитотопонимы; е) этнографические топонимы, образованные от личных имен, прозвищ людей, слов, обозначающих социальное положение в обществе и т.п. [Амирова 1992, 9–15]. Этот перечень приблизительно соответствует традиционно выделяемому ономастами набору «культурных» тем. Признавая закономерность подобного рассмотрения вопроса и несомненную ценность таких исследований (которых проведено пока, к сожалению, очень мало), всё же укажем, что духовная культура не должна изучаться по тем же канонам, что и материальная: если последняя имеет четко выраженные формы проявления, которые могут быть манифестированы определенными лексическими группами, то духовная культура формирует основы картины мира, являясь кристаллической решеткой, определяющей возникновение последней. Поэтому этнолингвистическое изучение *potina pgoria* не может сводиться к описанию нескольких лексических групп, оно должно затрагивать концептуальные основы организации именника. Очевидно, этнолингвистическое изучение онома не следует ограничивать работами лингвострановедческого плана, которые зачастую основаны на внешнем рассмотрении не всего ономастического континуума, а отдельных «меченых атомов», — имен, обладающих «особой» известностью. При этом затруднителен выход на концептуальные установки создателей имен. Такой выход осуществляется теми исследователями, которые ставят задачу выявления идиоэтнической специфики имени, базирующегося на рассмотрении глубинных конструктивных принципов организации ономастикона [Голомидова 1998; Егорова 1988; 1989; 1991; 1993; Журавлев 1993а; 1995а; Рут 1992; Топоров 1991; 1993в; Топорова 1996].

В целом же контуры этнолингвистического аспекта изучения имен собственных еще только начинают прорисовываться; этот аспект ономастических исследований нельзя считать ни теоретически, ни методологически разработанным, ср.: «Необходимо отметить, что в сфере этнологического изучения оноимов сделано еще очень мало» [Копыленко 1995б, 58]. Более того, не обрисован даже круг вопросов, которые должны решаться в русле этнолингвистического изучения ономастики. Можно назвать только одну этнолингвистическую проблему, которая ставилась не в одной, а в нескольких публикациях (и при этом, конечно, не может считаться исчерпанной), — это пробле-

ма отражения в ономастике мифологических представлений народа (перечень работ на эту тему представлен в гл. III настоящего исследования).

В то же время ономастика и этнолингвистика «нужны друг другу». С одной стороны, ономастический (особенно топонимический) материал может стать хорошим «полигоном» для совершенствования методики этнолингвистического анализа: его методическая корректность и надежность обеспечивается как экстралингвистически — территориальной закрепленностью объектов номинации, этническим и социальным единством¹ создателей топонимии определенной территории, так и лингвистически — высоким уровнем «моделируемости» материала, свидетельствующим об отработанности норм узуализации, и консерватизмом традиционных топонимических моделей. С другой стороны, этнолингвистические исследования весьма важны для совершенствования и обновления семантического изучения топонимии, несколько зашедшего в тупик «отапеллятивных» классификаций. Наверное, вследствие ощущения этого тупика у «практикующих» ономастов в настоящее время «создается впечатление, что бурное развитие ономастики в предыдущие годы сменилось топтанием на месте» [Гусынина 1996, 238].

Данное исследование призвано сделать шаг на пути разработки этнолингвистического изучения ономастики.

В поисках **конкретного топонимического материала** для исследования мы обратились, в первую очередь, к данным картотек Топонимической экспедиции Уральского государственного университета (далее ТЭ) по территории Русского Севера (Архангельская, Вологодская области полностью и ряд районов Костромской области). Выбор этого материала в качестве опорного для данного исследования может быть обоснован следующим образом: во-первых, территория Русского Севера является зоной, где русская топонимия характеризуется исключительным богатством. Этому способствует ландшафт территории и особенности хозяйствования: использование естественных урочищ (озер, пойменных лугов и т.п.) сменяется освоением новых, которые отвоевываются у лесов и болот, вследствие чего процесс топонимической номинации не затухает, а обновляется, сохраняя, вместе с тем, конструктивные принципы традиционного топонимикона. Разнообразие форм ландшафта (здесь представлено всё — от морского побережья и огромных озер до небольших лесных де-

¹ Это далеко не абсолютно, так как топонимикон являет собой сложное переплетение различающихся в социальном и временном плане продуктов номинативной деятельности, однако такое единство более ощутимо в топонимии, чем, скажем, в диалектной лексике, где возможности «миграции» языковых фактов наиболее реальны.

лянок, за исключением, пожалуй, только горных хребтов), сочетание земледельческой и промысловой деятельности также не может не сказаться благотворно на состоянии топонимической системы. Кроме того, отсутствие помещичьего землевладения на большей части данного региона содействует более свободному, чем на других территориях, развитию топонимической номинации. Крайнее положение территории Русского Севера и «самодостаточность» хозяйственного уклада обусловили хорошую сохранность топонимических данных.

Во-вторых, топонимический материал этой зоны собран весьма полно (пожалуй, полнее, чем по какой бы то ни было другой территории России) и, что особенно важно, в условиях фронтальных полевых экспедиций. Только полевой сбор дает возможность вести наблюдения над особенностями функционирования наименований в их «живой жизни», над фактами мотивационной рефлексии носителей топонимической системы, над вариантами и параллельными названиями и т.п. Значительный объем привлекаемого материала (около 900 тыс. единиц хранения) обеспечивает полноту и достоверность наших выводов.

Кроме того, в сопоставительных целях в работе использованы материалы по топонимии других регионов: полевые записи ТЭ по территориям Урала, Западной Сибири (отдельные районы Свердловской, Пермской, Курганской, Челябинской, Тюменской, Омской, Оренбургской областей), а также некоторым зонам Кировской, Ярославской области, Карелии, Башкортостана и др. Помимо данных ТЭ, привлекались данные письменных источников: топонимических словарей, справочников, туристических путеводителей и т.п. Сопоставление топонимических материалов по этим территориям с топонимией Русского Севера демонстрирует известную общность номинативного фонда русской топонимии.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ТОПОНИМИИ

В данной главе рассматриваются общие вопросы, связанные с этнолингвистическим изучением топонимии. Во-первых, следует выявить основные параметры этнокультурной информации, которая извлекается из языковых источников в ходе этнолингвистического исследования: такая параметризация позволит структурировать предмет исследования (разд. 1). Во-вторых, предполагается описать особенности репрезентации этнокультурной информации в топонимическом материале, а также методику экспликации ее из топонимического континуума (разд. 2). Описанная в настоящей главе методика будет использоваться нами в ходе последующей работы с материалом.

1. К вопросу об этнокультурной информации

Этнолингвистические исследования, как уже говорилось, направлены на выявление информации о духовной культуре и ментальности народа, которая может быть эксплицирована по данным естественного языка. Язык, разумеется, не является единственным источником такой информации; она транслируется также знаковыми системами обряда, фольклора и др., ср. понимание культуры как «иерархически организованной системы разных кодов» (разрядка авторов. — Е.Б.), т.е. вторичных знаковых систем, использующих разные формальные и материальные средства для кодирования одного и того же содержания, сводимого в целом к «картине мира», к мировоззрению данного социума» [Толстой, Толстая 1995а, 7]. Таким образом, этнокультурная информация может быть манифестирована различными способами, существует в разных версиях, «изводах», однако коль скоро мы работаем с языковым (топонимическим) материалом, наши задачи формулируются в первую очередь применительно к нему.

Любая информация характеризуется такими параметрами, как содержание и отбор, структура, когнитивный генезис, сфера бытования, способ репрезентации, семиозис (источники и условия трансляции). Проанализируем по этим параметрам этнокультурную информацию (далее ЭИ).

Содержание и отбор ЭИ. Внутренний и внешний мир человека в целом охватывается такими сферами, как 'бытие', 'природа', 'человек', 'деятельность', 'культура'. Осваивая эти сферы, человек формирует знание о мире, ориентацию в мире и аксиологию (данные формы освоения мира, конечно, пересскаются); к примеру, представления о географическом пространстве складываются из знаний о его протяженности, конечности, происхождении и т.п.; из ориентационных параметров (*далеко* — *близко*, *спереди* — *сзади* и др.); из представлений о ценностной неоднородности пространства, наличии в нем особо отмеченных, выделенных зон (святых и нечистых мест). Однако не все знания, оценки, стереотипы и т.п. составляют содержание ЭИ. Исследователями не раз отмечалась избирательность культурных кодов при кодировании тематически сходной информации. Такая избирательность проявляется в том, что в паре (ряду) близких по смыслу элементов один обретает культурную (языковую) отмеченность, а другой оказывается лишенным ее, например: «волк, кукушка, верба занимают очень важное место в системе культурных символов, а прагматически близкие к ним лиса, дятел, черемуха фактически лишены культурных функций (ср. также культурное значение бороны, топора, горшка, с одной стороны, и лопаты, молотка, миски — с другой)» [Толстой, Толстая 1995а, 9]. Ср. собственно лингвистические примеры такого рода: «в паре лексем *пол* и *потолок* первая кажется свободной от концептуальной нагрузки, тогда как со второй связан отчетливый концепт предела, исчерпанных возможностей» [Плунгян, Рахилина 1993, 126]; в парах *тесть* — *теща*, *отчим* — *мачеха* «имена родственников мужского пола лишены или почти лишены коннотаций, а имена родственников женского пола насыщены ими» [Апресян 1995, 172] и др. Выяснение причин этой избирательности представляется весьма интересной и заслуживающей внимания проблемой, однако она не может решаться в рамках данного исследования. Подчеркнем только, что ЭИ составляется теми представлениями о мире, которые имеют маркировку в рамках какого-либо культурного кода. Маркировка нередко вносит дополнительные смыслы в ментальные образы того или иного объекта действительности, высвечивающие новые детали исходного представления и зачастую не вытекающие непосредственно из «физических» свойств объекта (ср. не соответствующее мнению индийцев представление русских о неуклюжести слона или веру в «смертоносные» свойства выпавшего во сне зуба в славянских народных традициях).

Как известно, в этнокультурном плане значима не только сама маркировка, но и ее отсутствие, лакуна. Наличие лакун, наиболее ярко проявляю-

щесся при контрастивных исследованиях, свидетельствует о нерелевантности того или иного фрагмента действительности для культурного сознания членов данной лингвокультурной общности (см. исследования Ю.А. Сорокина и И.Ю. Марковиной, разработавших теорию лагун в отечественной этнопсихоллингвистике [Сорокин 1977; 1982; 1994; Сорокин, Марковина 1988а; Текст как явление культуры 1989, 103–183 и др.]).

Таким образом, содержание ЭИ есть система знаний, представлений, оценок, описывающих явления внутреннего и внешнего мира, которые имеют маркировку при кодировании в языке и других сферах культуры.

Структура ЭИ. В структуре ЭИ, транслируемой определенными культурными кодами, выделяются базовые и небазовые (маргинальные) смысловые зоны. Базовая информация определяется референтной спецификой самого канала. Допустим, для топонимии базовыми являются представления об окружающем ландшафте, для антропонимии — о человеке и коллективах людей, для лирических песен — о межличностных отношениях и т.п. В зависимости от характера базовой информации в рамках той или иной версии ЭИ вырабатываются специфические модели (в «неноминативных» версиях — мотивы). Это не исключает возможности взаимовлияния различных по своему происхождению моделей: к примеру, «патронимическая» модель, характерная для антропонимии, может проявляться и в топонимическом материале (руч. *Быстренок* — пр. р. *Быстрая* [Ник]¹), а «пространственная» топонимическая модель иногда фиксируется в антропонимии (ср. прозвищную пару *Подозёр* — сын *Надозёра* [Шенк]).

Естественно, содержание той или иной версии ЭИ не исчерпывается базовыми концептами: топонимия, например, может эксплицировать информацию, связанную с социальной структурой общества, межличностными отношениями, выражающую представления о сверхъестественном и т.п. Однако, воплощая представления о нечистой силе, топонимия не может претендовать на ту степень полноты, с которой соответствующие воззрения отражены, до-

¹ Здесь и далее при подаче ономастического материала в квадратных скобках дается паспортизирующая справка. Подавляющее большинство топонимов извлечено из картотек ТЭ УрГУ: при их паспортизации указание на источник материала опускается, а приводится лишь сокращенное наименование административного района или нескольких таких районов (см. список сокращений). В том случае, когда топоним снабжен мотивировочным контекстом, после шифра района дается полное название населенного пункта, где осуществлена запись. При использовании иллюстративного материала из других источников последние описываются по стандартным правилам. Если же топоним приводится повторно, паспортизирующая справка не дублируется. Широко распространенные названия не паспортизируются.

пустим, в быличках и преданиях. В то же время не стоит думать, что такого рода небазовая информация, стоящая в «слабой позиции», несущественна и что следует работать только с базовыми для данного типа информации версиями. Необходимость изучения этой маргинальной информации диктуется тем, что сам факт рассеивания последней по различным сферам свидетельствует о ее концептуальной значимости (в качестве параллели напомним о важной для концептуального анализа установке, в соответствии с которой «любвые» определения того или иного явления не более — если не менее — значимы, чем смыслы, извлекаемые из «мимоходных» текстовых употреблений соответствующего слова; семантически «сильная позиция» подчас дает не такую яркую картину, как сумма «слабых позиций»).

Когнитивный генезис ЭИ. Отдельные блоки ЭИ могут различаться по когнитивному генезису, так как бывают связанными с деятельностью различных уровней и типов сознания. Можно говорить об антиномичности информации, полученной на базе рационального и чувственно-эмпирического, «опытного» и априорного знания: здесь следует напомнить хрестоматийные примеры, иллюстрирующие несовпадение информации, извлекаемой из научного vs. «бытового» текста или же сформированной на основе фольклорных и языковых стереотипов vs. проверенной опытом (ср. знаменитое «чувственно-эмпирическое» *солнце всходит и заходит* и «стереотипное» *лиса хитрая, заяц трусливый, свинья грязная, муравей трудолюбивый*). Естественный язык дает по преимуществу внерациональное знание, ср.: «Базируется языковое знание на уходящих в глубь веков и формирующих коллективное бессознательное представлениях, которым противоречит рациональное знание... Рациональное знание обеспечивает понимание логических отношений между явлениями мира, а внерациональное языковое — восприятие сублогических связей (главным образом ассоциативных метафорических) между ними» [Чернейко 1998, 24–25]. Таким образом, разнообразие версий ЭИ в значительной степени зависит от когнитивного генезиса передаваемой информации.

Сфера бытования ЭИ. Версии ЭИ различаются функционально, реализуясь в многообразных сферах человеческой деятельности (данный параметр тесно связан с предыдущим, так как дифференциация функциональных сфер в значительной мере обусловлена способами получения концептуальной информации). Например, можно выделить сакральные vs. «профанно» ориентированные версии: первые, в частности, характеризуются замкнутостью на прецедентные тексты или прецедентные знаки, высокой семиотичностью, вторые более открыты и семантически: ср. разительно непохожие интерпретации одних

и тех же образов (допустим, христианских святых) в духовных стихах vs. анекдотах или «заветных» сказках.

Этот параметр — как и предыдущий — дает повод говорить о своеобразной «двуличности» (или многоличности) ЭИ: грубо говоря, ее содержание меняется в зависимости от обстоятельств. Вообще, это вполне достоверно, поскольку в действительности человек имеет не одну, а разные системы мнений, оценок одних и тех же явлений (естественно, пересекающиеся и совместимые в каких-то фрагментах). Ср.: «один и тот же субъект может быть манифестантом разных культурных моделей — обыденной и научной, обыденной и религиозной; обыденной, мифологической и религиозной и т.п.» [Толстой, Толстая 1993, 163]. Самый банальный пример — «уживаемость» в современном сознании коперниковской и птолемеевской моделей вселенной. Ср. также пример из нашего материала: если в той модели пространства, которая выстраивается по данным обрядов, заговоров, духовных стихов, маркированным, несомненно, является направление *восток* — *запад*, связанное с «рождением» и «смертью» солнца, то в топонимической версии модели пространства (по крайней мере, в том виде, в каком она эксплицируется по материалам топонимии Русского Севера) маркируется ось *север* — *юг*, что обусловлено значимостью этих румбов для формирования погоды в регионе — т.е., в конечном счете, бытовой, хозяйственной значимостью данного направления (подробнее см. в главе II настоящей работы).

Способ кодирования ЭИ; специфика канала трансляции ЭИ. Своеобразие той или иной версии ЭИ, как представляется, в какой-то мере должно определяться особенностями самого канала трансляции концептуально значимой информации, способа репрезентации последней. Этот вопрос в наименьшей степени проработан в этнолингвистической литературе: на современном этапе развития этнолингвистика предпочитает обнаруживать общие для разных каналов информативные зоны, нежели комментировать факты несовпадений кодируемой различными каналами информации, связанных со спецификой самих этих каналов. Выше уже цитировалось положение Н.И. и С.М. Толстых о культуре как системе кодов, «использующих разные формальные и материальные средства для кодирования одного и того же содержания» (выделено нами. — Е.Б.). Это общее содержание авторы называют «языком-посредником» для разных культурных кодов [Толстой, Толстая 1995а, 7]. Безусловно, данная идея плодотворна для развития теории и практики этнолингвистических исследований и наиболее эффективно может быть реализована при осуществлении свода данных разных культурных кодов, ка-

ковым является словарь «Славянские древности» [СД]. В то же время язык-посредник является абстракцией такой величины, что, работая с ним, следует представлять те допущения, которые иногда неминуемы при переводе с описываемого языка (языка-объекта) на метаязык (ср., например, споры, которые разгорелись вокруг метаязыка описания семантики, разработкой которого с разных позиций занимаются А. Вежбицка, Ю.Д. Апресян, И.А. Мельчук, А.К. Жолковский и др. исследователи: трудности конструирования этого метаязыка связаны как раз с осознанием возникающих при этом потерь и огрублений).

Очевидно, можно говорить только о какой-то степени переводимости языков-объектов на метаязык. По крайней мере, для решения этого вопроса нужно выявить различия между самими переводимыми кодами. В этом плане интересна работа С.М. Толстой, которая указывает, что языковые и культурные (*культурный* в данном случае понимается в смысле принадлежности фольклорному или обрядовому коду) стереотипы, фиксирующие представление об одном и том же объекте действительности, могут не только совпадать, но и обнаруживать значительное или полное расхождение [Толстая 1995]. Эти расхождения наблюдаются не только в случае параллельного функционирования языковой и неязыковой символики, но и в ситуации, когда данные одного кода выступают как мотивирующая база для другого кода, «наследующего» определенную информацию. В этой связи интересны ситуации, когда языковые единицы оказываются изначально мотивированными сюжетными структурами мифа². При переработке мифологических представлений язык устраняет ненужную сюжетность, которая мешает реализации коммуникативной функции языка, поскольку замкнутость мифа на сюжет заставляет постоянно возвращаться к прецедентному тексту, не позволяя соответствующей знаковой структуре интерпретировать действительность. По этой причине мотивированные мифом языковые единицы в процессе функционирования нередко существенно преобразуют исходное содержание: интерпретационная семантика языка трансформирует самодовлеющую семиотику мифа. Следовательно, информация, кодируемая языком и мифом, может существенно раз-

² Ср., например, реконструкции исходной семантики фразеологизма *вороного коня в поле не выдать* 'о наступлении сумерек' [Березович 1996, 147–150] и севернорусских наименований ветров: *мужичок, женатый ветер, холостой (вдовый) ветер* [Березович 1993а]. И в том, и в другом случае языковые единицы возникли на базе мифологических сюжетов: имеется в виду сюжет о движении времени вследствие перемещения всадника на коне, а также сюжет о свадьбе ветров и супружеской неверности одного из них.

ниться вследствие различий в функциональной направленности и семиозисе этих знаковых систем (подробно об этом см. [Лотман, Успенский 1973]).

Таким образом, разные культурные коды обнаруживают расхождения при работе с одной и той же, казалось бы, информацией. Однако каждый культурный код сам по себе является неоднородным образованием. Можно ли говорить о различных вариантах кодирования информации **внутри одного культурного кода** (например, языка)?

Разные типы языковых источников ЭИ разнятся в свете оппозиции **индивидуальное / социальное**. Допустим, ассоциативные поля и «свободные» текстовые связи отражают индивидуализированное знание: несмотря на то, что «кванты» этого знания можно определенным образом сгруппировать, оно остается очень подвижным и текучим, ибо детерминируется изменчивыми вкусами и мнениями отдельных лиц. Эта оппозиция оборачивается противопоставлением **субъективированность / объективированность**. Анализ языкового узуса (типовой сочетаемости, деривационных связей и др.) дает объективированные данные, которые выражают некую понятную для всех носителей языка установку. Отдельный носитель языка может быть с ней не согласен; обсуждая ее, он волен так или иначе выразить свое отношение (ср. высказывания типа *пресловутый немецкий педантизм, знаменитый немецкий педантизм* и т.п.), однако за этой характеристикой стоит некое обобщенное знание, реальность которого обеспечивается тем, что оно не требует комментариев и пояснений. Ср. отсутствие этого обобщенного знания в высказываниях типа *русский педантизм*, при восприятии которого носитель русского языка оказывается лишенным ключа, помогающего понять, в какой тональности следует трактовать это высказывание.

Тезис о существовании обобщенного знания может быть интерпретирован в духе идеи об особой «точке зрения языка», которая проходит красной нитью через всю историю гумбольдтовской традиции в языкознании. Нет смысла в рамках данного исследования обсуждать эту идею, отдающую определенной (и такой естественной) фетишизацией объекта науки, однако следует отметить, что факт существования в языке сфокусированной картины, обладающей направленным потенциалом *ad interpretandum*, должен быть рассмотрен как отражение некоторого «языкового знания»³, фиксирующего, ра-

³ Ср. трактовку языкового знания как «всего того, что данный язык знает (на уровне рациональном/логическом и иррациональном/сублогическом) о действительности и о себе как фрагменте этой действительности [Чернейко 1998, 24].

зумеется, не точку зрения самого языка, но результат объективирующей кристаллизации знаний его носителей. Эта картина формируется, конечно, на базе отражения далеко не всех ментальных объектов: при осмыслении некоторых из них не происходит фокусировки, концептуализации знания — соответственно, в языковой призме знание «рассыпается».

Степень объективации знания, отраженного в языке, определяется коэффициентом устойчивости (воспроизводимости, моделируемости) соответствующих языковых структур. Естественно, что наиболее объективированным следует считать то знание, которое «срастается» с самой устойчивой, субстанциональной частью языка — языковой формой. Это знание дает внутренняя форма языковых единиц — отсюда классическое «потембинское» понимание ее как объективного, ближайшего значения слова. Можно попытаться выстроить определенную иерархию различных языковых носителей концептуальной информации, отражающую снижение объективированности и нарастание субъективных моментов при трансляции этой информации: внутренняя форма; деривационные связи; концептуальное ядро значения; коннотация; типовая (узуальная) сочетаемость; парадигматические связи (синонимия, антонимия и т.п.); «свободная» текстовая сочетаемость; ассоциативные связи. Разумеется, порядок следования выделенных сфер в какой-то степени условен, однако в данном случае важна сама логика движения от центра к периферии, **от системно-языкового содержания к информационному фону**, сопутствующему слову, но не являющемуся частью собственно языковой семантики (о последней см. в [Кузнецов 1992]).

Естественно считать, что эксплицированность информации создает информационно сильную позицию, а, соответственно, имплицитность — слабую. Тогда важные для языка, с одной стороны, и значимые с точки зрения логики и философской интуиции, с другой стороны, варианты информации могут находиться в обратно пропорциональной зависимости. Иными словами, та информация, которая занимает логически сильную позицию (допустим, выражена в виде развернутого определения какого-либо понятия, «мнения по поводу» и т.п.), весьма часто оказывается в слабой позиции в системе языка, поскольку не верифицируется ею (например, трактуемое определениями слово может даже не работать в контексте — скорее, контекст работает на него). И наоборот: системно-языковая информация, заложенная во внутренней форме, деривационных связях и пр., нередко оказывается имплицитной и не верифицируемой при «буквальном прочтении».

Различия между языковыми каналами трансляции концептуальной информации в какой-то мере обусловлены типом языковых связей, на которые преимущественно ориентированы элементы данного кода, — синтагматическим или парадигматическим (парадигматика в большей степени моделируема и отчетливее выражает системно-языковое «знание»). В этом плане весьма разнятся, к примеру, художественные тексты и наборы «дискретных» номинаций (какое-либо семантическое поле, фрагмент ономастикона и др.). Так, связный текст — в отличие от набора «рассыпанных» номинаций — субъективирован, личностно окрашен (даже если он представляет собой «коллективное» произведение устного народного творчества). Кроме того, эффект связности текста состоит в том, что концепция последнего «срастается» с формой, нюансировка и акцентирование тех или иных содержательных моментов нередко продиктованы требованиями поэтики, корректирующими исходный замысел. Ср.: выявление особенностей смыслового наполнения образов христианской религии по таким источникам, как заговоры, должно производиться с учетом специфики организации заговорного текста: к примеру, интерпретацию числовых характеристик (*триста ангелов господних, триста три святителя с апостолами...*) следует осуществлять не в связи с содержанием прототипического сверткста народного православия, а учитывая активную роль приема ступенчатой градации в создании заговоров⁴. Что касается набора дискретных номинаций, то они в наибольшей степени объективированы и практически не обнаруживают «эффектов связности».

Таким образом, сам канал трансляции ЭИ накладывает определенный отпечаток на передаваемую информацию. «Сдвоенность», пограничный характер дисциплин, нацеленных на извлечение ЭИ, иногда приводит к тому, что добываемая информация весьма неопределенна по своей этиологии и статусу. Игнорирование специфики канала трансляции ЭИ может привести к произвольным и небрежным выводам, когда информация, заложенная в одной версии ЭИ, экстраполируется на другие. Осмысляя активное «братание» лингвистики со смежными гуманитарными дисциплинами, А.А. Леонтьев дал своему докладу несколько эпатазирующее название — «Надгробное слово «чистой» лингвистике» [Леонтьев 1995]. Однако объединение наук не предполагает отрицания специфики их объектов — и в этом смысле вряд ли можно

⁴ Ср. еще пример такого же плана: соединение в один комплекс двух образов животных может не только свидетельствовать о смешении, неразличении разных видов животных (змеи и безногий ящерицы, ворона и вороны, кукушки и ястреба и т.п.), но и иметь жанровую обусловленность (*заяц-горностай* в песнях, *гуси-лебеди* в сказках) [см. Гура 1997. 21].

пожелать смерти «чистой» лингвистике. «Пограничность» дисциплины не должна заключаться в подмене одного вида анализа другим; наоборот — как известно, для объединения нужно предварительное размежевание. Весьма показательны в этом плане размышления В.П. Аникина о возможностях этнолингвистического изучения фольклора и других неязыковых феноменов народной культуры: «... один ли смысл у культуры и языка? Что язык — структурная знаковая система, это несомненно, но что культура тоже знаковая система, весьма сомнительно, как сомнительно применение к явлениям культуры семиотических методов. Параллельное изучение языка и культуры в высшей степени желательно, но единственность их рассмотрения сомнительна» [Аникин 1998, 226]. Думается, что автор слишком категорично лишает культуру знаковости и отказывает семиотическим методам в праве на применение по отношению к культурным явлениям, однако понятно его стремление к самоопределению конкретных дисциплин, функционирующих в рамках «этнолингвистики в широком смысле» (в понимании Н.И. Толстого), необходимому для того, чтобы не упустить специфику их предмета и объекта.

Итак, анализ такого параметра ЭИ, как специфика канала трансляции информации, позволяет сделать вывод о том, что различия в референции каналов трансляции ЭИ обуславливают варьирование транслируемой информации, в связи с чем переводимость культурных кодов предстает как относительная величина.

Семиозис, источники и условия трансляции ЭИ. Данный параметр, тесно связанный с предыдущим, предполагает описание семиотического генезиса ЭИ. Следует выделять этнокультурную информацию первичного и вторичного генезиса. Одна возникает при первичном означивании впечатлений от явлений окружающей действительности, другая — при вторичном использовании уже закодированной информации. Иными словами, ЭИ вторичного семиозиса представляет собой прецедентный текст (знак). Различные каналы трансляции ЭИ в разной степени сориентированы на информацию первичного или вторичного семиозиса. К примеру, антропонимия значительно чаще, чем топонимия, использует вторичную по семиозису информацию (ср. хотя бы обычай наречения внука в честь дедушки или практику выбора имен по святым); лирические песни реже задействуют такую информацию, чем, скажем, духовные стихи. Таким образом, для характеристики канала трансляции ЭИ важно указать, какая по семиозису информация преимущественно использует данный канал.

В том случае, когда привлекается ЭИ вторичного семиозиса, один из

каналов выступает в роли источника последней, другой — в роли реципиента, способного, при определенных условиях, принять данную информацию. Следовательно, встает вопрос об источниках и условиях перевода ЭИ. Контакты культурных кодов, являющиеся необходимой предпосылкой для перевода, характеризуются многообразием форм протекания; в некоторых случаях одна и та же информация может быть получена реципиентом из нескольких разных источников; в других случаях реципиент пользуется единственным источником информации. Допустим, некоторые виды ЭИ оказываются представленными как в языковом, так и в фольклорном или обрядовом коде, а внутри этих кодов — в различных их подсистемах (в нарицательной и ономастической лексике, в разных жанрах устного народного творчества, в земледельческой, родильной, свадебной обрядности и т.п.); другие же оказываются репрезентированными только в одной подсистеме какого-либо культурного кода. К примеру, информация о трудолюбии муравья «растиражирована» несколькими каналами трансляции ЭИ⁵; в то же время роль домашнего покровителя приписывается муравью только в приметах⁶.

Сами источники ЭИ различаются по степени доступности и, соответственно, возможностям усвоения информации носителем определенной этнической культуры. Зависимость характера принимаемой информации от степени доступности источника ЭИ просматривается на примере усвоения библейских тем в русской народной культурной традиции: естественно, что больше шансов получить известность имеют те образы и сюжеты, которые представлены на лубочных картинках в райках⁷, чем те, которые могут быть извлечены непосредственно из прецедентного текста или даже из адаптирующих его духовных стихов. Кроме того, в ходе трансляции ЭИ стихийно или сознательно учитываются лакуны в культурной среде-реципиенте (по сравнению с культурным текстом-донором). Соответствующая информация либо опускается, либо происходит элиминирование лакуны путем заполнения или компенса-

⁵ Помимо общеязыковых и фольклорных языковых данных, она дублируется обрядом: например, в Боснии беременная женщина, желающая, чтобы ее будущий ребенок был прилежным, как муравьи, съедает в Юрьев день до восхода солнца немного муравейника, беря его ртом [Гура 1997, 511].

⁶ Ср. русскую примету о том, что появление муравья в доме сулит счастье [Гура 1997, 510].

⁷ Ср. комментарий А.Ф. Некрыловой по поводу отбора религиозных тем для райка: «...выпускаемые в огромном количестве духовные листы практически оставались чуждыми райку. Вовсе игнорировались портреты деятелей церкви, святых и т.п., символические, аллегорические картины. На валик райка попадали чаще всего видовые (изображение монастырей, святых мест, Иерусалима) и сюжетные лубки (потоп, Страшный суд и т.д.)» [Некрылова 1988, 102].

ции [Сорокин, Марковина 1988а]. Так, только в книжной традиции проявляются символические значения лексем *Вавилон* 'средоточие нравственных пороков', *Голгофа* 'место казней, страданий', *Карфаген* 'объект постоянных нападков, осуждения, борьбы', *Помпея* 'катастрофа, место катастрофы' и др. [см. Отин 1980а], поскольку соответствующие понятия оказываются неактуальными (лакунизированными) для носителя традиционной крестьянской культуры.

Все это создает условия трансляции ЭИ. При благоприятных условиях — дублировании информации в разных источниках, их демократичности, доступности для массового сознания, незначительном количестве лакун — блоки транслируемой информации легко усваиваются и занимают важное место в структуре принимающей культурной традиции; в том случае, когда условия трансляции неблагоприятны, возникает опасность неприятия, отторжения транслируемого культурного текста или значительного искажения последнего.

Таким образом, источники и условия трансляции ЭИ оказывают существенное влияние на объем и характер последней.

* * *

Охарактеризовав основные параметры ЭИ (перечень параметров можно было бы увеличить, ср., к примеру, упомянутые выше характеристики *степень экспликации* и *возможность верификации*), отметим, что этнолингвистическое исследование должно учитывать разнообразие вариантов ЭИ и причины, вызвавшие его.

Как репрезентируется этнокультурная информация в языковом материале?

Анализируя отечественную этнолингвистическую и лингвокультурологическую литературу последних 20 лет, можно сделать вывод о том, что постепенно происходит «интериоризация» поисков репрезентантов ЭИ: если раньше внимание исследователей было обращено преимущественно на внешнюю специфику речи, то затем направление поисков стало перемещаться в глубь системной организации языка. Симптоматичны названия этапных для отечественной науки сборников «Национально-культурная специфика речевого поведения» [1977], «Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР» [1982], в программной статье одного из которых [Леонтьев 1977] обсуждается серия задач этнопсихолингвистики, которая, по мнению автора, должна изучать «организацию, функции и способ опосредования про-

цессов общения, характерных для данной культурно-национальной общности»⁸ [Леонтьев 1977, 8]. В соответствии с этими задачами в большинстве этнопсихолингвистических работ тех лет изучались особенности речевого этикета, паралингвистические средства общения, способы организации диалога и т.п. Углубление данной проблематики привело к активизации исследований в области семантики, при этом обнаружилось следующие наиболее популярные группы носителей национально-культурной специфики: *вербальные ассоциации* [Залевская 1988; Пацева 1991; Петренко, Сурмандзе 1994; Уфимцева 1995аб, 1996аб]; *символы и сравнения* (в первую очередь, зоо- и антропоморфные) [Гутман, Литвин, Черемисина 1977; Гюлюмянц 1971; Кацитадзе 1985; Литвин 1981; Рыжкина 1980; Харченко 1989, 78–91; Шмелева 1988]; *идиоматика* [Добровольский 1996; Ермаков 1992; Подюков 1991; Солодуб 1993; Телия 1996, 214–269; Черданцева 1996]; *безэквивалентная и фоновая лексика* [Верецагин, Костомаров 1976; 1980; Волков 1995; Дульник 1994; Мамонтов 1985].

Важным шагом на пути развития этнолингвистических и лингвокультурологических исследований стала разработка понятия *культурной коннотации* (используются также термины *культурный коннотативный компонент*, *культурный компонент семантики*, *национальный элемент семантики*, *культурно-национальная коннотация*, *этноконнотация* и др.) [см.: Апресян 1995, 156–177; Бельчиков 1988; Быкова 1996; Гудавичюс 1993; Комлев 1966; Скороспелкина 1995; Смирнова А.А. 1995; Телия 1993; 1996, 214–237; Толстой, Толстая 1993; Чанышева 1990; Черепанова 1998 и мн.др.; ср. также литературу в обзоре А.М. Кузнецова: Кузнецов 1987]. Оперирование понятием культурной коннотации позволило значительно расширить поле анализа семантики в культуроведческом аспекте, поскольку национальная специфика обнаружилась у «обычных» слов. Выявление культурных коннотаций стало одной из задач такого интенсивно развивающегося в настоящее время направления когнитивной лингвистики, как концептуальный анализ [см. серию сборников «Логический анализ языка», а также: Арутюнова 1994; Бабаева 1996; Бабушкин 1996; Блинова, Купина 1993; Булыгина, Шмелев 1997; Вежбицка 1993; 1996; Ковшова 1994; Колесов 1992; 1995; Концепт движения в языке и культуре 1996; Кубрякова 1992; Лихачев 1993; Лукин 1996; Невская 1997; Степанов 1997; Фрумкина 1992аб; Худяков

⁸ Эта формулировка коррелирует с задачами так называемой «этнографии речи» [Хаймс 1975; Демьянков 1995, 292–295].

1996; Чернейко 1998; Чернейко, Долинский 1996; Шмелев 1995; 1996 и мн. др.; ср. также обзор литературы в работе Э.А. Харитончик: Харитончик 1992]; показательна в этом плане трактовка концепта как «основной ячейки культуры в ментальном мире человека», «того, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов 1997, 41–42]. Вследствие расширения сферы анализа семантики возникло представление о том, что «этнически маркированы не отдельные слова, не коннотации неспецифических лексем, а вся лексическая система языка в целом» [Петренко 1996, 15].

Значительно меньше уделялось внимания этнолингвистическому аспекту ономазиологических исследований — несмотря на то, что этнокультурные возможности внутренней формы языковых единиц были отмечены еще А.А. Потебней. Изучение внутренней формы в этом аспекте было заторможено тезисом о произвольности (случайности) выбора признака предмета в качестве мотивировочного в ходе процесса номинации [ср., например, Серебрянников 1977]. Если семантическая мотивированность (в т.ч. образные основания идиом) в какой-то мере привлекала внимание исследователей, заявляющих о лингвокультурологической направленности своих работ, то другие типы мотивации практически не рассматривались. Проанализировав, к примеру, проблематику докладов и сообщений четырех представительных конференций по «антропологической лингвистике» последних лет, в трех из которых участвовало около 100 человек [Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики 1995; Этническое и языковое самосознание 1995; Язык и культура 1996; Язык и национальное сознание 1998], можно выявить лишь 4 работы, в которых проблемы национально-культурной специфики языковых единиц решаются в ономазиологическом ключе [Богданова 1995; Журавлев 1995а; Керт 1995; Копыленко 1995а]; при этом характерно, что две из них (исследования А.Ф. Журавлева и Г.М. Керта) выполнены на ономастическом материале.

Непопулярность работы с внутренними формами в какой-то степени обусловлена сложившейся на сегодняшний день расстановкой сил в лингвистической науке: «концептуалисты» (в первую очередь, исследователи школ Н.Д. Арутюновой и Ю.Д. Апресяна) предпочитают анализировать лексику литературного языка «на глубине» осознаваемых носителями современного языка деривационных связей. В то же время целый ряд концептов в значительной мере реализуется в диалектных и жаргонных лексических единицах. Диалектологи же довольно редко прибегают к концептуальному анализу — этот жанр лингвистического исследования в целом не освоен диалектологией. Зна-

чительных успехов в области этнокультурной интерпретации первичной мотивации слова достигли отечественные этимологи (О.П. Трубачев, Вяч.Вс. Иванов, В.Н. Топоров, Ж.Ж. Варбот, Л.В. Куркина, В.А. Меркулова, И.П. Петлева, Т.В. Горячева), ср.: «сравнительно-историческое языкознание, этимология, построенная на них реконструкция в общем давно работают с концепцией антропоцентричности древней (в частности) славянской культуры и языковой картины мира» [Трубачев 1998, 20]. К сожалению, достижения этимологов нередко остаются в тени для представителей «дескриптивной» лингвистики.

Ономастикон (и, конечно же, топонимикон в том числе) дает прекрасную возможность решения этнолингвистических задач путем сопряжения ономаσιологического и семасиологического аспектов исследования.

2. Репрезентация этнокультурной информации в топонимическом материале

Перейдем к рассмотрению особенностей репрезентации этнокультурной информации в топонимическом материале.

Сложность извлечения ЭИ состоит в неотработанности процедуры перехода от собственно языкового уровня к мировоззренческому. Такой переход для лингвиста представляет собой почти в буквальном смысле выход в открытый космос, поскольку заранее неизвестны ни инвентарь и структура единиц «космического» мировоззренческого уровня, ни способы их сцепления с языковыми единицами. Эта неизвестность создает необычайно широкое для лингвистического исследования интерпретационное поле. Требуемая в данном случае концептуальная интерпретация предполагает преодоление расстояния от характеристики объекта действительности, запечатлеваемой языковыми единицами, до характеристики установок, интенций субъекта — носителя языка, обусловивших именно такое восприятие объекта. Для сокращения этого расстояния следует сначала максимально более полно представить объем информации о данном объекте и ему подобных, которую дает язык, а в применении к топонимическому материалу — топонимикон. Таким образом, речь идет о том, чтобы **охарактеризовать семантическое наполнение имени**. Опишем кратко эту процедуру, имея в виду собственно методическую значимость такого описания.

Топоним отражает знание о фрагменте географического пространства. Это знание опредмечивается во внутренней форме названия, следовательно, для его экспликации необходимо выявить **исходный апеллятив**. Если поиск

исходного апеллятива осуществляется при отсутствии каких бы то ни было сведений об объекте и топониме, то используемый для этого ономазиологический и этимологический анализ теряет семантическую поддержку и в значительной степени утрачивает результативность, поскольку исследователь оказывается лишенным ключа, позволяющего выбрать:

— из нескольких омонимичных (гомогенных или гетерогенных) форм ту, которая легла в основу данного названия (с каким апеллятивом связан, например, топоним *Попадья*: с тем, который выступает в литературном значении или с диалектным географическим термином⁹);

— из ряда значений многозначного слова то, которое реализуется в данном случае (каков смысл названия *Летнее*: объект используется летом? находится на *лете* = на юге?);

— из пучка возможных мотивировок ту, которая мотивирует данное имя (почему топообъект назван *Вавилоном*: это «место разврата»? место, где живут носители разных языков?).

Следовательно, необходимы дополнительные сведения о смысловом наполнении имени, перечень которых выгядит следующим образом.

Во-первых, необходимо принимать во внимание **закономерности объектной соотносительности названий**. Минимум сведений, который практически всегда есть у исследователя, — это знание о типе географического объекта. Оно позволяет, к примеру, соотнести те *летние* топонимы, которые являются названиями дорог, с мотивирующим смыслом 'сезонность использования объекта', а *летние* реки — со смыслом 'текущий с юга' (подробнее см. гл. II настоящей работы). Топонимические *попады*, которые являются обозначениями оврагов, логов и болот (например, овраг, лог *Попадья* [Вель, В-Т]), следует соотносить с географическим термином (см. выше)¹⁰, а не с *попадья* в литературном значении. Помимо знания о типе объекта, немаловажными могут оказаться и другие сведения: к примеру, локализация топонимических *вавилонов* в непосредственной близости от церквей заставляет думать о том, что такие топонимы символически манифестируют связь с церковью (см. гл. III настоящей работы).

Во-вторых, следует учитывать **семантические связи внутри парадигмы названий одного объекта**, т.е. семантику параллельных названий объекта.

⁹ Ср.: *попадья* 'разветвленный глубокий овраг с отвесными стенами' [Ященко 1974, 56].

¹⁰ Этот термин образован от глагола *попадать* (в плане словообразования и семантики ср. также другие дериваты глагола *попадать*: *попадэйка* 'выступ над тонкой русской печи', *попадина* 'ровное низкое место среди возвышенности' [СРНГ, 29, 295]).

Например, наличие у гидронима *Золотая Речка* параллельного названия *Дарица* [Вил] позволяет предположить для золотого топонима мотивировку 'хозяйственная ценность объекта'.

В-третьих, важную роль при семантической интерпретации названий могут сыграть **связи в пределах семантической микросистемы топонимов** (под семантической микросистемой в топонимии понимается комплекс топонимов, в котором при пространственной соотнесенности объектов наблюдается семантическая связь элементов комплекса). Семантическая микросистема создает контекст для входящих в него элементов, внутри которого действует закон семантического согласования, поэтому анализ конкретного контекста позволяет восстановить реализующееся в данном случае значение онома, анализ круга контекстов — парадигму значений. При этом используются методы системной семантической реконструкции и дистрибутивного анализа. Метод системной семантической реконструкции предполагает восстановление или уточнение значения неизвестного элемента семантического поля с опорой на семантику известного элемента. Так, исходя из пар названий покосов *Двека* — *Целка* [Плес], *Двойница* — *Цельница* [Ирб] можно восстановить для неясного топонима *Двека* мотивирующий смысл 'раздвоенный' (ср. *двечить* 'двоить' [Даль, I, 418]) — в противоположность «целому» участку.

Разновидностью метода системной семантической реконструкции можно считать метод дистрибутивного анализа, суть которого состоит в моделировании смыслового наполнения тополексема путем выявления наиболее полного набора ее контекстных «партнеров». Ср. оппозиции, в которых функционирует тополексема *прямой*: 1) *прямой* — *поперечный*; 2) *прямой* — *левый* — *правый*; 3) *прямо* — *против*; 4) *прямой* — *кривой*; 5) *прямой* — *косой*; 6) *прямой* — *слепой*. В случаях 1–3 объекты сопоставляются по расположению в пространстве. В основе оппозиций лежат следующие номинативные признаки: 'расположенный вдоль — поперек', 'расположенный в центре — справа — слева', 'расположенный перед — напротив'. В основу оппозиций 4–6 может быть положен признак формы: прямые объекты противопоставляются *кривым*, *косым*, *слепым* — т.е. искривленным, извилистым.

В-четвертых, следует учитывать **показания языкового сознания** носителей топонимической системы, проявляемые в актах мотивационной рефлексии по поводу географических названий. О важности этого источника информации о семантике топонима см. в [Апанасенко, Рут 1993]. При работе с мотивационными контекстами возникает проблема верификации информации, представленной в показаниях языкового сознания. Естественно, что объяснения топо-

нимов информантами нередко бывают народноэтимологическими и игровыми, (ср.: руч. *Косой* — «был Федя косой, он косил косой, вот и прозвали ручей *Косой*» [Уст, Сабуровская]), однако это не означает, что в каждом конкретном случае следует ставить неосуществимую по сути задачу выбора из нескольких мотивировок единственно верной. Топонимическая семантика имеет принципиально вероятностный характер; множественность мотивировок для одного топонима может отражать как реальную многозначность топонимической лексики, так и синкретичность исходной ситуации наименования (ср.: пок. *Воротиха* — «Воротихой пожно назвали: там по логу вода в реку возвращалась»; «Воротиха первая у леса, от ее домой из лесу шли» [Вил, Нылога]). Даже в том случае, когда мотивировки явно вторичны по отношению к данному конкретному названию, они представляют интерес для исследователя, фиксируя модель деривационно-мотивационных связей, актуальную для языкового сознания. Потенциалы восприятия и создания имени обратимы: то, что отражается в актах рефлексии по поводу названия, может быть реализовано в номинациях. Определенное доверие к этому источнику информации может опираться и на ярко выраженный консерватизм топонимических моделей, следствием которого является их воспроизводимость на протяжении длительного времени (ср. суждение М.Э. Рут о статичности системы образной номинации в традиционной ономастике и об отсутствии в ней новых номинативных тенденций [Рут 1992, 98]); нынешние поколения носителей топонимической системы в целом легко осваивают ее номинативные закономерности, обращая их в мотивировки топонимов (хотя этот процесс иногда тормозится отсутствием объектного полигона для имятворческой деятельности). Итак, данный источник информации о семантике топонима обладает несомненной ценностью, однако он может быть использован как вероятностный, а соответствующая информация должна верифицироваться с помощью данных других источников.

В-пятых, необходимо принимать во внимание **ареал распространения той или иной модели**. Так, на территории Русского Севера есть зоны, где северное и южное направление обозначается оппозицией *ночь* — *полдень*, коррелирующей с оппозицией *зима* — *лето*, распространенной на других территориях. Естественно ожидать, что *зимние* и *летние* топонимы, функционирующие в сфере действия последней модели, выражают пространственные смыслы.

Таким образом, анализ семантики топонимов следует осуществлять как многофакторный, учитывающий различные обстоятельства происхождения и функционирования названия. Однако собственно выяснение семантики топо-

нима еще не имеет этнолингвистической направленности, хотя подготавливает почву для соответствующих выводов. Этнолингвистическое изучение топонимии нацелено на выявление закономерностей мировосприятия, которое имеет системный характер, поэтому этнолингвистический анализ должен базироваться на рассмотрении не только отдельных топонимов, но и различных топонимических групп. Как могут быть сформированы эти группы?

Первый уровень обобщения конкретного топонимического материала позволяет сформировать **семантические модели**. Под семантической моделью понимается устойчивый смысловой инвариант, вариативно реализующийся в ряде конкретных названий. Вариативность модели проявляется по-разному: на словообразовательном уровне (руч. *Ржавец* = *Ржавка* = *Ржавый*), на уровне семантической дублетности (руч. *Ржавый* = *Рудный*, руч. *Холодный* = *Студёный*), на уровне варьирования образной фактуры названий (ур. *Камчатка* = *Сибирь*) и т.п.

Семантически близкие модели могут быть объединены в **семантические поля**. Семантическим полем следует считать диапазон моделей, выражающих сходные характеристики объекта. Накладываясь друг на друга, семантические поля создают **семантическое пространство** топонимии. Элементы, составляющие поля, могут быть объединены разными по силе связями, интенсивность которых убывает от ядра к периферии.

Семантические поля членят семантическое пространство топонимии в разных направлениях: в одном направлении — допустим, по вертикали — работают самые крупные поля, составляющие названия объектов одного вида (полей, перекаатов, скал, омутов, населенных пунктов и т.п.), в другом — по горизонтали — поля, выделяющие общие для разных видов объектов признаки: 'форма', 'хозяйственная ценность объекта', 'цвет' и др. Внутри поля выделяются модели, различающиеся по **способам характеристики объекта**. К примеру, в рамках семантического макрополя 'ориентация в пространстве' выделяются модели, имеющие как пространственный, так и непространственный генезис. Идея близости объекта к дому может быть выражена как с помощью собственно пространственных показателей (топонимы, образованные от апеллятивов *ближний*, *дальний* и т.п.), так и посредством моделей, не являющихся по своей исходной семантике пространственными, но получивших соответствующее смысловое наполнение при топонимическом употреблении (топонимы, образованные от апеллятивов *баба*, *кошка* и др.) (подробнее см. гл. II настоящей работы).

Таким образом, важной задачей семасиологического изучения топонимии следует считать выявление семантических полей, в рамках которых функционирует топонимическая лексика. По сути, речь идет об идеографическом описании топонимии. Идеографическая работа с материалом освоена пока топономастикой явно недостаточно, в то время как идеография нарицательной лексики вошла в арсенал отечественной лингвистической науки (хотя нерешенных проблем в этой области еще очень много). Не случайно идеография (семантическая типология) даже не упомянута в главе «Методы и приемы исследования ономастического материала» монографии «Теория и методика ономастических исследований» [Теория и методика... 1986, 198—214]. Здесь следует оговориться: идеография не может быть приравнена к тематическим классификациям, которые весьма распространены в трудах по ономастике (описание классификаций такого рода см. в работах: [Черняховская 1970; Топоров 1963; Рудных 1972]). Можно выделить определенные различия между этими двумя исследовательскими жанрами. Во-первых, семантическая типология предполагает иерархичность понятийной сетки, на которую накладывается ономастический континуум, — в то время как рубрики тематической классификации обычно находятся на одной понятийной «горизонтали»; иерархичность призвана обеспечить лучшую сопоставимость семантических типологий различных ономастикон. Во-вторых, при осуществлении тематических классификаций работа ведется с апеллятивами, лежащими в основе названия, а при создании семантической типологии берется курс на учет (по мере возможности) ономастического значения имени. К примеру, топонимы, образованные от апеллятива *курица* (типа *Куричий Ручей*, *Куриный Брод*), могут быть помещены в классификационную рубрику «Фауна» (наряду с *медвежьими*, *лисьими* и т.п. названиями), однако учет специфики топонимической семантики позволяет интерпретировать *куриные* названия в связи с признаками 'близкий к деревне', 'мелкий'.

Многофакторный анализ топонимической семантики позволит осуществить возможно более объективное распределение топонимов по семантическим полям, однако, повторимся, он не сможет в корне изменить вероятностного характера топонимической семантики. Это значит, что названия, образованные от многозначных тополексем, должны быть учтены в составе разных семантических полей, — несмотря на то, что каждый из таких топонимов при своем возникновении реализовывал один определенный мотив. Тем самым в семантические поля могут попадать топонимы, которые в каком-то смысле

являются «фантомами» (по отношению к реальной истории конкретного географического названия). Выводы о количественной представленности той или иной семантической группировки могут быть только приблизительными, иметь статус обнаружения тенденции.

Итак, выявление семантики отдельных топонимов и описание семантических полей составляет необходимую подготовительную базу для выводов этнолингвистического характера. Какая трактовка топонимического материала поможет представить его как репрезентанта этнокультурной информации? Семасиологический анализ топонимии имеет своей целью показать, как отражена действительность в географических названиях. Этнолингвистический анализ выявляет, как представлена действительность, отраженная в географических названиях, в сознании субъекта—носителя определенной этнической культуры. Этнолингвистически значимыми, как уже говорилось, становятся факты, позволяющие обнаружить позицию субъекта, его предпочтения, установки, особенности структурирования потока впечатлений от окружающей действительности и т.п. Этнокультурную информацию может нести любой отдельно взятый языковой феномен, однако эта информация — возможно, больше, чем какая-либо другая, — тяготеет к системности представления, выводящей на целостное осмысление какого-либо фрагмента действительности и демонстрирующей взаимообусловленность элементов картины мира. При создании картины мира, имеющей, в широком смысле, аксиологическую природу, работает релятивный принцип, вследствие чего концептуальная информация формируется в процессе соотнесения, сопоставления разных явлений окружающей действительности. Системный анализ этнокультурной информации и значительный объем привлекаемого материала особенно важны при работе с таким каналом трансляции ЭИ, каким является топонимия, поскольку только так может быть компенсирована дискретность топонимикона, представляющего собой, по сути, сумму «рассыпанных» номинаций, и осуществлен выход на концептуальные принципы его организации. Таким образом, необходим поиск таких объектов, сфер и методов анализа, которые бы дали возможность системной репрезентации этнокультурной информации. Попытаемся описать эти объекты, предполагая, что это описание имеет методическую значимость.

1. Как уже говорилось (и не только в рамках данного исследования), при номинировании объектов окружающей действительности человек маркирует с помощью имени не все наблюдаемые (или воображаемые) феномены, а

только те, которые по той или иной причине стали для него приоритетными. Язык — и топонимическая номинация в том числе — фиксирует своеобразную «сетку предпочтений», причем варианты этих предпочтений в разных моделях мира не совпадают: ср. не раз отмечавшиеся исследователями отличия народных представлений о растениях, животных и т.п. от научных (к примеру, своеобразие народной классификации животных описано в [Гура 1997, 21]). Набор предпочтений может дать само «меню» семантических полей, а также наполненность каждого из них, т.е. собственно идеографическая сетка топонимикона. Важность идеографического описания материала осознается исследователями, занимающимися этнолингвистической и лингвокультурологической проблематикой. Ср. суждение В.Н. Телии о необходимости осуществления идеографической параметризации концепта как важнейшем этапе лингвокультурологического анализа [Телия 1996, 261]; идеографический подход к изучению культурной коннотации, по мнению автора, предопределен тем, что «языковая картина мира выстраивается не хаотично, а в соответствии со свойствами самих обозначаемых» [Телия 1996, 260]. О значимости идеографического подхода к материалу в ходе этнолингвистического исследования говорит А.С. Герд, предлагающий описывать лексику диалекта с помощью классификационных сетей: «сетевое представление данных позволяет глубже проникнуть в логику самого знания. Логико-понятийная система строится как модель знаний о мире в том или ином ареале для определенного исторического периода. Если мы знаем тип этноса, такая модель представляет собой логико-понятийную схему знаний о мире данного народа» [Герд 1995, 65].

Идеографическую параметризацию топонимического материала удобнее всего осуществлять для названий объектов одного типа. Сравнивая получившиеся при этом идеографические сетки, можно получить данные об оформленности и «самостоятельности» того или иного класса топонимов, которые, в свою очередь, свидетельствуют о традициях восприятия соответствующего типа объектов. Например, идеографическая сетка для названий лесов центральной части Вологодской области (Вологодский, Сокольский, Грязовецкий, Междуреченский районы) в общих чертах совпадает с идеографической сеткой для названий покосов (и в том, и в другом случае лидируют посессивные названия, за которыми следуют наименования, характеризующие объекты по расположению, размеру и т.п.). Факт такого совпадения свидетельствует о том, что лес не «нарисован» в топонимической картине ландшафта этой территории как отдельный специфический объект: он интересуется номинатора в первую очередь с точки зрения возможностей сенокосения, т.е. воспринима-

ется не как «пространство, заросшее деревьями», а как сельскохозяйственное угодье (во многом это объясняется преимущественно земледельческими, а не охотничьими занятиями населения).

Таким образом, выявление семантического своеобразия названий разных типов объектов позволяет представить, как осуществляется самая общая категоризация пространства: какие ландшафтные реалии маркируются в структуре ментального образа пространства, а какие не дифференцируются; где проходят границы между разными классами объектов; какие объекты являются приоритетными на той или иной территории; каковы магистральные закономерности формирования ментального образа географической реалии. К сожалению, названия далеко не всех типов объектов сколь бы то ни было полно описаны с точки зрения их семантического своеобразия: в наибольшей степени «повезло» населенным пунктам и рекам, следом за ними идут горы и озера, а вот имена таких объектов, как дороги, рыболовные тони, скалы, омуты, пороги, кладбища и др., практически не попадали в поле внимания топонимистов. Подробное изучение семантического своеобразия наименований этих объектов могло бы стать задачей отдельного исследования. В рамках настоящей работы есть смысл только наметить возможности анализа такого материала.

К примеру, даже поверхностное знакомство с названиями порогов и перекатов рек Русского Севера позволяет говорить о том, что данный класс географических реалий весьма отчетливо дифференцируется в картине ландшафта. Названия порогов, которые находятся на реках, имеющих давнюю историю хозяйственного освоения, обладают высоким «коэффициентом независимости». Это означает, что максимальное количество таких наименований имеет статус «исконных» для данного типа объектов, не перенесенных метонимически с названий деревень, покосов и т.п. (в бассейнах рр. Юла, Онега, Пижма и некоторых других «исконные» имена порогов составляют около 90% от общего числа обозначений этих объектов). Однако на некоторых территориях ситуация иная: пороги «подверстываются» к покосам, населенным пунктам и т.п. — их названия оказываются вторичными по отношению к именам других объектов; ср. наименования порогов на р. Вель: *На Овинном, На Лосине, Под Деревней, Климовский* (< б.д. *Климово*), *Анциферовский* (< д. *Анциферово*) и др. [Кон]. Это обстоятельство, очевидно, можно объяснить в связи с меньшей значимостью судоходства, лесосплава и рыбной ловли для таких рек.

Своеобразие наименований порогов в первую очередь заключается в яркой выраженности в их семангическом пространстве поля 'опасность': топонимы могут давать общее представление об опасных свойствах объекта (порог *Страшной* [Бел], порог *Злые* [В-Г], порог *Касливый*¹¹ [Пин], порог *Капкан* — «опасное место» [Ваш, Подгорная], порог *Ловушка* [Ваш]), указывать на конкретный источник опасности (пороги *Рубиха* и *Теруха* — «Рубиха рубит, а Теруха трет» [Мез, Дорогорское], прк. *Обашкорило*¹² — «немного зазеваешься — тебя и перевернет» [Вин, Верхняя Ваенга], порог *Росшибиха* [Пин], прк. *Урвань* [Пин], прк. *Перетерье* [Чаг], прк. *Притужальник* [Пин]), а также на ее роковые последствия (порог *Мёртвая Голова* — «народу тонуло много» [Карг, Шелохово], порог *Могильник* — «нехороший порог, если брести, так сплхнет водой» [К-Б, Великодворская]); опасность объекта подчеркивается и активным использованием названий, отражающих представления о нечистой (святой) силе (*Чертов Падун*, *Сатана*, *Шайтан*, *Святой Нос* и т.п. — подробнее см. гл. III настоящей работы). Свойства этих объектов описываются уважительно и даже с некоторой долей восхищения перед их величием: прк. *Огненник* — «крепко, как на огне рвет, он косой, неповоротистой, ехать нехороший» [Вин, Верхняя Ваенга], прк. *Могучевка* [Он], пороги *Бравый Порог* [Пин], *Железные Ворота* [Ваш, Леш, Он, Ышш], *Молодец* [Леш], *Почтенный* [Холм] и др. Последние два названия, а также некоторые другие можно считать эвфемистически-«задабривающими» — подробнее см. гл. III настоящей работы; наименования порогов — наиболее богатый эвфемизмами разряд топонимов. Кроме того, специфичным для номинации этого типа объектов является динамическое восприятие их качеств: здесь представлена и «физическая» динамика (звук, движение), и образно преломленная по отношению к географическому объекту динамика черт характера человека (пороги *Утка* и *Утята* — «сейчас Утки играют — волна такая, они как играют» [Он, Порог], прк. *Бура Коза* — «еретива очень» [Холм, Пукшеньга], прк. *Козел* [Пин], прк. *Соловей* и *Подсоловок* [Пин], пороги *Воронко* и *Рыжко* — «волнами ходит, черный, вот и Воронко, а Рыжко быстрый», «Воронко и Рыжко бурлящие пороги, быстрые, как кони» [Леш, Шегмас], порог *Горносталь* (*Горноста́й*) [Он, Пин], прк. *Заяц-Плясун* [Вин], прк. *Ревун* [Леш], порог *Крикун* [В-Г], порог *Наян*¹³ [В-Г], порог *Задира* [М-Реч] и др.). Пороги воспринимаются

¹¹ Ср.: *касливый* 'приносящий вред, зло' [ЛК ТЭ].

¹² Ср.: *обашкорить* 'опрокинуть, перевернуть' [ЛК ТЭ].

¹³ Ср.: *наян* 'наглый человек' [ЛК ТЭ].

как наиболее «живые» географические реалии, чему содействует сочетание точечного характера объекта и максимальной степени динамизма его свойств (реки, допустим, не обладают первым качеством, а горы и озера — вторым).

Таким образом, выделенные особенности (хотя отмечены, конечно, не все семантические поля, связанные с названиями порогов) свидетельствуют об особом месте образа порогов и перекатов в структуре пространственного фрагмента картины мира: «живость», динамизм в комбинации с величием и вредоносностью способствуют известной сакрализации представлений о порогах, создавая неповторимое своеобразие номинации этих объектов; номинативная «исконность» названий порогов и перекатов свидетельствует о традициях хозяйственного освоения рек.

При работе с таким репрезентантом этнокультурной информации, как идеографическая сетка топонимов, необходимо учитывать следующее обстоятельство: выделение некоторых рубрик сетки (номинативных типов) может быть весьма проблематичным по причине их недостаточной номинативной оформленности. Рассмотрим, к примеру, такой вопрос: свойственно ли русской топонимии изображение географического пространства в связи с разворачивающимися в его рамках ситуациями, событиями? Иными словами, представлены ли в русской топонимии ситуативные названия, можно ли выделить соответствующий номинативный тип (наряду с номинацией по свойствам самого объекта, отношениям объекта с другими и т.п.)?

Ситуативные наименования (отражающие связанную с объектом ситуацию, событие) встречаются в топонимии многих народов — например, в финно-угорской, кавказской, тюркской, ср. факты, отмеченные в литературе: мыс *Салинг-хум-кат-пелум-нёл* «мыс, на котором оленевод проколол руку», г. *Нянька-хйтум-сяхл* «гора, где нянька бежала», кам. *Устин-ойка-сяй-айюм-ахьтас* «камень, на котором старик Устин пил чай» (манс.) [Витушкина 1971, 109]; *Акантугантал* «тальник, где родился Акан», *Малахайжогалткан* «где тибетейку потеряли» (казах.) [Султаньяев 1971, 71]; ур. *Молдаульген* «где умер мулла», ур. *Байбеккашкан* «откуда бежал Байбек», прк. *Бабайульген* «где погиб Бабай» (казах.) [Жерімбаев 1984, 185]; *Хараринжюг* «впадина, подвергшаяся градобитию» (лезг.) [Ханмагомедов 1990, 16]; оз. *Атыр-Олбют* «жеребец пропал» (якут.) [Гриценко 1976, 210] и др. Распространенность ситуативных наименований в топонимии данных народов вполне закономерна, ср.: «названия, указывающие на какое-либо событие, связаны в большей степени с кочевым бытом в широком смысле этого слова, чем с земледельческим. С другой стороны, эти названия намного шире пред-

ставлены в тех топонимических системах, для которых характерны глагольные (причастные) конструкции» [Матвеев 1987б, 7]. Что касается русской топонимии, то для нее причастные конструкции нетипичны, а собственно глагольные конструкции формально являются «императивами», ср.: бол. *Шатай* [К-Б], ур. *Запрягай* [Пин], луг *Боли Серцо* [В-Г], лес *Трясиногово* [Чухл], пок. *Сукомнеушибьте* [Шенк], ур. *Неударьголову* [В-Уст], руч. *Дериногоа* [Влгд], поле *Разломинога* [Плес], пок. *Терпигоре* [Хар], бол. *Разувай* — «сапоги там оставишь» [Баб, Подольское], лог *Мочинога* [К-Г, Тот], ур. *Сядьпокури* [Он], часть д. *Недаймаху* [Плес], мыс *Здравствуй* [Карг], порог *Растягай* [Холм], ур. *Забегай* [Ирб], пок. *Потоскуй* [К-Б], луг *Растоскуй* [Шенк] (ср. также примеры, приведенные в работе [Витушкина 1969]) и т.п. Однако, несмотря на свою «глагольность», конструкции такого рода не являются в полном смысле этого слова событийными, поскольку дают качественную характеристику географического объекта (хотя и субъективированную, отражающую точку зрения эксплуатирующего объект человека): допустим, название *Разломинога* не отражает ситуацию реального перелома ноги, случившегося в этом месте, но обозначает неровное (кочковатое, ухабистое) труднопроходимое урочище; топоним *Голодай* называет поле, дающее плохой урожай, или озеро, бедное рыбой (ср. также приведенные выше топонимы *Дериногоа*, *Разувай*, *Сукомнеушибьте* и т.п.).

На вопрос о том, есть ли в русской топонимии собственно ситуативные названия, трудно ответить однозначно. Сначала надо уточнить, что есть **ситуация**. Само по себе понятие ситуации чрезвычайно широко; едва ли не каждый топоним можно раскрыть в связи с ситуацией. К примеру, даже для названия *Манькина Пожня* вполне вероятно ситуативная развёртка — «здесь косит Манька». Однако эта ситуативность не «дошла» до внутренней формы названия, вследствие чего при восприятии топонима ситуация может быть «вывернута» различными способами: «здесь заблудилась Манька», «здесь повесилась Манька», «здесь родила Манька» и т.п. (ср. реальные топонимы с подобными мотивировками: пок. *Марьина Пожня* — «Марья там повесилась» [Баб, Старая], о-в *Марьево* — «монахиня Марья была там убита» [Бел, Лесуково], лог *Орихин* — «Ориха родила в этом логу» [В-Уст, Кузино], руч. *Матрёшка* — «Матрёна какая-то там потерялась» [К-Г, Лукина Гора] и т.п.). Конституирующий компонент ситуации (по крайней мере, той, которая может быть отражена в топониме) — действие; кроме него, минимальную структуру ситуации образуют объект и субъект. При задействовании таких компонентов, как действие и объект, мы, как правило, имеем дело с

типовой, стандартной ситуацией, протекание которой связано с географической реальией. В том случае, когда представлено указание на действие и осуществляющего его субъекта, следует говорить об уникальной ситуации — о событии. Если же упоминается только действие или его объект, то трактовка таких случаев может быть двойкой — либо в связи с типовой ситуацией, либо в связи с единичным событием. Таким образом, «претендующие» на событийность топонимы можно условно разделить на два разряда: 1) **топонимы, отражающие типовую ситуацию, связанную с объектом**; 2) **топонимы, отражающие единичный случай, событие, происшествие**.

Названия, входящие в первый разряд, относительно немногочисленны, однако вполне определенно представлены в русской топонимии. Они, как правило, характеризуют своеобразие использования человеком географической реалии, особенности взаимодействия человека и элемента ландшафта. В этот ряд можно включить названия типа г. *Кряхтунья* — «тяжело взобраться» [Яр, Некрасовское], ур. *Дровосек* [Ваш, Вель, Врж, Карг и др.], руч. *Водочерпный* [Вил], пок. *Листолом* — «на веники березу ломали» [Уст, Кузоверская], холм *Шалый Холм* — «у его Петровщины праздновали» [Мез, Дорогорское], бол. *Объездной Мох* [С-Дв, Устюж], г. *Смотрилка* [Плес], пок. *Целовальница* [Карг] и т.п. Наиболее убедительны в этой группе названия со структурой *действие — объект (Портомой)*; некоторые топонимы, характеризующие только действие, могут быть включены как в эту группу, так и в «событийную» (ср.: поле *Заблудни* — «девка какая-то заблудилась» [Пин, Церкова], но бол. *Заблудное* — «люди пойдут, заблудятся» [Устюж, Грязная Дуброва]). То же можно сказать и о топонимах, в которых отражен лишь объект действия¹⁴, например: руч. *Плятьюной* — «все платья стирали, потому и Плятьюной» [Карг, Село], пок. *Соломатница* —

¹⁴ Вообще, названия, в которых представлен лишь объект действия, наиболее сомнительны по своему статусу среди других ситуативных топонимов. Если, опять-таки, расширять рамки анализируемого материала, то можно предположить, что объект действия представлен и в названиях оз. *Щучье* или бол. *Глухариное*: на одном ловят щук, на другом стреляют глухарей. Доводя эту идею до абсурда, можно увидеть данное отношение и в топонимах *Березовка* (там вырубаются березы) или *Песчанка* (оттуда берется песок). Однако между названиями типа *Плятьюной* и *Соломатница*, с одной стороны, и *Щучье*, *Глухариное*, с другой, есть определенная разница: для первых, в отличие от вторых, ситуативная мотивировка является единственно возможной (если не считать образных мотивировок — правда, маловероятных в данном случае); кроме того, первые могут быть «расширены» до типично ситуативных названий или же имеют четкие параллели с таковыми (руч. *Плятьюной* → руч. *Платомой*, пок. *Соломатница* // пок. *Трипанца*).

«там солоमत хлебали» [Тарн, Заборье], дор. *Чайная Дорожка* — «за водой для чая бегали» [Прим, Кушкупара] и др. В целом, повторимся, группа названий, обозначающих типовую ситуацию, достаточно отчетливо представлена в русской топонимии, поскольку опорную для данной группы структуру *действие* — *объект* с ономаσιологической точки зрения можно считать вполне состоявшейся.

Второй разряд — это собственно событийные названия. Наиболее яркие (но вместе с тем крайне периферийные) факты такого типа представлены составными формами: лес *Где у Коваля Медведь Корову Съел* [Шенк], ур. *Где Бык Утонул* [Котл], пок. *Где Трактор Пал* [Ваш], пок. *Тетка Свалилась* [Хар] и т.п. Эти формы, строго говоря, не являются топонимами (хотя и записаны в ходе опроса информантов в условиях полевого сбора), но представляют собой номинативный материал, на базе которого появляются узусальные названия. Ср. наименования, которые можно считать результатом «обкатки», сворачивания составных форм, аналогичных вышеприведенным: лес *Медведериха* — «там медведь задрал лошадь» [В-Уст, Верхняя Шарденъга], оз. *Быково* — «бык утонул» [Шенк, Мальчугинская], ур. *Солохина Бестерюха* — «Солоха заблудилась, оставила бестерюху» [В-Т, Моисеевская], порог *Пудовой* — «пуд рыбы мы там как-то добыли» [Леш, Возгора] и др. Отметим, что событийность, как правило, не отражается во внутренней форме топонима, остается как бы «за кадром» — в мотивировке. При этом «мемориальные» топонимы, запечатлевающие имена людей, с которыми случился несчастный случай (оз. *Илюхино* — «Илюха утонул» [Устюж, Квашнино], ск. *Ерёмино* — «Ерёма упал и убилися» [Леш, Возгора]), в общей топонимической массе «сливаются» с посессивными названиями; мотив номинации нередко оказывается забытым. Наименования типа *Медведериха*, **напрямую сохраняющие событийность** во внутренней форме, являются раритетными и нетипичными для русской топонимии (единственная весьма популярная событийная модель как раз представлена топонимами, образованными от апеллятивов *медведь* и *драть*: г. *Медведериха* [Мантур], руч. *Медведерино* [В-Уст], луг *Медведерина* [3 объекта: К-Б, К-Г, Пыщ], поле *Медведёрка* — «медведь мужика задрал» [Бабуш, Полюдово]), поле *Медведярьень* [Кологр].

Более распространенными следует считать названия, **косвенно отражающие событийность**: пок. *Аннина Награда* — «баба мужикам самогонку поставила — они ей и отмерили побольше» [Гряз, Клепиково], поляна *Коровья Кожа* — «коровы ходили в лес, а там медведь их драл, всё кожа одна и доставалась» [Вель, Федоровская], пок. *Именинница* — «пожня так названа

потому, что здесь отелилась одна и та же корова два года подряд в одно и то же время» [Пин, Кулой], пок. *Кровавый* — «тут косили, и одна прокосила ногу, до дому не довезли, крови много вытекло, умерла» [В-Т, Паленьга], луг *Матюшкина Могила* — «пастух помер на этом лугу» [Ваш, Поповское]. Косвенное отражение событийности заключается в том, что топоним дает только «заголовок», итог события, не подавая его расчлененно (весьма симптоматично в этом плане появление названия пожни *Оказия* с мотивировкой — «спор из-за нее шел, трава была плохая, поделить не могли» [Холм, Подсосанье]: топоним *Оказия* — яркое проявление «заголовочности» событийных названий). Логика характеристики события требует, чтобы были именованы хотя бы деятель и действие, но это идет вразрез с собственно языковым фактором — структурой русских топонимов. Структура косвенно отражающих событийность топонимов нередко приводит к забвению или переосмыслению их внутренней формы, при котором происходит нивелировка событийности в пользу традиционных для русской топонимии номинативных типов (к примеру, название *Матюшкина Могила* может восприниматься как обозначение места, где находится собственно могила); такая нивелировка — следствие «семантического свертывания событийных названий» [Матвеев 1987б, 7], характерного для русской топонимии (при структурном свертывании данный тип значительно лучше осознавался бы языковым сознанием носителей топонимической системы и активнее проявлял бы себя в номинативной деятельности).

Таким образом, событийные названия, несомненно, присутствуют в русской топонимии, но топонимическая система не обладает достаточными техническими возможностями для того, чтобы произошло ономазиологическое «самоопределение» этой номинативной группы, вследствие чего наблюдается дисбаланс между номинацией и мотивацией (отсутствие маркеров событийности во внутренней форме топонима при наличии их в мотивировке).

Подводя итог анализу ситуативных наименований, отметим, что для русской топонимии вполне естественны названия, отражающие типовую ситуацию, связанную с объектом, но в целом нетипичны наименования, обозначающие единичную уникальную ситуацию, т.е. событийные топонимы.

Из вышесказанного следует, что при выделении событийного типа в рамках семантической типологии русских топонимов следует иметь в виду недостаточную ономазиологическую оформленность таких названий. Данный пример демонстрирует необходимость учета факторов языковой техники в ходе этнолингвистического анализа. Не всё в топонимической системе (да и в

языке в целом) прозрачно с точки зрения этнокультурной обусловленности; некоторые явления могут быть объяснены не столько через «человеческий фактор», сколько через технические особенности языка.

Итак, из топонимического материала может быть извлечена информация о том, как осуществляется категоризация географического пространства.носителем этой информации становится сама **идеографическая сетка**, структурирующая семантическое пространство топонимии.

Этнолингвистически значима не только собственно идеографическая сетка, но и **относительная наполненность различных ее разделов**, которая выражается в разной частотности названий, реализующих сходные или тематически близкие идеи. Рассмотрим подробнее эту ситуацию на материале топонимов, образованных от обозначений чисел и, соответственно, связанных с **реализацией концепта количества** (числа, счета).

Анализ частотности употребления тех или иных числовых моделей в топонимии обнаруживает неравномерную представленность в топонимическом континууме равноценных с логической точки зрения числовых показателей, что свидетельствует об избирательности топонимической системы при работе с этим номинативным материалом. Более того, различную номинативную активность способны проявлять даже количественные и порядковые числительные, связанные с одним и тем же числом. Ср. данные, иллюстрирующие представленность в топонимии Русского Севера числительных от 1 до 10:

№ п/п	Порядковое или количественное числительное	Количество топонимов, включающих данный числовой показатель
1	один	0
	первый	250
2	два	16
	второй	360
3	три	34
	третий	200
4	четыре	4
	четвертый	31
5	пять	2
	пятый	15
6	шесть	2
	шестой	4
7	семь	50
	седьмой	2
8	восемь	0

	восьмой	1
9	девять	3
	девятый	18
10	десять	1
	десятый	7

Каковы причины наблюдаемой неравномерности?

Отсутствие топонимов, образованных от числительного *один*, объясняется тем, что различительная сила этой модели минимальна (является практически нулевой). Названия типа *Одиночка* при этом брать во внимание не следует, так как они выражают уже не идею числа, но идею изолированного расположения объекта. В то же время *первые* топонимы весьма популярны: названия, включающие этот апеллятив, функционируют, как правило, в составе соотносительных рядов, коррелируя со *вторыми* и *третьими* топонимами (например: руч. *Первый Березовец* – *Второй Березовец* – *Третий Березовец*, поля *Первое Запесочье* – *Второе Запесочье* и т.п.). При этом *первые* топонимы с ономаσιологической точки зрения, как правило, вторичны: вначале в соотносительном ряду топонимов один член не маркирован, а парный с ним получает определение *второй* (рр. *Каменка* – *Вторая Каменка*); затем немаркированный член «бумерангом» становится *первым*, выравнивая соотносительный ряд (*Первая Каменка* – *Вторая Каменка*); этого может и не произойти, поэтому *первых* топонимов почти на 100 меньше, чем *вторых*. Однако топонимы, включающие в свой состав определение *первый*, могут функционировать не только в рамках соотносительных рядов, но и иметь «абсолютное» значение – ‘крайний’ (ср.: руч. *Первый* – «самый верхний ручей» [Кир, Мережино]; бол. *Первое Болото* – «там всё болота, это первое от нас как идти» [Пин, Ваймуша] и др. (подробнее см. гл. II настоящей работы).

Что касается отражения в топонимической номинации числовых показателей 2, 3 и 4, то они представлены преимущественно порядковыми числительными. Наиболее популярно при этом порядковое числительное *второй*, наименее – *четвертый*. Интересно, что топонимов с количественным показателем *два* вдвое меньше, чем названий с числительным *три*. Приоритет «троичности» связан с тем, что она имеет большие различительные возможности: факт наличия трех однородных объектов воспринимается как ориентационно значимый (в отличие от достаточно «заурядной» ситуации «двоичности»). Кроме того, активность данного количественного числительного в топониминации во многом обусловлена символикой числа 3, многократно отраженной в фольклоре, обряде и других сферах культуры (см. об этом,

например, в [МНМ, II, 630; Праведников 1996; Топоров 1978]. Ср. весьма популярную модель *Три Брата*, представленную в севернорусском топонимическом континууме двенадцатью реализациями (наименования небольших холмов, скал, ручьев).

«Тройственный» объект может приобретать в сознании номинатора сакральную значимость за счет соотнесения с христианской Троицей, а «пятиричный» — с образом Пятиницы (см. гл. III настоящей работы).

Топонимы, в которых представлены числительные от 4 до 10, обладают весьма низкой активностью, «всплески» которой наблюдаются в зоне чисел 7 и 9. При этом «семерка» дает преимущественно количественные числительные, а «девятка» — порядковые. Эти числительные примечательны тем, что имеют не столько количественную, сколько качественную семантику. Известно, что «магические» числа 7 и 9 соперничают друг с другом в различных культурных традициях [МНМ, II, 630]. Символика числа 7 поддерживается и мотивируется тем, что именно оно обозначает количество дней недели, число дней праздников, количество цветов спектра, тонов в музыке, основных запахов стереохимической теории, константу, определяющую объем памяти; символика числа 9 обусловлена тем, что оно представляет собой трехкратное повторение триады [МНМ, II, 630–631; Вагнер, Загидуллин 1967; Праведников 1996]. Кроме того, символическое значение «семерки» и «девятки» подкрепляется возможностью существования в прошлом, соответственно, семиричной и девятиричной системы счета [МНМ, II, 631; Симонов 1994; Хонти 1989].

Вопрос об отражении числа 7 в ономастической номинации разных народов рассматривался в литературе [Матвеев 1976а, 90–97; Мурзаев 1996б, 92–95; Петров 1980; Сельвина 1983, 74–77]. Исследователи отмечают, что частотность этого числа в топонимии и ономастике вообще объясняется не только культурной символикой «семерки», но и способностью человека к одновременному восприятию множества не более чем из 7 предметов. В нашем материале число 7 функционирует в составе 50 топонимов, например: порог *Семибратовщина* [Вож], руч. *Семиручье* [Плес], г. *Семигоры* [Ваш], поле *Семиполье* [Вин], о-в *Семиостровцы* [Карг], поле *Семиполоски* [К-Г], руч. *Семь Ключей* [Ней] и др. Судя по мотивационным контекстам, названия такого рода могут отражать как факт реального наличия семи объектов, так и идею присутствия неопределенного множества объектов: ур. *Семихвостка* — «семь дорог было» [Вель, Ленино-Ульяновская], оз. *Семь Озер* — «семь озерок там маленьких, как семь гномов» [Мез, Дорогорское], порог

Семидырье — «куда хошь поезжай, там семь островов» [Холм, Осередок], бол. *Семиземельный Столоп* — «там столоп стоит и все болота от него» [Чаг, Сазоново], оз. *Семиозерки* — «там маленькис озерки, как ямки такие. Не семь их, а больше» [В-Уст, Горка], оз. *Семиозёрные* — «там одиннадцать озер» [Прим, Летняя Золотица]. Думается, что и в некоторых из тех случаев, когда число 7 «точно» названо, оно все-таки не является сугубо количественным показателем. Идея неопределенного множества, как представляется, отражена в названии оз. *Семиводное*, противопоставленном названию соседнего оз. *Сухос* [Плсс], в топониме *Семикоробейное Поле* — «там семь коробов собрали» [Вель, Ексинская].

Что касается *девярых* топонимов, то их семантика пока не становилась предметом изучения специалистов по русской топонимии. Вместе с тем, как показывает наш материал, топонимы, в состав которых входит порядковое числительное *девярых* (реже количественное числительное *девярь*) нередко имеют качественное значение. При этом, во-первых, может реализовываться **идея неопределенного множества объектов**: руч. *Девятиречный* — «он из многих-многих ручьев текет, не девять там, а больше» [В-Т, Верхняя Тойма]; оз. *Девять Озер* — «много небольших озер там, зовем *Девять Озер*» [В-Т, Село]; г. *Девятибратцы* — «чучики жили неграмотные, сами себе смерти искали, колхозов боялись. Они вырыли себѣ могилку, насторожили золото, как мышку в плашке. Лобанчики эти могилами глядят такими. Я нарочно считал: там четырнадцать холмиков, а пчшто-то девять насчитали, назвали *Девятибратцы*» [Уст, Коптяевская]; по объяснению другого информанта, название *Девятибратцы* дано в честь девяти братьев, которых «брали на 25 годов служить» [Уст, Коптяевская]. Показательно, что носители топонимической системы пытаются проверить информацию, заложенную в топониме («я нарочно считал...»), и осознают несоответствие внутренней формы названия и реальных свойств объекта. Во-вторых, данные топонимы могут выражать **идею значительной удаленности (протяженности) объекта**: полоса в поле *Девярых Полосы* — «больно длинные были» [Пыщ, Сергеевица], поле *Девярых Поле* — «самое далекое поле» [Тарн, Никифоровская]. Особая (сакральная?) значимость этого числа подчеркивается следующим контекстом: руч. *Самдевярых (Головатой)* — «есть девять боров и девять ручьев. Ручей девярых, сам Головатой» [Уст, Кузоверская].

Сакральная семантика этого числа отражена не только в системе языка, но и в фольклоре (ср. в русских народных сказках — *тридевярых царство*, а также приведенные выше примеры из финно-угорского фольклора), в бря-

довой сфере и религиозно-мифологических представлениях (*девятый день после смерти*; *Девятая Пятница* — праздник, отмечаемый на девятую пятницу после Пасхи; *девять чинов ангельских* — ступени иерархии ангельских существ; ср. также обычай *брать воду с девяти кругов* (такая вода считалась святой); обычай *гадать о женихе по девятой всхе* (в ходе гадания отколоть щепку с девятой по счету от дома дорожной вехи и положить эту щепку под подушку, надеясь увидеть во сне жениха) [ЭМ ТЭ]) и др.

Таким образом, несомненно особая символика «девятки» в разных сферах народной духовной культуры. Топонимический материал вносит важные дополнения в наши представления о семантике этого числа: в топонимии реализуются значения неопределенного множества, значительной удаленности или протяженности, которые может выражать числительное *девятый* (реже *девять*).

Итак, проведенный анализ обнаруживает специфику семантического наполнения числительных в русской народной топонимии. Топонимическая система проявляет определенную избирательность при отборе числительных, положенных в основу географических названий. Активность тех или иных числообозначений в топонимии зависит от их дифференцирующих возможностей (ср. приоритет числа 3 над числом 2), от внутриязыковых факторов (ср. преобладание *вторых* топонимов над *первыми*, обусловленное наличием рядов с немаркированным членом), от наличия у числительного символического значения (ср. активность *семерки*, *девятки*¹⁵, символику *Троицы*, *Пятницы* и т.п.). Эти факторы (особенно последний) имеют этнолингвистическую значимость, обуславливающую необходимость учета топонимических данных при реконструкции народных представлений о счете и количестве. Этнолингвистическая ценность этой информации проявляется при сопоставлении данных русской топонимии с топонимическим материалом других языков: Э.М. Мурзаев, собравший по различным исследованиям и обобщивший сведения о числовых топонимах в тюркских языках, пришел, в частности, к выводу об активности в тюркской топонимии нечетных числительных, а также о том, что «почти повсеместно... первые два места в образовании топонимов с числительными принадлежат «тройке» и «пятерке»; в то же время «девятка» не обладает особой продуктивностью, да и числительное 7 «оказывается отнюдь

¹⁵ Значение неопределенного множества в ряде случаев характерно также для топонимов, образованных от числительных *сорок*, *сто*, *тысяча*.

не на первом месте» [Мурзаев 1996б, 97–98]. Как видим, топонимическая символика чисел варьирует в различных культурах.

Неравновесность идеографически близких параметров и ее «этнокультурные последствия» можно пронаблюдать также на примере топонимов, связанных с реализацией **обобщенных образов женщины и мужчины**.

В лингвокультурологии уже предпринимались попытки выявить черты ментального образа женщины и мужчины по данным языка, причем больше «повезло» женщине: ср., например, работу В.Н.Телии, посвященную экспликации образа женщины по материалам русской фразеологии [Телия 1996, 260–269], а также исследования А.В. Кирилиной, осуществляющей сравнительный анализ русской и немецкой фразеологии [Кирилина 1997]; М. Х. Газизовой, описавшей концепт ‘женщина’, выявленный в результате анализа биноминативных тавтологий типа «женщина есть женщина» [Газизова 1998], работы Н.А.Красавского и И.М.Кириосова, И.И.Борисовой и М.Г.Солдатовой, базирующиеся на данных русской и немецкой паремиологии [Красавский, Кириосов 1996; Красавский 1996; Борисова, Солдатов 1996]. В исследовании Т.В. Цивьян оппозиция *женщина /мужчина* рассматривается на материале не только языковых фактов, но и данных других сфер традиционной народной культуры – обряда, фольклора [Цивьян 1991]. Данные топонимии к анализу пока не привлекались.

Топонимический ряд работает со статичными объектами, которые нередко оцениваются с точки зрения их внешних характеристик и особенностей использования их человеком, поэтому в комплексе реконструируемых представлений о женщине наиболее активны функциональные и визуальные параметры.

Функциональные параметры характеризуют особенности освоения женщиной окружающего географического пространства. В силу своей социальной роли женщина осваивает пространство очень замкнуто и в небольшом устойчивом функциональном диапазоне, вследствие чего *бабы* топонимы реализуют непространственный способ выражения пространственных отношений в русской топонимии, являясь своеобразными маркерами близкого расположения объекта к дому (см. гл. II настоящей работы). Ограниченность и строгая закреплённость функций обеспечивает *бабым* названиям состоятельность с точки зрения различительной силы. Отсюда становятся ясными причины раритетности *мужских* названий: мужчине принадлежит весь мир за пределами деревни с ее *бабыми* прудами, ручьями и болотами, поэтому номинации,

задействующие образ мужчины, обладали бы недостаточными дистинктивными возможностями.

О визуальной разработке женского образа в топонимии можно говорить в связи с тем, что в топонимическом континууме встречается значительное количество названий, прорисовывающих «анатомические» детали облика женщины, ср.: оз. *Бабий Пуп* (рядом оз. *Брюшина*) [Пин], тоня *Баба* — «круглая, как живот у бабы» [Прим, Пушлахта], г. *Бабий Лобок* — г. *Брюшина* [Кир], луг *Баба* [Меж], поле *Бабые Гузно* [Шенк], пок. *Бабыя Жопа* [У-Куб], бол. *Бабыя Жопа* — «там такая сосна есть, кривуля такая — так и прозвали», «сосна выросла такой кривулькой — очень похоже» [Вин, Кальи], руч. *Бабыя Жопа* [Череп], мыс *Бабыя Пята* [Выг], пок. *Баба* (его части: *Голова, Серёдка, Нога, Ножка*) [Уст] и др. В этот же ряд следует включить названия, конкретизирующие обобщенный женский образ: г. *Попадьевы Груды* [Вил]¹⁶, пок. *Окулиново Гузье* — «место круглое такое, выдается, как гузье»; «раздваивается, как жопа» [Леш, Вожгора]. Проявление внимания к женской «анатомии» можно усмотреть и в факте распространенности топонимов типа ур. *Титки* [В-Г], г. *Титька* [Котл], паш. *Полоса с Титькой* [Котл], г. *Титечные* [Кр-Уф] и т.п. В то же время мужские образы в топонимии (а также в астронимии), как отмечает М.Э.Рут, лишены конкретной пространственной разработки, они связаны с «точечными» объектами [Рут 1994, 158]. Избирательность, проявляемая топонимической номинацией по отношению к анатомии мужчины и женщины, может быть объяснена, вероятно, тем, что женская фигура наиболее выразительна, в прямом смысле этого слова рельефна (рискуя вызвать иронию читателя, выскажем все же предположение о том, что ландшафт территории Русского Севера, будучи преимущественно равнинным, с плавными переходами от возвышенности к низменности, «провоцирует» появление именно женских анатомических образов). Соматические номинации такого рода характеризуются определенной сниженностью; это обстоятельство, а также повышенное внимание к «сугубо жен-

¹⁶ Весьма примечательно следующее обстоятельство: г. *Попадьевы Груды* находится около г. *Попова Брюшина*, ср. мотивировочный контекст — «Попова Брюшина — такой буторок, он торчит, как живот, покатою таким. А Попадьевы Груды острые, как груди» [Вил, Борок]. Данная топонимическая пара задает стандартный визуальный образ попа и попадьи в народном сознании (об образе попа подробнее см. в гл. III настоящей работы). Сформированность визуального образа попадьи подтверждается также наличием следующих названий: пок. *Попадья* — «как юбка широкая» [Карг, Семеновская], пок. *Попадьян Лобок* — «высокий сухой горбышок» [Карг, Турова].

ским» частям тела (грудь, большой живот) заставляют думать о том, что автором топонимических номинаций является в первую очередь мужчина¹⁷.

Интересно, что *бабы* топонимы чаще всего прилагаются к водным объектам — ручьям, болотам. Вероятно, можно говорить об остаточном срабатывании архаической модели *река (вода) — женщина*, неоднократно описанной в литературе [МНМ, I, 240; СД, I, 390]. Эта сакральная связь, мотивированная идеей плодородия, может трансформироваться в модель образного сопоставления, ср. мотивировку названия луга *Баба*: «Река излучины сделала, как голова и груди. По излучине реки и назвацо Баба» [Меж, Сосновка].

В топонимических метафорах отражаются не только особенности внешнего облика женщины, но и некоторые бытовые (хозяйственные) атрибуты: лес *Бабкин Ряпак*¹⁸ [Вож], прк. *Бабье Трепало*¹⁹ [Чухл], поле *Бабий Губник*²⁰ [Вель], руч. *Бабкин Квас* [Уст] (ср. также использование женских образов в названиях лога *Федорин Квасок* [К-Г], руч. *Акулин Квас* [Чухл], руч. *Матренин Квас* [Плес]). Показательно, что метафорические номинации на базе названий инструментов, используемых мужчинами (*топор, ружье* и т.п.), не имеют уточняющих определений типа *дедов, мужичий*, что еще раз свидетельствует о том, что именно мужчина является автором топонимических номинаций. Отметим, кстати, что приведенные выше антропонимы *Федора, Акуля, Матрёна*, несмотря на свою «квазиконкретность», рисуют обобщенно-«пословичный» образ женщины, отдающий некоторой сниженностью, ср. аналогичное использование имени *Дунечка* в составе названия пок. *Дунечкино Мокрое* — «шутили, что Дунечка там оправилась», «сырая пожня, будто баба какая оправилась, Дунечка-то» [Прим, Летняя Золотица].

Весьма популярным мотивом топонимической номинации является мотив, отражающий способность женщины к деторождению, ср.: поле *Родиново* — «там баба родила» [Бел, Чикиево], поле *Аннины Родины* [Сус], руч. *Бабий* — «родила какая-то в этом месте» [Шенк, Ляшинская], г. *Бабья Гора* — «туда баба пошла за маслятами, да там и родила, принесла домой ребеночка в корзине» [Уст, Глубокий], лес *Бабина Гора* — «баба шла-шла и ребеночка родила» [Некр, Пирогово], г. *Бабья* — «баба там родила» [Некр,

¹⁷ Быть может, именно это является объяснением причин отсутствия фаллических образов в обширнейшем топонимическом континууме Русского Севера и Среднего Урала.

¹⁸ Ср.: *ряпак* 'доскуток ткани' [ЛК ТЭ].

¹⁹ Имеется в виду орудие для трепания волокна.

²⁰ Ср.: *губник* 'пирожок с какой-либо начинкой (чаще всего — с грибами)' [ЛК ТЭ].

Бор]; показательны также названия поле *Бабы Родины* [Галич], г. *Бабинская Родина* [Бел]. В некоторых случаях соответствующий факт оказывается отраженным в мотивировках топонима, являющихся, скорее всего, результатом вторичного переосмысления внутренней формы имени: пок. *Робечиха* — «женщина тут робенка родила, потому так и прозвали» [Хар, Коровинская], ур. *Чудин Ручей* — «чудин начудил: несет баба в подоле, родила на поле» [Кад, Пименово].

Баба предстает в топонимии существом «гулящим»; в связи с этим интересен неоднократно зафиксированный параллелизм *бабьих* и *блудных* названий (а также родственных последним обценных топонимов): лог *Бабий Лог* // *Гуляйский Лог* // *Блядский Лог* [Уст], г. *Блудная Гора* // *Бабья Гора* — «туда парочки уходили после гулянья» [Некр, Некрасовское], бол. *Бабье* // *Блудное* — «как идут пьяные из деревни в деревню, так и попадают в Бабье. Так почто бы его Блудным не назвать» [Вин, Подыва]. Ср. также следующие весьма выразительные топонимические факты: бол. *Блядское* // *Матюкальное* // *П...а* — «баба согрела там» [В-Уст, Милославская], бол. *Бабье Огульное* [Уст], часть д. *Блядуново* — «в этом конце бабы гулящи были» [Котл, Канза Старая], пок. *Бабье* — «говорят, баба там счастье потеряла» [Вил, Беяево]; показательно и вторичное переосмысление названия д. *Бабонегово* — «умер мужик на бабе» [Прим, Бабонегово]. Любопытно, что, рисуя образ развратной бабы, топонимия оставляет в тени участие мужчины в соответствующих действиях, что лишний раз подчеркивает активную роль последнего при создании номинативного портрета женщины.

Мужской образ, по сравнению с бабьим, выглядит очень бледно. Топонимы, образованные от апеллятивов *мужик*, *мужской*, очень редки (пок. *Под Мужиком* [Кон], пок. *Мужичиха* [Вож], пок. *Мужичьи Ляги* [Сямж], поле *Мужичье* [Устюж]); *дедовы* названия встречаются чаще (бол. *Дедово* [Бабуш], бол. *Дедково Болото* — «дедко вырубал там лес» [Ваш, Дурасово], пок. *Дедов Угол* — «дед косил какой-то» [Вож, Бекетовская], луг *Дедова Нива* [Выт] и др.). Как правило, такие топонимы выражают посессивные отношения, ср. также названия типа поле *Дедка Николая* или луг *Деда Соzonyча*. Наименования, образованные от апеллятива *старик*, могут быть образными: г. *Старик* — «камень большой там стоит, как старик» [Холм, Часовенская], г. *Старик* — «одинокая горка, как фигура человека» [Карг, Кречетово]. Даже в том случае, когда топоним запечатлевает результат какого-либо несчастного случая, это несчастье, как правило, случается с бабами: бол. *Бабы* — «баба там удавилась» [М-Реч, Святогорье], поле *Старуха* —

«пошла туда старуха, увязла и умерла» [Бел, Понишки], оз. *Бабье Озеро* — «какая-то баба утонула» [Прим, Исакогорка], ур. *Бабье* — «баба утонула здесь в речке» [Уст, Починок], г. *Девичья Гора* — «девка шла и померла» [Бел, Кукина Гора], оз. *Девкино* — «девка утонула» [В-Т, Барановская], порог *Девкин* — «девка утонула» [Леш, Вожгора], бол. *Старуха* — «старуха пошла Богу молиться и уходилась в этой лыве» [В-Т, Лафтинская], руч. *Старуший (Бабкин)* — «старуха в нем утонула» [Он, Андиферово].

Таким образом, представления о мужчине и женщине асимметрично реализуются в топонимическом материале, причем образ женщины оказывается разработанным подробно и многогранно, а мужской практически не прорисован. Топонимия отражает хозяйственные, анатомические, физиологические, поведенческие черты образа женщины и даже определяет ее «жизненное пространство». Сниженная тональность соответствующих названий, вероятно, объясняется авторством мужчины, который остается за кадром топонимической номинации.

Вообще, неравносность реализаций логически близких параметров широко распространена в топонимии: *черный, белый и красный* цвета с огромным отрывом лидируют в топонимической цветовой палитре; *северные* топонимы доминируют в топонимической розе ветров, оставляя далеко позади *западные и восточные*; княжеские названия значительно превосходят по численности топонимы, образованные от слова *боярин*, и т.п. Подобная неравносность привлекала внимание топонимастов: для осмысления некоторых случаев такого типа В.А. Никонов предложил закон «относительной негативности», согласно которому топонимы «негативно» отражают свойства географических реалий, запечатлевая скорее нетипичные особенности последних, чем широко распространенные качества [Никонов 1965, 38–42]. Постулированная В.А. Никоновым всеобщность этого закона оспаривалась в топонимистике, поскольку практика топонимических исследований подсказывает, что «относительная негативность» сама по себе весьма относительна. Очень часто река «Рыбная» действительно изобилует (разумеется, в период возникновения названия) рыбой, хотя, по мнению В.А. Никонова, такое название должно было бы появиться в связи со скудной ихтиофауной, сравнительно с полным ее отсутствием в других реках района. Конечно, такие названия очень случайны, но, как правило, отражают наиболее характерный признак объекта, характерный, естественно, с точки зрения называющего» [Берг 1974, 9]. По мнению А.К. Матвеева, «это понимание относительной негативности соответствует очень интересному, хотя и частному случаю топонимической номина-

ции, который, конечно, нельзя абсолютизировать: называнию по случайностям и раритетам» [Матвеев 1974, 16–17]. Действительно, представляя трактовку всего лишь частного случая топонимической номинации, данный закон не может объяснить всех ситуаций асимметрии воплощения близких по смыслу признаков: абсурдно предполагать, что расположение объекта на севере является более уникальным (или, наоборот, распространенным) признаком, чем расположение его на востоке, что черный цвет встречается в природе чаще, чем зеленый, и т.п.

Такая асимметрия необъяснима на основе реальных физических свойств объекта; собственно семантическая трактовка ее нередко оказывается нерелевантной, поскольку здесь проявляется прагматическая детерминированность (семантика и прагматика в данном случае понимаются в семиотическом ключе — в связи с отношениями, соответственно, *знак: действительность* или *знак: человек*), отражающая разного рода приоритеты и установки субъекта номинации — хозяйственные, перцептивные, ориентационные и др., а также его когнитивные стереотипы. Допустим, резкий пересвет топонимов, выражающих идею конца, края какого-либо участка пространства, над названиями, реализующими идею начала, объясняется жесткой закрепленностью позиции номинатора в центре (начале) освоения пространства, которым, как правило, является населенный пункт, вследствие чего топонимы, связанные с идеей начала, лишаются смысловозначительных возможностей (кроме того, *конечные* топонимы реализуют идею границы хозяйственно освоенного пространства, играющую важную роль в формировании концепции географического пространства в русской топонимии); преобладание топонимов, связанных с представлениями о нечистой силе, над названиями, в основу которых положены обозначения крестной силы, объясняется представлениями носителей традиционной культуры о локализации и функциях персонажей из обоих лагерей, etc.

Итак, одним из важнейших источников ЭИ становится **идеографическая сетка топонимов**, причем в ходе анализа этой сетки особое внимание следует обратить на причины **асимметричной реализации в топонимии сходных по смыслу параметров**.

2. Представляется, что естественно искать этнокультурную информацию в рамках тех семантических полей (и их фрагментов), которые в большей степени, чем другие, связаны с проявлениями субъективированности / субъектности, т.е. с информацией «от человека» и о человеке. Оговоримся: любое семантическое поле (и, соответственно, все его составляющие) структурирова-

но человеком и отражает его представления об окружающей действительности и своем месте в ней, — это положение является аксиомой для антропоцентрической парадигмы в языкознании. Закономерности такого структурирования, безусловно, должны стать объектом этнолингвистического исследования (см. об этом ниже). Однако «семантические проявления человека» могут носить более непосредственный характер, реализуясь в пределах «специализированных» полей. Эти поля имеют различную природу, поскольку человек может рассматриваться с разных позиций: объективно — в его реальной деятельности, бытийных связях с географическим объектом — и как субъект, выражающий свое отношение к тому или иному элементу ландшафта и даже способный ввести в географическое пространство несуществующие явления или отношения. Иными словами, мы можем иметь дело с воплощением в продуктах номинации отстраненной информации о субъекте, информации «от третьего лица» или же с ситуациями субъективного отражения реалий окружающей действительности — вплоть до творения этих реалий самим субъектом.

Разберем подробнее эти случаи. Для этого необходимо представить весь спектр возможностей топонимической номинации в плане работы с отсубъектной /субъективной информацией. Если рассматривать объекты топонимической номинации в интересующем нас ракурсе, то следует выделить следующие основные типы этих объектов: реалия окружающей действительности — географический объект; отношения и связи между реалиями; отношения между реалиями действительности и человеком; человек. Как могут быть поданы эти объекты в зеркале номинации?

Из предыдущего изложения следует, что возможны следующие варианты отражения вышеперечисленных объектов в топонимации:

- отражение реально существующих явлений, свойств, связей:
 - отстраненно-нейтральная, констатирующая подача,
 - субъективированная подача;
- отражение явлений, свойств, связей, существование которых зависит от субъекта номинации или постулированных им.

В рамках первого варианта (**отражение реально существующих явлений, свойств, связей**) осуществляется большинство процессов топонимической номинации, причем преобладает **отстраненно-нейтральная подача** различных характеристик изображаемых феноменов. При такой подаче самих географических реалий формируются обширные семантические поля 'флора', 'фауна', 'ландшафт', 'постройки и сооружения', 'почвы', 'температурный ре-

жим', 'водный режим', 'цвет', 'звук воды', 'форма' и т.п. Возможна также констатирующая фиксация связей между географическими реалиями, приводящая, например, к появлению компласков метонимически связанных топонимов. Встречаются и ситуации нейтральной подачи информации о человеке: так создаются семантические поля 'этническая принадлежность' (например, с. *Русские Ключики* — с. *Марийские Ключики*), 'род занятий жителей' (с. *Тарба Рабочая* — с. *Тарба Колхозная*, слободы *Стрелецкая*, *Пушкарская*, *Ямская*), 'вероисповедание' (пос. *Мусульманский* — пос. *Славянский*), 'посессионные отношения' (пок. *Ванькина Пожня*, поле *Барское*) и т.п. При отстраненно-нейтральной подаче информации о действительности субъект номинации занимает позицию наблюдателя, воспринимающего действительность в «реальной модальности»: в *Карасьем Озере* водятся караси, в *Чёрной Речке* темная вода, в *Выломках* выворочен лес, на *Кабачковой Дороге* стоит кабак, речка *Ивановка* протекает у деревни *Иваново*, в *Мордовских Липнягах* проживает преимущественно мордовское население и т.п. — эти ситуации и обстоятельства не зависят от субъекта и он может только констатировать данные факты.

Что касается **субъективированной подачи** объективно существующих явлений, то в данном случае субъект номинации выступает как субъект *sensus et sententiae*. Названия такого плана помогают выявить специфику эмоционального восприятия человеком пространственных объектов. Чаще всего в результате такой подачи возникают оценочные топонимы, ср.: пок. *Басенький Борок*²¹ — «угорчик такой, красивое место» [Котл, Харитоново], лес *Веселенькая Веретья* — «лес веселый, сосновый, чистый. Там самая охота, глухари, лоси» [Котл, Яндовище], пок. *Красулька* — «веселая поляночка, как тарелочка, круглая такая» [Кир, Кучино], бол. *Дивное* [Ник], лес *Удивительное* [Хар], г. *Вишвая Горка* — «ничего там не росло» [У-Куб, Устье], ур. *Зараза* [Бел], пок. *Кобель* — «косить было тяжело» [Карг, Семеновская] и др. В вышеприведенных примерах топонимы содержат эмоциональную оценку свойств объекта; значительно чаще встречаются названия, в которых заложена рациональная оценка по шкале *хороший — плохой*: о-в *Гожий* [Плес], пок. *Лучший Нос* [Нянд], пок. *Неудачное* [Кон], руч. *Нехороший* — «худые пожни на ем» [Вил], пок. *Плохая* — «кочки, косить плохо» [Котл, Прела], оз. *Худое* — «ничего в нем нет» [В-Т, Пахомово], луг *Худой Нос* — «луга из-под леса добывали, земля там плохая» [Леш, Ларьки-

²¹ Ср.: *басенький* (уменьш.-ласкат.) 'красивый, привлекательный' [ЛК ТЭ].

но], луг *Хороший* — «наволок хороший, кустов мало, трава хороша» [В-Т, Бор], etc. Такие рационально-оценочные топонимы, по сути, смыкаются с предыдущей группой — названиями, несущими объективированную оценку свойств объекта.

Встречаются также названия, в которых акцент делается не столько на оценке свойств объекта, сколько на обозначении субъективного отношения человека к объекту: поле *Дорогуша* [Кон, Мез], р. *Желанная* [Кологр], пок. *Любезное* [Кир], руч., пок. *Любимец* [Вож, В-Т, Карг, Мез, Шенк], ключ *Любимчик* [Хар], г. *Милая Гора* [Тарн], пок. *Милый Луг* [Вож], поле *Нелюбимец* [Меж], поле *Нелюбиха* [Хар], пок. *Убажиха* — «от слова *убажник*, это у бабушки и дедушки любимец» [Кир, Головинская] и др.

Наконец, возможна ситуация, когда номинируется сама эмоция: пок. *Тошнота* [Череп], пок. *Радость* [Пин], поле *Прихоть* [Тарн], ур. *Страх* [Кон], поля *Горе Васюхино* и *Горе Машухино* [У-Куб], etc.

Перейдем к описанию особенностей **отражения в топонимии таких явлений, свойств, связей, которые вводятся человеком**. Во-первых, иногда наблюдается постулирование самих объектов действительности: они могут подаваться объективированно, но оказываются нереальными, несуществующими, примысленными человеком. Речь идет, например, о топонимах, отражающих представления о сверхъестественном — *чертовых, бесовых, святых, боговых* и т.п. названиях (соответствующий материал рассматривается в гл. III настоящей работы). Субъект выступает в данном случае как наблюдатель, который воспринимает действительность в «ирреальной модальности». Несмотря на то, что свойство святости или, допустим, факты наличия чертей в каких-то фрагментах окружающего ландшафта могут быть поданы как объективные, такая трактовка действительности, естественно, не укладывается в рамки обычного наблюдения и напрямую характеризует мировоззрение субъекта номинации. Не случайно именно эти пласты географических названий чаще всего оказывались в поле зрения исследователей, стремившихся выявить значение топонимии как источника сведений о духовной культуре народа (однако сделано в этом плане еще весьма мало).

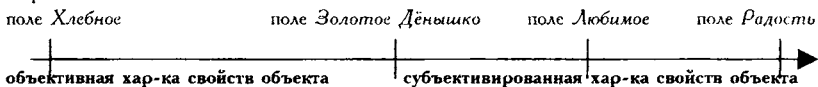
Во-вторых, имеются многочисленные случаи, фиксирующие результаты опосредующего влияния человека на формирование межобъектных связей. Такое влияние проявляется, в частности, при создании топонимов с ориентированными предлогами (*перед, за, под* и др.): отражая связи между объектами, топонимические конструкции с ориентированными предлогами в то же время обнаруживают зависимость от позиции наблюдателя, поскольку именно

она становится точкой отсчета, от которой направлен вектор ориентации (подробнее см. гл. II настоящей работы). В-третьих, отмечены ситуации, когда субъект номинации фиксирует в продуктах своей номинативной деятельности связи между собственной фигурой и географическим объектом: это делается для создания определенного ориентационного поля, помогающего локализовать географическую реалию в пространстве. Такие связи существенны только для субъекта-наблюдателя и трансформируются при изменении его пространственных координат: ср. семантику ориентационных маркеров *ближний — дальний, передний — задний, правый — левый* и т.п. (анализ соответствующего топонимического материала представлен в гл. II настоящей работы). В последних двух случаях субъект выступает в роли субъекта ориентации. Реализующие эту роль субъекта топонимы практически не изучены. Они весьма значимы с этнолингвистической точки зрения, поскольку демонстрируют своеобразие системы ориентации в пространстве (как человек привык воспринимать пространство: «от себя» или применяя вынесенную вовне и закрепленную систему отсчета?) как он измеряет расстояния: пользуясь зрительной или слуховой «шкалой»? какова широта поля зрения: способен ли человек целостно представлять обширную ландшафтную панораму — или же он обладает дробным видением отдельных фрагментов ландшафта? и т.п.).

В описанных выше трех ситуациях вводимые человеком явления и отношения для него самого обладают бытийным статусом (такого рода «бытийные» названия М.В. Голомидова называет *индикативами* [Голомидова 1998, 198]). Однако иногда субъект номинации выходит за «бытийные» рамки, приписывая объекту желаемые свойства: в этом случае он ориентируется либо на свои интересы, либо на интересы адресата. Наименования, реализующие такую установку, М.Э. Рут предлагает обозначить как *отсубъектно-мотивированные* и *отадресатно-мотивированные* [Рут 1992, 21–22]. Они очень редки в традиционной крестьянской топонимии, изучаемой в настоящей работе.

Из сказанного следует, что топонимическая номинация имеет в своем арсенале различные варианты подачи информации о явлениях действительности. Один и тот же объект — допустим, дающее хороший урожай поле — может осмысляться в номинации так, что возникающие при этом топонимы характеризуются разной степенью опосредованности отражения свойств объекта, т.е. приближенности / удаленности от объекта (и, наоборот, удаленности / приближенности к человеку). «Шкалирование» этих топонимов на оси

объективной / субъективной подачи свойств объекта будет выглядеть примерно так:

Продолжение оси вправо приведет к отрыву от объекта и появлению от-субъектно-мотивированных номинаций, предполагающих «отражение в имени личных черт и пристрастий субъекта» [Рут 1992, 21].

Как уже говорилось, помимо субъективного осмысления реальных свойств объекта, человек может обнаруживать себя введением таких явлений и отношений, которые не существуют реально или же всецело «завязаны» на фигуре субъекта номинации.

Итак, в топонимии представлены следующие типы информации о человеке и «от человека»²²: 1) объективированная информация о человеке в связи с его экономической деятельностью, социальным положением, родом занятий, вероисповеданием и т.п.; 2) субъективированная информация о географических объектах, отношениях между ними, отношении к ним человека, пропущенная через призму человеческих эмоций и оценок; 3) информация о поступивших человеком явлениях и связях. Какой тип информации наиболее интересен для этнолингвистических исследований?

Представляется, что этнолингвистические штудии, нацеленные на изучение духовной культуры, более всего заинтересованы в том типе информации, который назван последним. Это понятно: креативная работа человеческого сознания, в ходе которого картина действительности дорисовывается за счет введения новых феноменов или реструктурируется вследствие ориентации на фигуру человека, относится, несомненно, к проявлениям духовной культуры. Что касается эмотивной информации, то ее удельный вес среди других типов ЭИ, отраженных в топонимическом материале, относительно мал; кроме того, эта информация базируется на воплощении одного признака (признака хозяйственной ценности объекта для человека), который, конечно же, важен для реконструкции аксиологической системы субъекта номинации, но воплощает ее только в одном измерении. По поводу информации, объективно подающей бытийные характеристики человека, следует заключить, что она весьма полез-

²² Напомним еще раз: выделение нижеследующих «антропоориентированных» типов информации вовсе не отрицает того факта, что вся эксплицируемая из топонимического материала информация структурирована человеком и обнаруживает закономерности картирования явлений окружающей действительности.

на для создания портрета «человека социального», «человека экономического», но в меньшей степени работает на реконструкцию картины мира носителя традиционной культуры. Сказанное не означает, что мы стремимся «дискриминировать» какие-либо семантические поля, провозгласив их этнолингвистическую «ущербность»: как уже говорилось, ЭИ может быть извлечена из любого топонимического факта; мы лишь пытаемся наметить сферы анализа, где ЭИ представлена наиболее системно и полно.

Из предшествующего изложения следует, что в ходе освоения географического пространства человек может выступать в **разных ролях**: как **наблюдатель** (воспринимающий действительность в «реальной модальности», через призму реальных «физических» отношений; воспринимающий действительность в «ирреальной модальности», через призму религиозных воззрений и верований); как **непосредственный участник процесса освоения пространства** (субъект ориентации; субъект деятельности; субъект чувства и мысли).

Таким образом, объектами этнолингвистического исследования могут стать **отдельные семантические поля**, включающие информацию с **повышенным «коэффициентом субъективности/ субъектности»**.

3. Этнолингвистической значимостью обладает также информация о субъекте номинации, которую репрезентирует стилевая неоднородность, «полигlossия» топонимического текста. Для того, чтобы раскрыть это положение, необходимо обосновать трактовку топонимического континуума как текста и, соответственно, сформулировать понимание топонимического стиля.

«Штурм» проблемы текста, предпринятый лингвистической наукой в последние десятилетия, является отражением наметившейся тенденции к синтезу филологического — и шире — гуманитарного знания, а также к утверждению антропоцентрического подхода к исследованию языка (в тексте «растворен» его творец — человек с его пространственно-временными ориентирами, ценностными установками и т.п.). Ономастика, будучи и без того весьма замкнутой областью лингвистики, осталась достаточно далека от данной проблематики, так как пространство собственных имен традиционно рассматривается как дискретное, не обладающее одним из основных свойств текста — свойством связности. Однако попытки применить идею текста по отношению к совокупности собственных имен все же были предприняты. Л. М. Щетинин, рассматривая антропонимы в различных письменных источниках (ревисских сказках, рекрутских списках и т.п.), квалифицирует именник какого-либо списочного источника как текст: «В коммуникативном отношении компоненты

одного списка объединены задачей дать информацию о принадлежности всех референтов, обозначенных антропонимами, к определенной категории лиц... Связность антропонимического текста достигается единством коммуникативной задачи, референционной однородностью, синтаксическим согласованием антропонимических компонентов, стереотипной структурой предикативной апеллятивной части списка, графическим униформизмом и, как правило, регулярностью антропонимической формулы...» [Щетинин 1980, 163–164].

Р. А. Агеева ставит проблему ономастического текста на топонимическом материале: «В семиотическом плане этот «текст» обобщает информацию, закодированную в каждом топониме и во всей совокупности топонимов, в способах их организации в ряды и в топонимическую систему и т.п.» [Агеева 1989, 18]. Используемый автором семиотический подход наиболее приемлем при работе с собственными именами, так как акцентирует внимание не на синтаксических свойствах текста, а на бытовании в тексте языкового знака.

Семиотический подход к исследованию текстов обоснован и продемонстрирован в трудах представителей Тартуско-московской семиотической школы, сотрудников сектора структурной типологии Института славяноведения и балканистики РАН; обзор основных принципов семиотического изучения текста, реализованных в этих работах, содержится в статье Т. М. Николаевой [Николаева 1987]. В самом общем виде эти принципы таковы: опора на языковой знак и понимание текста как упорядоченного семантического пространства.

Что позволяет представить топонимический континуум как упорядоченное семантическое пространство?

Пространственность, как уже не раз отмечалось, задана самой природой топонима, при этом важно подчеркнуть, что топоним не просто фиксирует определенную точку или линию на местности, а является звеном знаковой цепочки, разворачивающейся в сознании носителя топонимической системы параллельно реальному географическому пространству. Языковой ряд поддерживается объектным — и наоборот. Именно протяженность, в буквальном смысле пространственность топонимического ряда психологически реальна для того, кто пользуется топосистемой.

Что касается семантической упорядоченности топонимического пространства, то, на первый взгляд, она отсутствует. Топонимическая система, сложившаяся в рамках процесса естественной номинации, пестра и мозаична, причем фрагменты этой мозаики нередко оказываются созданными в разное время и на разных языках.

В то же время определенную степень упорядоченности можно увидеть в искусственной топонимии — в том числе литературной. Включенные в ткань художественного произведения, вымышленные топонимические системы представляют собой текст в тексте, реализуя иной способ кодирования смыслов, выраженных в основном тексте. Пример искусственной топонимии (и особенно «авторской») показывает, что степень семантической упорядоченности зависит от того, насколько полно при создании топонимического текста выражены личность автора и особенности его номинативного стиля.

Можно ли говорить о представлении того или иного номинативного стиля, о семантической упорядоченности в естественно сложившихся топонимических системах?

Семантическое пространство в естественной топонимии традиционно характеризуется как неоднородное: в «довольно нейтральном топонимическом поле» выделяются «сгущения» [Топоров 1962, 11], «отдельные высокоорганизованные участки» [Бондалетов 1974, 78]. Такими «сгущениями», как бы разделенными обширными «вакуумными ямами», являются, по мнению исследователей, «антонимические» оппозиции типа *Большой — Малый*, *Старый — Новый* и т.п. Однако типы семантических отношений между аппеллятивами, лежащими в основе топонимов, не сводятся только к антонимии. Можно говорить о наличии в топонимическом пространстве семантических комплексов топонимов, обозначающих пространственно соотнесенные (смежные) объекты и объединенных различными видами семантической связи [подробнее см. Березович 1992]. В этих комплексах находит отражение общность (или сопоставленность) свойств объектов. В то же время номинативная ситуация, помимо объекта, включает в себя такие компоненты, как субъект — адресат — язык. Объектные связи («горизонтальные») наиболее эксплицитны, при их образовании задействуются ядерные компоненты семантики топонима. Однако существуют и более скрытые связи между топонимами — субъектные («вертикальные»), которые обусловлены тем, что более или менее протяженная цепочка названий создается одним субъектом номинации (под субъектом номинации может подразумеваться не только отдельный номинатор, но и номинирующий коллектив, а также группа носителей типовой номинативной установки). Продукты номинации воссоздают облик номинатора с его коммуникативными установками, социальным опытом, стереотипами мышления и т.д., ср. замечание В. Н. Топорова о поэтическом тексте: «Текст реконструирует поэта через описывающую этот текст поэтику» [Топоров 1993б, 29]. Отражение субъекта в номинации — предмет прагматики, однако

прагматические явления имеют семантический «выход», ибо семантика — языковое понятие, структурированное субъектом. Интенции субъекта, его специфический взгляд на мир — своего рода субстрат семантики, кристаллическая решетка, незримо формирующая семантический контур слова. Топонимы, созданные одним субъектом номинации, объединены **топонимическим стилем — семантизированной манифестацией в названии субъекта номинации**. Таким образом, понимание топонимического пространства как текста позволяет увидеть за совокупностью топонимов языковую личность их коллективного автора. Специфический номинативный стиль, присущий этой языковой личности, создаст цельность топонимического текста — в то время как традиционно понимаемой связностью такой текст не обладает.

Топонимическое пространство представляет собой, как уже говорилось, мозаичное переплетение различных стилевых пластов. Новые поколения номинаторов не только творят собственный текст, но и «переписывают» произведения предшественников, переосмыслив и изменив то, что не вписывается в культурную парадигму новой эпохи. Но если номинативная деятельность данного номинатора представлена достаточно протяженной текстовой цепочкой, существует вероятность вычленения этой цепочки из топонимического континуума.

Стилевая неоднородность топонимического текста указывает на различия социального статуса номинаторов. К примеру, топонимический текст Летнего берега Белого моря содержит различные по своей стилевой природе пласты: среди созданных поморами названий, обладающих инструментальной направленностью, позволяющих сориентироваться в обширном ряду географических реалий, выделяются названия, для которых характерен мемориально-дезидеративный номинативный пафос, что указывает на «авторство» монахов (подробно см. гл. III настоящей работы). Стилиевое расслоение может свидетельствовать также о различиях в осмыслении географического пространства рыбаком и земледельцем (см. гл. II настоящей работы).

Наличие в составе топонимикона цепочек названий, созданных разными по социальному статусу коллективами номинаторов, позволяет поставить вопрос о существовании в топонимии своеобразных социолектов. Это подтверждается показаниями языкового сознания носителей топонимической системы, которые хорошо ощущают принадлежность того или иного топонима к определенному социолекту — охотников, картографов, «устроителей» (землеустроителей), дачников или «городских», туристов и т.п., ср.: оз. *Бараний Рог* // *Ученжское* — «мы-то в деревне Бараний Рог зовем, а городские по нашей

деревне называют — Ученжское, других озер-то не знают, вот и зовут так. А нам скажи «Ученжское», мы и не поймем, про какое это озеро. У нас ведь много озер» [Некр, Ученжа]; оз. *Половое // Линьково* — «мы Половое зовем, а Линьково — так дачники называют. Линек там водится» [Прим, Емельяновская]; оз. *Шупахта // Безымянное* — «у нас Шупахтой зовут, а устроители Безымянным назвали» [Холм, Казенщина]; д. *Петровка // Панкратьевич* — «у нас все Петровка, а на карту занесли Панкратьевич. Отца моего Иван Панкратьевич звали, им (топографам) интересно показалось, они так и отметили» [Мез, Петровка]; г. *Наволок // Лысая Гора* — «Лысой Горой городские называют, там песчаная гора, а мы в деревне зовем Наволок» [С-Дв, Волость]; г. *Утка // Веселая* — «Веселой ее шофера называют, быстро так: вжжи-ик — и въехал» [Прим, Бабонегово]; оз. *Воринское Озёрко // Лягушатник* — «у нас Воринское Озеро, фамилия была Воринов, а городские Лягушатником зовут — оттого что мелко там» [Некр, Кресцово]; оз. *Рыбозеро // Карасово* — «сами зовем Рыбозеро. Закинули невод, думали — много рыбы, а там одни кокоры, чуть невод не порвали. А сейгод ребятишки карасов там наловили, они его теперь Карасово зовут» [Он, Сырья] и др.

Интересно рассуждение пожилой крестьянки о том, чем отличаются названия, созданные дачниками, от топонимии «местных жителей» (запись сделана автором, принадлежащим к категории дачников, в д. Кунгурка Ревдинского района Свердловской области): «Вот у вас называется *Черничная Горка*, а мы зовем *Сенькина Пожня*, там Сенька какой-то косил, сейчас и мы косим, вот и название. А вы не косите, дак вам ни к чему. От врачихи из красного дома слышала, что вы еще какой-то *Маслятный Бор* называете, за маслятами ходите. Какой-такой Маслятный Бор? Ничего понять не могла, а потом с ней сама ходила, поняла — у нас это *Кошеная Веретья*, тоже косили там. Вот и разница. Вы все смотрите, где грибы да ягоды, а мы — где косить лучше». Здесь четко определена специфика отбора номинативного материала разными социальными группами, обусловленная различиями в занятиях, хозяйственном опыте и т.п.

Представляется небезынтесным изучение взаимодействия различных социолектов. Иногда такое взаимодействие приводит к интерференции элементов, изначально принадлежавших разным социолектам (ср. высказывания типа «сперва молодяжка так звала, потом все стали звать»), в других случаях наблюдается стремление противопоставить «свою» топонимию «чужой». К примеру, топонимический социолект заключенных, живущих на поселении в

Кирилловском районе Вологодской области, довольно герметичен: при упоминании в речи населенных пунктов Кирилловского района используются исключительно «жаргонные» топонимы — *Гренландия, Исландия, Лапландия, Чухляндия* (местные названия сознательно игнорируются). Описание социолектов и выявление особенностей их взаимодействия могло бы стать темой отдельного исследования; в настоящей работе мы можем только отметить этнолингвистическую значимость изучения такого материала.

Очевидно, помимо социолектов, в топонимической системе представлены также идиолекты — по крайней мере, можно говорить об индивидуальном варьировании ее элементов. Индивидуальное варьирование затрагивает микро-топонимию — точнее, «периферийную» ее часть (названия объектов, которые не обладают широкой известностью, или же тех, использование которых носит ограниченный, временный или изменчивый характер). Чаще всего встречается словообразовательное варьирование, при котором индивидуально выбранная словообразовательная модель оформляет достаточно обширные ряды топонимов, ср. варианты названий одних и тех же объектов, записанные от разных информантов: поля *Самсо́ниха — Барани́ха — Иваниха — Дятли́ха... //Самсо́ново — Барано́во — Ивано́во — Дятло́во... //Самсо́новское — Барано́вское — Ивано́вское — Дятло́вское... [Кир]*. Что касается лексического варьирования, то здесь возможны две ситуации: во-первых, индивидуальный вариант может быть образован в результате семантического отталкивания от общепринятого, ср.: пок. *Золото́е Дно //Дыряво́е Дно [Некр]*, поле *Голодное //Неслово [Карг]*, д. *Василёво //Весело́во — «все Василёво зовут, а я Весело́во. Веселая такая деревнюшка, вся в зелени, дома затейливые» [Карг, Лохово]* и др. При этом появление индивидуальных вариантов нередко приобретает оттенок языковой игры. Во-вторых, индивидуальные варианты могут создаваться параллельно общепринятым, не обнаруживая семантической связи с ними (в редких случаях общепринятое название отсутствует вообще, а единственной формой существования топонима становится идиолект одной личности или социолект семьи), ср.: пок. *Дергуновская Солза — Щетининская Солза — Поповская Солза //Ложечка — Чашечка — Лопатка — «так-то их Солзами звали, а какая Солза — по хозяину. А мой дедушка им свои званья придумал, так больше никто не звал. Она, говорит, кругленькая, как чашечка, а рядом Ложечка длиненькая, а Лопатка треугольником» [Карг, Лохово]*; поле *Большая Полянка — Семейное //Горбатое — Назарково Брюхо — «так всё Большая Полянка, а я бригадиром был, дак переимачил, зову Горбатое; а*

Семейное я стал звать Назарковым Брюхом, там на брюхо похоже» [Котл, Петровская]; пок. *Телятник //Гнилая Жопа* — «место там неудобное, так-то звали Телятник, а бабка Нюра-пьяница стала звать Гнилая Жопа» [Ваш, Паршино]; ур. *Толстик //Прилуб* — «все звали Толстик, а отец мой Прилубом это место звал, это место как сбоку у лсса» [Карг, Филипповская]; оз. *Колдовское Озеро //Папино* — «туда только мы ходим, в деревне никак не зовут это озеро. Славик (сын) назвал его Колдовское Озеро, а я зову Папино» [Прим, Летняя Золотица] и др.

Идиолектные топонимы редко составляют обширные именные, поскольку их коммуникативные возможности весьма низки. Следует учитывать и субъективное обстоятельство: такие названия имеют минимальные шансы попасть в блокнот участника полевых сборов топонимии, так как «официальность» ситуации опроса информантов располагает последнего к называнию общепринятых имен или форм имени. Однако иногда фиксируются довольно распространенные системы индивидуальных именовании. Например, номинативная деятельность упомянутой в одном из приведенных выше контекстов «бабки Нюры-пьяницы» (д. Паршино Вашкинского района Вологодской области), судя по всему, была весьма активной: для многих полей и покосов вблизи деревни она придумала параллельные названия, среди которых топоним *Гнилая Жопа* является наиболее безобидным (остальные, как правило, носят обценный характер). Повышенная экспрессивность созданных этим «номотетом» имен выделяет их из топонимикона д. Паршино; четкая иллокутивная направленность, несложность и общедоступность используемых приемов позволяют другим носителям топонимической системы продолжать ее номинативную деятельность, вследствие чего образ бабки Нюры становится своеобразной номинативной маской (брачные добавки к общепринятым топонимам и «оригинальные» названия, основанные на матерной брани, могли быть введены в систему любым номинатором, опирающимся на заданный Нюрой номинативный стиль). Таким образом, существование в топонимическом тексте социолектов и идиолектов обуславливает его стилевую неоднородность.

Стилевая неоднородность топонимического текста свидетельствует не только о социальных различиях номинаторов, но и позволяет стратифицировать во времени отдельные текстовые цепочки. К примеру, весьма отчетливо выделяются в топонимическом континууме названия, созданные в «новое» время — 1920–1990 гг.

«Новая» топонимия характеризуется появлением не мотивированных свойствами объекта названий-пожеланий, в первую очередь — именований населенных пунктов, для которых подобные дезидеративы нередко сменяют старые названия, осмысляемые как пейоративные и потому не вписывающиеся в стилистику нового топонимикона: д. *Погорелка* → *Довольная* [Искр], д. *Заброды* → *Красная Заря* [Котл], д. *Пердунова* → *Гражданка* [Плес], д. *Горемыкино* → *Веселая* [Ваш] и др.²³ Названия такого плана являются «отадресатными» [Рут 1992, 21]: они задают общезначимые ценности и моделируют нужное автору номинации отношение адресата к объекту. Ср. еще примеры «новых» топонимов: д. *Красные Зори* [Устюж], поле *Первомайская* — «делали воскресник 1 Мая, поле расчищали» [Он, Нименьга], хут. *Федерация* — «после революции туда переехали» [Баб, Угловая], о-в *Весна* — «в 20-е годы туда переехали» [М-Реч, Дачное], поле *Ударное* — «вручную его разделявали» [Влгд, Владышнево], хут. *Октябрь* [Вель], куст д. *Спартак* [В-Т], хут. *Труды* [Шексн], хут. *Смелый* [Уст], д. *Пробуждение* [Уст], б.д. *Показатель* [Шексн] и др. Различия между «старой» и «новой» стилевыми установками ярче всего иллюстрируют названия, подвергнувшиеся стилевой «переплавке» в последнее время, ср.: руч. *Звозный*²⁴ → *Звездный* (показательна мотивировка, закрепляющая это пересосмысление: «На звезды смотрели, вот и назвали» [Вил, Щербинская]). Значителен стилевой пласт «колхозной» топонимии, созданной бригадами и агрономами колхозов. Одномерность видения местности, когда в номинативном фокусе оказывается только один вид топообъектов (поля), чисто утилитарная направленность такой топонимии приводят к утрате характеризующих названий (особенно метафорических) и к формированию сугубо дифференцирующих, ориентирующих топонимов, зачастую обладающих номенклатурно-канцелярской расчлененностью и синтаксической громоздкостью: *Средняя Полянка по Дороге*, *Средняя Полянка у Болота*, *Средняя Полянка в Углу*, *Дальнее Нижнее у Фермы* и т.п.²⁵ Взаимодействие традиционной крестьянской и новой «книж-

²³ Такого рода «перевертыши» (полярные замены) — массовое явление в искусственной топонимии первых лет Советской власти: пос. *Белый Ключ* → *Красный Ключ*, зал. *Цесаревич* → *Комсомолец*, станица *Великокняжеская* → гор. *Пролетарск*, ул. *Большая* и *Малая Дворянская* → *Большая* и *Малая Пионерская*, зал. *Императорская Гавань* → *Советская Гавань*, *Кадетский плац* → *Краснокурзантская площадь* и др. [Поспелов 1993, 35, 43, 190, 193, 228, 234].

²⁴ Ср.: *звоз* 'подъем куда-либо', 'деревянный настил у крестьянского дома' [ЛК ГЭ].

²⁵ Однако «бригадирский» номинативный стиль не является абсолютно новым: авторы разного рода описей земельных угодий творили географические названия в таком же духе в прошлые века.

ной» культуры приводит к обновлению арсенала лексических средств и, соответственно, смене стилевой тональности топонимии, ср.: на смену *Гулящим Островам*, куда уходили влюбленные парочки, приходят названия типа *Остров Любви* [Бел, Котл, Прим], *Остров Мечты* [Котл]; вместо *Матюкальных Болот* появляются *Неприличные Болота* [Ревд]; в системе наименований полей отмечаются перифразы типа *Вторая Украина* [Кир], *Вторая Сибирь* [У-Куб], *Наша Кубань* [Уст] (использование таких перифраз — характерная черта советской публицистики) и т.п. Расширение горизонта традиционной культуры, появление новых каналов трансляции этнокультурной информации вводит в номинативный арсенал топонимии образы объектов внешнего мира, которые ранее отсутствовали в культурном фонде носителя топонимической системы: характерный пример зафиксирован в микротопонимии д. Горбачево [В-Уст], где поля *Васькино*, *Егорушиково*, *Сенькино* получают новые названия — *Камчатка*, *Париж*, *Кубань* (ср. также названия частей д. Курцево [Котл] — *Финляндия*, *Турция*, *Германия*). Эта же тенденция обуславливает появление многочисленных *БАМов* (названий вновь созданных дорог), *Даманских островов* (обозначений вновь осваиваемых островов) и т.п.: время создания таких топонимов может быть установлено без труда — 70-е гг. XX в. для первых, 60-е — для вторых. В целом следует отметить, что «новые» наименования не занимают значительного места в топонимических системах, остающихся по преимуществу традиционными.

Таким образом, топонимический континуум представляет собой сложнейший по своей организации текст (на многих участках — палимпсест), каждый из фрагментов которого создан коллективом номинаторов, включенных в определенный социохронотоп. Соответственно, несоответствие стилевых доминант текстовых фрагментов свидетельствует о различных подходах субъектов номинации к моделированию образа мира. Безусловно, не следует преувеличивать степень прозрачности топонимического текста в этом плане, поскольку дискретность последнего для исследователя неизбежна. Кроме того, топонимические модели крайне консервативны и не обладают способностью быстро реагировать на те или иные внешние изменения; вследствие чрезвычайной объемности номинативных задач традиционные модели развивают повышенную многозначность, что мешает разглядеть различную стилевую природу разных реализаций модели²⁶. Несмотря на объективные трудности интерпре-

²⁶ Ср., к примеру, топонимические *красные горки*. Семантическое наполнение этих названий различно, причем различия носят концептуальный характер: иногда такие наименования имеют цветовую семантику; в других случаях обозначают места захоронений (подробнее см. гл. III

тации топонимического текста, текстовая модель топонимического пространства имеет определенную разрешающую силу, поскольку помогает раскрыть принципы антропоцентрической организации топонимического континуума.

Итак, **стилевая «полигlossия» топонимического текста**, сигнализирующая о специфике установок различных субъектов номинации, может занять важное место среди объектов этнолингвистического исследования.

Подведем итоги.

1. Русская народная топонимия является уникальным источником информации о духовной культуре народа. Топоним есть элемент некоторой концептуализированной области, являющейся составной частью народной культуры, поэтому реализация этнолингвистического аспекта топонимического исследования предполагает рассмотрение принципов семантической организации **всего топонимического континуума**.

Этнолингвистический аспект исследования еще не освоен топонимикой в достаточной степени, что может быть объяснено целым рядом факторов: инерцией представлений о топониме как этикетке, ортодоксальном знаке, замкнутом на объект и обладающем только энциклопедическим значением; относительной изолированностью топонимикой от «нарицательной» лингвистики, где позиции антропоцентрической парадигмы исследования более прочны; отсутствием в распоряжении исследователей обширных массивов полевых материалов, позволяющих с достаточной полнотой выявить семантическое наполнение топонимов (большинство исследований по топонимии основывается либо на данных письменных источников, либо на результатах полевых сборов на микротерритории — в окрестностях одного населенного пункта, куста деревьев, зоне бассейна небольшой реки и т.п.). Вследствие срабатывания этих факторов анализ имен собственных имен в культуроведческом аспекте нередко ограничивается работой с отдельными «культуроносными» названиями, которые, как правило, связаны с отражением явлений материальной культуры.

2. При этнолингвистическом изучении топонимии следует исходить из посыла о том, что топонимикон, как и остальные сферы традиционной духовной культуры, содержит специфическую версию этнокультурной информа-

настоящей работы); они могут стать также названиями красивых возвышенностей, откуда открывается вид на местность; кроме того, *красные горы* несут в себе «революционную» символику, ср. переименования типа *д. Попова Горка* → *Красная Горка* [Некр].

ции, которая не дублируется полностью другими версиями, но пересекается с ними в ряде фрагментов. Своеобразие этой версии создается благодаря особенностям проявления параметров этнокультурной информации: когнитивный генезис; сфера функционирования; структура; содержание и отбор; способ кодирования, специфика канала трансляции; семиозис (источники и условия трансляции).

Как уже говорилось, базовой для топонимической версии является информация о пространстве: ее статус обусловлен референтной привязкой единиц топонимикона. Эта информация многомерна, потому что пространственные представления существуют в нескольких вариантах, «разворотах» (реальное географическое пространство, ландшафтное пространство, ирреальное сакральное, историческое пространство и др.). Можно предположить, что разные пространственные модели влияют друг на друга: характер и направление такого влияния мы попытаемся описать в ходе дальнейшего изложения.

3. Этнолингвистической интерпретации топонимического материала должно предшествовать изучение закономерностей семантической организации топонимикона. В целях возможно более полного описания семантического наполнения географического названия необходимо использовать следующие источники информации о семантике топонима: закономерности объектной соотношенности названий; семантические связи внутри парадигмы названий одного объекта; связи в пределах семантической микросистемы топонимов; показания языкового сознания носителей топонимической системы; ареал распространения модели.

Иерархическая цепочка *семантика отдельного топонима* → *семантическая модель* → *семантическое поле* позволяет представить структуру семантического пространства топонимии.

Описание единиц семантической организации топонимикона дает объективированную картину особенностей отражения в топонимии реалий окружающей действительности. Этнолингвистический аспект исследования предполагает интерпретацию этой объективированной информации с целью выявления установок субъекта номинации, определяющих его мировосприятие. Таким образом, должно быть осуществлено сопряжение «отобъектного» и «отсубъектного» уровней рассмотрения материала, придающее анализу характер концептуального (концептуализация может трактоваться как интерпретация семантических явлений с прагматических позиций).

4. При проведении этнолингвистических штудий с неизбежностью встает вопрос о методике извлечения этнокультурной информации из языкового ма-

териала. В ходе этнолингвистического изучения топонимии следует работать с такими объектами исследования, которые позволят системно представить исковую информацию. Предполагается использовать следующие сферы анализа: идеографическая сетка, структурирующая семантическое пространство топонимикона (особое внимание следует обращать на асимметричную реализацию в топонимии сходных по смыслу параметров); отдельные семантические поля, включающие информацию с повышенным «коэффициентом субъектности / субъективности»; стилевая неоднородность топонимического текста.

Анализ этих объектов исследования позволяет извлечь информацию о том, как осуществляется категоризация окружающего пространства, какую роль играет субъект номинации в процессе освоения пространства, как формируется система приоритетов субъекта и др. Такая информация занимает важное место в структуре традиционной картины мира.

КОНЦЕПЦИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В РУССКОЙ ТОПОНИМИИ

Проблема восприятия географического пространства и пространственных отношений стала одной из наиболее актуальных в филологических и культурологических исследованиях последних лет. Актуальность данной проблемы определяется тем, что «понятие географического пространства принадлежит к одной из форм пространственного конструирования мира в сознании человека. Возникая в определенных исторических условиях, оно получает различные контуры в зависимости от характера обидных моделей мира, частью которых оно является» [Лотман 1992, 407]. Указанная тема разрабатывается на разнообразном материале: на данных языкового узуса — предложно-падежной системы, приставным значением, лексикой и идиоматики, составляющей ЛСГ 'пространство' и др. [Агеева 1984; Априсян 1995, 629–650; Богуславская 1998; Васенькин 1989; Василевич 1971; Всеволодова, Владимирский 1982; Засухина 1991; Ибрагимова 1986; Кибрик 1970; Кобозева 1995а; 1996; Кравченко 1990; 1996аб; Крейнвич 1960; Кубрякова 1997; Ли Тоан Тханг 1989; 1992; 1993; Лушникова 1996аб; Мартиросян 1984; Михайлова 1993; Проскурин 1990аб; Скобликова 1997; Топорова 1994, 26–41; Яковлева 1994; Herskovits 1988; Klein 1983; Talmy 1983; Wienold 1995 и др.], художественной литературы, фольклора, обрядовых систем [Байбурин, Левинтон 1978; Белов 1996; Бергер 1994; Гачев 1995, 153–182, 209–223; Гуревич 1984, 56–103; Джаксон 1994; Конаков 1996; Лотман 1992, 407–463; Пеньковский 1986; 1989; Подосинов 1978; 1994; Пространство и время в литературе и искусстве 1990; Следзевский 1996; Страхов 1988; Терехихин 1991; 1993; 1994; Топоров 1983; 1992; 1993а, 1995аб; Шапошников 1992; Шиндин 1993; Щепанская 1992; 1995; Launay 1996 и др.].

Однако топонимический материал, к сожалению, изучается в этом плане явно недостаточно. Можно назвать только одну проблему (далеко не исчерпанную), вызвавшую развернутую дискуссию на топонимическом материале, — это проблема ориентации по правой и левой стороне [см., например, Мурзаев 1993в; Толстой 1997, 407–438 (с библиографией вопроса); Труба-

чев 1986]. Эта дискуссия возникла в связи с этимологией гидронима *Десна*, который, по мнению А.А. Шахматова, М. Фасмера, Т. Лер-Сплавинского и др., произведен от прилагательного **desnъ* 'правый'. Что касается других аспектов проблемы ориентации в пространстве, то топонимические данные привлекались для их рассмотрения эпизодически: ср., к примеру, исследования, затрагивающие проблему ориентации по сторонам света и, в частности, цветовой символики сторон света [Иванов 1981; Никонов 1986; Трубачев 1974]. Единственная обзорная работа о проблемах отражения географической ориентации в топонимии [Мурзаев 1993а] основана на крайне разнородном материале, имеет весьма небольшой объем и носит, как представляется, сугубо постановочный характер. Данная лакуна тем более досадна, что концепция пространства (места), как уже говорилось, является базовой для топонимической концептосферы и, соответственно, топонимический материал может дать достаточно подробную и целостную трактовку народного восприятия пространства.

Попытаемся показать разнообразие возможностей работы с топонимией при изучении специфики народной системы ориентации в пространстве, а также народного ментального образа пространства.

Как известно, объективное («чистое») пространство обладает такими свойствами, как ненаправленность, непрерывность, бесконечность, гомогенность [Кандрашина, Литвинцева, Поспелов 1989, 169–170]. Однако восприятие человека способно нарушить эту нейтральную объективность, придавая пространству (точнее, его образу в человеческом сознании) направленность, прерывность, конечность и неоднородность¹. Этнолингвистическое исследование должно быть нацелено на описание именно субъективированного представления о пространстве, эксплицируемого по языковым данным. Таким образом, при работе с материалом следует обращать внимание на то, в чем выражается субъективный фактор при восприятии пространства: «шкалированность» пространства, наличие различных систем шкалирования, а также логика его осуществления; неравновесность симметричных с логической точки зрения пространственных маркеров (ср., допустим, наличие ориентационных предпочтений при определении сторон света), их коннотативная нагруженность (ср. ценностное осмысление правой и левой стороны); появление пространственных смыслов у непространственных показателей и др.

¹ О качественной неоднородности восприятия пространства см. [Топоров 1992, 340 (применительно к мифологическому сознанию); Яковлева 1994, 25–29, 32–35].

Для описания организации пространства необходимо выработать систему базовых параметров описания. Ср., к примеру, набор базовых единиц, используемый Г. Личем: 'место', 'протяженность', 'близость', 'вертикальность/горизонтальность', 'север/ юг', 'запад/восток', 'ориентация', 'движение', 'виды передвижения', 'поза (положение человека в пространстве)' [Lecch G. Towards a Semantic Description of English. London, 1971. Цит. по: Яковлева 1994, 19]. В зависимости от специфики языкового материала могут быть задействованы и другие наборы базовых единиц [Мартirosян 1984; Яковлева 1994, 19]. В нашем случае целесообразно выработать ту структуру описания, которая была бы релевантна топонимическому материалу и соответствовала задаче выявления субъективного фактора при конструировании образа пространства. В соответствии с этими соображениями были введены некоторые ограничения при определении объема изучаемого материала. Допустим, такой параметр, как «виды передвижения», не может быть исчерпывающе описан по топонимическим данным, а параметр «форма, конфигурация объекта», квалифицируемый в некоторых исследованиях как пространственный, обладает невысокой информативностью в плане характеристики установок субъекта.

Анализ топонимических данных показал, что наиболее полно представлены в топонимии следующие пространственные параметры: 1) локализация объекта; 2) охват местности; 3) протяженность; 4) обжитость пространства.

Первый из них, по сути, позволяет определить **точку зрения** субъекта номинации по отношению к пространственным объектам (локализация всегда осуществляется при наличии некоей системы координат); второй и третий — охарактеризовать **поле зрения** номинатора; четвертый — дать качественную характеристику освоенного и не освоенного человеком пространства. Эти параметры определили структуру настоящей главы, в которой будет осуществляться их последовательное описание; в заключение будет представлена итоговая характеристика народного ментального образа пространства по данным русской топонимии.

1. Локализация объекта в пространстве

Локализация объекта в пространстве с помощью топонимических маркеров осуществляется на основе следующих базовых параметров: *ближний — дальний; правый — левый; передний — задний; верх — низ; стороны света; начало — конец.*

При реализации этих параметров задействуются разные ориентационные механизмы (системы координат); одно и то же пространственное отношение может разворачиваться в рамках различных координатных сеток, каждая из которых связана с определенной позицией (точкой зрения) наблюдателя. Поэтому есть смысл сначала описать смысловое наполнение и функционирование топонимов, реализующих представленные выше базовые параметры, а затем обсудить проблему точки зрения в пространственной топонимической номинации.

1.1. Параметры локализации в пространстве

БЛИЖНИЙ — ДАЛЬНИЙ

Данный параметр обладает самой богатой системой способов выражения, причем любопытно то, что, помимо собственно пространственных реализаторов идеи близости объекта от наблюдателя, используются также непространственные способы воплощения этой идеи. Таким образом, появляется круг предметов и явлений действительности, в ментальных образах которых пространственный компонент изначально не был задан, однако суженность зоны бытования или функционирования объектов приводит к появлению этого компонента в семантической структуре их наименований. Тем самым производится качественная характеристика пространства, наполняемого непространственными по своему генезису «вехами».

Следует отметить, что изучаемая пространственная оппозиция асимметрична по структуре, поскольку её полюса обладают различной номинативной активностью. Интересно, что эта асимметричность по-разному проявляется у собственно пространственных и непространственных моделей.

А. Собственно пространственные модели

• Модель ближний—дальний (иногда расширяемая за счет элемента *средний*) асимметрична в пользу *дальних* наименований (на 250 *ближних* приходится около 600 *дальних* топонимов, т.е. они соотносятся как 2:5). При этом подавляющее большинство *ближних* разводится по парам с *дальними* (например: руч. *Ближняя Вотчица* — *Средовая Вотчица* — *Дальняя Вотчица* [Вож], поле *Ближний Став* — *Средний Став* — *Дальний Став*, д. *Ближнее Осолово* — д. *Дальнее Осолово* [Карг] и др.); оставшиеся без пар *дальние* вступают в корреляции с составными названиями с немаркированным элементом (типа *Макарово* — *Дальнее Макарово*). Количество «просто *дальних*» (т.е. топонимов, не входящих в коррелятивные пары) относи-

тельно невелико (1/5 всех наименований, включающих этот апеллятив), однако сам факт появления их достаточно показателен. «Просто дальние» сами по себе неспособны более или менее определенно локализовать предмет (в то время как ближние очерчивают некую реальную пространственную зону), поэтому появление их в топонимической системе, обладающей инструментальной предназначенностью, выглядит несколько неоправданным. Дело в том, что «просто дальние» определяют зону хозяйственно освоенного пространства, являясь не столько дистанционными показателями, сколько обозначением рубежа, границы между своими, включенными в хозяйственный процесс объектами, и неосвоенным пространством. Ср.: поле *Дальнее (Верх)*² — «поля все по речке идут, это наше последнее поле» [Котл, Наледино], пок. *Дальний Лог* — «последний наш участок там» [В-Уст, Родионовица], оз. *Дальнее* — «цепь озер там наших, это последнее» [Лен, Большой Кряж]. Таким образом, дальние топонимы, не имеющие коррелятивных связей, выражают популярнейшую в русской топонимии идею пространственной границы; достаточная для ориентации пространственная определенность достигается за счет **радиальности** освоения пространства: обычно хозяйственные угодья располагаются по какой-либо линии (одной или нескольким) — вдоль реки, дороги и т.п., поэтому становится возможным преодолеть ориентационную размытость рассматриваемых названий. Ту же идею выражают топонимы, образованные от апеллятивов *концу*, *край*, *последний* и т.п.

В том случае, когда ближние и дальние названия входят в коррелятивные пары, на ориентацию «от себя» накладывается ориентация «от объекта», так как коррелятивность усиливает реляционность семантики дальних и ближних топонимов (*дальние* находятся за *ближними*³ по линии, заданной наблюдателем, находящимся в центре координат).

Наконец, раритетность в русской топонимии *ближних* названий, не имеющих пары, объясняется тем, что *ближние* топонимы обладают относительно низкими различительными возможностями: находящиеся поблизости от наблюдателя объектов много, значительно больше, чем удаленных, и для их дифференциации должен быть задействован признак, обладающий большими дистинктивными возможностями, чем простое указание на близость объекта.

² В данном случае проявляется также аналогичная семантика *верха*, понимаемого как 'верхняя (по реке) граница хозяйственных угодий'.

³ Не случайно у дальних названий иногда появляется вариант — *задние*: пок. *Ближняя Литовка* — пок. *Дальняя (Задняя) Литовка* [Кир], р. *Ближняя Митинга* — р. *Дальняя (Задняя) Митинга* [Бабуш].

• Следует выделить еще один собственно пространственный способ реализации дистанционных отношений. Несмотря на свою невысокую активность, он весьма показателен для топонимической системы, ибо наглядно демонстрирует заложенные в ней тенденции. Данный способ предполагает использование в качестве дистанционных показателей указательных местоимений с пространственным значением: *этот (сей) — тот, сюда, здесь — там*. Низкая активность этих маркеров дистанционности объясняется их крайней семантической диффузностью, придающей парадоксальность привлечению этих слов к «работе» в качестве компонентов топонима. Семантическая диффузность может быть компенсирована только жесткой закрепленностью и статичностью позиции наблюдателя, которая оказывается одним из основных условий функционирования изучаемого топонимикона. В случае изменения позиции наблюдателя может последовать весьма нежелательное переименование объектов.

Анализируя состав указательных местоимений с дистанционным значением, следует отметить наблюдающийся и здесь перевес маркеров удаленности. Зафиксировано 8 случаев использования местоимения *тот*: лес *Та Выгорода* (рядом лес *Наша Выгорода*) [Гряз], поле *Та Гора* [Кир, Уст, Шексн], поле *Та Горка* [Череп], лес *Тот Бор* [Котл], поле *То Поле* — «мы жили за мостом, а поле было по ту сторону реки, вот и говорили: «Пойдем То Поле косить» [Гряз, Перцево], поле *То Поле* [Он]; в то же время имеется только два случая употребления местоимения *этот* — поле *Это Поле* [Пыщ], луг *Этот Луг* [У-Куб]. В этом перечне нет корреляции *тех* и *этих* топонимов — такая корреляция возникает в тяжеловесных составных конструкциях (возможно, официальных, т.е. принадлежащих, допустим, к колхозной номенклатуре) с сочетаниями *та сторона /эта сторона*, являющихся «полуфабрикатами» топонимов: ур. *По Ту Сторону Мосточка — По Эту Сторону Мосточка* [Ней], пок. *На Этой Стороне Ней — На Той Стороне Ней* [Ней], ср. также не имеющую коррелята конструкцию *По Эту Сторону Камешницы Поляны* [Уст]. Отсутствие противопоставления *тот—этот* восполняется корреляциями с недействительным (или нулевым) вторым членом: к примеру, поле *Та Горка* находится против д. *Горка*, лес *Тот Бор* расположен недалеко от леса *Вотложемский Бор* и т.п.

Отмечены также единичные употребления местоимений *здешний* (поле *Здешние Полянки* [В-Уст], поле *Здешняя Новина* [Холм]), *тамошний* (руч. *Тамошно* [В-Важ]), а также *сей* и *сюда* (пок. *Афанасьева На Сей*

Стороне [Уст], пок. По Сю Сторону Порсонги [Уст], ур. По Сюда Залазного [Нянд]).

Итак, проникновение указанных местоимений в топонимическую систему спорадично, что подчеркивается их приложимостью к самым номинативно нестабильным объектам — полям и покосам, а также употреблением в составе «полуфабрикатных» конструкций. Однако сам факт такого проникновения не случаен и подчеркивает статичность позиции наблюдателя, характерную для русской топонимии.

• Еще один собственно пространственный способ выражения рассматриваемых отношений является опосредованным, так как предполагает использование так называемых вторичных топонимов [см.: Печерских 1974; Рут 1992, 86–87]. Этот способ задействуется только для выражения идеи удаленности — на самом деле, образ **чужой** страны (стороны) никак не подошел бы для обозначения близких к наблюдателю, а значит, освоенных объектов.

Представим примеры вторичных топонимов, выражающих идею удаленности (основой выборки послужили материалы, приведенные в диссертации М.Э. Рут [1994], которые пополнены полевыми записями ТЭ 1993–1998 гг.; приводятся только названия, имеющие мотивационные контексты): пок. *Америка* — «дальний покос был» // «никто его не знал, где он» [Ваш, Босово, Шугино]; лога *За Америкой* — «далеко дак, поэтому За Америкой. Бабы говорили: «Куда пошла косить? А За Америку» [Ник, Шолково]; д. *Америка* (неоф.) — «она от центра больше трех километров, вот и прозвали» [У-Куб, Михалево]; ур. *Воркута* — «мужики назвали эдак после войны уж, это так зовётся, далёко от деревни» [Уст, Березник]; пок. *Ерусалим* — «дальнее поле, далеко до него, как до Ерусалима» [Уст, Строевское]; поле *Заполярье* — «это Заполярье считалось, ото всех сзади» [У-Куб, Жуково]; поле *Камчатка* — «далеко от деревни это поле, выселенные там жили» [Вил, Щербинская]; пок. *Камчатка* — «в углу была, вот и Камчатка» [Мез, Нижя]; пок. *Китай* — «самая последняя наша пожня» [Лен, Лантыш]; пок. *Питер* — «дней на 10 ездили косить — вроде как в Питер съездили» [Устюж, Конюхово]; поле *Гогин Питер* — «далеко она, сама последня новина, потому и Питер» [Холм, Прилук]; д. *Румыния* (неоф.) — «Дупельнево еще Румынией звали, далеко, что ли, казалось» [Шексн, Кошеево]; часть д. *Сахалин* — «Сахалин почти в самом конце деревни, далеко до него» [Чаг, Смердомский]; пок. *Сахалин* — «Сахалин далеко-далеко в лесу» [Шексн, Ларионово]; поле *Сибирь* — «далеко поле, вот и Сибирь» [Уст, Коптяевская]; куст д. *Туруханский Край* — «далеко и бездорожье ди-

кое» [У-Куб, Шпилиха]; часть д. *Финляндия* — «на отставу она, подальше от других» [В-Уст, Ильинское].

Среди вторичных топонимов такого типа наиболее популярными оказываются *Камчатка* и *Сибирь*, распространенные в 2/3 административных районов Русского Севера.

• Что касается идеи близости, то она может быть реализована с помощью топонимов, указывающих на связь объектов с населенным пунктом (домом): **деревенский** > пастб. *Деревенская Ухожа* [Устюж], р. *Деревенская Речка* [Хар], пок. *Деревенские* [Нюкс], пок. *Деревенский* [Кон], руч. *Деревенский* (впадает в оз. *Домашнее*) [Он], руч. *Деревенский* [В-Т, В-Уст, Хар], порог *Деревенский Порог* [Он], поле *Деревенское Поле* [Баб]; **домашний (доможи́р⁴)** > оз. *Домашнее* [Плес], оз. *Домашнее* — «из Домашнего воду черпают» [Он, Нименьга], пок. *Домашние* [Лен], оз. *Домашние* — «близко дак, вот и Домашние» [Он, Порог], руч. *Домашний* [Уст], г. *Домашний Увал* [Мез], р. *Доможировка* [Ней]; **под окном (перед окном, прямо⁵ окна)** > полоса *Подоконница* [Кологр], пок. *Подоконное* — «рядом здесь, под окнами у нас» [Леш, Вожгора], поле *Подоконное* [В-Т, Мез, Он], поле *У Попа Под Окном* [Вож], пок. *Передоконные* [Бабуш], пок. *Передокошко* [У-Куб], поле *Прям Окошек* [В-Уст] и мн. др. Вероятно, сюда же следует отнести и топонимы, образованные от апеллятивов **родимый, родной**: бол. *Родимый Мох* [Кир], р. *Родимой Поток* [Кологр], пок. *Родная Исадница* [Тот], пок. *Родные* [Макар].

Топонимы типа *Домашний, Деревенский* и пр. могут функционировать только в весьма узком контексте — в топосистеме одного населенного пункта и при условии, что обозначаемый ими топообъект является единственным объектом такого вида в деревне и ее ближайших окрестностях. Такие условия функционирования приводят к тому, что положение этих топонимов оказывается весьма неустойчивым: при номинации «изнутри» имя вроде *Деревенский* или *Домашний* оказывается избыточным (руч. *Деревенский* — «чаще-то мы его никак не зовём, а правильно его звать *Деревенский*» [Уст, Коптяевская]), при номинации «извне» соответствующий объект нередко получает параллельное название по деревне (оз. *Домашнее* = *Назаровское* у д. *Назаровская* [Кон]). Однако топонимы такого плана весьма частотны.

⁴ Ср.: *домашний лес* 'близкий лес', *домашняя топя* 'топя на той же стороне, где стоят жилища, обыкновенно начинающаяся тут же от вешал' [СРНГ, 8, 117], *доможи́р* 'домосед', *доможира* 'дом со всем хозяйством' [СРНГ, 8, 22].

⁵ Ср.: *прямо* 'напротив' [ЛК ТЭ].

В целом следует отметить, что собственно пространственные способы выражения дистанционных отношений тяготеют к акцентированию идеи удаленности объекта; это обстоятельство объясняется большими различительными возможностями признака удаленности.

Б. Непространственные модели

Говоря о непространственных способах реализации отношения *близкий-дальний*, следует отметить, что здесь асимметричность резко смещается в сторону показателей *близости*, которые весьма разнообразны в качественном отношении и представительны в количественном. Такое смещение вполне объяснимо: если для собственно пространственных маркеров идея близости обладает недостаточными дистинктивными возможностями, то в данном случае эта идея приобретает разрешающую силу, ибо наслаивается на первичный смысл непространственных показателей. Обозначения объектов (или отношений), имеющих четко закрепленную зону действия, в результате своеобразной символической метонимии приобретают дополнительный пространственный смысл.

• Идея близости объекта к дому может быть реализована, во-первых, с помощью моделей, обозначающих отношения собственности (точнее, свойства) — *наш*, *свой*, ср.: лес *Наш Бор* [Кологр, Мантур], пастб. *Наша Покотина* [У-Куб], поле *Наше Поле* [Устюж], бол. *Наше Болото* [Устюж], оз. *Наше Озеро* (вар. *Маленькое Озерко*, *Озеро*, *Лоховское Озеро*) — «мы все Наше Озеро зовём, иногда Маленькое Озерко, просто Озеро. А из других деревен Лоховское Озеро зовут» [Карг, Лохово], пок. *Петушки Наши* (ср. поле *Петушки Поповицкие*) [К-Б], бол. *Своё* [Бел, Мез], бол. *Своё* (вар. *Жаравинос*) [Карг], бол. *Своё Болото* — «около деревни, потому Своё» [Чаг, Бортниково], пок. *Своё Косынёво* [Вель], оз. *Своё Озеро* [Вель], руч. *Свой* (вар. *Кузьмин*, *Домашний* — в д. Козьмогородское) [Мез], лес *Свой Бор* [Шенк], пок. *Свой Лужок* [К-Б], бол. *Свой Мох* [Нянд], поле *Свой Наволок* [Мез, Он, Пин], старица *Своя Река* [Ник], etc⁶. Противопоставленность своих и чужих объектов в топонимии не отражена (чужие топонимы не обладали бы дистинктивными возможностями), однако встречаются пары типа *Наша Пожня* — *Та Пожня* (покосы) [Гряз], *Наше Клоково* — *Фешовское Клоково* (поля) [Чаг], *Пустое* — *Своё Пус-*

⁶ Данная модель имеет весьма устойчивую традицию употребления в русской топонимии, ср., к примеру, существовавшую у русских помещиков XVIII—XIX вв. практику наречения поместий именами типа *Свои Сады* (*Свои Садики*).

тос (озера) [Шенк], подчеркивающие пространственное значение определений *наш, свой*. Оговоримся еще раз: первичная семантика местоимений — равно, как и других непространственных моделей, — сохраняется (*наше, своё* = принадлежащее нам, используемое нами), а пространственные смыслы играют роль устойчивых коннотаций.

• Во-вторых, для выражения идеи близости объекта к дому используется образ женщины (бабы). Топонимы, в состав которых входит определение *бабий*, обозначают объекты, расположенные около населенного пункта и связанные с хозяйственной деятельностью женщины (на *бабьих болотах* женщины собирают ягоды, в *бабьих ручьях* или на *бабьих озерах* стирают белье⁷ и т.д.). Соответственно, атрибутив *бабий* приобретает, помимо «социальной», пространственную семантику, ср.: бол. *Бабье* — «бабы по ягоды бежали, близко оно» [В-Уст, Палема], поле *Бабье Поле* — «тут у деревни оно, бабы работали» [Котл, Новинки], пок. *Бабье* — «самый ближний покос от деревни» [Хоам, Ульяново], бол. *Бабье Болото* — «около деревни оно, бабы всё туда бежали, далеко-то некогда бежать» [Ваш, Муньга], лес *Бабий (Бабкин) Лес* — «Бабий Лес близко, а в Дедков Лес пойдешь — сапоги надо одевать»; «в Бабкин Лес бабки по красули бежали, а в Дедков Бор не сразу попасть можно, там чабра такая, только мужик в болотниках пройдет» [Хоам, Речка, Подборье] и др. Если *бабьи* объекты окружают населенный пункт, то *мужские* объекты — «все остальные», поэтому соответствующие топонимы не могли бы реализовывать дистинктивную функцию и не приобретают пространственной символики (см. об этом в гл. I настоящей работы); встречающиеся иногда в топонимии названия типа *Дедово Поле, Дедов Ручей* выражают, как правило, possessивные отношения (в нашем материале встретился только один топоним с определением *Дедков*, имеющим пространственную семантику, — см. выше *Дедков Лес*: данное название противопоставлено топониму *Бабий Лес*).

• В-третьих, своеобразными маркерами близости объекта к дому являются образы некоторых домашних животных и птиц. В этой связи интересен образ кошки. Многие *кошачьи* топонимы обозначают места, где топили (хоронили) кошек (и других мелких домашних животных), ср.: оз. *Кошачий Лог* — «кошек, видно, топили старики» [Вель, Прилук], оз. *Кошачья Яма* — «кошек там топили» [Котл, Забелино], омут *Кошачий Курган* — «кошек, наверное, бабка Маня топила» [Бел, Мыс], пок. *Кошечьи Похоронки*

⁷ Ср. название оз. *Бабье*, которое имеет характерный вариант — *Портмолай* [В-Уст].

[Вель], поле *Кошачий Городок* [Уст], холм *Кошечий Городок* [Холм] и т.п. Однако в ряде случаев *кошачьи* топонимы не являются сугубо «мемориальными», но приобретают пространственный смысл, ср.: руч. *Кошачий* — «мелкий ручеечек тут у деревни, даже кошка перебрела бы» [Влгд, Новленское], поляна *Кошачья* — «у самой деревни, вот и Кошачья» [В-Уст, Гора-Семеновская], руч. *Кошкин* — «небольшая канавка, течет у самой деревни, тут кошки еще бегают» [Карг, Лохово], часть д. *Кошачья Слободка* — «там всего пять домов, дак никто, кроме кошек, не бегал» [Прим, Шириша]. Таким образом, *кошачьи* названия могут маркировать близкую к дому зону, прилагаясь к мелким ложкам, ручейкам, полянкам, которые вряд ли удостоились бы особого названия, если бы находились подальше от деревни; задействие образа кошки мотивировано тем, что это «самое домашнее» животное, своего рода символ дома. Своеобразным «дублером» кошки является курица: *куриные* названия — так же, как *кошачьи*, — обозначают близкие к дому объекты, ср.: бол. *Курицкое* — «оно маленькое, у самой деревни» [Бел, Гришино], руч. *Куриный* — «близко от деревни ручеек, вот и назвали» [Котл, Ядриха], бол. *Куричье* — «маленькая ямка заболоченная, в самой деревне. Здесь Куричье у нас, курицы бегали, что ли» [Карг, Ручьевская], пок. *Курицыно* — «около самой деревни, здесь даже курицы бегают» [Вож, Кропунинская]. Ср. выводы Е.В. Лысовой, изучившей особенности ментального образа курицы в русской традиционной культуре на материале текстов малых жанров фольклора и диалектной лексики: «Образ курицы имеет устойчивую локальную закрепленность: своя улица, непелище, своя земля, двор, огород, курятник» [Лысова 1998, 172]. *Куриные* гидронимы имеют дополнительную «метрологическую» мотивировку, обозначая предельную степень «мелкоты» гидрообъекта, ср. *куриный брод* 'очень мелкая речка' [ЛК ТЭ], *курице по холку* 'мелко' [НОС, 4, 182] (ср. также пословицу «По нашей речке куры пеши бродят» [Даль, II, 224]). *Куриные* и *кошачьи* названия семантически диссонируют с топонимами типа лес *Зячий*, ур. *Лисьи Норы*, оз. *Лебединое*: если последние отражают реальную фауну географических объектов, то первые реализуют пространственную символику.

Идея **удаленности** объектов от дома, как уже отмечалось, имеет более узкий диапазон непространственных маркеров.

- Если рассматривать образы животных, то, пожалуй, труднее найти образ, который стал бы маркером идеи удаленности, чем показатель идеи близости. Топонимы, в основе которых названия диких животных, обозначают места обитания последних, что немаловажно для охотников, а также «памят-

ные» места, где произошло нападение (как правило, волка или медведя) на человека (домашних животных); разумеется, эти два смысла нередко совмещаются. Однако место встречи, например, с медведем необязательно удалено: он может появиться на овсяном поле (ср. поле *Мишкин Овес* [Баб]), под самой деревней (пок. *Медвежий* — «тут у самой деревни медведя видели» [Влд, Новленское]) и т.п. В то же время в топонимии встречаются названия, образованные на базе идиомы *медвежий угол* 'отдаленное, глухое малонаселенное место, захолустье' [ФСРЯ, 489]. В нашем материале имеется 8 таких топонимов: ур., лес, пок. *Медвежий Угол* [В-Важ, Галич, Гряз, Ник, Сус, Тот, Чуха], пок. *Медвежий Уголок* [Пыщ]⁸. В семантике этих названий идея удаленности сочетается с идеей неосвоенности объекта.

• Идея удаленности также может быть реализована посредством топонимов, связанных с обрядовыми действиями, а именно, празднованием окончания жатвы или покоса. При осуществлении этого ритуала готовились праздничные блюда, которые на ряде территорий были «специализированными» (употреблялись только при окончании уборочных работ), ср.: *соломат* — 'жидкое кушанье из крупы или толокна, готовившееся обычно по окончании уборки урожая', *саламат* — 'застолье по случаю окончания сбора урожая' [ЛК ТЭ]; *дежень* (*дежён*) — 'блюдо из толокна со сметаной или простоквашей, которое, как правило, готовилось по окончании уборки урожая' [ЛК ТЭ]; *канунец* — 'пиво, брага, приготовленные к празднику; местный праздник в честь святых весной или осенью, сопровождающийся молебном, угощением в складчину' [СРНГ, 13, 44–45]. Данные апеллятивы отражены в топонимии, причем соответствующие топонимы обозначают наиболее удаленные поля, которые убирались в последнюю очередь и на которых проводился ритуал дожинок. Например: пок. *Соломатница* — «назвали, потому что самый дальний покос. Когда раньше косили, завершали весь покос, соломат мешали» [Вель, Мокшинская], поле *Соломатной Лог* [Тарн]; поле *Деженное* — «это поле у нас последним убирали» [Ваш, Мальгино]; пок. *Канунцы* — «Канунцами назывались, потому что сенокос ими завершали, самый далекий покос» [Пин, Шотогорка]. Конечно, *соломатные* и т.п. топонимы не всегда имеют указанную коннотацию, но относительно топонимических систем ряда территорий об этом можно говорить достаточно уверенно: к при-

⁸ Любопытно, что *медвежий углы* попадают только в топонимических макросистемах Вологодской и Костромской областей, но не фиксируются в Архангельской области более «глухой» и «медвежьей». Очевидно, в топонимии Архангельской области такие названия не обладали бы различительной силой.

меру, в топонимии смежных Вельского района Архангельской области и Тарногского района Вологодской области фиксируется 10 *соломатных* топонимов; на этой же территории овсяный солоMAT является именно ритуальным блюдом [ср. Воронина 1992, 94; ЛК ТЭ], что свидетельствует о терминологизации пространственного смысла при топонимическом употреблении.

• Наконец, есть основания говорить о том, что идея удаленности объекта может выражаться с помощью числовой символики. Интересны в этом плане *девятые* топонимы (о символике числа *девять* в топонимии см. в гл. 1 настоящей работы). Ср.: поле *Девятое Поле* — «самое далекое поле» [Тарн, Никифоровская]. Материалы топонимии коррелируют с данными апеллативной лексики. Значение отдаленности (как в пространственном, так и в «социальном» смысле) выражено в диалектных фразеологизмах *на девятом шоломе*⁹ ‘очень далеко’ [ЛК ТЭ], *девятая кость от задницы* (*девятая нога от задницы*), *девятый кол в заборе* ‘о дальнем родственнике’ [ЛК ТЭ], *девятый зуб* ‘о дальней родне’ [СРНГ, 7, 326] и др.

ПРАВЫЙ — ЛЕВЫЙ

Правые и *левые* названия весьма редки в рассматриваемой топонимической макросистеме: зафиксировано около 35 *правых* и 40 *левых* названий, которые в большинстве случаев разводятся по коррелятивным парам, ср.: пок. *Левая Васильевская* — *Правая Васильевская* [Нюкс], *поле Правая Демёша* — *Левая Демёша* [Кон], р. *Правая Россоха* — *Левая Россоха* [В-Т, К-Г, Леш, Мез, Пин], *поле Правая Сторона* — *Левая Сторона* [Холм], пок. *Левые Дорки* — *Правые Дорки* [Шексн], пок. *Левый Бутькун* — *Правый Бутькун* [Пин], пок. *Захолмище Левое* — *Захолмище Правое* [Вож] и др. Очень редко встречаются пары с немаркированным членом (р. *Сосновка* — *Левая Сосновка* [Котл]) и единичные названия (р. *Левая Быстрая* [Ник], пок. *Правая Зидняя* [Нюкс]).

В подавляющем большинстве случаев тополексемы *правый* и *левый* функционируют в составе составных топонимов, т.е. употребляются лишь для дополнительной дифференциации объектов. Показательно также, что эти определения используются в основном для характеристики расположения полей, покосов, населенных пунктов. Названия полей и покосов представляют собой сравнительно поздний топонимический пласт; в ойконимии нередки случаи искусственного императивного вмешательства в номинативную систему (ойко-

⁹ Букв. «на девятом холме», ср. *шолом* ‘холм, небольшая горка’ [ЛК ТЭ].

нимы *Левогорочное* -- *Правогорочное*, *Левоплоское* — *Правоплоское* [Уст] носят весьма искусственный характер, не говоря уже о парах типа д. *Парфеньево-Левый Берг* — *Парфеньево-Правый Берг* [Вель]). «Полуфабрикатные» конструкции типа *За Двоими Воротами Налево* [Уст] также носят явно поздний характер. В гидронимии *правые* и *левые* названия встретились в общей сложности только 20 раз, причем они характеризуют ручьи и небольшие реки.

Из этих фактов можно сделать вывод о том, что определения *правый* и *левый* стали использоваться в топонимии Русского Севера достаточно поздно. Дополнительным аргументом в пользу этого является наличие у топонимов с определениями *левый* и *правый* параллельных форм (очевидно, более ранних), включающих более традиционные атрибутивы (р. *Левая Курома* — *Правая Курома* // р. *Северная Курома* — *Летняя Курома* [В-Т], р. *Левая Россоха* — *Правая Россоха* // *Первая Россоха* — *Вторая Россоха* [Мез]). Ср. на других территориях: к примеру, *левые* и *правые* названия среди гидронимов Украины не зафиксированы (кроме топонима *Права Вершина Мокрого Яланчика* [СГУ, 445], который появился, скорее всего, при описи водных объектов), практически нет их и в бассейне Оки (фиксируется один гидроним *Правой* и весьма сомнительные в плане связи со значением 'левый' *Левинка* и *Левкуша*) [Смолицкая, 44, 149, 210]. Эти данные подтверждают наблюдения В.А. Никонова: «Левое и Правое непривычны или очень поздние в топонимии старых русских областей» [Никонов 1965, 34]. В то же время они широко используются для дифференциации усваиваемых русскими иноязычных топонимов (особенно гидронимов) на территориях позднейшего заселения — на Дальнем Востоке, в Восточной Сибири и т.п. Такая топонимия, как правило, очень рационализирована, причем дифференцирующие определения в ней отражают не столько живую речевую стихию, сколько стремление к номенклатурной целесообразности и упорядоченности, ср. пары гидронимов типа р. *Левая Верхняя Томба* — *Правая Верхняя Томба*, р. *Левый Верхний Беркакит* — *Правый Верхний Беркакит* [СГНЯ, 186—188, 132—135].

Однако значения 'правый' и 'левый' могли выражаться и другими топонимическими лексемами, ср. существование в некоторых зонах восточнославянской и на южнославянской территории гидронимов типа *Десна* (*Десенка*) и *Шуя* (*Шуйца*), которые могут быть связаны с **desnъ* 'правый' и **šujъ* 'левый'. Как уже говорилось, по поводу топонимов такого рода развернулась весьма интенсивная полемика, которая подробно анализируется в обширной статье

Н.И. Толстого [Толстой 1997, 407–438]. Автор представляет позиции всех участников дискуссии относительно этимологии гидронима *Десна*, относивших этот гидроним к разным этимонам, языковым группам и языковым семьям. Судя по этому обзору, наиболее многочисленная группа участников дискуссии (правда, далеко не все из них углубленно занимаются этимологией) поддерживают гипотезу о связи названия *Десна* с праслав. **desnъ*. Однако в таком авторитетном этимологическом источнике, как ЭССЯ, указывается, что **desnъ* (*ъ*) — древнейший южнославянский диалектизм, неизвестный западнославянским и восточнославянским языкам, следовательно, название реки *Десна* у восточных славян не может объясняться как первоначально ‘правая’, поскольку как раз восточные славяне не имели соответствующего апеллятива; для этого названия допускается «вторичная славянизация родственного балтийского названия со значением ‘правая (река)’» [ЭССЯ, 4, 219].

В то же время многие участники данной дискуссии считают, что изучение особенностей локализации объектов, обозначенных гидронимами типа *Десна*, может способствовать восстановлению направлений миграции народов. К примеру, Л.А. Шахматов, родоначальник этой идеи, полагал, что славяне шли с юга на север и, встретив справа на своем пути *Десну*, назвал эту реку по ее отношению к миграционной волне [излагается по: Толстой 1997, 412].

Различного рода «миграционные» гипотезы Н.И. Толстой не считает приемлемыми, ибо против них «свидетельствуют названия довольно многочисленных мелких рек [«омонимов» *Десны*. — Е.Б.] (от 1,5 до 5 километров и немногим более), которые в свете больших миграционных волн оказываются ничтожными» [Толстой 1997, 432]. Исследователь обращает внимание на то, что притоки более крупных рек, обозначаемые гидронимами, которые связаны с лексемами **desnъ*, **šujъ*, довольно последовательно располагаются в обратном направлении, чем это могло бы ожидаться с точки зрения современной научной гидрографической системы, задающей ориентировку сверху вниз по течению реки.

Этот факт (на который обращали внимание и другие ученые) истолковывается автором двумя способами, первый из которых он называет ономастическим, а второй — этнографическим. Ономастический способ объяснения заключается в допущении того, что народная ориентировка идет в направлении от больших рек к меньшим, от больших — к малым, от устья к истокам; таким образом, наблюдатель осваивает объект **против течения** реки. Этнографическое объяснение базируется на свидетельстве сербского этнографа

М. Филиовича о том, что сербы считают правые и левые притоки, ориентируясь против течения, а не по течению [Толстой 1997, 436–437].

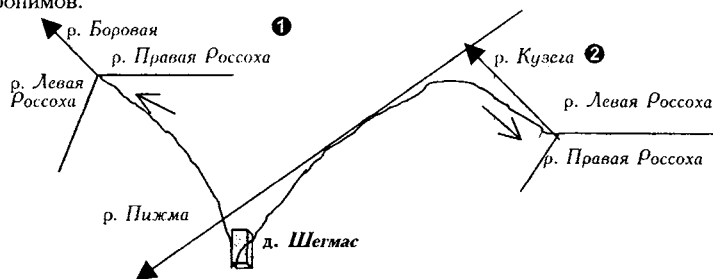
Мы достаточно подробно изложили результаты дискуссии по поводу обозначений правой и левой стороны, ибо они имеют принципиальное значение, выходящее за рамки проблемы «правизны» / «левизны»: они выходят на конструктивные принципы народной системы ориентации в пространстве. Гипотеза Н.И. Толстого (несомненно, очень интересная) предполагает существование в народной системе ориентации вынесенной **вовне** и строго закрепленной точки отсчета. Механизм ориентировки, по сути, является таким же, как в научной гидрографической системе (точка отсчета находится вне человека и объективирована), меняется лишь направление ориентации — не сверху вниз, а снизу вверх по течению. Данная гипотеза нуждается в проверке на более обширном топонимическом материале (к сожалению, топонимия целого ряда территорий древнего славянского заселения попросту не собрана). Представляется, что увеличение количества анализируемых фактов может внести некоторые коррективы в нарисованную Н.И. Толстым картину. К примеру, материалы Словника гидронимов Украины, которые не привлекались автором для анализа (хотя они частично пересекаются с использованными им источниками), не дают отмеченной закономерности — последовательного изменения «правого» на «левое» по сравнению с научной системой ориентировки: из 8 гидронимов с корнем *десн-* (*Десна*, *Десенка*, *Деснивка*) 3 обозначают левые притоки соответствующих рек, а 5 — правые [СГУ, 168].

Релевантна ли эта ориентационная система севернорусскому топонимическому материалу? Как уже отмечалось, процент гидронимов среди севернорусских *правых* и *левых* топонимов весьма невелик¹⁰. В плане «правизны» / «левизны» (по научной системе) соответствующих объектов наблюдается разнотенность: из 20 названий 13 совпадают с научной системой, а 7 не совпадают. Есть ли какие-то закономерности в номинации гидрообъектов *правыми* и *левыми* названиями?

В некоторых случаях просматривается определенная тенденция: стороны определяются по ходу движения к объекту от дома, т.е. как бы по ходу освоения объекта (ниже приводятся примеры, которые зафиксированы автором настоящей работы, проводившим специальные наблюдения за функционированием соответствующих топонимов).

¹⁰ Что касается основ *десн-* и *шуй-*, то первая в севернорусском материале не зафиксирована, а выделение второй весьма проблематично, поскольку два «претендующих» гидронима *Шуя* могут восходить к прибалтийско-финским данным.

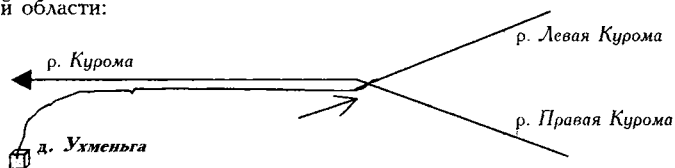
Показательна топонимическая система д. Шегмас Лешуконского района Архангельской области, в которой функционируют две пары правых и левых гидронимов:

- ① — направление маршрута совпадает с направлением реки
- ② — направление маршрута против направления реки

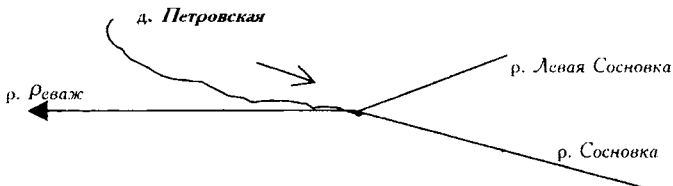
Обе пары рек весьма удалены от д. Шегмас и текут в глухих лесах, где бывают только опытные охотники. Добраться до каждой пары Россох можно по единственному маршруту — рекой или просекой¹¹. Как видим, правая и левая сторона определены именно по ходу движения к объекту от дома. В случае 1 наблюдается совпадение с научной системой отсчета, а в случае 2 — несовпадение. Лесник, знакомый с научной системой, комментирует эту ситуацию так: «Деды называли, они по-научному не знали, по-своему называли» [Леш, Шегмас].

Очевидно, по этой же причине не соответствуют научной системе названия рек, составляющих р. Курома в Верхнетоемском районе Архангельской области:

Ср. также фрагмент топонимической микросистемы д. Петровская Котласского района Архангельской области:

¹¹ Маршруты изображены на схеме кривыми линиями, рядом с которыми — незакрашенные стрелки.

Наблюдения за ходом беседы с информантами при сборе полевого топонимического материала показывают, что информанту легче и удобнее называть объекты по мере удаления от дома, мысленно проходя дорогу к ним. Если попросить их назвать правые и левые притоки, специально не задавая при этом систему отсчета, — для информантов (особенно для самых пожилых людей) наиболее естественным представляется определять левую и правую сторону именно по ходу движения от дома к объекту; попытка воспользоваться научным способом ориентации иной раз только сбивает их (затем собирателю приходится «декодировать» свои записи, переводя их из одной системы в другую), а какая-то система, противоположная научной, в их речи не просматривается.

Таким образом, рассмотренные примеры, а также наблюдения во время полевых сборов позволяют высказать предположение о том, что в народной системе ориентации (в том виде, в каком она эксплицируется по топонимии Русского Севера) нет закрепленного способа отсчета; он определяется направлением движения к объекту. Вследствие этого народная система в одних случаях совпадает, а в других не совпадает с научной. Но такая «наивная» подоплека ориентировки опять-таки не может не создавать трудностей: если объект находится недалеко, хорошо освоен и к нему ведут разные дороги, использование определений *правый — левый* становится неудобным. Вероятно, в этом можно усмотреть основную причину непопулярности *правых и левых* названий.

Следует прокомментировать и базовое для последующего развития мысли Н.И. Толстого положение о том, что реки осваиваются от больших к меньшим, от устья к истоку. Безусловно, во многом эта идея справедлива, поскольку соответствует в целом логике движения миграционных потоков (кроме волоковых зон), а также тому обстоятельству, что низовья, где река полноводнее, более удобны для проживания. Однако представляется, что данная особенность по-разному себя проявляет на различных этапах функционирования топонимической системы. Процесс «обживания» территории осуществ-

вляется не однократно и не двумя-тремя «волнами», а постоянно: разрастаются деревни, от них отделяются хутора, в лесах появляются лесные поселки и т.п. Одна и та же территория может номинативно осваиваться из разных центров: сначала с низовьев реки, где находится большая деревня, а затем с верховьев, где образован лесной поселок (естественно, такие номинативные центры возникают не одновременно, а в разное время, по мере расширения границ территории и детализации представлений об окружающем ландшафте). Создается ситуация **номинативной полицентричности**, которая характеризуется наличием общего для разных номинирующих коллективов ядра и подвижной периферии. Последняя создается топонимами двух типов: а) названиями объектов, которые осваиваются только жителями «верха» и неизвестны жителям «низа» (и наоборот); б) названиями объектов, которые (объекты) известны и тем, и другим, но вследствие того, что освоение идет из разных центров, сами топонимы не совпадают, являясь параллельными названиями одних и тех же объектов. Таким образом, процесс топонимической номинации принципиально не может быть однонаправленным — пусть даже в соответствии с самой разумной логикой «от больших рек к меньшим, от устья к истоку». Кроме того, проживание в устье одной реки вовсе не исключает возможности освоения верховьев другой реки (допустим, лесной). Вполне типичной является следующая картина: когда «устьевая» деревня разрастается и дает о себе знать нехватка сенокосных и пахотных угодий, начинается разработка лесных урочищ по другой реке, которая осваивается с участка, наиболее близкого к деревне, являющейся номинативным центром. Вектор топонимического номинирования направляется не столько от истока или устья, сколько от населенного пункта. По крайней мере, положение о полицентричности номинативного освоения пространства релевантно той топонимической системе, которая дана современному исследователю русской топонимии.

Оговоримся: наше предположение об отсутствии в народной системе ориентации по «правизпе» / «левизне» вынесенной вонне точки отсчета основано на изучении весьма позднего топонимического слоя и не претендует на широту обобщений. Вообще, оно согласуется с пафосом сторонников различных «миграционных» концепций, которые также исходят из практики номинирования объектов по ходу движения к ним. Однако не следует исключать возможности того, что когда-то существовала и система ориентации против течения (хотя эта особенность могла быть только южнославянской, ср. свидетельство сербских этнографов), не сохранившаяся до настоящего времени

или — что более вероятно — не отразившаяся в топонимии. Прокомментируем последнее суждение.

Для подтверждения своей гипотезы об ориентировке против течения Н.И. Толстой высказывает следующее предположение: «Все же есть некоторые основания полагать, что в ряде ритуальных актов у проточной воды занимаемая действующим лицом позиция должна быть навстречу текущей воде» [Толстой 1997, 437]. Данная идея, наверное, справедлива для ритуальных актов, но это не значит, что она должна верифицироваться на топонимическом материале. Существуют многочисленные расхождения между топонимической и обрядовой картинами пространства, ср. хотя бы ситуацию с ритуальной отмеченностью линии *восток — запад* и немаркированностью последней в топонимии.

Расхождениями такого же плана можно объяснить и отсутствие какой-либо топонимической «реакции» на существующее в ряде сфер народной духовной культуры противопоставление правой и левой стороны по признаку *хороший — плохой*, ср.: «Связь понятий о правой и левой стороне (герс. правой и левой руке и т.п.) с понятием и представлением о положительном и отрицательном моменте (герс. правде — кривде, добре — зле, прямоте — кривизне, легкости — трудности и т.п.) восходит к глубокой древности. Она характерна не только для большинства индоевропейцев, но и для угрофиннов, северо- и южноамериканских индейцев, полинезийцев и др.» [Толстой 1997, 144; см. также об этом: Иванов-Топоров 1974; Колесов 1978; Михайлова 1993; Толстые Н.И. и С.М. 1974; Проскурин 1990б и др.].

Восприятие правой и левой стороны как счастливой и несчастливой существует в сознании жителей Русского Севера и в настоящее время, ср. запись, сделанную в Лешуконском районе Архангельской области в 1990 г.: «На реку-то выйдешь, глянешь на деревни: Родома, Вожгора, Пустыня, Лебское — все на *доброй руке* (имеется в виду правый берег р. Мезень — если встать лицом по направлению от д. Родома, где сделана запись, к указанным деревням. — Е.Б.), деда-прадеды наши тутока жили, и мы живем — не горим. А Зубово-то (лагерный пункт на противоположном берегу р. Мезень. — Е.Б.) на *худой руке* поставили, у их пожары кажно лето» [Лещ, Родома]. Ср. также *гожий* 'правый (о руке)' [СВГ, 1, 116]. Однако при топонимическом употреблении правые и левые названия не имеют оценочных коннотаций, иначе можно было бы ожидать резкого количественного дисбаланса между *правыми* и *левыми* топонимами.

Итак, *правые* и *левые* наименования непопулярны в севернорусской топонимии, что объясняется отсутствием вынесенного вонне центра ориентировки, вследствие чего данный параметр имеет низкие ориентационные возможности. Распространенность их (правда, тоже весьма низкая) в позднейших топонимических системах — следствие применения по отношению к ним жестко заданной системы отсчета.

ПЕРЕДНИЙ — ЗАДНИЙ

Передние и *задние* названия весьма частотны в изучаемой топонимической макросистеме, однако в количественном отношении между ними наблюдается резкий дисбаланс: на 95 *передних* топонимов (включая названия типа *Переда*, *Переды*, *Передовцы*) приходится около 400 *задних* (включая названия типа *Зады*). Думается, эти цифры опровергают суждение Э.М. Мурзаева о малопродуктивности в топонимической номинации прилагательных *передний* и *задний* [Мурзаев 1993а, 40]: автор, вероятно, анализировал «макротопонимию» (судя по паре *Задний Рейн* и *Передний Рейн* — одному из трех приводимых им примеров), где трудно ожидать появления этих параметров, связанных с «наивной» ориентацией.

Рассматриваемые названия нередко образуют микросистемы: поле *Переднее Веретье* — *Заднее Веретье* [Уст], д. *Передний Наволок* — *Задний Наволок* [Гряз], поле *Передняя Дерюга* — *Задняя Дерюга* [В-Уст], ул. *Передняя Улица* — *Задняя Улица* [У-Куб], бол. *Задняя Колка* — *Передняя Колка* [Карг] и мн. др. Биномы такого рода могут распространяться «средним» элементом, например: оз. *Переднее* — *Среднее* — *Заднее* [Холм], пок. *Переднее Красное* — *Среднее Красное* — *Заднее Красное* [Вил]; при этом *передний* элемент может опускаться (поля *Среднее Поле* — *Заднее Поле* [Котл], д. *Средняя* — *Задняя* [Карг], д. *Средняя Слободка* — *Задняя Слободка* [Ваш]), а обратная ситуация не фиксируется — вероятно, вследствие того, что *задние* названия обладают большими различительными возможностями, чем *передние* (ниже это положение будет раскрыто).

С точки зрения специфики системы ориентации *передние* и *задние* топонимы употребляются в двух ситуациях: 1) ситуация, когда *передние* и *задние* объекты сориентированы относительно номинатора, который помещается **между** ними (т.е. классическая ситуация «спереди (сзади) от меня»); 2) ситуация, когда номинатор находится не между, а **перед** соответствующими объектами, — так, что *передний* объект наиболее приближен к нему, а *задний* — удален.

Рассмотрим сначала **первую ситуацию**. Ее существование подчеркивается мотивационными контекстами: г. *Задний Клон* — «взад он наклонился от нас» [Уст, Сабуровская], д. *Задница* — «по задворам у Петушихи, вот и Задница» [Меж, Сосновка], поле *Переднѣ* — «вперед от деревни находится» [У-Куб, Погост Лука] и др. Перевес *задних* названий над *передними* в этой ситуации объясняется собственно географическими обстоятельствами — особенностями расположения деревень и прилегающих к ним территорий. По свидетельству этнографов, на Русском Севере имелись следующие формы поселений: 1) *уличная форма* (преимущественно в одноуличном варианте — два ряда домов расположены по обе стороны улицы и ориентированы на нее главными фасадами); 2) *рядовая прибрежная форма* (один или несколько рядов зданий вытянуты вдоль берега реки или озера и ориентированы фасадом в воду); 3) *рядовая форма*, ориентированная фасадами построек на юг; 4) *беспорядочная форма* (характеризуется отсутствием определенного плана в расположении построек); 5) *кольцевая форма* (постройки расположены по кольцу или четырехугольнику вокруг центральной площади, чаще всего с церковью или часовней) [Витов 1997, 62]. Во всех случаях, кроме одного (обозначенного номером 3), расположение деревень таково, что **перед** деревней попросту нет места для ручьев, покосов и т.п., — вся «географическая жизнь» начинается **за** деревней. В этом плане весьма любопытно следующее обстоятельство: в топонимии морских побережий количество *передних* названий несколько увеличивается (к примеру, в Приморском районе Архангельской области фиксируется 8 *передних* топонимов). Это, вероятно, объясняется особенностями планировки поселений в данной зоне, ср.: «На морских побережьях, на побережьях больших озер, где дуют сильные ветры, ряды домов обычно выстраиваются в обратном направлении — задом к воде» [Витов 1997, 62]. Такое расположение способствует освоению (в том числе номинативному) пространства перед деревней.

Что касается **второй ситуации**, то ее наличие также отражается в мотивационных контекстах: пок. *Заднее Поле* — «от бона первое поле, от Алексино последнее» [Котл, Алексино], поляны *Задние* — «к лесу последние» [Кон, Вольская], бол. *Задний Остров* — «самый последний остров в сторону Нернемы» [Кон, Васильевская], поле *Переда* — «находится в начале огромного поля» [Карг, Ольсиево]. При этом *передние* и *задние* названия реализуют значения 'первый (в ряду других)' — 'последний', ср. в апеллятивной лексике: *передний* — в названиях предметов или частей тела, выступающих вперед по сравнению с другими: ◊ *передний лес* 'лес, растущий на опушке

лесного массива' [СРНГ, 26, 87]; *задний* 'дальний, последний, конечный в ряду чего-л.' [СРНГ, 10, 58; СВГ, 2, 114]. Таким образом, в этой ситуации *передние* и *задние* названия выражают, по сути, те же отношения, что и, соответственно, *первые* и *последние* /*крайние* топонимы или (что менее точно) *ближние* и *дальние*. Поэтому становится возможным наложение этих оппозиций: пок. *Ближний Запесок* — *Средний Запесок* — *Задний Запесок* [Сок], пок. *Переднее Красное* — *Второе Красное* — *Третье Красное* [Вил, ур. *Передняя Борозда* — *Последняя Борозда* [Котл] и др. В этом случае, как уже говорилось применительно к оппозиции *ближний* — *дальний*, признак удаленности задействуется чаще, так как он обладает большей различительной силой. Отметим, что в этой ситуации субъект ориентировки тоже представлен, однако здесь пространственная привязка к нему является менее жесткой, чем в предыдущем случае (вследствие более слабой связи с положением тела в пространстве).

ВЕРХ — НИЗ

Пара *верхний* — *нижний* принадлежит к числу наиболее популярных пространственных показателей. В топонимии рассматриваемых территорий фиксируется около 500 *верхних* топонимов и около 420 *нижних*: в эти цифры включаются все названия с корнями *верх-/врш-*, *ниж-/низ-* (кроме образований на базе прилагательного *низкий*), а также топонимы, в состав которых входят формы сравнительной степени *выше* (*повыше*) — *ниже* (*пониже*).

Эти названия нередко образуют соотносительные ряды (иногда расширяемые «средними» членами), которые являются, пожалуй, самыми частотными среди топонимических соотносительных рядов. Различным вариантам такой соотносительности посвящена обстоятельная статья В.В. Кондрашиной [Кондрашина 1980], основанная большей частью на материалах ТЭ УрГУ, поэтому нет смысла подробно представлять материал. Приведем лишь выявленный В.В. Кондрашиной набор возможных противопоставлений, так или иначе выражающих интересующее нас отношение: а) полная корреляция (*верхний* — *нижний*, *верхне-(верхо-)* — *нижне-*, *верхний* — *усть-*, *верх-* — *усть-*, *вершина* — *усть-*); б) частичная корреляция (*верхний*, *верхне-* (*верхо-*), *верх-*, *нижний-*, *нижне-*, *усть-* — нулевой дополнительный признак) [Кондрашина 1980, 32].

Верхние и *нижние* названия функционируют в двух различных в ориентационном плане ситуациях.

Первая ситуация — «высотная», предполагающая выражение признака **вверху** — **внизу**, т.е. связанная с пространственной вертикалью. Это ситуация «наивной» ориентации, изначально мотивированная положением тела в пространстве.

Вторая ситуация может быть определена как «**гидрографическая**», связанная не с пространственной вертикалью, а с привязкой к реке. Данная ситуация предполагает объективацию и вынесение точки отсчета вонне, что соответствует современной научной гидрографической системе. При этом может выражаться как абсолютный признак — расположение объекта в верховьях или низовьях рек, так и относительный (что гораздо чаще) — расположение объекта выше или ниже другого по течению. Для выражения абсолютного признака, помимо прилагательных *верхний* и *нижний*, могут быть использованы топонимы *верх*, *вершина*, *низ*, *устье* (*усть-*).

Точные расчеты провести крайне трудно, ибо полевые записи не всегда позволяют дифференцировать две рассматриваемые ситуации, но можно с уверенностью сказать, что «высотную» ориентировку реализует гораздо меньшее количество названий, чем «гидрографическую».

О существовании «высотной» ориентировки свидетельствуют наблюдающаяся иногда локализация *верхних* и *нижних* объектов вне бассейна реки, параллелизм *верхний* // *горный* // *высокий*, *нижний* // *низкий* (ср.: поле *Верхнее* // *Горное* [Сок], пок. *Верхняя* // *Высокая* [Вель], поле *Нижнее* // *Низкое* [Котл]), а также мотивационные контексты: поле *Верхнее Поле* — «на горке оно» [Уст], пок. *Нижняя Чисть* — «под горой она» [Ваш] и др. Отношения такого же плана выражает оппозиция *высокий* — *низкий*, причем *высоких* названий примерно в 5 раз больше, чем *низких* (150 / 30); *верхние* в своем «высотном» значении тоже частотнее *нижних*. Такая асимметрия объясняется тем, что на Русском Севере, где значительно преобладают низменные, отрицательные формы рельефа, признак высотного расположения объекта обладает большими дистинктивными возможностями, чем признак локализации объекта в низине.

Что касается «гидрографической» ситуации, то здесь *верх*-топонимы и *низ*-топонимы практически симметричны — с незначительным перевесом *верха*, который объясняется практикой освоения рек преимущественно снизу вверх, чем обеспечивается, опять-таки, большая дистинктивность соответствующего признака. Однако, повторимся, это преимущество весьма незначительно, ибо рационализированный характер гидрографической системы требует симметрии показателей.

Следует также отметить, что *верхние* и *нижние* топонимы в своих гидрографических значениях могут приобретать дополнительную семантику — границы освоенного речного или прибрежного пространства, ср.: пок. *Верх* — «дальше уже не наши пожни» [Вель, Усть-Шоноша], ур. *Низ* — «досюда только косим, дальше не напе» [Мез, Долгощелье]. Аналогичные значения, как отмечалось, могут иметь *дальние* и *задние* названия.

В нашем материале имеются факты, позволяющие — хотя бы гипотетически — поставить вопрос о еще одном специфическом значении топонимического *верха*. На территории Белозерья — в Кирилловском, Вашкинском районах Вологодской области и Каргопольском районе Архангельской области — зафиксировано 5 рек с названиями *Вершина* (*Вершинка*), которые впадают в различные озера с **севера**: оз. Кительское, оз. Вещозеро, оз. Чарозеро, оз. Еломское, оз. Воже. В одном случае соответствующее название получает и вся северная часть озера: *Вершина* — северная часть оз. Вещозеро [Кир]. Не свидетельствует ли это о стремлении вписать озеро в некую систему координат, перенося на озеро особенности восприятия реки, имеющей свой «верх» и «низ»? Косвенными доказательствами этого предположения служат еще два факта: во-первых, существование в диалектной лексике сочетания *низ моря* 'юго-западный конец Азовского моря' (Терск.) [СРНГ, 21, 224], во-вторых, наличие островов с названием *Голова*, располагающихся в северной части некоторых озер, ср.: о-в *Голова* — в северо-западной части оз. Кубенское [Влгд], о-в *Головка* — в северной части оз. Дружининское [Ваш]. Ср. обратный параллелизм *голов* и *вершин*: *головой* называют верхнюю по течению часть острова, а также вершину, исток реки [АОС, 9, 232; ЛК ТЭ; Мурзаев, 149] (подробнее об этом см. в разделе «Начало — конец»). Восприятие оконечности озера (к сожалению, непонятно, какой именно: любой?) как *головы* отражено в новгородских говорах: *голова* 'одна из сторон озера' [НОС, 2, 25]. Укажем также, что все выявленные озера с *вершинами* или *головами* не являются бессточными. В ходе полевых сборов не раз отмечалось, что при описании сточного озера информанты говорят о «падении» его в реку (ср. типичный контекст: «там озерко есть, Боровское, так оно тоже в Лузу впадает» [В-Уст, Палема]). На основании этих фактов можно сделать вывод о том, что восприятие озера аналогично восприятию рек.

В заключение следует отметить, что в топонимии никак не отразились те коннотации и семантические связи *верха* и *низа*, которые существуют в других сферах народной духовной культуры, ср. свидетельства о сакральной положительной отмеченности *верха* и негативности *низа* [СД, I, 345–346;

МІМ, I, 233–234 и др.]. В работе Т.А. Бернштам, основанной на этнографических материалах по территории Русского Севера, указывается, что «явными признаками «святости» — покровительства свыше — обладали места и объекты, соотносимые с понятием **Верх** (гора), откуда начинается **движение/путь**» [Бернштам 1995, 240]. Однако, повторимся, это обстоятельство не маркировано лингвистически — по крайней мере, оно не дает резонанса в семантическом поле топонимов, образованных на базе тополема *верх — низ* (*верхний — нижний*).

СТОРОНЫ СВЕТА

Ориентация по сторонам света широко отражена в русской топонимии, однако и эта система ориентационных параметров обладает ярко выраженной асимметричностью.

Ведущим направлением в топонимии, несомненно, является ось *север — юг* (в топонимии изучаемой территории зафиксировано около 450 названий, связанных с севером и югом¹², но только около 40 — с востоком и западом).

Для обозначения северной и южной ориентации используются топонимы, образованные как от общенародных, так и собственно диалектных апеллятивов: северное направление обозначается *северными, сиверными, ночными (полуночными), зимними* названиями, а южное — *южными, полдневными, полуденными, летними*¹³.

Рассматривая особенности расположения объектов, обозначаемых этими топонимами, следует отметить, что северное и южное направления представлены весьма диффузно: соответствующие объекты нередко находятся на промежуточных румбах — северо-западе, северо-востоке, юго-западе, юго-востоке и даже собственно на западе или на востоке. Характерно, что наиболее диффузной семантикой обладают топонимы, образованные от диалектных апеллятивов. Эта диффузность отмечена и в диалектной лексике: лексемы

¹² Данная цифра нерасчлененно представляет и топонимы, обозначающие собственно ориентацию по сторонам света, и названия, отражающие сезонность использования объекта. Однако процент последних не столь велик (см. ниже), поэтому эта цифра выражает в целом тенденцию количественного соотношения рассматриваемых названий.

¹³ Ср.: *зима* 'север; северо-восток; северо-запад' [СРНГ, 11, 272; ЛК ТЭ], *лето* 'юг; юго-восток; юго-запад' [СРНГ, 17, 21; ЛК ТЭ], *ночь* 'север; северо-запад; запад' [СРНГ, 21, 304; ЛК ТЭ], *полночь (полуночь)* 'север; северо-восток' [СРНГ, 29, 84; ЛК ТЭ], *полдень (полудень)* 'юг; юго-восток' [СРНГ, 29, 143–144; ЛК ТЭ].

зима, лето, ночь, полдень также могут обозначать промежуточные румбы. В чем причины этой диффузности?

Логика переносов 'время года (время суток)' → 'сторона света' основана на осознании связи между теплым и холодным временем года (дня) и направлением, откуда идет тепло или холод. Это направление определялось преимущественно по тому, откуда дует теплый и холодный ветер, или же по положению солнца. В этом плане интересно, что в орбиту действия данной модели втягиваются обозначения приемов пищи — причем именно тех, которые производятся в летнее время в поле, на покосе, когда есть возможности для наблюдений за положением солнца, ср.: *обедник* 'юг; юго-восток' [СРНГ, 22, 27; ЛК ТЭ], *паужник* 'юго-запад' [СРНГ, 25, 280; ЛК ТЭ] (ср. рус. диал. *паужна* 'полдник, прием пищи между обедом и ужином' [СРНГ, 25, 279; ЛК ТЭ]). Ср. также этимологический комментарий к слову *юг*: «решающую роль следует, видимо, признать не за более абстрактным и тем самым — вторичным значением 'юг, страна света', а за упорно повторяющимся и, вероятно, первичным значением 'южный, теплый ветер, оттепель, таяние' [ЭССЯ, 8, 192]. Таким образом, пространственные параметры могут выделяться в связи с метеорологическими условиями. Дополнительным аргументом в пользу «погодной» подоплеку диффузности ориентационных параметров является тот факт, что при номинации ветров по сторонам света наблюдается большой разброс значений соответствующих лексем, чем при обозначении самих румбов: к примеру, лексема *зимник* (*зимняк*) на разных территориях называет не только северный ветер, но и восточный, юго-восточный, юго-западный. Такая амплитуда значений демонстрирует «погодное» восприятие направления, откуда дует ветер: в разных зонах — в зависимости от местных условий (наличие большой реки, озера, моря, цепи гор и т.п.) — выделяется специфическое направление теплого или холодного ветра. Таким образом, многозначность отдельных реализаций модели связана с ее общей метеорологической направленностью; сама эта многозначность нерелевантна для народной системы ориентации и возникает при переводе этой системы на научную.

Отсюда мы приходим к пониманию того, что субстратом ориентации по сторонам света в наивной системе могут стать метеорологические факторы. Именно они обуславливают доминирующее положение линии *север — юг*: эта линия является определяющей для формирования погоды в рассматриваемом регионе. Показательно, что в системе ветрообозначений на этой территории преобладают (с большим перевесом) именно наименования северного и юж-

ного ветра: во многих микрорегионах среди названий ветров фиксируются только обозначения ветров этих двух направлений [Заикина 1976, 56].

Внутри различных пар топонимов, обозначающих северное и южное направление, также наблюдается асимметричность, которая объясняется различными обстоятельствами. Так, в паре *северный* — *южный* отчетливо лидируют *северные* топонимы (на 160 *северных* названий приходится 90 *южных*). Этот факт, опять-таки, в значительной степени определяется погодными условиями, так как именно северные румбы обуславливают наиболее кардинальные погодные изменения, ср.: поле *Северный Бор* — «оттуда северный ветер» [Прим, Яреньга], г. *Сивер* — «холодный витер с той стороны» [Уст, Зыкино]. Нельзя не учитывать и то, что лексема *юг* менее популярна, чем лексема *север*: в нашем материале засвидетельствованы случаи, когда *северные* топонимы вступают в корреляции с *летними*, а не *южными* (р. *Северная* — р. *Летняя* [Уст], руч. *Сиверный* — руч. *Летний* [Вель]), но обратные ситуации не фиксируются.

Что касается пары *зимний* — *летний*, то здесь тоже лидируют *зимние* названия. Провести какие-то точные подсчеты невозможно, так как данная пара может иметь не только ориентационные значения, но и обозначать сезонность использования объекта, ср.: оз. *Зимнее* — «через него зимник идет» [С-Дв, Сюзьма], полосы в поле *Зимний Пентус* и *Летний Пентус* — «с Летнего летом вывозили сено, а с Зимнего зимой» [В-Уст, Горбачево], пок. *Зимний Ручей* — «всё только по зимам по ручью этому ездил» [Шенк, Чекмаревская], пок. *Зимник* — «оттуда уезда нет, зимой сено возили» [Баб, Пожарище], лес *Зимник* — «зимой дорога через Уфтюгу была, а летом нельзя было проехать» [У-Куб, Федоровская], дор. *Зимняя Дорога* и *Летняя Дорога* — «летом и зимой по Зимней Дороге ездили, а Летнюю Дорогу зимой заносило, по ней только летом ездили» [В-Уст, Липовка] и др. Таким образом, *зимние* и *летние* названия могут обозначать объекты (дороги или связанные с дорогами), по которым ездят в соответствующий сезон (ср. в апеллятивной лексике *зимник* — 'дорога, которая используется преимущественно зимой' [ЛК ТЭ], *летний* — 'летняя дорога' [ЛК ТЭ]). *Зимников* в топонимии больше, чем *летних*: очевидно, это связано с тем, что зимняя дорога является дополнительной, появляющейся, как правило, помимо основных дорог, — поэтому данный признак обладает большими различительными возможностями.

Пространственная, а не «сезонная» семантика *зимних* и *летних* названий также отражена в мотивационных контекстах: поле *Зимник* — «оно с

северной стороны» [Плес, Пашевская], р. *Зимняя* — «это Зимняя, потому что на север течет» [В-Т, Заболотье], руч. *Летний* — «он с летней стороны выдает» [Кон, Камешная], р. *Летний Гбач* — «под летом он» [Холм, Гбач] и мн. др. Несомненно пространственную семантику имеют также топонимы типа: поле *С Зимы* [У-Куб], пок. *Под Летом* [Леш], части д. *Летний Конец* — *Зимний Конец* (около 30 пар в разных районах). Аргументом в пользу пространственных смыслов может служить и наблюдающийся иногда параллелизм *зимних* и *северных*, *летних* и *южных* названий, ср. руч. *Зимняя Прось* (= *Северная Прось*) [Вож], р. *Летний Коноваж* (= *Южный Коноваж*) [К-Б]. В целом пространственных названий больше, чем «сезонных», последние могут быть (весьма приблизительно!) вычислены по словообразовательным показателям (так, преимущественно «сезонными» должны быть названия типа *Зимник* или *Летник*) или по типу объектов (дороги).

Отметим также, что в некоторых случаях мотивационные контексты отражают «метеорологическую» семантику *зимних* и *летних* названий: пок. *Зимник* — «там часто посевы вымерзали, овес и ячмень погибали» [Пин, Шардонемь], поле *Зимнишное* — «водой выстивается поле, лён всё сеяли, снег доле лежит — место низко» [Карг, Григорьевская], ур. *Зимники* — «вызябало там» [Карг, Максимовская], бол. *Летнее* — «на Летнем скорее все ягоды поспевают, потому и Летнее» [К-Б, Мошинская], холм *Летний* — «самый теплый» [Уст, Туриха], поле *Летнее* — «тепло там, с юга оно» [Котл, Яндовище]. Последний контекст эксплицирует наложение «метеорологической» и пространственной семантики, которое, по-видимому, происходит и в остальных случаях. Ср. комментариев по поводу совмещения компонентов 'южный' и 'теплый' в семантике лексемы *лето* и ее дериватов [ЭССЯ, 15, 8-12].

Следует указать, что *зимних* топонимов в целом в полтора раза больше, чем *летних*¹⁴: этому, опять-таки, можно найти объяснение, аналогичное тому, какое было приведено при рассмотрении ситуаций с *северными* и *южными* названиями.

Рассмотрим также *ночные* (*полуночные*) и *полдневые* (*полуденные*) названия, ср.: р. *Конюг Ночной* — *Конюг Полдневой* [Меж], р. *Пертюг Полуденный* — *Пертюг Ночной* [К-Г], р. *Ночной Миляш* — *Полдневой Миляш* [Ник], лес *Ночной Бор* [Устюж], пок. *Полдневой Остров* [Лен],

¹⁴ При рассмотрении топонимов с корнем *лет-* не учитывались названия типа пок. *Летовище*, образованные от аффиксатива *летовище* 'место летнего выпаса скота' [СРНГ, 17, 22; ЛК ТЭ].

р. *Полуночная* — «на север течет» [Мез, Сафоново], р. *Ночной Баран* — «на запад течет» [Меж, Барановская], лог *Ночной Лог* — «в ночь протскает» [Шар, Ковалиха], просека *Полдневая Просека* — «на полдню стоит» [Шенк, Федоровская] и др. Количественное соотношение *ночных* и *полуденных*, вопреки ожиданиям, иное, чем в предыдущих парах: на 25 первых приходится примерно 60 вторых. Чем объяснить этот парадокс? Во-первых, целый ряд *полдневых* топонимов имеет «сезонную» мотивировку, ср.: лес *Зеленый Полдень* — «зелень была, коров там полдневали» [Шенк, Ямскогорскос], ур. *Полднище* — «в полдень коров туда выгоняли» [В-Г, Лафтинская], поляна *Полднище* — «тут коровы полдневали» [Вель, Кузнецово]¹⁵. *Ночные* топонимы, по понятным причинам, не могут иметь таких сезонных смыслов. Во-вторых, преобладание *полдневых* топонимов над *ночными* обусловлено, вероятно, обстоятельствами освоения географических объектов: наблюдения за положением солнца могли вестись преимущественно во время полевых работ — в светлое время суток (ср. мотивировки, указывающие на немаловажность такого фактора, как положение солнца, при определении *полуденной* или *ночной* стороны: холм *Полдень* — «всегда у Полдня солнце, в двенадцать часов припёк» [Холм, Юра], г. *Полуденик* — «скат в полуденную сторону относительно солнца» [Уст, Подгорная], пок. *Полдень* — «там до двенадцати часов дня нет солнца» [Кир, Головинская], поле *Полдневая* — «на солнышке, потому и Полдневая» [Сус, Перемилово], р. *Ночка* — «текет на темно место, против солнышка» [Шексн, Аксеново]; факт присутствия /отсутствия солнечного света отражен также в мотивировке на названия покосов *Ночной* и *Полднейвой* — «на Полднем трава быстро просыхала, на Ночном медленно — лес рядом, вот и назвали» [Сок, Телячье]).

Следует отметить глубокую связь трех рассматриваемых пар обозначений севера и юга в нарицательной лексике. Ср., к примеру, возможность реконструкции для слова **jugъ* значения 'полдень' (ср. лат. *meridies* < *medidies* 'полдень'), факт наличия у рус. диал. *лето* значения 'юг', что обнаруживает связь между названиями самого теплого времени дня и теплого времени года [ЭССЯ, 15, 11]. Эта связь (через положение солнца) может приобретать пространственную семантику:

¹⁵ Ср.: *полдневище* 'место полуденного отдыха стада', *полдневка* 'полуденный отдых скота летом' [СРНГ, 29, 43].

Логика этой схемы, увязывающей воедино временные и пространственные показатели, подчеркивает вторичность последних.

Что касается *восточных* и *западных* топонимов, то их количество, как уже говорилось, весьма невелико. Ср. примеры названий такого рода: г. *Восточная* [Котл], пок. *Восточная Просека* [В-Г], р. *Восточная Россоха* [Лен], оз. *Восточное* [Мез], лог *Восточный* [Галич], р. *Восточная (восток 'восток' [ЛК ТЭ]) [Холм]*, руч. *Запад* [Уст], р. *Западная* [Ник, Уст], оз. *Западное* [К-Б], поле *Западные* [Тот] и др. Говорить о преобладании *восточных* или *западных* названий не приходится: их количество примерно одинаково (20: 20)¹⁶. Укажем также, что некоторые *восточные* и *западные* топонимы носят явно поздний (официальный) характер: 3 названия зафиксированы только на картах, но не встречаются в речи местного населения; отмечаются пары типа *Восточное* (нов.) = *Сенькино* (стар.) [Вил], *Западная Россоха* (нов.) = *Малая Россоха* (стар.) [Лен]. Ситуацию такого рода отмечает и Э.М. Мурзаев, считающий, что «в России многие ориентирующие названия населенных мест возникли только в нашем столетии как официально номенклатурные» [Мурзаев 1993а, 41]. Причины малой распространенности *западных* названий в русской топонимии автор видит, во-первых, в отсутствии этого направления как переднего в народной ориентации, во-вторых, «в отрицательном отношении к западным странам, ко всему западному в недавнем прошлом нашей действительности» [Мурзаев 1993а, 41]. Последний аргумент представляется малоубедительным, ибо «нелюбовь» к *западным* топонимам, как представляется, возникла значительно раньше «недавнего прошлого нашей действительности», а кроме того, *восточные* названия тоже не пользуются успехом в традиционной русской топонимии.

Топонимы, образованные от обозначений промежуточных румбов, весьма немногочисленны: руч. *Обедничный* (течет с юго-востока на северо-запад) [Он], оз. *Обеденное* (находится на северо-западе) [Холм], пок. *Паужный* (расположен на юго-западе) [Уст]. В основе данных топонимов лежат апел-

¹⁶ Точные подсчеты *западных* топонимов затруднительны, поскольку названия с корнем *запад-* (и ударением на первый слог) могут быть образованы от различных апеллятивов, ср. *зѣпадъ* 'залив' [ЛК ТЭ], *зѣпадина* 'часть реки с замедленным течением, заводь' [ПОС, 12, 20]. Ситуация осложняется возможностью акцентологических колебаний (ср. р. *Зѣпадница* = *Западница* [Кон]), так как тогда могут подключиться образования от апеллятивов типа *западнѣца* 'околица, ворота при въезде в деревню' [ЛК ТЭ], *западѣть* 'исчезать, пропадать' [ПОС, 12, 20], 'погружаться в воду' [НЮС, 3, 55], 'ложиться на землю (о кустарнике)' [ЛК ТЭ].

лятивы, связанные, как отмечалось выше, с названиями приемов пищи, производившихся в светлое время суток.

Интересно, что в топонимическом материале засвидетельствованы отсутствующие в апеллятивной лексике реализации модели 'время дня' → 'положение в пространстве', ср. название р. *Павечёрная*, которая впадает в р. *Ночная* с северо-запада (р. *Ночная* течет с севера) [Ник]. Очевидно, здесь проявляется потенциально возможная пространственная семантика лексемы *павечерье* ('северо-запад'), зафиксированной в диалектных словарях только во временном значении — 'время перед заходом солнца' [СРНГ, 25, 109].

Итак, мы рассмотрели различные способы обозначения ориентации по сторонам света в топонимии, выявив преобладание северного и южного направлений над другими, и, кроме того, перевес северных топонимов над южными. В связи с приоритетом северных топонимов важно упомянуть о том, что именно северный ветер считается мифическим хозяином Севера: «Север — наших земель хозяин, а Севериха — женка его»; «Байну затопят, надо Севера позвать: «Север да Севериха, пожалуйста в байну помыться, попариться с малыми детушками!» Так говорят, чтобы степлило погоду, ветер холодный в байну зовут» [ЛК ТЭ] (ср. также свидетельство Н.М. Терехихина о том, что поморы приписывали северному ветру «судьбоносные» свойства [Терехихин 1993, 13–14]). Приоритет севера объясняется, по нашему мнению, «метеорологическим» субстратом народной системы ориентировки по сторонам света. Таким образом, причины предпочтительности одной ориентационной линии являются сугубо бытовыми, обусловленными практикой хозяйственного освоения объекта.

Свидетельства о том, что ориентационные предпочтения могут быть связаны с линией *север — юг*, имеются в этнографической и лингвистической литературе. К примеру, эта линия является ведущей у финно-угорских народов, ср. наблюдения В.М. Кулемзина: «Пожилые информаторы-ханты утверждают, что раньше у стариков было 2 стороны света — север и юг. По мнению информаторов, западная и восточная сторона ориентирами не служили и приводимые ниже их названия существовали лишь для «русских» (объяснения названий западной и восточной стороны оказываются путанными и противоречивыми)» [Кулемзин 1984, 181]. Об отмеченности северной стороны у коми говорят И.М. Стеблин-Каменский и В.А. Семенов, указывающие на то, что север (низ) по представлениям коми связывался со смертью, а северный ветер персонализировался [Стеблин-Каменский, Семенов 1991, 69–71].

И.Н. Гемуев считает, что ориентация мансийских святилищ подчеркивает сакральную важность южной стороны [Гемуев 1990, 19–28]. По мнению А.В. Лушниковой, в языке хантов и манси отражается «система мировосприятия, при которой юг ассоциируется с понятием 'верх', а север — с понятием 'низ' с соответствующим распределением сакральности» [Лушникова 1996б, 184]. У индоиранцев же (при той же отмеченности линии север — юг) максимально высокий статус имел север, который соотносился с верхним уровнем вертикальной структуры пространства, определяясь понятиями 'верх', 'сторона, находящаяся сзади в тылу' [Лушникова 1996б, 181]. Однако А.В. Подосинов считает, что древним иранцам свойственна южная ориентация [Подосинов 1994, 43]. Вообще, в работе последнего автора содержится богатейший материал по ориентационным принципам в разных традициях (наиболее хорошо изучены в этом плане культуры Ближнего Востока и Средиземноморья). А.В. Подосинов указывает, что имеются сведения о распространении северной ориентации в Месопотамии, Египте, Индии, Греции, а южной — в тех же Месопотамии и Египте, а также в Иране и Риме [Подосинов 1994, 42–45]. Такое наложение различных ориентационных предпочтений (а взаимодействовать могут не только два, но и большее количество ориентационных принципов) в рамках одной культуры представляется автору не случайным, так как ориентационные принципы могут быть обусловлены различными по своему генезису факторами: к примеру, киблическая ориентация определяется социально-религиозными обстоятельствами, а солярная — наблюдениями за положением солнца [Подосинов 1994, 46–50].

В рамках нашей работы не может быть решен вопрос об ориентационной системе русских, однако можно с уверенностью говорить о том, что эта система, как и многие другие, не является моноориентационной. Данные фольклора и этнографии свидетельствуют о наличии в русской (и шире — в славянской) культуре киблической восточной ориентации, ср. практику обращения с молитвой на восток, обычай начинать с востока многие ритуальные, земледельческие и хозяйственные действия (например, опахивание от чумы, жатву, побелку жилища), отмеченность восточной и западной стороны при погребениях, гаданиях и др. [СД, I, 445–447]. Символика востока связана с идеями святости, праведности, справедливости, благополучия и изобилия; запада — с нечистой, неправедностью и т.п.; восток считался жилищем Бога, а запад — Сатаны [там же, 445]. Русские географические чертежи до XVIII в. также преимущественно были сориентированы на восток или же на юг (и лишь в единичных случаях — на север), что свидетельствует о проявлении солярной

ориентации [Кусов 1989, 27; Мурзаев 1993а, 36]. В то же время имеются факты, свидетельствующие о значимости северной стороны. К примеру, только северное направление отражено в наименованиях славянских племен (ср. название древнего восточнославянского племени *северяне*: «Интересно, что, несмотря на наличие еще трех сторон света и их названий — юг, восток, запад, ни одна из них не используется славянами для наименования остальных своих племен. Северная ориентация в древнеславянском процессе номинации кажется нам особенно выразительной, если обратиться к балтийской этнонимии» [Непокуный 1979, 40–41]). Таким образом, в культуре русского народа отмечены различные ориентационные предпочтения, однако в топонимической «версии» народной культуры четко фиксируется «лидерство» северной стороны, которое, повторимся, мотивировано, по всей видимости, метеорологическими факторами.

Значимость последних подчеркивается также тем, что в топонимии зафиксирована ориентация по направлению ветра. Выше уже говорилось, что, объясняя *северные* топонимы, информанты ссылаются на направление, откуда дует холодный ветер. Фиксируются также случаи, когда топонимы образованы от наименований ветров, ср.: пок. *Глубничный* — «оттуда глубник» [Прим, Пушлахта], бол. *Сиверичное* — «с той стороны ветер дует, сиверик» [Карг, Елизаров], ск. *Шелоник*¹⁷ [Мез], р. *Шелоничная* — «с шелоничной стороны течет» [Прим, Летняя Золотица], р. *Шолонисная* (рядом р. *Летняя, Сиверная, Западная*) [Пин], прк. *Шелоничное Колено* [Он]. Топонимы, образованные от названия ветра *шелоник*, демонстрируют двойное наложение: топонимическая система → система ветрообозначений → топонимическая система (*шелоник (шолоник)* назван так по р. *Шолона*, откуда он дует). Одни и те же названия ветров на разных территориях могут иметь разную пространственную семантику, ср. топонимы, связанные с наименованием *низового* ветра: в Ленском районе Архангельской области записана пара р. *Северная Вырашка* — р. *Низовая Вырашка* (*низовый* на этой территории — южный ветер, дующий с низовьев р. Вычегда [ЛК ТЭ]). В паре холмогорских топонимов соотношение иное: руч. *Низовая Россоха* — руч. *Летняя Россоха* (в Холмогорском районе *низовый* — северо-западный ветер, дующий с низовьев р. Северная Двина [ЛК ТЭ]). Для полноты картины

¹⁷ Ср.: *шелоник (шалоник, шолоник)* — широко распространенное на Русском Севере, Урале, в Сибири (т.е. на территориях новгородской колонизации) название различных по направлению ветров (преимущественно западного и северо-западного) [подробно об этом ветре и этимологии его названия см.: Дерягин 1967; Мсльников 1977].

приведем примеры топонимов, образованных собственно от слова *ветер*: оз. *Встреница* [Пин], о-ва *Ветреные* [Бел], г. *Ветренный Нояс* [Он], пок. *Ветрище* [Нюкс], поле *Ветродуй* [Сок], бол. *Ветробуиха* [В-Важ], лес *Витреный* — «с той стороны северный ветер» [Уст, Ион-Горка]. В этой связи любопытно зафиксированное А. Подвысоцким в Архангельской губернии значение слова *ветер* — ‘сторона света’: «Спрашивают: «В какой ветер пойдёшь?», т.е. в какую сторону, по какому направлению, и отвечают: «Надоть в обедник или в шелоник идти» [Подвысоцкий, 27–28]; ср. также идиому *солнце пришло на востр* ‘солнце поравнилось с меридианом или с румбом компаса, откуда дует ветер’ [Подвысоцкий, 161].

И наконец, важность наблюдений за положением солнца и погодой для процесса топонимации подчеркивается наличием значительного количества географических названий, в основу которых положены соответствующие признаки, ср.: пок. *Подсолнечная* — «лесу нет вокруг, солнце там пригрсвает, да и к югу оно от большой дороги» [Леш, Возгора], пастб. *Солнцелёково* [Сус], поле *Подсолнечнос* [Он], пок. *Бессолнечнос* [Бабуш], лес *За Красное* — «солнце в той стороне садилось, говорили: «Пойдем в лес, За Красное» [Котл, Степановская Большая], руч. *Заусолонок*¹⁸ [Пин], пок. *Тёплые* — «они на юге» [Котл, Малое Михалево], д. *Тёплая* — «деревня на угоре» [В-Уст, Конаново], г. *Теплогорье* [Уст], пок. *Тёплая* [Бабуш], поле *Тёплый Уголок* [Он], поле *Гретьё* — «на угорчике поле, солнышко пригревало» [Уст, Едьма], пок. *Холодёнки* [Тот], пок. *Холодок* [Ней], бол. *Шубный Рукав* — «болото меж двух боровинок, там и потеплее: откуда ветер ни дует, там всё клюква есть» [Он, Мондино], руч. *Теньский* — «там тень всё время» [Уст, Тарасонаволоцкая], лес *Увейная Грива*¹⁹ — «сосны росли» [Бабуш, Володино] и мн. др. Все вышесказанное подтверждает метеорологическую обусловленность предпочтений при ориентации по сторонам света.

В заключение отметим еще один весьма интересный факт, который нельзя обойти вниманием при обсуждении вопроса об ориентации по сторонам света. В нашем материале зафиксирован гидроним *Черная Река* со следующим комментарием: «все реки бежат по солнышку, а она наоборот, вот и Чёрная Река» [В-Уст, Горбачево]. Нельзя ли этот факт интерпретировать как реликт **цветовой символики** сторон света? Известно, что оппозиция (триада) *черный — белый (красный)* в контексте славянских народных веро-

¹⁸ Ср.: *усолонь* ‘на солнце’ [ЛК ТЭ].

¹⁹ Ср.: *увей* ‘затененное место’ [ЛК ТЭ].

ваний связывается, в числе других, как с парой *плохой* — *хороший* [СД, I, 151–154; МНМ, II, 452], так и с пространственными параметрами, причем предполагается, что пространственная символика цвета является общеевразийской; эта евразийская символика (в ее тюркском варианте) отражается в знаменитой топонимической триаде *Белая Русь* — *Черная Русь* — *Червоная Русь*: север символизируется черным цветом, запад — белым, а юг — красным [Иванов 1981; Никонов 1986; Трубачев 1974, 51; 1997, 122–124]. Однако данный факт в восточнославянской топонимии, по сути, единичен. О.Н. Трубачев предполагает пространственную мотивировку и для наименования Белого моря: «...если учесть, что, с точки зрения рано освоенного Русью устья Северной Двины, Белое море — это, несомненно, море, **расположенное к западу**, сразу станет ясна внутренняя мотивация названия Белое море = ‘Западное море’ еще в Древней Руси» [Трубачев 1997, 122]. Данная версия очень интересна, но ее необходимо проверить на более масштабном **севернорусском** топонимическом материале, поскольку возможность заимствования тюркской ориентационной системы на этой территории нуждается в специальных доказательствах. Отражена ли цветовая символика сторон света в севернорусской топонимии? А.В. Суперанская [1970, 126–127] экстраполирует связь цветовых и пространственных параметров на позднюю русскую топонимию, предполагая, что *черные* и *белые* реки имеют широтное или меридиональное направление, однако мы склонны отрицать эту связь, базируясь на анализе больших массивов топонимов Русского Севера и Урала. На Русском Севере, например, зафиксировано около 1100 *черных*, 300 *белых*, 200 *красных* рек и ручьев, при этом в расположении их (как абсолютном, так и локализации друг относительно друга) не наблюдается никакой связи со сторонами света. Не просматривается этой связи и в расположении *белых*, *черных* и *красных* озер. Эти топонимы выражают обобщенные цветовые характеристики (конечно, следует также учитывать, что тополексема *красный* может иметь устаревшее в литературном языке значение ‘хороший’). Возможно, в приведенном выше названии *Черная Река* следует видеть именно реализацию цветовой семантики — хотя и опосредованную (ср. выше контекст на гидроним *Ночка* — «текет на темно место, против солнышка»). Оговоримся еще раз: мы не склонны утверждать, что цветовая символика сторон света вообще не отражена в севернорусской топонимии, — возможно, название *Белого моря* всё-таки следует рассматривать в этой связи, однако тот севернорусский топонимический материал, который дан современному исследователю, не позволяет сделать соответствующие выводы.

Подводя итоги, можно отметить, что отразившаяся в топонимии система ориентации по сторонам света является в основе своей наивной, ибо отражает не столько абстрагированные «компасные» показатели, сколько пространственную проекцию метеорологических условий, что говорит об ощутимой хозяйственной направленности народной системы ориентации в пространстве.

НАЧАЛО — КОНЕЦ

Отношение *начало* — *конец* может быть релевантным для описания, во-первых, координат участка пространства безотносительно к конкретному объекту; во-вторых, координат самого объекта, у которого может быть выделено несколько частей.

В связи с первой ситуацией данное отношение является, если можно так выразиться, самым асимметричным из всех рассмотренных пространственных отношений: идея *начала* слабо обозначена в топонимическом материале — в отличие от идеи *конца*, которая выражается многократно и разными способами. Эта ситуация вполне объяснима: пространственным *началом* в топонимии является собственно номинативный центр (а им чаще всего становится населенный пункт), что не нуждается в дополнительной маркировке. В то же время популярность *конца* обусловлена существованием четких границ между своим /освоенным и чужим /неосвоенным пространством, а также важностью самой идеи границы.

Что касается второй ситуации, то применительно к ней корректнее говорить не столько о начале и конце, сколько о *краях* объекта, которые тоже оказываются сориентированными относительно населенного пункта, иначе топонимы типа *Крайбор* или *Концозерье* не имели бы дифференцирующих возможностей.

В обоих случаях сам факт появления *концов* указывает на четкую радиальность освоения пространства: пространственная сущность идеи конца парадоксальна, ибо пространство бесконечно; *конец* становится дистинктивным лишь в том случае, когда освоение пространства линейно, причем для второго случая (*конец* поля, леса и т.п.) это может быть пучок линий; для первого случая — должно быть выделено **одно** основное направление разворачивания пространственных отношений. Такая векторность ориентировки обеспечивается практикой разработки угодий вдоль линейных объектов — рек, дорог, побережий озер или морей.

Опишем основные модели, выражающие данное отношение²⁰.

Идея *начала* чаще всего сводится к идее *первый в каком-либо ряду*, которая реализуется с помощью порядкового числительного *первый*. Интересно посмотреть, как выстраивается этот ряд, откуда ведется отсчет объектов. Судя по привязкам и мотивировкам, наиболее типичный центр отсчета — населенный пункт: поле *Первое* — «первое по счету поле за деревней» [Карг, Савинская], руч. *Первый* — «от деревни первый ручей» [Бел, Левшуково], бол. *Первое Болото* — «там всё болота, это первое от нас как идти» [Пин, Ваймуша], поле *Первая от Ворот* [Ней] и др. Однако отсчет может вестись и от других точек — например, от верховьев реки или устья реки: руч. *Первый* — «самый верхний ручей» [Кир, Мережино], р. *Первая* — «первая речка от устья Черной» [Вож, Поздеевская].

«Начальная» семантика *первых* топонимов поддерживается и их способностью вступать в корреляции с *крайними* и *последними* (или же употребляться в параллельных рядах по отношению к названиям такого типа), ср.: полосы *Первое* — *Среднее* — *Крайнее* [Ваш], д. *Ступолохта Первая* — *Ступолохта Вторая* — *Ступолохта Третья* // д. *Ступолохта* — *Средняя Ступолохта* — *Крайняя (Задняя) Ступолохта* [Кад].

Кроме того, идея начала иногда выражается топонимами, образованными от апеллятива *починок*. Топонимические починок многозначны: чаще всего такими названиями номинируются небольшие населенные пункты-«новоселки» [ср. Даль, III, 370]. Однако в ряде районов Русского Севера *починки* обозначают первые по счету от деревни поля или покосы. К примеру, на территории Усть-Кубенского района Вологодской области фиксируется 11 полей и покосов с названием *Починок*, смысл которого информанты объясняют так: «первое поле от Тюлявтино, вот и Починок», «первая пустошь от Копытово», «первое поле у Еловцево» и т.п. [У-Куб, Устье, Богослово, Мыс].

Третий способ выражения идеи начала связан с использованием модели *голова*, которая будет рассмотрена ниже.

Идея *конца* может быть воплощена с помощью следующих моделей:

• **конечный, конец** (в т.ч. конкретного объекта): д. *Конец* [В-Важ, Уст], пок. *Концы* [Кир], пок. *Кончик* [Котл], пок., д. *Конечная* [Ваш, Вож, В-Уст, К-Б, Кир], д. *Конецбор* — «там у нас конец бору» [С-Дв, Волость], д. *Конецгорье* — «горы кончаются, дальше равнина» [Прим], бол. *Конечуль-*

²⁰ В рамках данного исследования не будут рассматриваться модели, связанные с гидрографической номенклатурой (*исток* — *устье*), поскольку они носят специализированный характер.

ница (< концу улицы) [Ваш] и мн. др. Обращает на себя внимание обилие конечных деревень. Если конечное болото, покос, лес и т.п. отсчитываются от деревни, то при определении конечных деревень точкой отсчета становится центр соответствующего куста деревень (населенный пункт, социально отмеченный наличием церкви или сельсовета);

• **крайний, край** (в т.ч. конкретного объекта): р. Краевая [Тарн], пок. Крашико [К-Б], пок., лес, д., ур. Край [повсем.], пок. Дальний Край [Тот], поле Край Спорихи [Карг], пок. Крайчик [Бабуш], поле Крайняя Неизвестная [Бел], полоса Крайняя Полоса — «полоса находится с краю огромного поля» [Карг, Поздышево], пок. Крайняя Чуща [Ваш], Окраек, Окрайки [повсем.], ур., лес Крайбор [В-Важ, Выт, Пин], г. Крайборье [Бел, Ваш], д. Крайгорка [Пин] и мн. др.;

• **последний**: ур. Последнёе [К-Б], лес Последний Бор [Вин], пок. Последний Лог [Ник], оз. Последний Пёлтак [Пин], тоня Последняя [Кир], г. Последняя [Бел], бол. Последняя Островина [Устюж];

• **предел**: пок. Предел [Вож];

• **чупа**: бол. Чупа²¹ — «конец болота там» [Бел, Коновалово].

Здесь же могут быть рассмотрены многочисленные названия, образованные от апеллятивов *угол, кут, кулик*, однако в них семантика *конца* предстает в более затухшем виде, ибо на первый план выходит значение расположения объекта относительно других.

Наконец, следует указать, что идея *конца* освоенного пространства обретает специализированное значение в топонимах, образованных от апеллятивов со значением 'граница, рубеж': пок., поле, ур. Граница [Вож, В-Т, Кологр, Тарн, Уст], ур. Граничная [Шенк], луг Граничный Луг [Бел], руч. Порубежный [Плес], куст д. Порубежье [Сямж], д., пок., поле Рубеж [повсем.], поле Рубежа [Кир], р. Рубежница [Вож, К-Г, Кир, Кологр, Пыщ, Тот], бол. Рубежное [Ваш], лес Рубежной Бор [Плес] и мн. др. Обилие названий такого плана указывает на социальный подтекст восприятия пространства, который создается противопоставлением *своего* и *чужого*.

Отдельно следует описать весьма популярную модель *голова — хвост*, многие реализации которой можно интерпретировать в связи с идеей *начала — конца*. Функционирование этой модели (образной по своему происхождению) в качестве номинативного клише способствовало тому, что исконный вертикальный разворот образа иногда оказывается утраченным — в пользу

²¹ Ср.: чупа 'конец какого-либо географического объекта — болота, леса и т.п.' [ЛК ТЭ].

горизонтальной развертки, выражающей абстрагированные значения начала и конца участка пространства. Однако механизм образности таков, что носитель языка при желании может восстановить исходное образное содержание (о различных вариантах образного осмысления топонимических *голов* и *хвостов* см. [Рут 1994, 421, 475]).

Данная модель — и в одиночном, и в парном варианте (а также со средним элементом типа *Серёдка*) — употребляется в разных в ориентационном плане ситуациях: 1) точка отсчета вынесена вонне и объективирована, при этом положение *головы* и *хвоста* определяется по течению реки; 2) точка отсчета совпадает с основной позицией номинатора (т.е. находится в населенном пункте).

В рамках первой ситуации топонимические *головы* и *хвосты* номинируют, соответственно, верхнюю и нижнюю по течению части речных островов (или покосов, расположенных на этих островах). Эта модель носит локальный характер — на территории Русского Севера она фиксируется в бассейнах рек Северная Двина и Мезень: пок. *Взгавье — Гробовы Хвосты* (на о-ве *Остров*) [К-Б], пок. *Головы — Серёдки — Хвосты* (на о-ве *Троицкий*) [Прим], пок. *Згавье — Хвост* (на о-ве *Чуега*) [Мез], ур. *Голова — Хвост* (на о-вах *Ельничный, Княжостров, Ягодник, Ягры*) [Прим], пок. *Голова — Хвосты* (на о-ве *Кузьминский*) — «вверху на острове *Голова*, а внизу *Хвосты*» [Мез, *Печище*] и мн. др. Соответствующие значения лексем *голова* и *хвост* фиксируются в апеллятивной лексике: *голова* (*изголовь(с), изголовок, взгав*) ‘расположенная вверх по течению часть речного острова’ [АОС, 9, 232; ЛК ТЭ; Мурзаев, 149, 230; Полякова, 87; СРНГ, 6, 301], *хвост* (*охвостье, ухвостье*) ‘расположенная ниже по течению часть речного острова’ [ЛК ТЭ; Мурзаев, 584, 592]. Добавим, что в бассейне Мезени топонимические *головы* и *хвосты* выделяются не только на островах, но и на малозаселенном левом берегу реки, уголья по которому косятся жителями деревень с правого берега Мезени (д. *Палуга, Пылема, Козьмогородское, Целегора* и др.). В этом случае — так же, как в предыдущем, — система отсчета является внешней по отношению к номинатору: местоположение *голов* и *хвостов* определяется по течению реки.

Перейдем к описанию второй ситуации. Для нее характерно перенесение точки отсчета в традиционное для русской топонимии положение — в населенный пункт. *Голова* становится началом сельскохозяйственных угодий, а *хвост* — концом, при этом *головы* наиболее приближены к населенному пункту, а *хвосты* удалены, ср.: пок. *Голова и Хвост* — «*Голова* — первое

наше поле в ту сторону, а Хвост — последнее поле» [В-Уст, Шулепово], поле *Изголь* — «от этого поля идут треугольником» [Вил, Докукинская], леса *Середовина* и *Хвост* — «Середовина ближе к деревне, а дальше Хвост, тоже лес» [М-Реч, Матвейцево], пок. *Хвост* — «последний наш сенокос» [В-Уст, Васильевская] и др.; ср. также: поле *В Взгольях* (у д. Кобелево) [Пин], поле *Взгольные Полосы* (у д. Уширалово) [Ник], пок. *Изголь* (у д. Шейнская) [Лен], полосы *Сугольвы* (у д. Ивакино) [Кологр] и т.п.

Любопытно, что начальная и конечная части (*изголь* и *хвост*) могут определяться не только у сенокосного массива, но и собственно у населенного пункта. Ср.: поля *Изголь* и *Хвост* — «Изголь в головах у деревни, а Хвост с конца, в хвосте» [Котл, Олюшино], поле *Поголовное* — «у деревни в головах» [Кир, Крутоберегая]. Возможно, этот же смысл следует усматривать и в приведенных выше названиях типа *Изголь*. Где может находиться такое *изголь*, с какого именно конца деревни? Система названий частей населенных пунктов обычно предполагает выделение равноправных *концов* (*зимнего* и *летнего*, *верхнего* и *нижнего* и т.п.) или *краев* — тем более необычно выглядит появление *изголь* и *хвоста* деревень, задающих какой-то пространственный вектор. Данный вопрос требует специальных полевых исследований, а в настоящее время мы располагаем только наблюдениями, сделанными в Котласском районе Архангельской области. Жители расположенных рядом деревень Олюшино, Студениха, Данилово используют для определения положения топообъектов у деревни пространственные маркеры в *головах* (деревни), в *хвосте* (деревни): оз. *Ярёмкина Яма* — «в головах Данилово», оз. *Даниловские Ямы* — «в хвосте Данилово», поле *Суслопаровское* — «в головах Студенихи» и т.п. Пространственная мотивация в данном случае такова: *головой* считается та часть деревни, которая является первой по дороге со стороны более крупного населенного пункта (в данном случае отсчет ведется от ж/д станции Ядриха или от гор. Котлас, которые находятся к востоку от рассматриваемых деревень). Ср. пояснение информанта: «Это от Ядрихи ехать, от Котласа ли, вот и по дороге-то в головах» [Котл, Олюшино]. Реки рядом нет, ее роль организатора освоения пространства выполняет дорога; принцип ориентировки аналогичен тому, который мотивировал названия деревень типа *Конечная*: вектор пространственных отношений направляется из более крупного (социально значимого) населенного пункта. Можно ли говорить о том, что перед нами ситуация с вынесенной вонне точкой отсчета, сходная с той, которая наблюдается при привязке к реке? Думается всё же, что данные случаи имеют различную ориентационную природу. При привязке

к реке работает предельно объективированная ориентационная система, не зависящая ни от каких субъективных факторов. При определении положения *головы* и *хвоста* относительно деревни происходит как бы совмещение двух ориентационных центров, один из которых находится в самой деревне, а другой — в более крупном населенном пункте. Строительство новой дороги или перенесение центра сельсовета в другой населенный пункт может изменить вектор ориентации.

Таким образом, топонимические *головы* и *хвосты* функционируют в рамках различных по своим механизмам ориентационных систем.

В целом следует сделать вывод о том, что асимметрия отношения *начало* — *конец* в пользу *конечных* топонимов связана, во-первых, с низкой информационной нагрузкой *начальных* топонимов, поскольку начало обычно совпадает с центром освоения пространства (позицией наблюдателя), во-вторых, со значимостью идеи границы освоенного пространства, которая выражается *конечными* названиями.

1.2. Проблема точки отсчета в пространственной топонимической номинации

При локализации объекта с необходимостью встает вопрос о точке (системе) отсчета, относительно которой выявляется местоположение объекта. Не менее значима проблема позиции наблюдателя (в случае топонимической номинации роль наблюдателя совпадает с ролью номинатора), которая может совпадать или не совпадать с точкой отсчета. Бурное развитие прагматически ориентированных исследований в науке последних лет привлекло внимание лингвистов к проблеме отражения в языке наблюдателя и его точки зрения [см., например: Апресян 1995, 640—645; Кравченко 1992, 1993; Лобачев 1983; Падучева 1993; Успенский 1995, 9—155; Яковлева 1994, 16—81]. Данная проблема рассматривается преимущественно на материале связанных текстов, ибо текст (особенно художественный) обнаруживает сложное переплетение, пульсацию и взаимопереходы различных точек зрения. Понятие точки зрения говорящего применяется для описания различных типов отношений — в том числе пространственных, ср. положение о релевантности таких признаков, как «положение наблюдателя», «характер и условия восприятия», для моделирования представлений о пространстве [Апресян 1995, 636; Яковлева 1994, 21].

Топонимический материал, насколько нам известно, не привлекался к изучению в связи с проблемой точки зрения наблюдателя. В то же время это

рассмотрение поможет вывести на концептуальные закономерности организации семантического пространства топонимии, так как специфика системы отсчета определяет уровень развития ориентационных параметров, статичность / динамичность освоения пространства, закреплённость / незакреплённость позиции номинатора и т.п. Таким образом, данная проблема напрямую соотносится с конструированием пространственного образа мира создателей топонимической системы, ср. суждение А.В. Кравченко о том, что отнесение сферы проявления наблюдателя в языке исключительно к области прагматики выглядит неоправданным упрощением [Кравченко 1993, 55].

Задача выявления точки зрения номинатора ставит на повестку дня вопрос о технике реконструкции, обнаружения последней. При этом возникает опасность произвольного выхода за пределы того, что даёт собственно языковой материал. Поясним это положение.

Субъект номинации является неотъемлемым элементом номинативной ситуации, поскольку именно он определяет стратегию и тактику номинативного осмысления объекта; жизненный опыт, перцептивные особенности, культурный багаж субъекта формируют гносеологическую базу имятворчества. Это верно для любого создаваемого вновь имени. Однако собственно позиция (в буквальном смысле этого слова) субъекта номинации, локализация его самого в пространстве эксплицируется, естественно, не в каждом из появляющихся заново топонимов и даже не в каждом из тех наименований, которые обозначают местоположение объекта в пространстве. Сравним четыре топонима: поле *Ближнее*, пок. *За Каменкой*, руч. *Верхний*, ур. *Межлорожницы*. Все четыре названия содержат указания на локус объекта. В то же время в первом случае номинатор проявляет собственное местонахождение наиболее открыто, «привязывая» объект только к себе. Во втором случае субъект представлен не столь явно, поскольку на поверхности, в самой языковой структуре, заявлены только объект, местоположение которого выясняется, и объект-посредник (*Каменка*). Однако имплицитное присутствие субъекта наблюдения регулирует взаимоотношения между двумя объектами. В третьем случае локализация объекта определяется по строго заданному вектору — по течению реки. В четвертом случае точка отсчета (позиция наблюдателя) вовсе не имеет значения для установления местоположения объекта: с какой бы стороны ни находился номинатор (слева, спереди, сзади и т.п.), объект все равно будет находиться между дорогами.

Таким образом, мы имеем четыре возможных варианта (в том числе и отрицательный) представления позиции субъекта номинации в результатах его номинативной деятельности. Сформулируем их суть.

Первая ситуация, как уже говорилось, предполагает «привязку» объекта к субъекту номинации. При этом номинатор не пытается искать дополнительные (более объективированные) способы указания на местоположение географической реалии. Ориентация такого плана может быть названа ориентацией «от себя» («автоориентацией»). «Автоориентированный» топоним, помогающий «вычислить» положение субъекта, сохраняет эти свои возможности только в том случае, если пространственная позиция номинатора достаточно статична. Ситуация автоориентации включает два компонента: субъект наблюдения и объект наблюдения. Эта простейшая ситуация является, по-видимому, исходной для ориентировки в пространстве, однако она может модифицироваться за счет введения в ориентационную зону объекта-посредника, усложняющего пространственные связи, делая их более объемными и детальными. Модификация исходной двухчастной структуры может идти в трех направлениях:

1) объект-посредник становится третьим элементом ориентационной системы, при этом сам субъект ориентировки не исключается из ситуации, но его позиция имплицитно за счет введения объекта-посредника;

2) позиция наблюдателя как бы «отчуждается» от самого субъекта наблюдения, выносится вовне — в зону объекта-посредника и жестко закрепляется там. Объект-посредник превращается в своеобразный пространственный вектор; реальное положение субъекта наблюдения в пространстве не отражается в номинации, заменяясь фиксацией заранее заданного положения. Можно сказать, что в данном случае наблюдается несовпадение реальной позиции номинатора и точки отсчета. Первая нерелевантна для наблюдения, вторая, как уже говорилось, вынесена вовне;

3) позиция субъекта наблюдения исключается из ориентационной системы, которая состоит из объекта наблюдения и объекта-посредника (и, тем самым, вновь становится двухчастной). В этом случае точка отсчета нерелевантна для наблюдения (в реальности, разумеется, субъект номинации так или иначе сориентирован по отношению к объекту, однако это остается за пределами ситуации вербализации внеязыкового знания).

«Укрупнив» вышеперечисленные локализационные варианты, мы получим 3 основные ситуации, описывающие взаимодействие субъекта наблюдения и точки отсчета:

- Точка отсчета — наблюдатель: а) позиция наблюдателя эксплицирована (ориентация «от себя»); б) позиция наблюдателя имплицирована (ориентация «от объекта»).
- Точка отсчета вынесена вовне.
- Точка отсчета нерелевантна для наблюдения.
Опишем эти случаи более подробно.

ТОЧКА ОТСЧЕТА — НАБЛЮДАТЕЛЬ

А. Позиция субъекта эксплицирована (автоориентация).

Ситуация автоориентации, как указано выше, состоит из субъекта и объекта наблюдения. Эта ситуация, по всей видимости, является исходной для ориентирования, поскольку она наиболее тесно связана с положением тела в пространстве.

Базовым для автоориентации можно считать параметр *близко—далеко* (с которым связан параметр *начало—конец*). Именно он определяет выбор других пространственных показателей: если предмет находится близко, подключаются параметры, «привязанные» к человеку и заданные трехмерностью пространства: *вверху—внизу, спереди—сзади, справа—слева*. Эти параметры образуют «чувственную систему отсчета», которая «состоит в различении трех пар направлений: к голове и к ногам; по линии взгляда «прямо перед собой» и ее продолжению в обратном направлении; по линии вытянутых во фронтальной плоскости правой и левой рук» [Шемякин 1967, 40].

Таким образом, в рамках ситуации автоориентации следует рассматривать проанализированные выше способы реализации отношений *ближний—дальний, начало—конец, верхний—нижний, передний—задний, правый—левый*. Однако существует одно принципиальное ограничение. Как показано в соответствующих разделах, показатели *верхний—нижний, правый—левый* могут работать под действием различных механизмов: один из них (механизмов) реализует ситуацию автоориентации, другой — ситуацию ориентации с вынесенной вовне точкой отсчета. Поэтому, если анализировать уже описанный материал с точки зрения механизмов ориентации в пространстве, то к *ближним и дальним, первым и последним, передним и задним* топонимам (плюс различные вариации этих отношений) следует присоединить только те *правые и левые, верхние и нижние* названия, которые не предполагают привязки к реке.

Оценивая в целом эту наивную систему автоориентации, необходимо отметить следующее:

1. Функционирование всех составляющих системы автоориентации становится возможным только при жесткой закреплённости, статичности точки отсчета (=позиции наблюдателя), которая локализуется в центре освоения пространства (населенном пункте).

2. Из всех возможных координат, связанных с положением тела, наименее популярными оказываются координаты *вверху–внизу* и *справа–слева*. Причины низкой активности показателей *вверху–внизу* связаны со свойствами самих реалий: преимущественно равнинный ландшафт Русского Севера не создает «задела» для интенсивной эксплуатации соответствующих пространственных маркеров. Что касается пары *справа–слева*, то раритетность ее реализаций определяется несовершенством самой системы ориентации, которая подразумевает в данном случае слишком высокую степень сориентированности объекта. Здесь оказываются задействованными две ориентационные линии, поскольку наблюдатель должен, во-первых, стоять лицом к объекту, во-вторых, определять свои координаты относительно оси *правизны / левизны*. Такая двойная координация лишает наблюдателя свободы «маневра» (т.е. передвижения в пространстве). Таким образом, оптимальный вариант топонимической ориентации, не нарушающий баланса в связке *положение номинатора* → *локализация географического объекта*, предполагает задействованность не более одного ориентационного вектора.

3. Параметры наивной системы ориентации могут работать, в основном, в рамках микропонимии. Масштаб макротопонимического изображения местности приводит к дисбалансу связей между фигурой наблюдателя и географическими объектами.

Следует отметить, что автоориентация не исчерпывается представленными выше параметрами, связанными с положением тела в пространстве. Эти параметры образуют наивную, **субъективированную**, антропоцентрическую ориентационную систему, что не отрицает возможности существования объективированной системы. Таким образом, **по уровню организации** систем автоориентации можно выделить субъективированный и объективированный варианты этих систем.

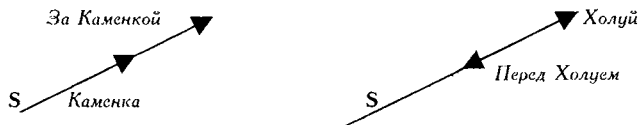
Объективированный вариант предполагает использование ориентации по сторонам света. Эта система является автоориентационной, поскольку замкнута на локус субъекта ориентации (точка, находящаяся к северу от одного наблюдателя, может быть расположена к югу от другого). В то же время эта система не связана с самим положением тела в пространстве, поэтому

она «масштабнее» субъективированной ориентации и, соответственно, может работать на макроуровне.

Однако анализ топонимического материала показывает, что объективированность ориентации по сторонам света весьма относительна. По сути, перед нами наивная — но на ином, более высоком уровне абстрагирования, — система, мотивированная хозяйственными предпочтениями субъекта ориентации. Резкая асимметричность этой системы мешает признать ее объективный характер.

Б. Позиция субъекта имплицирована (ориентация «от объекта»).

В трехэлементной системе ориентировки (субъект наблюдения — объект наблюдения — объект-посредник) «объектные» члены представлены эксплицитно, а субъект, как уже говорилось, имплицирован. Поясним эту ситуацию. Названия типа *Перед Холуем* или *За Каменкой* локализуют объект наблюдения в пространственной зоне объекта-посредника, однако вне конкретной ситуации эта локализация размыта, поскольку является «кольцевой»: предлоги *за* и *перед* очерчивают кольцо вокруг объекта, приобретая нейтрализованный аморфный смысл *около*. Эта аморфность может быть преодолена только за счет введения фокусирующей позиции субъекта номинации:

Ср.: «Анализ ... пространственных предлогов *за* и *перед* показывает, что пространственная ориентация предметов релятивизована восприятием наблюдателя» [Апресян 1995, 642]. Трехэлементная система ориентировки реализуется при использовании в составе топонимов, во-первых, ориентированных предлогов, во-вторых, беспредложных наименований объекта-посредника.

Ориентированные предлоги

Как указывают Т.Ю. Кобзарева и Л.Г. Лахути, «ориентированность предлога заключается в том, что при выделении инвариантов приходится учитывать не только взаимное расположение А и В, но и их положение относительно некоторого третьего объекта или относительно говорящего» [Кобзарева, Лахути 1971, 125]. Среди ориентированных предлогов авторы выделяют предлоги с вертикальной (*над*, *под*) и неvertикальной ориентированностью (*перед*, *за*) [там же].

Как представляется, ориентированные предлоги можно подразделять на группы не только исходя из их способности описывать пространственную **вертикаль /горизонталь**. Образуемые с их помощью предложно-падежные конструкции могут отвечать как на вопрос **где?**, так и на вопрос **куда?** (**откуда?**). При этом *где*-топонимы не всегда могут считаться ориентированными (допустим, конструкции с предлогом **в**, сочетающимся с существительным в предложном падеже, предполагают не трех-, а двухкомпонентную систему ориентировки (объект — объект-посредник), для которой нерелевантна позиция субъекта наблюдения), а *куда* (*откуда*)-топонимы всегда являются ориентированными, поскольку в их семантике представлена не только сема локализации, но и сема направления. Различение *где*-ориентации и *куда*-ориентации можно осуществлять по признаку падежа: если упоминавшийся выше предлог **в** с предложным падежом дает *где*-ориентацию, то с винительным падежом — *куда*-ориентацию. Идея направления, представленная в семантике *куда*-топонимов, связана с идеей перемещения, поэтому *куда*-топонимы отражают динамичность освоения пространства.

Представим диапазон ориентированных предлогов, встречающихся в русской топонимии (для полноты картины наряду с ориентированными предлогами рассматривались соответствующие приставки). Необходимость подачи довольно объемных рядов иллюстративного материала связана с тем, что некоторые предложно-падежные модели вообще не описаны в исследованиях по русской топонимии (мы ориентируемся в первую очередь на наиболее капитальное описание словообразовательных типов русских топонимов, имеющееся в работе Н.В. Подольской [1983]; модели, отсутствующие в этом исследовании, подаются под знаком *).

Куда-ориентация. *Куда*-топонимы называют конечный пункт, где заканчивается движение (или указывают, в какую сторону направлен объект с точки зрения наблюдателя).

• **В***: поле *В Березовую Речку Концом* [Хар], лес *В Выпасок* [Меж], поле *В Горку* [Пин], поле, пок., лес, ур. *В Горы* [Вил, Выт, Карг, Котл, Он], поле *В Горы Концом* [Он], поле *В Дор* [Хар], поле *В Еремеево* [Бел], пастб. *В Заклины* [Уст], дор. *В Край* [Нянд], пок. *В Корчагу* [Вель], ур. *В Рамень На Горелец* [Пыш]. Данная модель реализуется в 80 наименованиях.

• **До***: пок. *До Баён* [Леш], бол. *До Беленца* [Кад], лес *До Границы* [Вель], пок. *До Крутого Ручья* [В-Т], пок. *Дообедное* [Кон], ур. *Дооярье* — «от нас начинается и до озера идет» [Прим, Кушкушара], поле *До Овражка* [Уст], пок. *До Озёрной Дороги* [Уст], пок. *До Ушатики* [Уст] и

др. Данный предлог функционирует в 30 названиях. Ср. диалектные значения этого предлога: **до** (+ род. пад.) — 1. употребляется в значении предлога **в**: куда; 2. употребляется в значении предлога **на**: куда [СРНГ, VIII, 72].

• **За**: лес *За Гору* [Вель], бол. *За Двенадцать Болот* [Вож], пок. *За Копанец* [Нянд], поле *За Короткое* [Он], бол. *За Прилук* [Ваш], ур. *За Родину* [Бел], бол. *За Трубы* [Котл], лес *За Увариху* [Хар] и др. Модель представлена 200 наименованиями.

• **К***: поле *К Бабыю* [Вож], пок. *К Болоту* [Карг, К-Г, Сямж, Устюж, Пшенк], ур. *К Верхней Пожне* [К-Б], поле *К Гаврилихе* [В-Важ], поле *К Заднему Двору* [Нюкс]. Модель весьма активна в топонимической номинации (зафиксировано около 200 соответствующих топонимов).

• **На**: ур. *На Бабино* [Карг], лес *На Базаровский Хутор* [Пыщ], пок. *На Берёзово* [Глес], пок. *На Водопой* [Ник], поле *На Великое* [Грим], пок. *На Красное* [К-Г], тоня *На Мысок* [Выт], пок. *На Низ* [Кон, Сямж], лес *На Святицу* [Чухл]. Данная модель не относится к числу самых популярных, однако она достаточно четко оформлена в топонимическом материале (фиксируется около 90 соответствующих топонимов)²². В данных конструкциях проявляется диалектное значение предлога **на**: на (+ вин. пад.) — 'употребляется при указании места совершения действия, места, в сторону которого направлено действие, или являющегося конечным пунктом движения' [СРНГ, 19, 95].

• **Под**: пок. *Под Белово* [Сямж], поле *Под Березино* [В-Т], поле *Под Затоку* [Галич], пок. *Под Иванов Закоп* [Вель], лес *Под Каменное* [Глес], пок. *Под Мелехово* [Уст], оз. *Под Напалки* [Котл] и мн. др. Модель представлена 90 наименованиями. Обращает на себя внимание активное использование этой модели при номинации рыболовных тоней, ср. наименование тоней на Белом озере: *Под Берёзу*, *Под Завал*, *Под Мысочек*, *Под Мякильницу*, *Под Хвойники*, *Под Церкву* [Ваш]. Данные топонимы как бы дают ответ на вопрос «Куда поплыли ставить (сети, ловушки)?» — «Под Церкву...» Очевидно, эти номинации возникают при взгляде «с воды», с поверхности озера или моря, когда береговая линия воспринимается как вертикаль.

• **Через***: полосы *Через Бабий Лог* [К-Г], полоса *Черезборная* [Нянд], поле, паш. *Через Гору* [Бел, Ваш, Вож, Выт, Кир, У-Куб, Хар], пок. *Черездорожные* [Остров], ур. *Через Кручу* [Галич], полоса *Через Тропинку*

²² В исследовании Н.В. Подольской данная модель характеризуется как крайне редкая, реализованная лишь в одном топониме (*На Свои Пожни*) [Подольская 1983, 51].

[Кир], полоса *Череззгорницы* [К-Г]. Данная модель реализуется в 80 названиях. Предлог *через* имеет значение «преодоления» [см. Засухина 1991, 13], которое совмещается с направительной семантикой соответствующих конструкций. Ориентированность этого предлога проявляется в том, что только заданность позиции наблюдателя позволяет понять, с какой стороны преодолевается объект (например, с какой стороны надо перейти дорогу, чтобы попасть на пок. *Черездорожные*).

Откуда-ориентация. *Откуда*-топонимы называют исходный пункт, от которого начинается движение (или указывают, откуда направлен объект с точки зрения наблюдателя).

• **Из (из-под):** пок. *Из Сада Ставровского* [Пин], пок. *Из Сухого Ручья* [Тарн], поле *Из Ченчихи* [К-Г], поле *Из-под Ляги* [Кологр]. Топонимические сочетания с данными предлогами редки. В перечень не включены те топонимические конструкции, которые обозначают реки или ручьи, указывая на их исток (например, руч. *Из Большого Болота* [Вель]), поскольку в этом случае позиция наблюдателя нерелевантна для наблюдения.

• **От*:** поле *От Алфёрова* [К-Г], поле *От Большого* [У-Куб], поле *От Бора* [Бел], поле *От Голодухи* [У-Куб], пок. *От Егоровой* [Пин], пок. *От Камеша* [Хар], пок. *От Позоста* [Ваш], поле *От Саврасова* [Бел] и др. Данная модель, которая реализуется в 150 названиях, имеет локальный характер распространения: соответствующие топонимы наиболее плотно концентрируются в северо-западной части Вологодской области [Бел, Ваш, Вож, Кир, У-Куб, Хар]. В некоторых случаях *от*-модель организует систему микротопонимов определенной деревни; ср. названия полей вокруг д. Скоково [Ваш]: *От Озера* — «к озеру идёт, пахали оттуда», *От Осиновы*, *От Слободки*, *От Ручья*; аналогично выстраивается система названий полей вокруг д. Митенское [У-Куб]: *От Кобелёва*, *От Семшина*, *От Спасского*. Такого рода употребления предлога *от* отмечены в диалектной лексике, ср.: *от* (+ род. пад.) — «указывает на место как исходный пункт, откуда направлено движение или откуда что-либо извлекается» [КАССР. Яросл. Арх. — СРНГ, 24, 106].

• **С:** пок. *С Бродовой* [Галич], поле *С Горки* [Карг], поле *С Горок* [В-Г], ур. *С Копалихи* [Уст], бол. *С Корякино* [Устюж], бол. *С Норожника* [Кад]. Реализации этой модели немногочисленны (15 топонимов). В исследовании Н.В. Подольской указывается, что все засвидетельствованные названия этой модели — гидронимы Украины, значения гидронимов формулируются так: «текущий, вытекающий из или сверху того географического объ-

екта, который назван собственным именем' [Подольская 1983, 76]. В нашем материале гидроним только один (руч. С *Дальних* [Вель]); в остальных случаях («негидронимических») предложно-падежные конструкции релятивизированы позицией наблюдателя.

Где-ориентация.

• **За (по-за*):** бол. *Задубровское* [Вель], пок. *Закрёжное* [Карг, К-Б], пок. *За Кулышками* [Гряз], луг *По-за Веретья* [В-Т], полосы *По-за Глинной* [Вил], поле *По-за Гонов* [В-Т], лес *По-за Острову* [Ней], лес *По-за Реки* [Вель], поле *По-за Полю* [Хар] и мн. др. Конструкции с предлогом (приставкой) *за* являются самыми частотными среди всех топонимических предложно-падежных конструкций и соответствующих приставочных образований. На территории Русского Севера фиксируется около 6000 соответствующих топонимических фактов. Резкий перенос *за*-топонимов над *перед*-топонимами отражает логику и последовательность освоения пространства, вектор которого (освоения) направлен от центра к периферии. Предлог *по-за* реализуется в 15 названиях; данный предлог управляет родительным и дательным падежом имени и употребляется для обозначения места — 'позади чего-л., за пределами чего-л.' [СРНГ, 28, 301]. Возможно, конструкции с этим предлогом могут отражать также *куда*-ориентацию (ср.: поляна *По-за Старый Колодец* [Тот], поле *По-за Яблонные Полосы* [Кир]), однако для решения этого вопроса нужен более представительный материал.

• **Над (по-над*):** ур. *Над Озером* [Бел], полоса *Над Бором* [К-Г], бер. *Над Крутой Слудой* [Чухл], ур. *Надпоженка* [Нянд], лес *Надполе* [Вил], поле *По-Над Болотом* [Тарн], поле *По-над Лугом* [К-Г] и мн. др. Зафиксировано около 450 топонимов, включающих этот предлог (приставку)²³, однако любопытно, что они неравномерно распределяются по территориям: допустим, на территории Мезенского, Лешуконского, Верхнестоемского района Архангельской области, имеющих богатейший топонимикон, *над*-топонимы практически не фиксируются, а вот в Кичменгско-Городецком и Верховажском районах Вологодской области, в Вельском и Устьянском районах Архангельской области данные названия особенно частотны. По наблюдениям участников ТЭ, именно в этих зонах, где располагаются водоразделы крупных рек, рельеф является наиболее неровным, изобилующим холмами и пригорками (кстати, апеллятивная лексика этих районов, особенно Вельского,

²³ Вариант *по-над* раритетен: отмечается только 2 названия, в состав которых входит этот предлог.

характеризуется богатством наименований форм положительного рельефа). В то же время названные выше районы Архангельской области обладают болотистым ландшафтом, а возвышенности здесь практически отсутствуют или скрыты лесами. Очевидно, специфика рельефа обусловила неравномерное распределение *над*-топонимов по территории Русского Севера.

При формировании *над*-топонимов объектами-посредниками в большинстве случаев являются реки и озера, в то время как сами *над*-топонимы практически на две трети составлены наименованиями полей и покосов, что вполне естественно: именно поля и покосы (а не гидрообъекты) чаще всего находятся на возвышенностях. Исключением из этого правила являются наименования рыболовных тоней на оз. Кубенское [Вагд, Сок, У-Куб], в состав которых нередко включается предлог *над*: *Над Зеленой, Над Бонжей, Над Десятым, Над Головой, Над Березой, Над Черной, Над Зимней* и т.п. (любопытно, что в остальном массиве топонимии Вологодского, Сокольского и Усть-Кубенского районов, на территории которых находится Кубенское озеро, предлог *над* практически не встречается). Эта ситуация необычна для наименований тоней, в которых, как правило, функционирует предлог *под*, маркируя нахождение тони на нижнем, а не на верхнем полюсе пространственной вертикали. Можно предложить следующее объяснение этому обстоятельству: *под*-номинация возникает тогда, когда наблюдатель дает названия рыболовным урочищам «с воды», находясь на озере или в море; *над*-номинация, вероятно, предполагает иное направление взгляда — с суши на воду. Однако можно предложить еще одно объяснение этому обстоятельству: возможно, здесь проявилось одно из диалектных значений предлога *над* (+ твор. пад.): 1. соответствует предлогам *под* или *около* литературного языка и употребляется при указании на пребывание, нахождение кого-, чего-либо около нижней части чего-либо или в непосредственной близости от чего-либо; 2. соответствует предлогам *против, напротив* литературного языка и употребляется при указании на пребывание кого-, чего-либо прямо перед кем-, чем-либо или на противоположной стороне чего-либо [СРНГ, 19, 220]. И значение 'под', и значение 'против' могли бы быть задействованы при номинации тоней (если предполагать, что *над* = *против*, то береговая линия, разделяющая сушу и воду, как раз выступает в роли преграды, необходимой для описываемых предлогом *против* отношений). В то же время указанные диалектные значения предлога *над* не зафиксированы на данной территории, что мешает принять эту версию (кроме того, настораживает представленность предлога *над* на рассматриваемой территории преимущественно в названиях

тоней: если б предлог имел другие значения, то они проявились бы в номинации разных видов объектов).

• **Перед:** бол., лес *Передворье* [Бабуш, Ней, Пыш], пок. *Передзыковы* [Уст], пок. *Перед Колной* [Вель], поле *Передоконные* [Бабуш], пок. *Перед Окошком* [Ваш], пок. *Перед Холуем* [Ней] и др. Данная модель реализуется в 30 наименованиях. Причины ее низкой активности не только в том, что она задает центробежную, а не центростремительную логику освоения пространства, но и в том, что значение 'перед' выражают некоторые другие предлоги — *против* и, возможно, *под*. Кроме того, можно считать, что значение 'перед' выражается *куда*-топонимами, обозначающими местонахождение объекта на пути к объекту-посреднику (т.е. перед ним).

• **Под (по-под^{*24}):** пок. *Под Вострым* [Вил], оз. *Под Дрсвянкой* [Бел], поле *Под Круглым* [Пин, Шенк], бол. *Подозерье* [Вин], пок. *По-под Лесом* [Вель], поле *Поподлисье* [Кир] и мн. др. Предлог (приставка) *под* является одним из самых частотных в топонимических предложно-падежных конструкциях: фиксируется около 4000 топонимов, включающих этот предлог. Судя по нашему материалу, данный предлог в составе топонимов может иметь разные значения. Чаще всего встречается основное «высотное» значение предлога (ср. обилие конструкций с предлогом *под*, сочетающимся с обозначениями высотных локусов — горы, обрыва, леса и т.п.). Большая частотность *под*-топонимов (по сравнению с *над*-топонимами) объясняется тем, что *под*-пространство (т.е. середина и нижний полюс пространственной вертикали) доступнее для освоения, нежели *над*-пространство. В то же время частотность предлога *под* связана не только с этим обстоятельством, тем более что зафиксированы названия, которые вряд ли имеют высотную семантику (*Подозерина*, *Под Лягой* и др.). По данным диалектных словарей, на территории Русского Севера отмечены и другие значения этого предлога, ср.: *под* (+ вин., твор. пад.) — 1. употребляется при обозначении местоположения лица или предмета в непосредственной близости к кому-, чему-либо; возле, около чего-либо; 2. употребляется при обозначении направленности движения в сторону кого-, чего-либо, приближения к кому-, чему-либо [СРНГ, 27, 32]. Если считать, что некоторые *под*-топонимы выражают значение 'возле, около чего-либо', то их следует рассматривать как названия, возникшие в связи с ситуацией, когда позиция номинатора нерелевантна для

²⁴ Вариант *по-под* является раритетным и реализуется только в двух названиях. По мнению Т.П. Засухиной, предлог *по-под* указывает на местоположение предмета под чем-либо, имеющим протяженность, вдоль чего-либо [Засухина 1991, 24].

наблюдения. Однако есть основания полагать, что некоторая ориентированность в семантике таких названий всё же имеется. Рассмотрим ситуации, отраженные в мотивировочных контекстах: поле *Под Пупышевым* — «оно по пути от нас на Пупышево» [В-Уст, Котолово], пок. *Под Коробовым* — «перед Коробовым покос» [Влгд, Новленское], пок. *Под Тавлашем* — «по дороге от нас на Тавлаш, мы так звали, а в Тавлаше како-то другое имя было» [У-Куб, Мыс]. Данные названия функционируют только в микросистемах деревень Котолово, Новленское и Мыс (употребление топонима *Под Пупышевым* жителями самой деревни *Пупышево* маловероятно), и соответствующие объекты осваиваются по пути из этих деревень. Если б объекты находились позади деревень, было бы нелогично употреблять предлог *под*, — скорее был бы использован предлог *за*. Таким образом, предлог *под*, как нам представляется, может иметь значение 'на подступах к чему-либо', чем обусловлена его ориентированность.

• **Против (напротив, супротив**, а также связанные с ними субстантивные и адъективные формы): пок. *Против Берёзова* [В-Т], поле *Противное Поле* — «на горке против деревни оно» [Плес, Пашевская], пок. *Противной Наволок* [Плес], луг *Напротив Чирухина* [В-Т], руч. *Напротивье* [Пин], р. *Супротивница* [Кологр], порог *Супротивской* [Леш], пок. *Супротивье* [Макар, Устюж] и др. (около 70 названий).

• **Прямо (прям)**^{25*}: р. *Прям-Маслёнково* [Вож], поле *Прямо Буртаново* [К-Г], пок. *Прямо Волочка* [Вин], бол. *Прямо Деревни* [Вель], пок. *Прямокошки* [Кад], бол. *Прямокузоверские* [Уст], поле *Прям Сушилки* [У-Куб] и др. Данная модель реализуется в 60 названиях.

Ориентированность предлогов (приставок) *против* и *прямо* связана с тем, что эти предлоги выражают «местоположение кого-, чего-либо или распространение действия-движения на некотором расстоянии от лицевой части предмета» [Засухина 1991, 25]: сам выбор части, считающейся лицевой, создает ориентированную семантику предложно-падежной конструкции или соответствующего адъектива. Можно сказать, что *против*-, *противные* и т.п. топонимы синонимичны *перед*-топонимам, однако они предполагают большую дистанцированность объекта, местоположение которого выясняется, от объекта-посредника; пропозицией, определяющей употребление *против*-топонимов, является представление о каком-то ландшафтном (рельефном) барьере, противопоставляющем (разделяющем) соответствующие объекты, — им может

²⁵ *Прямо* 'против' [АК ТЭ].

быть овраг, поле, река и т.п. Надо отметить, что в том случае, когда объект располагается напротив другого по реке, ориентированность *против-*топонимов уменьшается, однако таких случаев не так много и они наиболее характерны для номенклатуры (пок. *Против Каменной Избы Исада За Рекой* [В-Т], луг *Против Панёва За Рекой* [В-Т]).

Представим сводный перечень ориентированных предлогов (и соответствующих приставок) в топонимии Русского Севера:

куда-ориентация	откуда-ориентация	где-ориентация
в (+ вин. пад.)	из / из-под	за (+ твор. пад.) / по-за
до	от	над / по-над
за (+ вин. пад.)	с	перед
к		под / по-над
на (+ вин. пад.)		против / напротив / супротив
под		прямо / напрям
через		

Беспредложные наименования объекта-посредника

В составе топонимов могут функционировать беспредложные наименования объекта-посредника, которые ориентируют по отношению к последнему объект наблюдения. Например: в названиях некоторых полей вокруг д. Копосово [Котл] отражены наименования деревень, в сторону которых расположены эти поля (ср.: «поле Удимское в сторону Удимы, а Петровское — по дороге на Петровскую; на Починок дорога шла через Починовский Угор» [Котл, Копосово]). Ср. еще примеры: пастб. *Шабановская* — «у нашей деревни в сторону Шабановой» [Вель, Никитинская], бол. *Осецкое* — «в сторону д. Осека» [Кад, Крюково], поля *Кабаново Гриндинское* и *Кабаново Падоловское* — «в сторону Грдина и Падолова» [Гряз, Ростилово], часть д. *Олюшинский Край* — «часть Куршиевской в сторону Олюшино» [Вож, Куршиевская], поле *Пошехонье* — «там как раз с Архангельска дорога шла прямо на Пошехонье» [Он, Верховье] и мн. др.

Беспредложные обозначения объектов-посредников нередко встречаются в составе названий частей населенных пунктов, ср. систему наименований частей д. Пеньево — *Святогорский Край*, *Шетеневский Край*, *Вороньевский Край* (в сторону Святогорья, Шетенево, Вороньево) [М-Реч].

Объектами-посредниками в традиционной русской топонимии становятся ориентиры «местного значения», находящиеся, как правило, не дальше **зоны второй степени топонимической абстракции**. Поясним, что имеется в виду.

Топонимикон может быть представлен как серия концентрических кругов, задающих различный масштаб изображения местности. Наиболее подробно и психологически реальна топонимическая карта самого крупного масштаба — локальная топонимическая система, описывающая пространство вокруг населенного пункта. Этот же масштаб изображения в некоторых случаях может использоваться при описании сравнительно отдаленных, но хорошо освоенных пространственных зон — покосов или охотничьих урочищ по далекой реке, рыболовных тоней по берегу озера и т.п. Вторая ступень топонимического абстрагирования очерчивает более дальнюю от населенного пункта зону: на карту этого масштаба попадают названия соседних деревень, гидрообъекты, но зато уменьшается количество микропонимов — или же происходит «укрупнение» чужих микрообъектов (ряд полей и покосов получает своего рода помет *periphrasticum* — обобщающее наименование по чужой деревне, которое не обладало бы инструментальностью и психологической реальностью на карте первой ступени абстракции). Третья и последующие ступени дают все более мелкий масштаб изображения, объектами которого становятся кусты деревень, крупные реки, райцентры и т.п. Повторим, что при выборе объекта-посредника для ориентированной номинации используется максимум зона второй ступени абстракции: чаще всего таким посредником становится чужая деревня. Это обстоятельство свидетельствует о весьма узком топографическом горизонте субъекта наблюдения, который склонен оперировать только непосредственными данностями. Подтверждением тому служат многие локальные системы ветрообозначений, в составе которых функционируют названия местных реалий-ориентиров, указывающих, с какой стороны дует ветер (*из-за Спирина, из-за Монастыря, из Ондричева, из Подпялузья (ветер)* [ЛК ТЭ]). Апофеозное проявление этой номинативной тенденции состоит в использовании в названиях ветров имен конкретных людей, местожительство которых становится ориентиром, — ср., к примеру, ветрообозначения *проня дует, пахомко задул* или *из-за дедушки Матвея* [ЛК ТЭ].

Естественное расширение топографического горизонта наблюдается в топонимии поморов. Ср. широко используемое поморами противопоставление *русский — немецкий: немецкая сторона, в немецкую сторону* — ‘так выражают поморы направление своего пути, идучи Северным океаном в Норвегию или на о. Новую Землю’ [СРНГ, 21, 79]; *русской ветер, ветер с Руси ‘южный ветер’* [Подвысоцкий, 85].

Рассматривая беспредложные ориентирующие наименования, следует специально поставить вопрос о **системе номинации дорог**: можно априорно

постулировать, что при номинировании этих топообъектов беспредложные ориентирующие наименования будут самыми частотными, поскольку в структуре ментального образа дороги идея направления последней должна быть магистральной.

Представим краткие результаты анализа системы наименований дорог в 25 районах Русского Севера. Ориентирующие топонимы, действительно, занимают определенное место в этой системе, но роль их не столь велика, как можно было бы предполагать: на их долю приходится около 25% от общего количества названий дорог. В качестве ориентиров чаще всего выступают, опять-таки, объекты первого и второго уровня абстрагирования. На первом уровне выделяются покос, лес, озеро и другие узколокальные ориентиры (вылоть до гумна или чьей-либо избы); на втором уровне — мельницы, церкви (известные жителям ряда деревень), чужие деревни и крупные реки, ср.: дор. *Борочная* (в лес *Борок*) [Уст], дор. *К Еремсихе* (к дому *Еремсихи*) [Карг], дор. *Гумная Дорога* (к гумнам) [Холм], дор. *Троицкая Дорога* (к *Троицкой* церкви) [Котл], дор. *Жданишная* (на мельницу *Жданиха*) [Карг], дор. *Липинская Дорога* (в куст д. *Липино*) [Вож], дор. *Моненская Дорога* (к р. *Монза*) [Ней] и мн. др. Значительно реже встречаются объекты третьего уровня абстрагирования — например, районный (уездный) центр: дор. *Городская* (в гор. Великий Устюг) [В-Уст], дор. *К Посаду* (в гор. Каргополь) [Карг], дор. *Уездный Просек* [Кад] и др. Впрочем, указание на соответствующий ориентир здесь не является необходимым, поскольку дороги такого ранга обычно называются *Большими* [повсем.].

Более распространенным номинативным типом (30% от общего количества топонимов) следует признать наименования, в которых отражаются элементы дорожного ландшафта или придорожные объекты: дор. *Житочная Дорога* (проходит мимо ячменного поля) [Плес], дор. *Оржаная Дорога* [Уст], дор. *Подлесье* [Леш], дор. *Ивная* — «у дороги-то ива растёт, вот и назвали так дорогу» [Мез, Дорогорская], дор. *Лиственничная* [Мез], дор. *Рябиновая Дорога* [Котл], дор. *Репная Дорога* [Ней, Пыщ], дор. *Дворянская Дорога* — «по ней барина могяла есть» [Устюж, Любатово], дор. *Староверка* — «шла мимо могилы старообрядца» [Он, Воймозеро] и др. Частотность таких наименований заставляет думать о том, что для субъекта номинации важнее не то, куда ведет дорога, а **мимо чего** она проходит.

Кроме того, выделяется обширная группа (15 %) наименований дорог по характеру грунта (почвы) или покрытия. Весьма активны также ряды названий, связанных с особенностями эксплуатации дорог (25%): 1) по характеру

их хозяйственного использования; 2) по обозначениям эксплуатирующих дорогу лиц; 3) по сезонности и способу эксплуатации дороги. Наконец, весьма небольшая группа наименований (около 5%) отражает такие признаки, как время появления дороги, ее размер и форма, а также особенности расположения в пространстве.

Итак, система номинации дорог свидетельствует о том, что дорога (объект, который сам по себе является ориентиром и занимает особое место в ряду других топообъектов вследствие выполняемой ею функции организатора пространственных связей) номинативно осмысливается по тем же законам, что и другие топообъекты, — преимущественно в связи со своими ландшафтными свойствами и особенностями хозяйственного использования. Количество ориентированных названий дорог в целом невелико (1/4 от всех зафиксированных наименований объектов этого вида), причем ориентиры имеют, как правило, сугубо местное значение. Это обстоятельство говорит о суженности пространственного горизонта носителей топонимической системы, для которых попытки широко взглянуть на окружающий географический ландшафт оказываются неактуальными.

* * *

Заканчивая анализ топонимов, которые сориентированы относительно наблюдателя, укажем, что эта ориентация может различаться по характеру направленности, в связи с чем следует выделить **центробежную** и **центростремительную направленность ориентации**. Преобладает — причем с резким перевесом — несомненно, **центробежная направленность**, предполагающая постепенное расширение зоны освоенных объектов по вектору, заданному из номинативного центра. Такая направленность проявляется в наличии большого количества *задних* и *за-*топонимов, предложных конструкций, отражающих *куда-*ориентацию (с предлогами *к, на, через*), а также беспредложных ориентированных именованных, в четкой выраженности *идси* конца, границы освоенного пространства и др.

Однако существует и **центростремительная направленность ориентации**, за которой кроется попытка субъекта номинации прорисовать детали уже освоенного участка территории, как бы возвращаясь от известного объекта назад по вектору, устремленному к номинативному центру. Такая логика освоения пространства доминирует в значениях топонимов, отражающих *откуда-*ориентацию (конструкции с предлогами *от, с*), а также в значении 'перед

чем-либо (топонимы с предлогами *до, перед* и некоторые названия с предлогом *под*).

Таким образом, характер направленности топонимической ориентации свидетельствует о действии тенденции к центробежному расширению осваиваемого пространства при менее выраженном проявлении намерения вернуться к детализирующей разработке уже картированной территории.

С этим противопоставлением пересекается еще одно — противопоставление координирующих механизмов ориентации. Можно выделить два таких механизма: *объектокоординирующий* и *автокоординирующий*. Что имеется в виду? Как правило, локализация в пространстве является действием (ментальным актом) субъекта, направленным на объект, местоположение которого выясняется (уточняется). Эта естественная пропозиция, задающая объектокоординирующий механизм локализации в пространстве, отражена в большинстве топонимических номинаций. Однако фиксируются случаи, позволяющие говорить об отражении в топонимии автокоординирующего механизма, нацеленного на выяснение местоположения самого наблюдателя. Таких случаев немного — тем более они заслуживают внимания.

Отмечены названия лесных дорог и урочищ, за которыми просматривается пропозитивное стремление субъекта выявить свое местоположение относительно известного ориентира. При пребывании в лесу такими ориентирами становятся высотные объекты, видимые на большом расстоянии (церковь, колокольня, высокое дерево и т.п.), ср.: просека *Колокольный Просек* — «на него выходишь — видна была церковь наша» [Ваш, Тимошино], тропа *Никольский Просек* — «церковь была вроде маяка, из леса шли — ее видели, знали, что на нее выйдем. Из озера в бурю ее видно было, в колокола звонили, чтоб корабли не тонули» [У-Куб, Сергеевское], бол. *Церковная Просека* — «с неё видно церковь» [В-Важ, Урусовская], поляна *Дунькина Берёза* — «как по лесу идёшь, выйдешь на эту полянку, уже видна дунькина берёзка, она в деревне, у дунькина дома растёт. Вот и назвали эту поляну Дунькина Берёза. Как выйдем на Дунькину Берёзу — скоро уже деревня» [В-Уст, Родионовица]. Еще раз отметим своеобразие механизма, определяющего эти номинации. Обычно названия типа *Дунькина Берёза* маркируют объект, находящийся в непосредственной близости от ориентира. В данном случае объект (поляна) удален от ориентира (берёзы), но помогает выявить неизвестное местоположение последнего и сам становится ориентиром для наблюдателя, который получает возможность локализовать себя в лесу.

Этот же механизм мотивирует некоторые названия тоней на оз. Кубенское. Твердый и местами каменистый грунт, а также значительная глубина не позволяют рыбакам применять для выявления местонахождения тони предметные ориентиры (к примеру, рыбаками озер Воже и Белого в качестве таковых используются *целбы* (колбы, махавки и др.) — жерди с грузом на нижнем конце и метелкой на верхнем). Вместо этого практикуются непредметные способы определения местоположения тони, которое выявляется по проекции с берегового объекта на поверхность озера. Ср.: «тони мы находили по приметам на берегу, по мельницам, овинам, церквам. Церква сама лучша примета» [Влгд, Коробово]. Эта система ориентации отражена в некоторых топонимах, ср.: тоня *Боровская* — «от нее видно д. Бор», тоня *Берёза* — «от неё видно березу на берегу» [Влгд, Пески], тоня *Ждановская Горюшка* — «от нее видать горюшку у Ждановской» [У-Куб, Мыс], тони *Старые Дровяники* и *Новые Дровяники* — «дровяники были настроены на берегу, от тони этой они видны», тоня *Осиново* — «от нее осинник виден» [Влгд, Коробово]. Таким образом, ситуация автокоординации предполагает выявление позиции наблюдателя относительно известного ориентира. Эта ситуация очень редка для русской топонимии, поскольку связана с перенесением позиции наблюдателя с ее обычного «места дислокации» — деревни — в зону самого объекта, «адрес» которого должен быть установлен посредством апелляции к далекому ориентиру и отражен в топонимации. Необычное положение точки отсчета обуславливает маргинальность автокоординирующих топонимов в русской топонимической системе.

ТОЧКА ОТСЧЕТА ВЫНЕСЕНА ВОВНЕ

Ситуация ориентации с вынесенной вовне точкой отсчета предполагает привязку объектов к реке. В рамках этой ситуации создаются топонимы, выражающие три пары отношений: *верхний* — *нижний*, *голова* — *хвост*, *правый* — *левый*. Как говорилось в соответствующих рубриках, следует различать случаи употребления этих оппозиций в связи с привязкой к реке и случаи использования их в рамках ситуации автоориентации.

Привязка к реке осуществляется по канонам, принятым в научной гидрографической системе. Река является изначально сориентированным объектом-посредником, причем эта сориентированность подразумевает положение наблюдателя лицом к устью реки. Это положение виртуально, поскольку реально наблюдатель может осваивать реку в любом направлении, однако вербальное освоение имеет в пропозиции вынесенную вовне точку отсчета. Нез-

бежно встает вопрос о древности этой ориентационной системы и о ее корнях — имеется в виду «исконный» или «заимствованный» (из научной гидрографии) характер ориентации по реке.

Логично предположить, что ориентация с вынесенной вонне точкой отсчета возникла позже автоориентации. Относительность и изменчивость автоориентации заставляет искать какие-то более стабильные ориентиры, в меньшей степени зависящие от положения тела в пространстве. Так возникает «ориентация, основанная на географических признаках местности, которыми могли быть неподвижные местные примеры (горы) или же движения воды или воздуха, сохраняющие постоянное направление, например, течение рек и ветры» [Шемякин 1967, 44]. На Русском Севере — территории преимущественно равнинной и речной — горы не могут служить значимым ориентиром, однако велика ориентирующая роль течения рек и ветров (о последнем см. рубрику *Стороны света*). Особое место рек среди естественных географических ориентиров мотивируется тем, что этот объект наиболее явно и зримо (более зримо, чем ветер) дан в движении — причем в движении однонаправленном и константном. Известно, что обширные ориентационные системы многих народов разворачивались «от реки». Если автоориентация привязана к телу человека, то ориентация по реке, быть может, в какой-то мере мотивирована возможностью разворачивания образа этого водного объекта на антропоморфной основе; осколки этого образа зафиксированы географическими терминами, ср.: *голова* 'вершина реки' [Мурзаев, 149], *плечо* 'берег реки' [ЛК ТЭ], *черёво* 'изгиб, излучина реки' [Мурзаев, 611], *бровка* 'край глубокой части русла реки' [Мурзаев, 95], *локоть* 'излучина реки, меандра' [Мурзаев, 346], *палец* 'небольшой ручей, выдающийся в реку' [Мурзаев, 428], *колесо* 'резкий крутой изгиб реки, лука' [Мурзаев, 284], *устье реки* и т.п. Эти обстоятельства, а также высокая частотность топонимов, выражающих привязку к реке, позволяют предполагать, что ориентация по реке носит «исконный» характер и, соответственно, научная гидрографическая система возникла на базе народной системы.

Необходимо отметить, что ориентация с вынесенной вонне точкой отсчета иногда контаминируется с ориентацией «от наблюдателя». Это происходит в тех случаях, когда *верхние* и *нижние* названия, а также топонимические *головы* и *хвосты* имеют относительную семантику, релятивизированную положением номинатора (например, использование пространственного маркера *нижний* может означать, что объекты находятся не в реальных низовьях реки, а ниже наблюдателя по ее течению).

ТОЧКА ОТСЧЕТА НЕРЕЛЕВАНТНА ДЛЯ НАБЛЮДЕНИЯ

Перейдем к описанию способов локализации объекта в том случае, когда точка отсчета нерелевантна для наблюдения. При этом предполагается установление связей объектов друг с другом при отсутствии координирующего взгляда наблюдателя; наличие наблюдателя (субъекта номинации), естественно, остается необходимым условием номинации, однако в данном случае оно не определяет собственно номинативную базу имени.

В связи с этой ситуацией можно выделить следующие типы пространственных отношений: 1) находиться вблизи, рядом с чем-либо; 2) быть расположенным по какой-либо линии: по длине (ширине), по окружности чего-либо; 3) находиться в пределах чего-либо, между чем-либо; 4) находиться в определенной части чего-либо; 5) располагаться вместе — отдельно.

Находиться вблизи, рядом с чем-либо

Следует выделить прямой и опосредованный способы реализации данного отношения, внутри которых обнаруживается разнообразие конкретных присмов.

Прямой способ преимущественно предполагает использование предложных конструкций с пространственным (но не ориентированным!) значением.

- **Возле**^{*26}: поле *Возле Большой Дорогу* [Тог], поле *Возле Деревни* [Вель], луг *Возле Озерка* [Кологр, Мез], пок. *Возлеполе* [Шенк], пок. *Возле реку* [Вель], ур. *Возле Холы* [Пыщ] и др. (25 названий).

- **Около (коло)**^{*}: пок. *Коло Болотичка* [Чухл], поле *Коло Красного Пруда* [Галич], лес *Около Барского Сада* [Галич], пок. *Около Тунбов* [Мантур] (25 наименований).

- **Подле**^{*}: луг *Подле Лесу* [В-Т], пок. *Подлемошь* [Он], поле *Подле Озера* [Ваш], пок. *Подлеозерки* [Мез], ур. *Подле Реку* [В-Т] (15 топонимов).

- **У**: пок. *У Арсеньевского Озера* [Гряз], поле *У Косой Горы* [Тарн], бол. *У Трех Берёз* [В-Уст], пок. *У Копытова Камня* [Бел], пок. *У Кривой Сосны* [В-Т], бол. *У Орла* [Лен] и мн. др. Данная модель принадлежит к наиболее популярным (количество ее реализаций — около 1500 названий). Для нее характерно активное задействование указаний на «памятные знаки» — искривленную березу, камень-следовик, гнездо орла и т.п.

²⁶ Знаком * отмечаются модели, отсутствующие в исследовании И.В. Подольской [Подольская 1983].

• В рамках данного способа выражения рассматриваемого отношения функционируют также топонимы с приставкой **при-**: д. *Придворные Места* [К-Б], поле *Придорожное* [Уст], пок. *Прикромье* [К-Г], пок. *Прилужье* [Галич, Ней], пок. *Приозерь* [К-Б] и др. К этой же группе примыкают весьма распространенные топонимы, образованные от основ *приткнуться*, *прилепиться*, *прислониться* и т.п.: б.д. *Прилепка* [Гряз], пок., ур. *Прилепкино* [Гряз, Устюж], часть д. *Прилёповка* — «в Прилёповке после поселились, прилепились как бы» [Ней, Вожегово], поле *Притыка* [Кон, Мез], р. *Притыканка* — «у деревни течет» [Ник, Осиново], часть д. *Притыкино* — «Притыкино — потому что приткнулось к нашей деревне, наставили домов деревянных» [Уст, Юрятинская], часть д. *Притыкино* — «новые дома там — как бы приткнулись к Повленскому» [Влгд, Коробово], д. *Притыкино* — «приткнулось к Кокшарову» [Сок, Боярское], часть д., д., поле *Притыкино* [Гряз, Ней, Пыщ, Сямж, Тот, Череп], хут. *Прислон* — «у деревни напей, как бы прислонился к ней, вот и назвали» [У-Куб, Большое Лыскарево], д. *Прислон* [повсем.]²⁷.

Опосредованный способ состоит в том, что информация о близости объектов (в широком смысле их смежности) «прочитывается» из факта языковой соотнесенности, связанности их названий. Связи наименований между собой несут важную системную нагрузку — они нужны топонимической системе для оптимизации ее ориентировочных возможностей, что достигается благодаря реализации мнемотехнической и сигнальной функций топонимических связей. Мнемотехническая функция предполагает обеспечение лучшей запоминаемости (воспроизводимости) взаимосвязанных топонимов за счет «блочного» характера функционирования последних; сигнальная функция состоит в косвенном указании на пространственную смежность²⁸ обозначаемых топонимами объектов (топоним *Малая Ивановка* указывает, что объект, скорее всего, расположен неподалеку от *Большой Ивановки*; *Нытвенка* — около *Нытвы*, *Петрухинский Ложок* — у *Петрухино*). Можно выделить 3

²⁷ Некоторые топонимы, образованные от основы *прислон*, могут иметь другое значение, ср.: *прислон* — арх. крутой гористый берег, уступ, увал поодаль от воды' [Даль, III, 442].

²⁸ Следует оговориться, что в некоторых случаях условие смежности не выполняется и объекты оказываются соотнесенными не на основании пространственной близости, а по другим признакам. — ср., допустим, классический пример: *Йорк* — *Нью-Йорк*. Однако в **локальных** топонимических системах (а это основная форма существования традиционной русской топонимии) взаимосвязанные топонимы в подавляющем большинстве случаев оказываются смежными.

типа связей топонимов между собой: метонимическая, словообразовательная, семантическая.

Метонимическая связь. Данная связь является наиболее формальной из всех видов топонимических связей. Она объединяет топонимы (называющие объекты разных видов), которые образованы путем переноса по смежности²⁹: д. *Родома* — р. *Родомка* — бол. *Родомское* — мыс *Родомский Мег* [Леш], р. *Шильда* — куст д. *Шильда* — луг *Шильдские Луга* [Карг]. В зрелой топонимической системе метонимия является способом образования едва ли не половины новых наименований. В топонимической литературе проблема метонимических переносов рассматривается с целью выявления основных типов связи (к примеру, гидроним → ойконим, ойконим → ороним и т.п. [см. Отин 1980б]), однако логика этих переносов исследователями прослеживается весьма нечасто. В то же время выявление этой логики может стать целью отдельного исследования, поскольку это способствовало бы обнаружению «объектных приоритетов», которые варьируют во времени и в пространстве. Такими приоритетами следует считать объекты, названия которых являются источниками разворачивания метонимических связей.

Выбор объектного приоритета зависит от ландшафтных условий территории, а также от пространственного кругозора субъекта номинации, что, в конечном счете, сводится к типу освоения пространства. Допустим, особенности ландшафта определили то обстоятельство, что в топонимии Горного Алтая источником метонимических переносов оказываются оронимы [Молчанова 1985, 50]. Ландшафтные факторы и специфика заселения территории (изначально преимущественно по водным путям) обусловили ведущую роль гидронимов в разворачивании метонимических связей в древнейшем пласте севернорусской топонимии. Это проявляется, в первую очередь, на уровне связи гидроним → ойконим и верно для названий как крупных, так и средних рек (р. *Вологда* → гор. *Вологда*, р. *Пинега* → с. *Пинега*, р. *Мезень* → гор. *Мезень*, р. *Реваж* → ст. *Реваж*, р. *Яреньга* → д. *Яреньга*, р. *Латеньга* → д. *Латеньга* и мн. др.).

Однако в более позднем пласте русской топонимии дает о себе знать частичная смена объектных приоритетов, повлекшая за собой своеобразное «перестягивание одеяла» с гидронима на ойконим. Смена типов хозяйствования, переход от промысловой культуры к земледельческой приводит к сужению пространственного горизонта носителей традиционной топонимии. Во

²⁹ Метонимические связи нередко дополняются словообразовательными.

многих локальных системах появляется тенденция к «моногидронимизации»: при отпавшей потребности пользоваться несколькими гидрообъектами соответствующие топонимы забываются, а единственно важный гидрообъект нередко меняет свое старое название, получая перифрастическое наименование *Речка* (использование родового обозначения вместо видовых становится возможным именно при ориентации на единственный гидрообъект). В последние годы участники ТЭ все чаще фиксируют ситуации, когда новое родовое название функционирует в речи среднего и младшего поколения носителей топонимической системы, а старое видовое — в речи старшего поколения, ср. примеры такого параллельного функционирования гидронимов: р. *Шаласвка* // *Речка* [В-Уст], р. *Вахтоболка* // *Река* [У-Куб], р. *Неньдербга* // *Речка* [Холм], р. *Удима* // *Речка* [Котл] и мн. др. Другим номинативным следствием сужения диапазона осваиваемых рек, а также усиления роли деревни как центра обжитого пространства является тенденция номинирования рек по деревням (д. *Мокеевская* → р. *Мокеевская* [Кон], с. *Старое Село* → р. *Старосёлка* [Влгд], д. *Васюково* → р. *Васюковская Речка* [Кир]) или даже по церквям (*Никольская церковь* → р. *Николка*, *Митревская* (< *Дмитриевская*) *церковь* → р. *Митревка* [Влгд], *церковь Михаила Архангела* → р. *Михалица*, *Петровская церковь* → р. *Петровка* [У-Куб], *Рождественская церковь* → р. *Рождественская Речонка* [Гряз]). Наиболее активно эта тенденция действует в тех зонах, где высока плотность поселений и имеется достаточное количество разработанных пойменных лугов (так, что нет необходимости осваивать дальние лесные урочища), — например, в центральных районах Вологодской области [Влгд, Гряз, М-Реч, Сок и др.].

Словообразовательная связь объединяет топонимы, между которыми существуют отношения словообразовательной производности. При этом может использоваться префиксация (поле *Горные Сидоровки* — *Нагорные Сидоровки* [Ваш], ур. *Реченское* — *Межреченское* [Кир]) или суффиксация (р. *Важка* — пр. р. *Важа* [Бел], р. *Кривенькая* — пр. р. *Кривая* [В-Г], р. *Ихалица* — пр. р. *Ихала* [Гряз]). Словообразовательные ряды, как правило, объединяют названия объектов одного вида — исключение составляют ситуации, когда словообразовательная связь работает «в паре» с метонимической (д. *Козлы* — р. *Козловка* [Прим]). Эта связь нередко семантизирована, т.е. способна характеризовать нюансы взаимоотношений объектов, а не только сигнализировать об их смежности. Чаще всего словообразовательной связью выражается отношение «река — приток реки» (примеры см. выше).

Семантические связи приводят к образованию семантических микросистем топонимов, ср.: оз. *Большое Чёрное* – *Среднее Чёрное* – *Малое Чёрное* [Плсс], пок. *Высокое Бараково* – *Низкое Бараково* [Шенк], оз. *Глубокое Сярмозеро* – *Мелкое Сярмозеро* [Леш], р. *Грэмелка* – *Шумелка* [Бел], пок. *Петушок* – *Курочка* [Кад] и мн. др. Подробное описание фактов такого типа представлено в работе [Березович 1992].

Располагаться по какой-либо линии

Значения 'вдоль', 'поперёк' и 'вокруг' объединяются на основе того, что подразумевают расположение объекта по какой-либо линии (по длине, ширине или по окружности чего-либо). Топонимы, выражающие это отношение, представляют собой либо предложно-падежные конструкции (и соответствующие приставки), либо связанные с ними адъективные и субстантивные формы.

- **Вдоль*** (**дольный, продольный**): поле *Вдоль Дороги* [Бел, К-Г, Кир], поле *Вдольогорные* [Гин], пок. *Вдоль Реки* [К-Г]; поле *Дольное* – «вдоль по ручью идет» [У-Куб, Родионово], руч. *Продольная* [В-Т], пок. *Продольное* [Вель, Плсс, С-Дв], рукав р. *Продольный* [В-Т] и др. (25 названий).

- **Вокруг** (**круг, кругом, округ, округа, окружной**)*: поле *Вокруг Середовин* [Кир], пок. *Круг Болотца* [Ник], пок. *Кругозёр* [Меж], пок., ур., оз. *Округа* [Вель, Ней, Плсс, Тарн], прт., пок. *Окружная* [Тот, Уст], поле *Окружная Новина* [Мез], бол. *Окружное* [Уст], поле *Окружье* [Гряз] и др. (около 50 названий).

- **О (об-, обо-)**: пок. *Обозерье* [Ваш], поле *О Болото* [Вин], поле *О Большую Дорогу* [Карг, Кон, Он], лес, пок. *Обречье* [Баб, Устюж], лес *О Двух Ям* [Антроп], пок. *О Лес* [Кир], пок. *О Ручей* [Карг] (около 120 названий).

- **По**: пок. *По Андреевке* [Вель], пок. *По Андонге* [Ник], луг *По Боброву* [В-Т], полосы *По Васёнковой Дороге* [К-Г], пок. *По Первой Росстани* [Вил], пок. *По Переложному* [Уст] и др. (около 30 топонимов).

- **Поперёк** (**поперечный, перечный**): полоса *Поперёк* [К-Г], полоса *Поперёк Огороди* [Шар], поле *Поперечка* [Прим], р., полоса, поле *Поперечная* [Баб, Вель, Вил, В-Т, Выт, Гряз, Леш, Нюкс, Нянд], прт. *Поперёчная Кушта* [У-Куб], просека *Поперечный Просек* [Ваш], прт. *Перечник* – «поперек до Озерка идет» [У-Куб, Митенское].

Находиться в пределах чего-либо

Значения 'внутри', 'на поверхности чего-либо', 'между чем-либо' объединяются на основе признака 'находиться в пределах чего-либо'. Эта семантика может быть выражена, во-первых, с помощью бесприставочных относительных наименований, локализирующих объект в пределах другого объекта; во-вторых, с помощью предложных (приставочных) и связанных с ними адъективных маркеров.

Бесприставочные относительные наименования разнообразны и не могут быть представлены перечнем. В этой группе следует рассматривать названия, образованные от апеллятивов *горный, боровой, луговой, бережной, лесной* и т.п. Иногда топонимы такого рода образуют таксономические микросистемы [см. Березович 1992, 89–95], например: *лес – поле* (пастб. *Лесное Рябцово – Полевое Рябцово* [В-Уст], поля *Боровое – Луговое* [В-Уст]); *берег – море* (о-ва *Бережной – Голомянный*³⁰ [Прим], о-ва *Бережной Власов – Голомянный Власов, Бережной Боршовец – Голомянный Боршовец* [ЛБМ, 265, 404]); *гора – луг* (д. *Горнофилинск – Луговофилинск* [Тоб], д. *Горная Суббота – Луговая Суббота* [Уват]); *берег – гора* (поляны *Заячиха Бережная – Заячиха Горная* [Леш], ур. *Шатрово Березное – Шатрово Горное* [Карг]) и др.

Предложные (приставочные) и адъективные маркеры:

• **В:** пок. *В Баской Рёлке* [Вил], руч. *В Волочке* [Меж], пок., поле *В Горе* [Вель, В-Т, В-Уст, К-Г], пок. *В Изломе* [В-Важ], поле *В Камешнике* [Вож], руч. *В Косой Горе* [Пин] и мн. др. (около 400 наименований).

• **Внутри, (внутренний** и др.): Предложная конструкция отмечена всего одна – оз. *Внутри Большого* [У-Куб]. В рамках данной модели преобладают многочисленные субстантивные и адъективные топонимы типа *Внутреннее, Нутреннее, Нутренка, Нутро*, ср. объяснения названий такого рода: оз. *Внутреннее Озёрко* – «внутри в полях оно» [Плес, Пашевская], бол. *Внутренний Мох* – «находится в середине других болот» [Карг, Вильно], лес *Нутрянка* – «внутри болота стояла на бугорке – так вот и Нутрянка» [Вагд, Алексеево], бол. *Внутренник* – «в лесу он, как внутри» [С-Дв, Сюзьма], бол. *Нутренний Мох* – «тут оно, на нашей стороне, в нашем лесу, где у нас все урочища идут» [Прим, Яреньга], бол. *Нутренка* – «оно в наших урочищах, вот и Нутренка, а у Тавлаша другие болота, свои у них там названия» [У-Куб, Мыс]. Мотивировки указывают на то, что *внутрен-*

³⁰ Ср.: *голомя (голомень)* 'удаленное от берега морское пространство' [ЛК ТЭ].

ние топонимы реализуют следующие варианты смыслового наполнения: 1) объект располагается на территории объекта другого типа (допустим, озеро в полях); 2) географическая реалья находится в середине некоторой совокупности реалий этого же типа (тем самым оживляется исходное мотивационное значение слова *внутренний*); 3) объект расположен в пределах территории, которая воспринимается жителями определенного населенного пункта как «своя», хозяйственно осваивается ими. Наиболее интересна последняя ситуация, существование которой поддерживается наличием оппозиции *внутренний* — *сторонний*, ср. две пары такого рода, имющиеся в нашем материале: оз. *Нутренник* и оз. *Стороннее* — «Стороннее в стороне от наших угодий, а Нутренник по пути, по той дороге, по которой ходим» [Прим, Лопшеньга]; бол. *Нутряно* и бол. *Опосторонок* (*Осторонок*) находятся в локальной топонимической системе д. Галашманиха [Баб], причем первое расположено ближе к деревне, а второе дальше от нее. Эти факты свидетельствуют о том, что носитель топонимической системы четко выделяет в структуре географического пространства «свою» территорию, причем критерием такого выделения становится хозяйственная освоенность участка географического пространства; объекты «своей» территории могут быть маркированы как *внутренние*, а объекты, находящиеся за ее пределами, — как *сторонние*. Тем самым данный случай выходит за рамки ориентационных ситуаций с нерелевантной для наблюдения точкой отсчета: деление объектов на *сторонние* и *внутренние* опосредовано позицией номинатора и мотивировано, в конечном счете, фактором хозяйственного освоения территории.

• **Меж** (*между, между, промеж, промежутки* и др.): д. *Межгоры* — «там горы есть, дак меж гор» [Ваш, Никольское], полосы *Междоровские* — «меж дорогами будут» [Бел, Еремеево], пок. *Межбор* [Плес], бол., поле *Меж Дорогами* [Вин, К-Г, Ньюкс, Плес, Уст], поле *Между Чудачихами* [В-Т], пок. *Межлесная* [Прим], поле *Между Лужками* [Пыщ], руч. *Межуречка* [Кологр], лес *Промежглубокий* [Вил], полосы *Промежутницы* [Ник] (около 200 названий). Сюда же следует включить повсеместно распространенные *межные* топонимы и *межники*. Во внутренней форме таких топонимов нет указания на то, между какими объектами расположена обозначаемая ими географическая реалья, — при этом семантическая достаточность *межников* обеспечивается тем, что они, как правило, являются обозначениями ручьев, лесов и др., служащих естественными границами территорий, которые хозяйственно осваиваются из разных населенных пунктов. Ср.: руч. *Межной* — «граница была между Вожгорой и Лебским» [Леш, Лебское], руч. *Меж-*

ник — «между нами и Казаково он тек, вот и Межник» [Вил, Исаковская] и др. Тем самым топонимическим *межники* смыкаются по смыслу с *рубежными* топонимами, приобретая некоторую ориентированность семантики.

• **На:** бол. *На Баранникове* [Хар], поле *На Белых Борках* [Прим], пок. *На Гузое* [Кир], поле *На Камню* [Вил], полоса *На Красном Угоре* [К-Г], поле *На Ломовицах* [Вель], руч. *На Полянке* [Вож] и мн. др. (около 400 наименований).

Находиться в определенной части чего-либо

Данный признак предполагает характеристику размещения объекта в конкретной части ограниченного участка пространства, что делает его семантически более нагруженным, чем признаки, рассмотренные выше. По этой причине для реализации данного признака используются преимущественно не предложно-падежные конструкции, а субстантивные и адъективные маркеры. В топонимии оказываются отмеченными три зоны — **боковая, угловая и серединная**.

• **Сбоку:** лес *Бок* [Сок], пок., поле, ур. *Бока* [Вель, Карг, К-Г], руч. *Боковой* [В-Т, Уст], пок. *Боковухи* — «Боковуки с боков деревни» [В-Т, Мила], пок. *Бочи́ха* — «сбоку от деревни» [Прим, Погорелка], бол. *Белобокое* [Бел], лес, пок., г. *Бокуша* [В-Т, Карг, Котл], пок, ур., д., поле *Забока* [Вил, К-Б, Котл], пок. *Побочень* [Вож] и мн.др.

• **В углу (в куту, в углу³¹):** пок., поле, часть д. *Кут* [Вож, Карг, Он, Пин, Прим], пок. *Кутовой* — «в куту в самом косили, дорог там больше нет» [Прим, Нижняя Золотица], лес, поле, бол. *Куток* [Баб, Кад, Он, Прим]; пок. *Угловатка* [Уст], *Угловое* [повсем.], поле *Угловуха* [Он], пок. *Угловуша* [Вож], *Угол* [повсем.], пок. *Уголовная* — «пожня-то в углу была» [Мез, Петрова], д. *Угольская* — «Угольская, раз на углу» [Уст, Малое Медвежье], полосы *В Узгу* — «огороды сошлись, узг большой» [Ник, Гарасово], р. *Узг* [Лен], полосы *Узговые* [К-Г, Ник] и т.д. Следует отметить, что *угловые* топонимы по смыслу весьма близки *крайним* названиям, однако в семантике *крайних* степень сориентированности значительно выше, поскольку они фиксируют конечные точки определенного отрезка, начало которого жестко задано номинатором; в то же время выделение «углов» гораздо меньше зависит от позиции наблюдателя.

• **В середине (осередыш, сердце, серёдка, середовина, среди, середина и др.):** пок. *Осерёдка* [Кон], *Осерёдок* [повсем.], пок., поле *Осерёды-*

³¹ Ср.: *кут* 'угол, край чего-либо' [ЛК ТЭ]; *узг* 'угол, уголок, куток' [Даль, IV, 478; ЛК ТЭ].

ши [Вин, С-Дв], г. *Сердечница* — «посреди полей она, вот и Сердечница» [У-Куб, Колбаса], лес, руч. *Сердце* [Гряз, Коп, Нянд], холм *Сердцевой* [Шенк], *Середина* [повсем.], д. *Середина Курьи* [Холм], поле *Серединец* [Шенк], *Серёдка*, *Сердовина* [повсем.], пок. *Серёдка Острова* [Он], о-в *Средний Остров* — «этот остров между рской и Нашей Поскотиной» [Кир, Ромашево], поле *Средний Постен* — «оно в середине папшен находится» [Вель, Коптяевская], лес *Средолуг* — «среди полей и лугов» [Устюж, Квашнино], г. *Серёдыш* — «посреди деревни» [Вил, Щербинская], ур. *Среди Леса* [У-Куб], ур. *Середина* [К-Г], полоса *Средипольна* [Чухл], *Средний* [повсем.], лес *Сердовина* [Вель], д. *Средьпогост* [Плес] и др.

Как следует из приведенных выше примеров, топонимы, реализующие рассматриваемый признак, не включают в свой состав указание на весь объект, в определенной части которого находится номинируемая географическая реалия. Исключение составляют весьма редкие названия типа *Середка Острова* или *Средипольна*. Именно они в наибольшей степени соответствуют описываемой ориентационной ситуации, при которой позиция наблюдателя нерелевантна для наблюдения. Что касается остальных названий, то они обладают некоторой степенью сориентированности: меньшей в том случае, когда имеется в виду часть конкретного объекта (допустим, остров в середине озера), и большей в том случае, если предполагается выделение части какого-то пространственного массива. В пропозиции, определяющей появление таких названий, за целое принимается осваиваемая номинатором территория: только при этом условии становится понятно, как может быть выделен в пространстве, допустим, *угол* или *бок*.

Располагаться вместе — отдельно

Для реализации этого признака предложно-падежные конструкции не используются вообще, поскольку данный смысл является весьма специфическим и конкретным. Рассматриваемое отношение асимметрично: признак изолированного расположения более дистинктивен, поэтому он выражается значительно более разнообразно, чем признак совместного расположения. Топонимы, реализующие данное отношение, могут быть образными и необразными.

Необразные модели:

• **Сторонний (посторонний, усторонний):** пок. *Сторона* [Хар], поле *Сторонка* [Уст], пок. *Сторонная* [Карг], оз. *Стороннее* [Вин], оз. *Стороннее* — «находится в стороне от других» [Кон, Пешково], пок. *Сторон-*

ная — «выдалась такая узенькая полянка в сторонку, как носик у чайника» [Кир, Иваново], бол. *Сторонний Мох* [Вож], р. *Сторонняя Речка* [Кад], поляна *Посторонница* [Кад], бол. *Устороннее* — «в стороне от наших покоев» [Уст, Кузоверская] и др.

Как отмечалось выше, *сторонние* топонимы могут входить в оппозицию с *внутренними*, что свидетельствует о противопоставленности хозяйственно не освоенной и освоенной территории.

• **Особый (особенный):** г. *Особая* [Бел], пок. *Особенная* [Уст], пок. *Особенник* — «отдельно, бат, от других» [Котл, Вахонино], руч. *Особенной* [В-Г].

Образные модели целесообразно рассматривать по сферам отождествления. Следует выделить три такие сферы: родственные отношения; интеллектуальные способности; социальный статус.

Наиболее представительная группа топонимов функционирует в рамках сферы отождествления '**родственные отношения**'. Образные топонимы, в основе которых лежат наименования близких или единокровных родственников (как правило, одной «ступени» — пола или возраста: братья, сестры, родители), выражают признак совместного расположения объектов:

• **Братья, сестры, близнецы, дети, мать и отец:** кам. *Братаны* [В-Уст, Он], пок. *Пять Братьев* [Бел], кам. *Три Брата* — «там три камня рядом, вот и Три Брата» [Холм, Осередок], пок. *Шесть Братьев* [Бел], ур. *Братки* [Устюж], оз. *Сестреницы* [М-Реч], пок. *Сеструхи* — «рядом поляночки» [Сок, Оларево], о-ва *Близнецы* [Прим], пок. *Близнечные* [У-Куб], пок. *Деточки* [Уст], пок. *Матка с Батькой* [Чухл] и др.

Признак изолированного расположения реализуется с помощью топонимических *сирот, бобылей, холостяков и пасынков*, а также названий, образованных от апеллятива *одинокий*:

• **Бобыль:** р. *Бобылиха* [Кологр], луг *Бобылиха* [К-Г], г. *Бобылка* — «одинокая горушечка, как бобылка» [У-Куб, Левашин], пок. *Бобыль* [К-Г].

• **Пасынок:** пок. *Пасынка* — «отдельно от других поженка» [Ваш, Липин Бор], пок., поле *Пасынки* [Галич, Тот], пок. *Пасынок* — «в стороне поженка, вот и Пасынком прозвали» [Плес, Федово]; руч., пок., г., луг *Пасынок* [В-Т, В-Уст, Кон, Плес, Уст].

• **Сирота:** о-в *Сиротина* [Холм], поле, руч. *Сиротинка* [Кир, Сок], бол. *Сиротка* — «оно отдельно от других болот» [Карг, Григорьево], лес *Сиротский* [М-Реч], пок. *Сиротье* — «одинокая полянка в стороне» [Кон, Ануфриево].

• **Холостой:** поляна *Холостяк* — «в стороне была поляночка, вот и назвали Холостяк, как одинокая такая» [У-Куб, Колбаса], поле *Холостово* [Хар].

• **Одинокий:** ур. *Одиарка* [В-Т], полосы *Одинокие* [К-Г], пок. *Одиночка* [Котл], оз. *Одинокое* [Устюж], поле *Одинокое* [У-Куб], ур. *Гладкое-Одинокое* [Котл].

Интересно, что в той ситуации, когда топонимический ряд отражает сам факт противопоставленности совместно расположенных объектов изолированным, роль сироты может взять на себя кровный родственник другого пола или возраста. Примеры такого плана на территории Русского Севера не обнаружены, однако они встречаются в топонимии других регионов: кам. *Братья* — кам. *Дядя* [Кама; Горопов, 121], г. *Семь Братьев* — г. *Сестра* [Ср. Урал; Матвеев 1990, 176], г. *Три Брата* — г. *Сестра (Сирота)* [Магад; Седов, 13], оз. *Два Брата* — оз. *Сестра* [Влад; Долгачев 1986, 42].

• К группе образов родственников примыкают топонимические «*иваны-да-марьи*». В локализации пар объектов, которые обозначаются данными топонимами, просматриваются явные закономерности: *иваны* и *марьи* располагаются недалеко друг от друга, по разным берегам рек (в то же время объекты, обозначенные топонимической парой *баба* и *дед*, обычно находятся на одном берегу): руч. *Иван-Ручей* и *Марьян Ручей* впадают в оз. Выгозеро друг против друга [Прим]; руч. *Ванькин* впадает в р. С. Двина против руч. *Марьян* [Холм]; ск. *Ванина Щелья* и *Марья* расположены на противоположных берегах р. Юла [Пин]. Интересно, что последняя пара была зафиксирована Г.Я. Симиной, обследовавшей территорию бассейна р. Юла за 25 лет до ТЭ УрГУ, в другой форме: *Стёпово Щелья* и *Марья* (говорят: «Степан да Марья глядят, а вместе не сойдутся») [Симиная 1969, 47]; трансформация *Степовой Щельи* в *Ванину* симптоматична и лишний раз свидетельствует об устойчивости восприятия имен *Иван* и *Мария* в паре. Психологический субстрат такого восприятия содержит представление о Марии скорее как о девушке, невесте (а не замужней женщине), а об Иване — как о юноше, женихе; возможно, такой подтекст навеян образностью свадебных песен, где Иван и Марья традиционно обозначают жениха и невесту (подробнее см. [Березович 1996, 124–147]). Таким образом, топонимические данные говорят о том, что жених и невеста в картине мира носителя традиционной культуры занимают как бы промежуточное положение между кровными и некровными родственниками: с помощью этих образов кодируются расположенные недалеко друг от друга (как это имеет место с топонимическими

«кровными родственниками»), но все же разделенные естественным барьером объекты.

Образные модели, функционирующие в рамках сферы отождествления **‘интеллектуальные способности’**, задействуют только негативный полюс представлений об интеллекте: объекты, расположенные изолированно (или иначе, чем другие), осмысляются с помощью образа дурака (болвана).

• **Дурак:** пок. *Дурачок* — «в лесу поляночка есть от всех отдельна, потому, наверно, и назвали *Дурачком*» [У-Куб, Крылово]; мыс *Дурак* (длинный и острый по форме мыс, создающий неудобства для пловущих по морю судов) — «все носы как носы, а этот тут выставился, все на ем разбиваются» [Прим, Летний Наволок]; ср. также название о-ва *Дурак* на оз. Кончезеро [Карел], который протянулся с запада на восток, в то время как все остальные острова — в противоположном направлении, с юга на север. *Дураками* могут быть названы и гидрообъекты с необычным направлением течения воды: прт. *Дурной Полой* — «вода в обратную сторону течет» [Котл, Песчанка]; ср. наименование прт. *Дурачок* (в бассейне Оби): ранней весной эта протока течет из старого русла р. Чулым в новое, а летом — наоборот [Воробьева 1973, 58].

• **Болван:** мыс *Болван* — «далеко выставился, огибать его долго» [Плес, Усть-Поча]. Интересен факт наличия трех разных покосов с названием *Болван* в топонимической системе д. Вагиль Гаринского района Свердловской области, имена которых, по мнению информантов, мотивированы тем, что «болваном называют всякий отдельный от других покос» [Гар, Вагиль].

Наконец, для реализации признака изолированного расположения объекта могут привлекаться образы из сферы **‘социальный статус человека’**.

• Использование образа **солдата** базируется на «картиночном» представлении о типичной позе солдата во время несения службы: тоня *Солдат* — «отдельно от других она, далеко в море улепетнулась, как солдат на посту» [Прим, Лопшеньга]. Любопытную параллель можно найти в туристской (альпинистской) географической терминологии: отдельно стоящие на скалистых гребнях башни или шпили номинируются термином *жандарм*.

• Задействование образа **монаха** основано на свойстве социальной изолированности последнего: г. *Монах* — «отдельно стоит, вот и Монах» [Некр, Заболотное]; ср. также несколько гор с названием *Монах* на Среднем Урале, одно из которых информант комментирует так: «отдельная горка, вот и Монах» [Туг, Двинская]. В типологическом плане (с точки зрения образного осмысления особого социального поведения) любопытно и название о-ва *Ка-*

зак в Арктике, который назван так вследствие обособленного расположения: «как вольный казак, отошел он от других островов» [ТМСА, 194].

Итак, признак изолированного или специфического расположения географического объекта реализуется через образы людей, обладающих теми или иными аномалиями: как аномалия может восприниматься отсутствие семьи или кровных родственников, интеллектуальная неполноценность либо особый социальный статус человека, специфический род деятельности, ставящий его в особое положение в обществе. Тем самым топонимическая номинация выходит на аксиологический уровень, фиксируя фрагмент системы ценностей носителя традиционной духовной культуры. Кроме того, возможно необразное воплощение данного признака, который может быть реализован с помощью топонимов, образованных от апеллятивов *сторонний*, *особый*. Функционирование таких топонимов базируется на противопоставлении хозяйственно освоенного и не освоенного пространства.

* * *

Подведем итоги рассмотрения проблемы точки отсчета в пространственной топонимической номинации.

Наиболее естественной и распространенной ориентационной ситуацией, отраженной в русской топонимии, является ситуация, которая предполагает, что при локализации объекта значима точка отсчета, совпадающая с позицией наблюдателя. Позиция наблюдателя может быть эксплицирована, что задает двухэлементность ориентационной системы (локализуемый объект — наблюдатель), либо имплицирована, чему соответствует трехэлементная система (локализуемый объект — наблюдатель — объект-посредник).

Двухэлементная система, являющаяся, очевидно, первичной для ориентировки в пространстве, обладает низкой адресностью, поскольку слишком жестко привязана к позиции наблюдателя. Более информативна и объективирована трехчастная ориентационная система, которая дает, как представляется, самый высокий процент реализаций в топонимическом материале. Удобство этой системы состоит в ее адресности (обеспечиваемой введением объекта-посредника) и скрытом присутствии наблюдателя, находящегося в наиболее типичном для себя положении — в центре освоения пространства, которым, как правило, является населенный пункт.

Вторая ориентационная ситуация, предполагающая «отчуждение» точки отсчета от наблюдателя и закрепление ее в зоне объекта-посредника, реализуется в том случае, когда объектом-посредником становится река. Роль реки

как организатора пространственных связей обусловлена как естественной сориентированностью этого объекта, так и спецификой заселения территории, а также значимостью промысловой деятельности в структуре хозяйства.

Третья ориентационная ситуация заключается в том, что точка отсчета становится вообще нерелевантной для наблюдения, вследствие чего локализация объекта предельно объективизируется.

Показательно, что и вторая, и третья ориентационные ситуации активно взаимодействуют и контаминируются с первой: привязка объекта к реке нередко дополняется имплицитно выраженной привязкой к наблюдателю (точнее, к населенному пункту, являющемуся стандартной «зоной дислокации» наблюдателя); выделение в пространстве *внутренних, сторонних, межных, угловых* объектов предполагает наличие некоторого координирующего центра, поскольку иначе названия такого рода потеряли бы ориентирующие возможности. Тем самым еще раз подчеркивается приверженность топономинии к фиксации позиции наблюдателя. Эта позиция получает возможность отразиться в продуктах номинативной деятельности благодаря жесткой закреплённости в центре освоения пространства, которым, как правило, становится населенный пункт — а значит, дом, жилище номинатора.

2. Охват местности

Этот параметр предполагает учет объема, детализированности и перспективы видения местности, а также характера сцепления элементов пространственной картины мира. Если при локализации объекта важна **точка зрения** номинатора, то здесь значимо **поле зрения**.

По объему охвата местности следует выделять векторное и панорамное видение пространственных объектов.

Векторный вариант подразумевает прослеживание пространственных координат единичного объекта, которое осуществляется от определенной точки отсчета. Векторная ориентация замкнута на объект, стереометричность взгляда здесь не требуется. Если говорить об отражении такого видения местности в топонимической номинации, то следует иметь в виду названия, в которых отсутствует указание на связь с другими объектами.

Панорамное видение предполагает способность одновременного включения в поле зрения нескольких объектов, между которыми устанавливаются взаимосвязи, отражающиеся в продуктах номинативной деятельности.

В определенном смысле эти способы номинативного отражения пространственной реальности коррелируют с выделяемыми психологами двумя

типами пространственных представлений, которые обозначены как **карта-путь** и **карта-обозрение**. Карта-путь — последовательное представление передвижения в пространстве, где исходным является сам движущийся человек; для этой карты характерна постепенность, сукцессивность прослеживания пространственных отношений. Карта-обозрение — одновременное единое представление системы различных пространственно размещенных и соотносительных предметных компонентов, образующих координированное пространственное единство; такая карта характеризуется одновременностью, симультанностью мысленного охвата предмета [Шемякин 1959, 467]. Отмечается, что представления первого типа развиваются раньше, чем представления, составляющие содержание второго типа.

Векторные номинации являются результатом осмысления пространства по принципу карта-путь, а панорамные — по принципу карта-обозрение. Обзорение предполагает детализированную проработку фрагмента окружающего ландшафта — не случайно наименования, отражающие связи объектов друг с другом, прилагаются к близким к номинативному центру пространственным реалиям. В самом деле, пропозициональная установка на панорамность охвата местности становится одним из организующих принципов систем номинации полей и покосов — объектов, находящихся обычно вблизи от населенного пункта. Именно в этих системах наиболее распространены соотносительные ряды топонимов, разного рода предположительно-надежные конструкции и другие формы указания на взаимосвязь объектов. Ср., к примеру, наименования полей в топонимической системе д. Котолово [В-Уст]: *Под Чернятки, Под Пупышевым, За Болотцем, Над Заврагом, Над Пупышевым, Среднее, К Бесихе, Заключевка, За Дворы, Починовское, За Полянками, Под Стамушками, Передние Грязнушки — Задние Грязнушки, Стамушки, Большое Поле, Клинья*. Весь этот ряд, кроме трех последних наименований, составлен топонимами, содержащими указания на связи объектов друг с другом.

Необходимо отметить, что появление разного рода соотносительных наименований в определенной степени обусловлено временным, неустойчивым характером эксплуатации объектов и, соответственно, подвижностью и гибкостью отражающей их номинативной системы. В ситуации, когда контуры топографического членения действительности не отличаются постоянством, языковой ряд призван осуществить монтаж калейдоскопически меняющихся кадров пространственной картины. Номинации, отражающие связь объектов друг с другом, носят именно монтажный характер, оптимизируя ориентацион-

ные возможности топонимикона. Переформирование системы землепользования — т.е. сброс старой картички и появлениe новой — влечет за собой перемонтировку языкового ряда: фиксацию изменений такого рода наиболее удобно производить с помощью панорамных номинаций.

Объясняя уменьшение количества панорамных номинаций по мере удаления от номинативного центра, следует иметь в виду различную плотность ономастического пространства на разных его участках. Наибольшая концентрация названий наблюдается в топонимии тех зон, которые лучше всего хозяйственно освоены; соответствующее менее освоенным участкам топонимическое пространство характеризуется разреженностью, а также невысокой степенью конкретности и детализированности номинативной разработки. К примеру, большие лесные массивы могут получить обобщающее наименование *Казна*, а длинная цепь озер — *Обозерье*. В ситуации разреженности номинативного пространства снижаются возможности панорамного представления местности, поскольку в номинативной цепи не хватает звеньев, между которыми могли бы устанавливаться связи. В этих условиях преобладают векторные номинации, отражающие установки видения местности по принципу карты-пути. Как и следовало ожидать, наименьшее количество соотносительных названий характерно для номинации лесных угодий, которые узнаются скорее по собственным приметам, чем по связи с другими объектами. По подсчетам, проведенным для топонимии самой обильной лесами территории — Лешуконского района Архангельской области, система названий лесов содержит около 20% названий, указывающих на связи объектов друг с другом, а в системе наименований полей и покосов эта цифра возрастает вдвое.

Разумеется, ситуация может измениться в том случае, когда определенный пространственный массив подвергается тщательной хозяйственной разработке (осваиваются лесные покосы и пастбища, проверяется наличие рыбы в цепи озер и т.п.); при этом появляются предпосылки для панорамных номинаций.

Наконец, следует учесть обстоятельство сугубо перцептивного плана: панорамность возможна в тех зонах, которые дают доступ для обозрения, т.е. свободны от леса, расположены у реки, имеют неровный рельеф и т.д. Таки-ми свойствами характеризуются, как правило, близкие к населенному пункту участки.

С противопоставлением векторного и панорамного видения географических объектов тесно связана оппозиция *дробного и целостного* восприятия пространства. Эта оппозиция проявляется, во-первых, в принципах формиро-

вания пространственных образов линейных объектов, которые не даны для обозрения целиком; во-вторых, в технике представления фрагментов ландшафта, которая может быть расчленяющей и комбинаторной.

Говоря о ментальном и, соответственно, номинативном представлении линейных объектов — рек и дорог, следует отметить возрастающую роль тенденции к дробному восприятию таких объектов. Выше говорилось, что в системе номинации дорог, вопреки ожиданиям, весьма невелико количество названий, указывающих на конечный пункт движения, а среди последних преобладают ориентиры «местного значения». Что касается номинации рек, то здесь все чаще наблюдается ситуация, когда номинация всей реки заменяется суммой названий ее частей. Вот типичный пример: по территории Викторовского сельсовета Великоустюгского района Вологодской области протекает река (левый приток р. Луза), которая в низовьях называется *Логаницей* (течет по оврагу). Это название соответствует участку от небольшого озера (старицы Лузы) до устья реки. Обращенный к информантам вопрос о том, как называется река в целом, обычно не получает определенного ответа, хотя некоторые из них называют ее *Речкой*. Однако описывая угодья, расположенные вдоль того или иного участка этой реки, носители топонимической системы приводят названия отдельных участков, образованные от обозначений расположенных рядом деревень: *Чупановка* (*Чупановская Речка*) ← д. *Чупаново*, *Пополутовка* ← д. *Пополутково*, *Филиповка* ← д. *Филиппово*, *Горка* ← д. *Горка*, *Мелединская Речка* ← д. *Меледино*. Один из информантов определяет эту ситуацию так: «Далеко не ходим, вот и не знаем, как вся речка называется. Пряма какой деревни текёт, так и зовут» [В-Уст, Пополутково]. Аналогичная ситуация наблюдается в топонимии Нефедовского сельсовета Вологодского района Вологодской области: река, общее название которой неизвестно большинству носителей топонимической системы (некоторые старики называют ее *Николкой*, другие же считают, что это имя приложимо только к небольшой устьевой зоне, где находится Никольская церковь), делится на ряд участков; каждый из них именуется по расположенному в этой зоне населенному пункту (*Фатьяновка* ← д. *Фатьяново*, *Первомайка* ← пос. *Первомайское*, *Мальгинская Речка* ← д. *Мальгино*, *Евлашевка* ← д. *Евлашево*, *Грозилочка* ← д. *Грозилово*). Как уже говорилось, есть основания считать, что сфера действия этой тенденции постоянно расширяется. Это связано с сужением пространственного горизонта носителей топонимической системы.

Иногда номинативное дробление реки бывает обусловлено причинами физико-географического характера — к примеру, существованием в ее русле расширенных участков, воспринимающихся как озера. Ср. ситуацию такого рода: одна из рек, протекающих по территории Северодвинского района Архангельской области, не имеет названия, однако ее участок от верховьев до оз. *Заднее* называется *Верховка*, от этого озера до оз. *Середнее* — *Капитанка*, от оз. *Середнее* до оз. *Мельничное* — *Исток*, от оз. *Мельничное* до оз. *Нижнее* — *Устьречка* (здесь в эту реку впадает р. Ненокса), от оз. *Нижнее* до устья — *Река* [С-Дв, Ненокса]. Случаи такого типа тоже лежат в русле тенденции дробного восприятия линейных объектов.

Наконец, противопоставление дробного и целостного восприятия пространства может быть трансформировано в оппозицию *расчлененного* и *комбинаторного* представления пространственных образов. Данная оппозиция характеризует технику сцепления фрагментов пространственной картины мира.

Если расчленяющая техника видения пространственных объектов подразумевает «штучное», индивидуальное восприятие, то комбинаторная техника предполагает синтезирующую группировку объектов, комбинирование их по-едино, восприятие их как частей целого, как деталей картины, как элементов ситуации. Номинативная комбинация синтагматична по механизму образования: синтагма здесь понимается как объединяющая объекты ситуация, их устойчивая связь друг с другом. При этом семантическое расстояние между образующими комплекс названиями может быть достаточно велико — т.е. на уровне ближайшей семантики общность сем может отсутствовать, однако направление ассоциативного поиска задается именно устойчивостью ситуации и тем самым создается связь на фреймовом уровне.

Комбинаторные микросистемы чаще всего составляются топонимами, созданными на базе наименований *частей тела*, ср.: пок. *Васютина Баба* и ее части — пок. *Нога*, *Серёдка*, *Голова* (*Бабья Голова*), *Ножка* (*Бабья Ножка*) [Уст]; оз. *Бабий Пуп* — оз. *Брюшина* [Пин]; г. *Бабий Лобок* — г. *Брюшина* [Кир]; поля *Брюшина* («оно длинное») — *Титково* — *Лобки* («холмики, как титки») [В-Т, Вершина]; пок. *Большая* и *Малая Титка*, на противоположном берегу р. Свага — пок. *Пуповина* — «она как пуп торчит, а напротив две титки» [В-Т, Верхняя Тойма]; пок. *Пупок* — *Лобок* — *Ляжка* [Уст, Бестужево], пок. *Нога* — *Пятка* [Кат-Ив], лес *Морда* — лес *Язык* [Ваш], мыс *Голова* — отмель *Рог* [У-Куб], пок. *Головка* — *Шейка*

[Ирб], пок. *В Головах* — *В Шеях* [Гевр]; руч. *Узной*³² впадает в р. *Глотвица* [Вель]; р. *Холка*³³ и береговая линия *Сраки* (идет двумя полукружьями) — «речка Холка впадает в тако место, название непотребное. Названья-то подходят друг другу, Сраки такима идут, как ж...» [Прим, Летняя Золотица]; пок. *Ножки* — «между ними есть еще название, так оно похабное» [В-Т, Акуловская]. Зафиксированы также комплексы, в основе которых — обозначения **деталей одежды** (г. *Опояска* и пок. *Штаны* — «штаны как штаны пожня, как двумя рукавами. А сзади холм небольшой, зовём Опояска. Как опояска к штанам-то» [В-Т, Верхняя Гойма], поле *Голенище* и поле *Сапог* — «одно длинное, другое короткое, а напущат вместе» [У-Куб, Вечеслово]), **деталей построек** (оз. *Печок* — луга *Полати* [В-Т, Горка], г. *Печка* — г. *Труба* [Ревд]), **посуды и продукта питания** (ур. *Сковородка*, в центре — г. *Пирожок* — «Пирожок небольшое место, высокое, росла черница, а вокруг как кругом идёт, кусты, овражек кругленький, назвали Сковородка» [Прим, Печеньга], пок. *Камбала* и пок. *Сковородка* — «Камбала да Сковородка рядышком, пожарить хочется» [Прим, Чубола]). Ср. также любознательную микросистему, элементы которой в сознании номинаторов объединены вторичной **ситуативной** связью: пок. *Крыло* — против пок. *Новотерёб* — «ястреб косача забил на той стороне, а крыло перенес на эту» [Уст, Михалево].

Воссоздаваемые в номинациях картины, как правило, фрагментарны (особенно это характерно для наиболее популярной модели 'части тела') и как бы случайны: они появляются при неожиданном оживлении стандартного образа, зачастую терминологизировавшегося (*штаны, нос, голова, печь* и др.). Эта фрагментарность, а также обрастание элементов семантических микросистем дифференцирующими определениями (*Васютина Баба*) препятствует яркости и наглядности картины, разрушает ее изнутри, поэтому со временем связь между элементами комплекса может стать механической или вовсе утратиться. Так, механический характер носит связь между топонимическими *головами* и *хвостами* (которые были рассмотрены выше, в рубрике «*Начало — конец*»): типична ситуация, когда соответствующие объекты удалены друг от друга на такое расстояние, что не могут одновременно находиться в поле зрения номинатора, — тем самым разрушается чувственно-наглядная

³² Ср.: *узги* 'уголки рта' [ЛК ТЭ].

³³ Ср.: *холка* (здесь) 'бедро' [ЛК ТЭ].

база образной номинации и соответствующие названия становятся маркерами абстрагированных смыслов «начало — конец».

Специфика комбинаторной техники наводит на мысль об архаичности последней. Пробраз комбинации в номинативной деятельности древнего человека — синкретичное отождествление. В ходе такого отождествления создавались обширные номинативные картины: «... возникшие в глубокой древности географические названия образовывали сложные комплексы взаимосвязанных топонимов. Освоение окружающего мира предполагает установление между предметами (географическими объектами) связей, которые должны были получить адекватное отражение и в первобытной топонимии» [Матвеев 1987б, 5]. А.К. Матвеев указывает, что таким комплексам — «картинам» жизни народов были свойственны «многосторонняя установка и синкретический характер: они выполняли как эстетическую, так и мифолого-религиозную функцию, и, кроме того, надежно обслуживали носителей данного языка, будучи эквивалентом карты, которой еще не было» [Матвеев 1986б, 91–92]. У каждого народа была своя «карта», реализовывавшая его картину мира, своя «сакральная география» [Иванов, Топоров 1975, 66]: монголы видели в географических системах ханское общество, обские угры — части тела и снаряжения упавшего великана, полинезийцы — части огромной рыбы, славяне — сюжеты основного мифа о борьбе Громовержца со Змеем и т.п. [см.: Матвеев 1977, 14–15; Он же 1986б, 88–93; Он же 1987б, 9–12; Власова 1980, 58–60; Ромбандеева 1965, 60–61; Дмитриева 1997б; Иванов, Топоров 1973; Они же 1975, 49; Они же 1976 и др.].

Однако деятельность первых номинаторов, приводившая к созданию обширных номинативных комплексов, по технике своей не была собственно комбинаторной. Эта деятельность представляла собой аппликацию $я \rightarrow мир$, наложение шаблонных ситуаций, участником которой был человек (и «ближайшие» животные) на различные номинативные сферы — точнее, **узнавание** этих ситуаций в живой и неживой природе. При этом сознание «в высшей степени ориентированное на постоянное решение задачи тождества» [Топоров 1982, 13], не было нацелено на поиск подобия, на учет объяснительных возможностей модели, на сверку денотата с приписываемым ему содержанием. Древние «многофигурные композиции» реконструируются по данным не только топонимии, но и нарицательной лексики, фольклора, астрономии и других сфер духовной культуры: ср. представления о доме как о женском теле у славян [Байбурич 1983; Чайко 1974 и др.], о явлениях неживой природы как частях человеческого тела у древних скандинавов [Гуревич 1984, 49], о небе

как арене охоты у чукчей, сцене из быта скотоводов-кочевников у тюрков, деревенской улице у славян [Рут 1987, 56–57] и т.д.

Эволюция этих систем происходила в «процессе становления личности, т.е. постепенного развития от первобытной нерасчлененности «я» и «не-я» к все более четкому противопоставлению мира внутреннего миру внешнему» [Стеблин-Каменский 1976, 90]. При этом происходило нечто вроде настраивания бинокля: размытые контуры представлений становятся более четкими, прорисовываются части образов и более жестко закрепляются за денотатами. «Повторяемость мифа приводит к вычленимости отдельных названий и поискам прямой связи названия и объекта, прямой мотивировки названия свойствами реалии» [Рут 1987, 56]. Подсознательный поиск мотивированного мифом тождества сменяется ориентацией на поиск объектного подобия, обусловленной изменением гносеологической и коммуникативной значимости таких семиотических систем, как язык и миф, а также характера их взаимодействия друг с другом. Функционируя в мифологическом тексте, имя манифестирует определенный код, причем этот код замкнут на себя, «интравертирован». Не зная мифологического кода, не представляя того мифологического континуума, в который включено имя, невозможно его адекватно интерпретировать. Языковой код принципиально отличается от мифологического своей открытостью, «экстравертностью» — иначе были бы нарушены коммуникативные возможности языка. Миф всегда актуален, а язык еще и потенциален. Языку больше, чем какому бы то ни было иному феномену культуры, свойственна «потребность постоянного самообновления, того, чтобы, оставаясь собой, становиться другим» [Лотман, Успенский 1971, 162]. Такое самообновление предполагает способность к установлению новых связей между словом и внеязыковой действительностью, которые могут быть интерпретированы носителями языка в синхронной плоскости, без ссылок на сакральный прецедент. В результате гносеологического скачка круг отождествлений, основанных на клишировании ситуаций, уже бывших в коллективном опыте, оказывается разомкнутым — мысль, нуждающаяся в более достоверном знании, ставит во главу угла познаваемый объект. Утрачивается сюжетно мотивированная мифом организация комплексов — рождается новая мотивировка, интерпретирующая действительность.

Разрушился синкретизм древних комплексов, и они распались на отдельные элементы. Традиционное направление отождествления остается своеобразным языковым архетипом, в рамках которого постоянно возникают новообразования, ср.: «сформированная модель приобретает определенную техни-

ческую самостоятельность и в дальнейшем развивается уже не за счет динамики модели концепта, а за счет механического расширения числа отождествляемых представлений в пределах модели» [Рут 1992, 112]. Части прежней системы функционируют самостоятельно — а попытка «оживить», дорисовать отсутствующее вызывает эффект неожиданности. Этот эффект широко используется в загадках, ср. загадку о вилах «Кто ест сено безо рта, тремя зубами?» [ЗРП, №1218]. Очевидно, аналогично возникают многие топонимические комбинаторные системы: например, отталкиваясь от названия одной из «рассыпанных» в беспорядке по всему географическому пространству 'частей тела' (ср. географические термины *лоб, пуп, подножье, глаз, лопатка, зуб, палец, нос, шейка* и др.), номинатор может попытаться «собрать» их воедино. Но это именно сборка, конструирование комплекса, а не узнавание его в окружающей природе. Модель работает — но, движимая другим номинативным механизмом, она быстро исчерпывает свои ресурсы: тщательная объектная сверка препятствует возникновению общирных систем.

В ходе эволюции комбинаторной деятельности изменилось соотношение двух основных составляющих последней — учета расположения и формы объектов. Первичная «комбинаторика» — вследствие своей принципиальной ориентированности на сюжет — в первую очередь учитывала расположение объектов, была направлена от расположения к форме (на которую внимание обращалось в наименьшей степени). В позднейшей комбинаторике форма избирается в качестве отправного момента номинативной деятельности, а расположение подбирается к ней, оказываясь менее существенным для номинатора фактором. Диктат признака формы приводит к тому, что разворачивание комбинационного комплекса нередко прерывается появлением «не вписывающейся» в картину детали, ср. следующую серию названий: около пок. *Штаны*, как бы продолжая одну из «штангин», располагается пок. *Ножка*, за которым находится полянка *Глазок* [В-Уст]. Ср. также пример из обско-угорской топонимии: озеро, которое ханты называют *Торум лор*, а ненцы *Пум то*, оба народа представляют в виде лежащего человека или животного: у озера-человека есть голова с заплетенными в три косы волосами — речками, глаза — два маленьких святых островка на «голове», руки — речки, сердце — большой святой остров посреди озера; у озера-животного — лося или лошади — также есть голова с глазами, нос, шея, загривок, ноги и хвост — вытекающая из озера река *Назым* [Дмитрисва 1997а, 274]. При этом река, вытекающая из «хвостового» конца озера, по-ненцки называется *Тояй шу* ('горло большого озера') [устное сообщение Т.Н. Дмитриевой]:

шаблонная фрагментарная модель оказывается сильнее представления-картины. Показательно также и то, что, несмотря на яркую живописность этого образа, в номинациях оказываются закрепленными только те 'части тела', которые являются стандартными, узуализированными обозначениями географических реалий: поименованными с помощью микропонимов оказались «Озеро-голова», «Остров-сердце», «Острова-глаза» [Дмитриева 1997а, 274]; остальная «анатомия» осталась лишь на уровне представлений.

Таким образом, синкретичное отождествление, свойственное мифологическому сознанию, и современная комбинаторика являются исторически преемственными способами представления фрагментов пространства, однако «запускающие» их механизмы принципиально различны. Современные комбинаторные комплексы создаются сложением двух-трех отдельных деталей, после чего комбинаторный механизм «выдыхается». Номинатор склонен тщательнее разрабатывать представление об отдельных географических реалиях, добиваясь инструментальности имени объекта, нежели комбинировать объекты водоемов. Итак, комбинирующая техника создания пространственных образов очень редка в русской топонимии, преобладает расчленяющая техника (о расчлененности образной топонимической номинации см. также в [Рут 1994, 163]).

Вышесказанное еще раз свидетельствует в пользу тенденции дробного восприятия пространства. Дробность восприятия пространства, вероятно, в какой-то мере является следствием оседлого образа жизни и постепенной маргинализации промысловой деятельности в структуре хозяйства. Земледелец стремится осуществить как можно более точную детализацию небольших земельных наделов — в отличие от охотника или оленевода, привыкшего к преодолению больших расстояний и выработавшего широкий пространственный крутозор, а также прогностическое умение восстанавливать целое по части. К примеру, исследователи хантыйской культуры не раз отмечали замечательную пространственную ориентацию хантов, которые способны давать разные имена, основанные на признаке формы, гидрообъектам, а также другим ландшафтным реалиям, значительным по протяженности³⁴. Ср. название одной из протоков Оби — *Тухат ас* ('распорка в лодке'). «Эта протока воспринимается как распорка в огромной лодке, которую образуют Большая и Малая Обь: «Есть лодка-калданка, у нее перекладыны, эти распорки боковые, они называются тухат. Две Оби идут, Вэн Ас и Ай Ас, а между ними,

³⁴ В русской речной гидронимии, напротив, практически отсутствуют метафоры, основанные на признаке формы, которые требуют умения увидеть объект целиком. Те образы, которые представлены в речной гидронимии, реализуют поведенческую модель [см. Рут 1994, 157].

как распорка, Тухат Ас». Типологически сходный перенос встречается в коми-пермяцкой географической терминологии, где есть *мег* ('дугообразный упор в лодке') и *мег* ('излучина реки')» [Дмитриева 1997а, 276]. Эта пространственная ориентация, как отмечают В.М. Кулемзин и Н.В. Лукина, «позволяет безошибочно представить форму реки, озера. Ведь только глядя на карту мы можем сказать, что *Ягул-ях* — это река, по форме напоминающая лук. А ханты дали ей название задолго до того, как увидели в продаже географические карты» [Кулемзин, Лукина 1992, 55].

Встает вопрос: не противоречит ли обозначенная тенденция распространенному мнению о любви русских к широким пространствам, раздолью и т.п. [см., например, Гачев 1995, 219]?

Думается, что противоречия здесь нет. Представление о необъятной широте окружающего пространства является, скорее всего, по своему генезису «степным», — сам степной ландшафт создает перцептивную базу для развития такого представления. На Русском Севере — в зоне изначально лесной, где сельскохозяйственные угодья приходилось отвоевывать у лесов и болот, — возможностей для масштабного обозрения местности значительно меньше. Но это не самое главное. Нами уже говорилось о специфике отбора информации в разных версиях народной картины мира. Топонимикон отбирает ту информацию, которая создает хозяйственный, обывательский вариант этой картины; топонимия фиксирует не столько созерцание человека наблюдающего, сколько деятельность человека осваивающего. В топонимии встречаются названия типа *Приволье*, *Раздолье*, однако они раритетны (на территории Русского Севера фиксируется 6 таких топонимов: ур. *Приволье* [Ваш], д. *Привольная* [К-Г], пок. *Раздолье* [Котл], д. *Раздолье* [Влгд, Нянд], д. *Раздольное* [М-Реч]) и номинируют не обширные пространственные массивы, а типичные для топонимического картирования микрообъекты (кстати, 4 названия из 6 закреплены за деревнями, что может свидетельствовать об их дезидеративной направленности). Показательна и мотивировка названия пок. *Раздолье* — «гладкий лужок, косить там раздолье» [Котл, Пускино]: она переплавляет впечатление о пространственной шире в оценку хозяйственно значимых свойств урочища.

Наконец, по задействованности пространственной вертикали / горизонтали следует выделять **вертикальное** и **плоскостное** видение местности. Учитывая сказанное в этом параграфе, можно предполагать, что русские топонимы преимущественно реализуют установку плоскостного видения, когда в поле зрения номинатора оказывается пространственная горизонталь. При

осуществлении выхода на вертикальное измерение пространства номинатор сохраняет свое обычное положение на вертикальной оси, фиксируя большей частью высотность объекта: ср. упоминавшееся выше преобладание *высоких* топонимов над *низкими*.

Масштаб высоты, отражаемый в топонимациях, обычно невелик и как бы соразмерен самому наблюдателю; об этом свидетельствует хотя бы набор образов, используемый при номинации гор и горных хребтов (выборка произведена по «Словарю образных топонимов Русского Севера» [Рут 1994, 463–541]): *Амбарчик, Бараньи Рожка, Бочонок, Братаны (Девять Братьев), Бурак, Бык, Веприк, Волдыри, Голова (Головка), Горб (Горбан), Гребень, Гроб, Жерновок, Зубцы, Каравай, Клык, Кобылье, Кобылья Голова, Коврига, Колокольня, Конь, Корабль, Корова, Крендель, Курья Гузка, Лоб (Лобан), Лось, Маковка, Медведица, Опечок (Печь), Опупок (Пуп), Палец, Петушок, Пирожок, Попадьевы Груды, Сиськи (Титьки), Сокол, Сумка, Теленок, Терем, Хохол, Хребет, Шапка (Шляпка), Щеки, Щучий Хребет, Яйцо* и др.

На этом фоне выделяется несколько образных моделей-гипербол — *Аралы, Карпаты, Урал, Эверес*; большая степень гиперболизации заложена в необразных названиях типа г. *Поднебесье* [Гот], *Поднебесная* [Ваш]. Однако эти гиперболы редки — и чаще всего наблюдатель воспринимает высотные объекты в одном масштабе с собой и своим ближайшим окружением (о концептуальных основах такого восприятия см. [Рут 1992, 82–89]).

Попытки взглянуть на окружающее пространство сверху, с высоты в русской топонимии практически не фиксируются. Эти попытки могли бы иметь языковое выражение, например, в виде образных наименований протяженных объектов, однако, как отмечалось выше, такие факты для изучасмого топонимикона нетипичны. Противопоставленность в этом плане хантыйской и русской топонимии объясняется не только хорошей пространственной ориентацией охотничьего народа, но и привычкой воспринимать окружающее пространство сверху, выработке которой способствовал рельеф территории, на которой проживают ханты. Ср. мотивировки некоторых хантыйских образных топонимов: оз. *Амп хусьты лор* ('озеро, приманивающее собаку') — «озеро сверху похоже на сидячую собаку, поэтому его в шутку так прозвали»; оз. *Амп ух лор* ('озеро собачьей головы') — «как сверху посмотришь, на собачью голову похоже» [Дмитриева 1997а, 272–273].

Пропозициональная неактуальность высотного восприятия пространства характерна не только для топонимии, но и для других пластов русского язы-

ка³⁵. Однако в языках горных народов вертикаль задействуется весьма активно. К примеру, в восточнолезгинских языках лично-указательные местоимения «дифференцированно указывают не только на предметы различной удаленности по горизонтали, но и на предметы по их положению по вертикали относительно участников акта речи, ср. лезгинские местоимения ... *виним* 'тот, который выше', *агъам* 'тот, который внизу'» [Гарланов 1995, 11]. Рефлексы пропозициональной установки вертикального видения пространства можно усмотреть в тех русских языковых единицах, которые связаны с освоением водного пространства. Хрестоматийный пример такого плана — обозначение истока реки с помощью различных лексем с корнем *верх-* (подробный перечень и анализ этих фактов представлен в [Дерягина 1985]). Весьма показательна в этой связи оппозиция *гора* — *вода*: «*горю* на севере, по Волге и пр. называют вообще землю, сушу, берег, материк в противность воде, реке, морю» [Даль, I, 375]. На Русском Севере эта оппозиция наиболее активно функционирует в речи поморов, а также рыбаков на больших озерах [АОС, 9, 320; ЛК ТЭ; СРГК, 1, 365]. В говоре рыбаков Белого озера фиксируется аналогичная оппозиция *круча* (*кручь*) — *вода*, где *круча* — обозначение суши, берега [ЛК ТЭ]. Что касается топонимии, то вертикальность линии *суша* — *вода* в восприятии рыбаков отражена в системе номинации топей. Выше уже говорилось, что эти объекты нередко номинируются с использованием предлогов *под* и *над*. Более распространены *под*-топонимы, отражающие, по всей видимости, взгляд «с воды», когда водная прибрежная линия, где обычно находятся топи, кажется ниже объектов на берегу. Появление *над*-топонимов в системе номинации топей Кубенского озера мы объяснили противоположной направленностью взгляда — с суши на воду. По наблюдениям участников ТЭ, которые побывали на берегах больших озер (Белого, Воже, Онега, Кубенского и др.), а также Белого моря, обширный водный массив действительно может восприниматься как стоящий над человеком, вертикальный.

Диссонанс между присущей рыбакам вертикальностью восприятия линии *суша* — *вода* и настроенностью на плоскостное видение, свойственной земледельцам, становится причиной появления своеобразной диглоссии при топо-

³⁵ Вообще, равнинность типично русского ландшафта сформировала в русской культуре весьма сложное отношение к горам, которые воспринимаются как элементы чужого пространства, ср.: *из-за гор горы* 'издали, с чужбины, с дальней стороны', «За горами жить хорошо, а дома жить лучше (намек на похвалу чужбине)» [Даль, I, 376] и др.; о специфике восприятия гор см. также [СД, I, 520].

нимическом освоении одних и тех же объектов с озера и с суши. При этом возникнет интереснейшая ситуация, когда одному и тому же объектному ряду соответствуют два топонимических, использование каждого из которых зависит от позиции номинатора в пространстве. Ср. топонимию береговой линии Белого озера: расположенные на берегу урочища используются как сенокосные, пахотные и пастбищные участки, а некоторые из них одновременно служат ориентирами для возвращающихся с рыбного лова рыбаков. Один из информантов, И.М. Приемшешев из деревни Тарасьево Вашкинского района Вологодской области, комментирует ситуацию так: «У озера поле *Песчанка*, там крест поставлен был. Как с озера на кручь идем, держим на *Крестовую*, чтоб на нашу деревню выйти. Это *Песчанку* мы *Крестовой* звали. А у Монастырской (название деревни. — Е.Б.) поле *Вобчево*, дак его *Церковным* в нашей бригаде (имеется в виду бригада рыбаков. — Е.Б.) звали. Церковь-от издалека видна, как на кручь к Монастырской заходили». Ср. еще несколько таких примеров: первым указывается название, используемое на «суше», а вторым — на озере): поля *Кирюшин Луг // Две Березы, Сидоровское // Бревенник*, ур. *Афоничево // Столбовая*. Сходный параллелизм названий «от суши» и «от воды» наблюдается в топонимии Кубенского озера, ср. пары *Кривая Берёза // Семеново, Столбовое // Матвеевское*: «С озера зовётся *Кривая Берёза*, а с берега *Семеново*, косили там»; «С озера *Столбовое*, а на берегу покосы — *Матвеевское*» [Влгд, Коробово]. «Сухопутные» названия отражают важные для земледельца признаки объекта — характер почвы, особенности землевладения и т.п.; «озерные» топонимы указывают на высотные береговые ориентиры (*знамёна*, как называют их рыбаки Белого озера) — крест, березы, столб и т.п. Ср. наблюдения А. Н. Давыдова и Н.М. Терехихина о приоритете «высотного» над «низким» в визуальном коде картины мира поморов: «Не случайно, что освоенность пространства у поморов связывалась с вертикалями прибрежных крестов, храмов, колоколен, маяков, мачт кораблей» [Давыдов, Терехихин 1990, 174].

Таким образом, высотное восприятие пространства, достаточно пассивно проявляющее себя в русской топонимии, дает о себе знать при освоении линии *суша — вода*³⁶.

³⁶ О высотном восприятии лесного пространства см. [Мищенко 1998].

3. Протяженность

Идея протяженности пространственных объектов может реализовываться в двух направлениях: 1) путем оценки протяженности по шкале «короткий» — «длинный»; 2) метрологическим путем — с помощью указания на так или иначе измеренную длину объекта или расстояние от исходной точки до него самого³⁷.

Оценка протяженности чаще всего осуществляется с помощью *долгих* (реже *длинных*) и *коротких* топонимов, которые могут функционировать как в составе соотносительных рядов, так и вне их: полосы *Долгие Вали* — *Короткие Вали* [К-Г], прт. *Долгая Ока* — *Короткая Ока* [Карг], бол. *Длинное* — *Короткое* [Уст], поле *Длинная Дерба* [Ник], бол. *Долгая Мшарина* [С-Дв], уч. р. *Короткая Речка* [Карг], пок. *Короткие Луга* [Уст] и др. Признак 'длинный' может выражаться также с помощью образных названий типа *Кишка* или *Вожжи*, но здесь идея удлиненности предстает в затупеванном виде, а на первый план выходит признак формы, имсущий больше возможностей быть манифестированным посредством чувственно-наглядного образа. Впрочем, сами *долгие* топонимы также способны выражать признак формы, что подчеркивается устойчивостью оппозиции *долгий* — *круглый*, многократно повторяющейся на различных территориях (как на Русском Севере, так и вне его): оз. *Долгая Старка* — *Круглая Старка* [Ней], пок. *Долгое Корокмано* — *Круглое Корокмано* [Уст] и мн. др. Способность признака протяженности «оборачиваться» признаком формы свидетельствует о том, что объекты, воспринимаемые как длинные, на поверку имеют незначительную длину и могут быть охвачены взглядом.

Довольно любопытны случаи опосредованной реализации признака «короткий», когда эта идея подается через указание на скорость преодоления какого-либо расстояния: пок. *Скоропостижные* — «короткие, узкие они» [Кон, Дико-Зеленая], бол. *Скорородка* — «короткое, быстро его пройдёшь» [Бел, Левшуково], ср. также пок. *Скорород* [Баб], пок. *Скорородово* [Хар] и др. Сюда же, вероятно, следует отнести многочисленные *скородумы*, обозначающие разные типы объектов: лес *Скородум* — «скоро его пройдёшь — вот и Скородум» [В-Уст, Бернятино], пок. *Скородумово* — «быстро его прой-

³⁷ Определение расстояния от исходной точки до объекта, разумеется, не является оценкой протяженности самого объекта, однако мы сочли возможным рассмотреть соответствующие топонимы в этом параграфе, так как они нередко образуются по таким же моделям, как и названия, обозначающие собственно протяженность.

десь — вот и Скородумово» [Котл, Куимиха], руч. *Скородум* — «больно небольшой ручеек» [В-Уст, Лубягино], лес *Скородум* [Ней], бол. *Скородум* [Ник], поле *Скородум* [Он], ур. *Скородумка* [В-Важ], руч. *Скородумка* [Нюкс], пок. *Скородумы* [Уст], пок. *Скородумцы* [Бабуш]³⁸ и др.; ср. семантику *скородумов* в диалектной лексике: *скородумка* 'быстро, на скорую руку приготовленная пища (похлебка, ячница и т.п.)' [СРГСУ, 6, 19]; *скородумка* 'незболтанные яйца, испеченные на сковороде с хлебом, маслом и ветчиной' [Опыт, 205].

«**Метрологические**» топонимы образуют весьма пеструю группу. Некоторые из них образованы от **официально-номенклатурных метрологических терминов** — как правило, устаревших; наиболее популярен термин *верста*: пок. *Верста* [Вож, Сямж], пок. *Верстан* [Вель], поле *Верстенец* [Он], пок. *Верстовая* [Плес], руч. *Верстовик* [Ник], поле *Верстовос* [Кологр], лог *Верстовой* — «как раз верста была» [Пыщ, Пустосилово], плёсо *Вёрст-Плёсо* — «на целую версту тянется» [Пин, Усть-Поча], руч. *Двухвёрстный* [Чаг], пок. *Пятиверстные* [Тот], бол. *Пятиверстное* [Пин] и др. Значительно реже встречается термин *сажень* (р. *Саженька* [Гряз], ур. *Саженьная* [Плес], пок. *Семисажёнки* [Бел]); раритетны также *километровые* и *метровые* топонимы (поле *Стометровое* [В-Уст], руч. *Километровый* [Устюж]).

К метрологической группе примыкают также широко распространенные *половинные* топонимы, маркирующие нахождение объекта на полпути от одной точки до другой: пок. *Половина* — «половина расстояния между Ивашково и Щапинской» [Уст, Щапинская], р. *Половинница* — «на половине расстояния между Верхонажским и Сямженским районом» [Сямж, Колбинская], руч. *Половинный* — «он бы должен быть на половине от устья к истоку, а он раньше почему-то идет» [Прим, Летняя Золотица], руч. *Половинный Ручей* — «на половине он между Тонегой и Альмой» [Плес, Зубово], поле *Половухи* — «на половине пути к Шелгачевой оле» [Плес, Пашевская], пок. *Полусосновица* — «на половине пути к речке Сосновице» [Котл, Петровская] и др. Названия такого рода, как и некоторые представленные выше, характеризуются сопряжением идеи протяженности чего-либо и преодоления этого расстояния человеком.

³⁸ Топонимические *скородумы* довольно часто обозначают населенные пункты. В этом случае можно предположить и другие мотивационные смыслы «небольшой?», «быстро построенный?»; не менее (если не более) реально антропонимическое происхождение таких топонимов (< прозвище *Скородум*).

Наиболее интересны ситуации отражения в топонимии **наивной метрологии**. Ср., к примеру, название охотничьего урочища *Днище*, которое расположено в 15 километрах от д. Шегмас [Леш]. По словам местных охотников, это расстояние как раз соответствует тому пути, который обычно преодолевается охотником за один день передвижения по лесу (леса в Лешуконье чрезвычайно глухие, изобилуют болотами, дорогу нередко приходится «прорубать» топором, поэтому передвижение весьма затруднено): «На охоту иду, мне как раз день до Днища добираться» [Леш, Шегмас]. По-видимому, здесь отражен наивный метрологический термин *днище*, который имеет разное содержание на различных территориях (эта семантическая диффузность объясняется спецификой способа передвижения и особенностями ландшафта): в тундре европейской части России мера *день*, *днище* определялась как расстояние в 20–30 верст; в русских говорах Колымы *днище* обозначало расстояние в 10 верст; в условиях лесостепной полосы в практике сторожевой службы по охране южных пределов русского государства величина *днища* может быть определена в 40–60 верст» [Романова 1975, 23–124].

Следует упомянуть также о весьма интересном факте, свидетельствующем о существовании такого метрологического приема, как измерение расстояния, на которое слышен человеческий голос. Ср. название поля *Зычное*, зафиксированное в Вашкинском районе Вологодской области. Его можно соотнести с апеллятивом *зык* ‘крик, шум’ [ЛК ТЭ], однако семантически обосновать эту связь весьма трудно: такая номинативная модель нетипична для русских названий земельных угодий. Мотивировку названия дает топонимическое предание: «Стали поле измерять — оно такой длины, до какого места *зык* у одного мужика слышен был» [Ваш, Подгорная]. Мотив «измерения расстояния с помощью звука» широко распространен в карело-финском фольклоре: например, сын Калевы (великан, хийси, черт, человек, работник) косит луг — трава ложится до того места, до которого доносится звон косы; сын Калевы валит деревья на пожогу — деревья падают до того места, до которого слышен голос, и т.п. [Симонсуури 1991, 165]. Ср. реализацию этого мотива в тексте «Калевалы»:

Он [богатырь Куллерво — Е.Б.] воткнул топор в колоду,

Пюднял шум большой по лесу,

Засвистал по лесу громко,

Говорит слова такие:

«Пусть дотуда лес валится,

Лягут стройные березы, —

Голос мой докуда слышен,
Свист докуда раздаётся!»

(«Калевала», руна 31)

О существовании у финно-угров мер длины, определяемых на слух, свидетельствуют не только фольклорные, но и языковые данные: в финском языке для одной из путевых мер восстанавливается первоначальное значение 'расстояние, на котором слышен собачий лай'; у манси, хантов, марийцев для обозначения русской версты известны слова, которые могут быть соотнесены с глаголом *кричать*, т.е. первоначально обозначающие расстояние, на которое может долететь человеческий голос [Wichmann Y. Les vieilles mesures de longueur des peuples finno-ougriens //]. de la Société Finno-Ougriennes. 1928. Т. 42. С. 22–24. Излагается по: Романова 1975, 134]. Г.Я. Романова, подробно изучившая русскую народную метрологическую систему, указывает, что в ней не получили распространения меры длины, основанные на слуховом восприятии: к таковым можно отнести лишь зафиксированную В.И. Далем лексему *окрик* 'расстояние, на которое слышен человеческий голос' [Даль, II, 667; Романова 1975, 135]. Распространенность идеи звукового освоения пространства в финно-угорском фольклоре и в системе языка, мотивное соответствие вапкинского топонимического предания и финно-угорских аналогов (несмотря на то, что первое лишено сверхъестественного, волшебного начала, в нем представлен мотив звукового измерения именно длины разрабатываемого поля), а также раритетность этой идеи в русской народной культуре позволяют предполагать, что в этом предании нашли отражение прибалтийско-финские мотивы.

Рефлекс звуковой метрологии (правда, уже в «снятом» виде) присутствует в наименовании тони *Подзаголос* (сев. оконечность залива Токша на оз. Кубенское) — «там голоса с озера Кубенского уже не были слышны», «до этого заливчика голоса доносились, узкое место такое» [Влгд, Пески]. Ср. и своеобразное «новшество» звуковой метрологии, отраженное в названии бол. *Радио* — «пойдёшь на это болото, а радио из деревни слышать» [Холм, Осередок].

Метрологический смысл, возможно, следует предполагать для весьма любопытного названия поля *Чёртопряга* [Хар]. Если первая основа — *чёрт* ('нечистая сила'), то вторую хотелось бы проинтерпретировать в связи с термином *пряга*. Данный термин, как и однокоренные *пряжка*, *упряжка*, *выпряжай*, изначально связан с измерением времени, требующегося для преодоления какого-либо расстояния на лошадях (или осуществления полевых работ

без распрягания лошадей), а затем и пространства, которое может быть преодолено за это время (ср. *пряга* 'упряжка, переезд на одних лошадях не кормя, перегон' [Даль, III, 531], *пряжка* 'период работы на лошадях от начала до первого перерыва, когда кормят лошадей, выпрягая их, или от перерыва до конца рабочего дня', 'расстояние между двумя почтовыми станциями, проезжаемое на лошадях' [СРГСУ, 5, 40], 'расстояние между постоянными дворами' [ЛК ТЭ] и др., подробнее см.: [Романова 1975, 126]). Этот ряд по своей внутренней форме сходен с термином *гон* (*перегон*), который в результате семантической эволюции утратил «лошадиную» мотивированность и приобрел значения 'полоса пахотной земли, которая обрабатывается в один прием', 'мера длины, равная длине борозды, которую пахарь проходит без остановки в одну сторону до поворота' [Романова 1975, 135–136]. Сходное значение зафиксировано в севернорусских говорах для слова *упряжка* — 'длина борозды' [ЛК ТЭ]. Точный смысл компонента *пряга* в составе топонима *Чёртопряга* определить довольно сложно: он может характеризовать как расстояние до покоса, так и его длину. Этот диффузный по своей семантике метрологический термин вполне «рифмуется» с образом черта, лешего, с которым связывается идея неопределенного расстояния, ср. идиомы *черт мерил да веревку порвал* 'о неизвестном расстоянии' [ЛК ТЭ]; *у черта на куличках*; *на леший след* 'очень далеко, неизвестно куда' [СРГК, 3, 121] и др. Таким образом, топоним *Чёртопряга* может трактоваться как экспрессивное обозначение удаленного или весьма протяженного объекта.

Говоря о наивной метрологии, следует отметить своеобразный «анатомический» способ измерения глубины водных объектов³⁹ (или влажности сырых низменностей), содержание которого становится понятным из мотивационных контекстов: руч. *Гуздомойка* — «его переходить, дак вода до ж... доходит» [Ваш, Вашкозёрки], р. *Гузомоя* — «вода там как раз до гузна» [Кир, Кирбасово], пок. *Мокрогуз* — «рядом болото, бродили по пояс мокрые» [Котл, Кузнечиха], руч. *Беспорточный* — «без портков переходить надо»; «в портках не перейти» [Прим, Летняя Золотица], пок. *Мударезы* — «пожню назвали Мударезы — мокро там, бродили до пояса» [Холм, Старая Мельница]; возможно, сюда же следует отнести следующий топонимический ряд: ур. *Безгачево*⁴⁰ [Галич], д. *Безгачиха* [Бабуш], полосы *Безоштанницы* [Меж], р. *Безоштянка* [Ник], поле *Безштанница* [Пин], руч. *Белогузка*

³⁹ Если расширительно рассматривать протяженность в разных пространственных плоскостях, то глубину можно включить в структуру этого пространственного параметра.

⁴⁰ Ср.: *гачи* 'штаны' [ЛК ТЭ].

[Мантур, Тарн], пок. *Гологуз* [Пин, Тарн], пок., ур. *Гологузка* [В-Важ, Ник, Парф], поле *Гологузки* [Бабуш], пок. *Гологузово* [Карг], пок. *Голожопица* [К-Б], р. *Голопупница* [Гот], бол. *Голопуповщина* [Карг], пок. *Голопупое* [Кон], пок. *Голопупы* [Бабуш], р. *Гуздомойка* [Сус], р. *Гуздомоя* [Галич, Кир, Сямж, Хар], лог *Мандомойка* [Пыц], оз. *Мокрогуз* [Он], р. *Мокрогузка* [Тарн], ур. *Мокрогузы* [В-Важ], пок. *Оголигузки* [Бабуш]⁴¹.

В заключение отметим, что оценку или измерение протяженности объекта не следует считать популярным мотивом топонимической номинации. «Точечные» объекты, с которыми имеет дело носитель топонимической системы, обычно имеют небольшую протяженность, при этом оценка протяженности заменяется более точно прорисовывающим параметры объекта описанием формы или размера последнего, — а если ставится-таки задача оценить протяженность, то номинатор скорее использует специализированную метрологию (допустим, наименования сельскохозяйственных мер — *гон*, *десятина* и пр.). В том случае, когда носитель топонимической системы взаимодействует с линейным объектом (рекой или дорогой), попытки измерить его протяженность оказываются неактуальными (и не обеспеченными соответствующей «метрологической техникой»).

4. Обжитость пространства

Какой бы мотив ни отражался в топонимической номинации, само наличие имени у географического объекта свидетельствует об осваивании последнего хотя бы на перцептивном уровне. Однако существует ряд названий, фиксирующих факт рефлексии носителя топонимической системы относительно освоения пространства, высшим проявлением которой является его обживание — в буквальном смысле этого слова.

В севернорусской топонимии отчетливо проявляется противопоставленность обжитого и необжитого пространства. Первое ограничивается зоной, прилегающей к населенному пункту, второе очерчивает нежилую зону. Нежилое пространство может восприниматься как *пустое* (ср. название *Пустая Слобода* [Баб], которое соответствующая деревня получила после того, как почти полностью разрушилась и приобрела статус бывшей деревни; аналогично мотивированы наименования бывших кустов д. *Пустая Шуя* [М-Реч],

⁴¹ Для названий типа *Беситаницы*, *Белогузка*, *Голожопица*, *Голопупое* и т.п. мотивирующий смысл может быть и иным (особенно если они прилагаются к полям): поле *Белогузка* — «сказывали, старики когда-то без планов пахали» [Пин, Кеврола] (здесь отражается один из древнейших элементов сельскохозяйственной обрядности).

Пустая Шалга [Кир] и др.); показательна также мотивировка названия р. *Пустая* — «река прошла 30 километров — и всё пустым местом, без поселения» [Вож, Лобаниха]. Значимость этой оппозиции подчеркивается существованием соотносительных рядов *жилой* — *пустой*: р. *Жилая Мушня* (ср. д. *Жилая Мушня*) — р. *Пустая Мушня* [Пексн], р. *Живая Каменка* (протекает у д. Перцево) — р. *Пустая Каменка* [Гряз], р. *Жилая Кица* (протекает против д. Кица) — р. *Пустая Кица* [Вин]. Эта оппозиция функционирует даже на макроуровне, ср. противопоставление наименований двух районов Костромской области: *Жило* — название Пыщугского района Костромской области в отличие от *Пустоши* (Павинского района) («Демидов их отправлял на завод, на Урал, на Каменный Пояс, дак у них Пустошь, а у нас Жило» [Пыщ, Крутая]).

При возникновении противопоставления *жилого* и *нежилого* маркированным, как правило, оказывается второй член оппозиции, поскольку первый называет собственно номинативный центр, обеспечивая тем самым низкий уровень дифференцирующих возможностей.

Нежилое пространство может быть поименовано не только как *пустое*, но и как *слепое* или *глухое*. Данные метафоры восходят к обозначениям дефектов перцепции, отгораживающих человека от внешнего мира и образующих вокруг него замкнутое пространство: идея замкнутости, отсутствия контакта с миром акцентируется во многих семантических дериватах, созданных на базе лексем *глухой* и *слепой*, ср. значения 'не имеющий выхода, прохода' (*слепой*) [ССРЯ, XIII, 1198], 'совершенно закрытый, не имеющий отверстий' (*глухой*) [ССРЯ, III, 157]. Идея замкнутости отчетливее представлена во вторичных значениях *глухого*, поскольку первичное значение в этом случае обладает большей социальной ориентацией (если *слепой* изолирован от физического мира, то *глухой* — от социума). Специализация этой идеи дает для *глухого* семантику 'расположенный в лесу', проявляющуюся в топонимической оппозиции *глухой* — *чистый*: бол. *Глухая* и бол. *Чистая* — «два болотца в километре, только Глухая в лесу, круглышка такая лесом окружена, а Чистая в чистом месте» [Карг, Кречтово]; бол. *Глухое Болото* и бол. *Чистое Болото* — «Чистое Болото на полянке, а Глухое Болото в лесу» [Вил, Шихи] (этот же мотивирующий смысл можно усмотреть в паре названий деревень *Туймино Глухое* и *Туймино Чистое* [Вель]). Ср. также: оз. *Глухое* — «оно в лесу, другие жизнь прожили и не знали, где оно» [Ваш, Малая Чаготма], оз. *Глухое* — «кругом в лесу, страшно даже» [Вель, Кондрино], оз. *Глухое* — «в лесу оно, выхода у него не было» [Сок, Озерки],

пок. *Глухая* — «она в лесу» [Вель, Пугачевская]. Неосвоенные лесные места таят опасность — интересен в этой связи параллелизм *глухой // чертов*, ср. название ур. *Глухие Ворота // Чёртовы Ворота* [В-Уст].

Модификация того семантического материала, который представлен выше, приводит к появлению у *глухих* и *слепых* названий⁴² мотивирующего смысла 'расположенный на нежилой территории', например: р. *Слепая* — «Слепая потому что лесом всё шла, нигде нет ни поселка, ни поля, одна речка» [Уст, Череновская], ур. *Глухая Вершина* — «всё лес, кругом жилья нет, потому так называли» [Кир, Левково] (аналогично в нарицательной лексике: *глухой* — 'захолустный, в глуши находящийся, безлюдный' [ССРЛЯ, III, 157], *глухота* 'отдаленное от поселений пустынное место' [АОС, 9, 128]); ср. также пару названий рек *Живой Леваш* — *Глухой Леваш* [Посухонье: Варникова 1987, 206] и корреляцию оз. *Жилое* — *Глухое* [Сок]. Следует обратить внимание на то, что в семантике лексемы *глухой* наблюдается синкретизм таких смысловых компонентов, как 'необжитой' и 'лесной'. Этим лишний раз подчеркивается противопоставленность леса и дома, деревни, которая отражена как в системе языка, так и в фольклоре, а также обрядовой системе. В качестве иллюстрации приведем только один факт — идиому *выйти на русь* 'выйти из леса на светлое место (полян), близкое к жилью' [ЛК ТЭ], стыкующую представления о чужом (лесном) и своем (родном) пространстве.

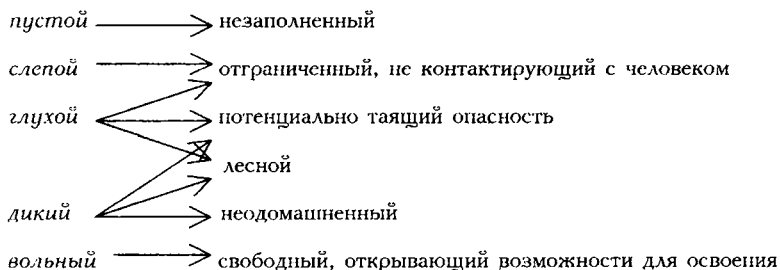
Необжитое пространство может быть представлено также как *дикое*, ср.: оз. *Дикое Озерко* — «не ходили туда» [Карг, Лохово], бол. *Дикое* — «*глухое* место, не ходит никто на то болото» [Хоам, Подборье]. Проявляющийся в последнем контексте параллелизм *дикого* и *глухого* поддерживается тем, что *дикие* объекты, как и *глухие*, обнаруживают связь с лесом; ср.: оз. *Дикое* — «заросло всё лесом» [Прим, Пушлахта], зона *Дикий Кряж* (тянется от г. Архангельска по материку до д. Бармино и противопоставляется островам в устье Северной Двины) — «мы в лесу жили, а у них на островах лесу-то нет» [Прим, Бармино]. Отметим и то, что *дикие* объекты могут восприниматься как опасные, ср. факт параллельного функционирования названий *Дикая Веретья // Дурная Веретья* [Лен], бол. *Дикое // Страшное* [Плсс], а также мотивировку топонима *Дикий Мыс* — «там всё люди блудятся» [В-Т, Макеевская]. Показательна оппозитивная пара *Домашнее* —

⁴² Семантическая близость *глухих* и *слепых* в топонимии подтверждается также парой наименований расположенных рядом урочищ *Глухое* и *Слепое* — «места там плохие, кочкастые» [Пин, Кушкопола].

Дикое, обозначающая озера, одно из которых находится у д. Петрова, другое в лесу, поодаль от этой деревни [Мез]. Ср. также в нарицательной лексике: *дикой* 'находящийся в отдалении от деревни, села и т.п.' [СРНГ, 8, 57], *дикий* 'пустынный, *глухой*, ненаселенный (с оттенком мрачности)' [СССРЛЯ, III, 785].

Наконец, необжитое пространство маркируется топонимами, образованными от апеллятива *вольный*, ср. название р. *Вольница*, расположенной в 20 километрах от ближайшего к ней населенного пункта, — «она текёт по вольному месту, деревён там нет» [Кир, Рыбацкая]. Возможность появления такого мотивирующего смысла подтверждается данными нарицательной лексики: *вольный* 'расположенный вне дома, жилья' [ЛК ТЭ], *вольный* 'свободный, пустой, ничем не занятый', *вольная работа* 'работа, осуществляемая в поле, вне дома' [АОС, 5, 72], *вольный* 'находящийся вне чего-либо, всплывший' // 'совершаемый или происходящий на открытом воздухе, вне помещения' [СРНГ, 5, 87]. Мотивировку 'находящийся в нежилой зоне' можно предполагать и для других *вольных* топонимов: пок. *Вольный Луг* [Грязь], пок. *Воля* [Череп], лес *Воля* [Влгд], поле *Вольныс* [Вель], ур. *Вольница* [Нянд, Сямж], лес *Вольное* [У-Куб], однако здесь возможно и иное смысловое наполнение — 'просторный'.

Итак, необжитое пространство подается в русской топонимии как *пустое, глухое, слепое, дикое, вольное*. Учет концептуального наполнения этих лексем дает следующую картину:

Расположенные справа характеристики дают концепцию необжитого пространства — в том виде, в котором она может быть представлена по данным русской топонимии.

С параметром «обжитости» пространства тесно связан такой параметр, как *доступность / труднодоступность пространственных объектов*. В этой

оппозиции маркированным оказывается второй элемент. Выше отмечалось, что идея труднодоступности — в паре с идеей удаленности объекта — может быть реализована с помощью образа *мужчины*, ср. контекст, мотивирующий топоним *Дедков Бор* (противопоставленный названию *Бабкин Лес*) — «в Бабкин Лес бабки по красули бегали, а в Дедков Бор не сразу попасть можно, там чабра такая, только мужик в болотниках пройдёт» (пример такого рода единичен: это связано, как было отмечено, с тем, что функциональная сфера, связанная с деятельностью мужчины, очень широка).

Для обозначения труднодоступных объектов используется также образ *собаки*. Смысл таких топонимов — ‘место, куда может добраться (забраться, залезть) только собака’, ср.: ур. *Собачий Пролаз* — «такие дебри, тут только собаки пролезти и могли» [Чаг, Мегрино], прт. *Собачья Лазея* — «узкое, только собака пролезет» [Влгд, Кубенское], порог *Собачье Горло* — «всё завал такой, собака не проплывет» [Пин, Вонга], бол. *Собачье* — «Собачье потому, что по нему могла только собака пройти» [Ваш, Коптево], лес *Собачий Пролаз* [Холм], ур. *Собачьи Пролазы* [Выт, Устюж]. С этим вариантом семантического наполнения *собачьих* топонимов оказывается тесно связанным другой смысл, который могут реализовывать *собачьи* названия, нередко становящиеся экспрессивными обозначениями опасных, гиблых или бесперспективных в хозяйственном отношении мест, ср.: оз. *Собачье* — «худое место» [Мез, Долгощелье], пок. *Собачино* — «плохое место, руками косили» [Котл, Пустошь], яма *Сучья Дыра* — «плохо замерзает, тонут там часто» [Нянд, Монастырский Остров], уч. р. *Собачья Дыра* — «страшное место, там не проплывали без муки» [Мез, Целегора] и др.

Если с помощью образа собаки маркируется именно труднодоступное место, то образ *медведя* имеет более синкретичный характер, маркируя удаленное, необжитое и труднодоступное пространство (см. рубрику «*Ближний — дальний*»). Задействованность образа медведя для реализации этих смыслов мотивирована представлением о нем как о хозяине леса (ср. эвфемистическое именование медведя *хозяином*, пословицы типа «хозяин в дому, что медведь в бору» [Даль, II, 311] и т.п.).

Таким образом, труднодоступные объекты означаются в русской топонимии как *мужские*, *собачьи* и *медвежьи* (напомним, что близкие к дому объекты кодируются с помощью образов *бабы*, *кошки* и *курицы*). Значимость противопоставления «медвежьего» и «куриного» пространств хорошо передается пословицей «Не та земля дорога, где медведь живёт, а та, где курица скребёт» [ПРН, II, 249]. В то же время необходимо отметить, что

идея труднодоступности редко воплощается в топонимическом материале: если объект труднодоступен, то он и не нуждается в имени.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что концептуально значимым для русской топонимии оказывается противопоставление обжитого, одомашненного и необжитого, труднодоступного пространства. Важно отметить, что именно последнее (а не первое) воспринимается как *собственно пространство, эталонное пространство*. Что имеется в виду?

В.Н. Топоров отмечает отчетливость отражения в русском слове *пространство* «идеи прогрессивно нарастающего развертывания, распространения»: внутренняя форма этого слова (**pro-stor-*: **pro-stirati*) апеллирует к таким смыслам, как «вперед, вширь, вовне»; по мнению этого автора, «в традиционной русской модели мира с пространством связывалась именно воля, предполагающая экстенсивную идею, лишённую целенаправленности и конкретного оформления (туда! прочь! вовне!) ...», ср. державинский вариант: «Зачем же в Петрополь на вольну ехать страсть, С пространства в тесноту, с свободы за затворы...» (разрядка В.Н. Топорова) [Топоров 1983, 239; об этом см. также: Бульгина, Шмелев 1997, 485-486]. Вот эта идея **разворачивания вовне** (равно как и идея **отделенности, отдельности пространства**) выражена именно в структуре ментального образа необжитого пространства, который эксплицируется по данным русской топонимии. Отсюда следует, что **необжитое пространство** есть пространство *par excellence*. Ср. противопоставление обжитого локуса и простора, трактуемого как **необжитое пространство**, в русских народных пословицах: «В тесноте люди живут, а на просторе волка гоняют»; «В тесноте люди песни поют, на просторе волки воют» [ПРН, II, 493].

В то же время обжитое пространство конституируется функционально, в связи с практической деятельностью человека.

5. Характеристика ментального образа пространства в русской топонимии

В ходе предыдущего изложения были выделены концептуальные основы формирования тех или иных пространственных параметров. В настоящем разделе дается итоговое описание концептуальных установок, определяющих ментальный образ пространства.

Сначала представим в общем виде **сетку параметров**, которая организует систему пространственных представлений, эксплицируемых по данным русской топонимии.

ЛОКАЛИЗАЦИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ

По представленности субъекта наблюдения и точки отсчета:

I. Точка отсчета — наблюдатель.

1. По проявленности /имплицированности субъекта наблюдения:

А. Позиция наблюдателя эксплицирована (ориентация «от себя»).

По уровню организации системы ориентации:

а) «наивная» (субъективированная) ориентация:

дистанция:

далеко — близко;

начало — конец;

координаты тела в пространстве:

справа — слева;

спереди — сзади;

вверху — внизу;

б) объективированная ориентация:

стороны света;

Б. Позиция наблюдателя имплицирована (ориентация «от объекта»).

2. По направленности ориентации:

а) центростремительная;

б) центробежная.

3. По координирующему механизму:

а) объектокоординирующая;

б) автокоординирующая.

II. Точка отсчета вынесена вовне:

верхний — нижний;

правый — левый;

голова — хвост.

} при привязке
к гидрообъектам

III. Точка отсчета нерелевантна для наблюдения:

вблизи, рядом с чем-либо;

по какой-либо линии (длине, ширине, окружности чего-либо);

в пределах чего-либо, между чем-либо;

вместе — отдельно.

ОХВАТ МЕСТНОСТИ

1. По объему охвата местности:

векторный;

панорамный.

2. По характеру сцепления элементов пространственной картины мира:

дробное — целостное;
расчлененное — комбинаторное представление пространственных объектов.

3. По задействованности пространственной горизонтали / вертикали:

вертикальное;
плоскостное видение местности.

ПРОТЯЖЕННОСТЬ:

длинный — короткий;
меры длины.

ОБЖИТОСТЬ ПРОСТРАНСТВА ЧЕЛОВЕКОМ:

обжитое — необжитое;
доступное — труднодоступное пространство.

Данная сетка дает структуру топонимической картины пространства. Охарактеризуем ее содержание.

1. Наивный фундамент и хозяйственная обусловленность пространственных представлений. «Наивность» представлений о пространстве проявляется разными способами.

- При определении местоположения географической реалии в пространстве задействуются параметры автоориентации, тесно связанной с пространственным положением человеческого тела. Это, во-первых, дистанционный параметр *далеко — близко* (и связанный с ним *начало — конец*), во-вторых, заданные трехмерностью пространства параметры *вверху — внизу*, *справа — слева*, *спереди — сзади*. Ярчайшим проявлением развитости системы автоориентации может служить использование в качестве пространственных маркеров слов с самой высокой степенью дейктивности — указательных и притяжательных местоимений (*тот, здешний, наш, свой* и др.).

Вследствие существования наивного субстрата пространственных представлений, привязанных к положению тела в пространстве, параметры автоориентации работают преимущественно в микропонимии. При макротопонимическом картировании местности происходит дисбаланс связей между фигурой наблюдателя и географическими объектами.

- Наивность системы ориентации в пространстве проявляется также в том, что абстрагированная система ориентации по сторонам света базируется на наивном субстрате: наиболее значимым становится северное направление,

отмеченность которого мотивируется метеорологическими — и, в конечном счете, хозяйственными факторами. Они же обуславливают появление в топонимической системе ориентации маркеров, связанных с направлением ветра.

• Наивно-антропоцентрическая обусловленность восприятия пространства определяет появление непространственных способов выражения пространственных отношений. Данный процесс предполагает возникновение коннотаций локального плана у лексем, исходная семантика которых не включает пространственных компонентов (*баба, кошка, курица, собака, медведь*). Эти лексемы фиксируют перетекание функционально-ролевой специализации в локативную.

• Немаловажно отметить также задействование наивной метрологии: а) измерение пространства через скорость его преодоления (*Скоропостижные, Скоролум*); б) измерение расстояния голосом (*Зычнос, Подзаголос*); в) измерение глубины наивно-«анатомическим» способом (*Безоштянка, Оголигузки*).

• Специфика отбора задействуемых топонимией параметров ориентации указывает на то, что определенную роль при формировании этих параметров играют сами условия осуществления человеком пространственной ориентации — в частности, условия определения сторон света по положению солнца, наблюдения за которым осуществляются в светлое время суток: этим, объясняется преобладание *полдневых* топонимов над *ночными* — тем более симптоматичное, что в синонимичных этой паре биномах *летний — зимний* и *южный — северный* лидируют *зимние* и *северные* названия; показательно также приобретение локативной семантики словами, обозначающими приемы *пищи*, которые производятся в летнее время на поле или на покосе.

• В описываемом топонимиконе весьма активны названия, отражающие идею границы хозяйственно освоенного пространства (*последние, рубежные, крайние* и т.п. топонимы).

II. Ограниченность пространственного горизонта. Дробность восприятия пространства.

• Считая, что топонимикон организован по принципу матрешки, включающей в себя несколько топонимических поясов с разным «масштабом» (степенью конкретности /абстрактности) изображения местности, следует признать, что топонимия фиксирует выбор в качестве посредников при ориентации ориентиров «местного значения», входящих в первую-вторую зоны топонимической абстракции. Эта ситуация (аналог которой можно найти в

логике конструирования системы ветрообозначений) свидетельствует о суженности пространственного горизонта носителей топонимической системы.

Расширение пространственного горизонта наблюдается в топонимии поморов, где могут быть задействованы, например, ориентирующие маркеры *русский* и *немецкий*, что говорит об умении привязать близкие к номинатору объекты к отдаленным ориентирам.

- О суженности пространственного горизонта свидетельствует специфика номинации дорог. Несмотря на статус дороги как объекта-ориентира *se ipsum*, ориентирующие наименования не играют ведущей роли в системе обозначений дорог; в том случае, когда такие наименования все же задействуются, они отражают лишь узлокальные ориентиры.

- Показательны также особенности выбора объектных «приоритетов» (т.е. источников переноса) при разворачивании метонимических связей. Если на раннем этапе формирования топонимической системы Русского Севера метонимические связи разворачивались преимущественно «от реки», то на поздних стадиях функционирования этой системы приоритетными стали точечные объекты — в первую очередь, населенные пункты.

- В современном топонимиконе все более явно дает о себе знать тенденция к «монотопонимизации» — выделению в отдельной локальной топосистеме объекта, являющегося единственным представителем данного класса географических реалий; соответственно его наименование становится «родовым» (т.е. географический термин, положенный в основу топонима, не приобретает при топонимизации конкретизирующих определений). Так появляются названия типа оз. *Озеро*, бол. *Болото*, р. *Речка*, которые зачастую накладываются поверх утративших актуальность «видовых» названий. Иногда квазиноминия такого рода становится основой создания вновь возникающих в настоящее время топосистем. Однако данная тенденция характерна не только для современных топосистем, но и для начального этапа формирования топонимии (известно, что в архаичных топосистемах разных народов встречаются названия, образованные от географического термина без дифференцирующих определений), поэтому можно говорить о своеобразной «синусоиде», определяющей действие указанной тенденции. Монотопонимизация также работает на описываемую концептуальную особенность севернорусской топонимии (ограниченность пространственного горизонта).

- В этом же русле следует трактовать тенденцию к номинативному дроблению линейных топообъектов (в первую очередь, рек), проявляющуюся в деактуализации названия всей реки, заменяемого наименованиями отдельных

ее участков, связанных, как правило, с обозначением соответствующей деревни или церкви. Для субъекта номинации оказываются неактуальными попытки целостно представить линейный топообъект, восстановить целое по его части.

- Еще один процесс, тесно связанный с двумя предыдущими, состоит в том, что одни и те же географические реалии (или их части) параллельно осваиваются различными локальными топонимическими системами, в результате чего фрагменты таких топосистем (функционирующих, к примеру, в речи жителей соседних населенных пунктов) оказываются несовместимыми друг с другом. Степень такой несовместимости может увеличиться в том случае, когда носители различных топосистем по-разному членят собственно денотативный континуум топонимии, что проявляется в несовпадении представлений о границах самих географических объектов (например, то, что для одних является трехэлементной цепочкой *река — озеро, куда она впадает — вытекающая из озера река*, может восприниматься другими как один целостный объект). Так создается мозаичность топонимического континуума, которая в определенной мере объясняется узостью пространственного горизонта носителей топонимической системы. По нашим наблюдениям, степень изоляции смежных локальных топонимических систем друг от друга со временем возрастает.

- В современной топонимической системе весьма редкими являются случаи комбинации пространственных образов, за которыми стоит стремление увидеть в них части целого, детали картины, элементы ситуации; преобладает расчлененная подача пространственных образов.

- В рамках действия этой же тенденции (сужения пространственного горизонта) следует трактовать резкий перевес топонимических фактов, связанных с плоскостным видением местности, над фактами, отражающими высотное виденье.

III. Жесткая заданность центра освоения пространства. Закрепленность позиции номинатора.

- В проекции на реальное географическое пространство топонимический континуум имеет различную плотность на разных своих участках: наибольшая плотность наблюдается в зоне номинативного центра, которым обычно является населенный пункт, наименьшая — на периферии, по мере удаления от населенного пункта.

- Центр номинативного освоения пространства выделяется в топонимическом континууме не только количественно, но и качественно: в центре пре-

обладают панорамные номинации, соответствующие такому типу освоения пространства, как карта-обозрение (панорамность проявляется в активном использовании различных связей топонимов друг с другом — метонимических, словообразовательных, семантических, предложно-падежных конструкций, беспредложных ориентированных наименований). Периферия характеризуется уменьшением количества панорамных номинаций и ростом числа векторных названий, реализующих такой тип освоения пространства, как карта-путь.

- О жесткой заданности номинативного центра, совпадающего с типовой позицией наблюдателя, говорит наличие дейктических номинаций, которые обретают дикстинктивные возможности только благодаря закреплённости, статичности позиции номинатора. Дейктические номинации позволяют вычислить «адрес» номинативного центра (на него недвусмысленно указывают названия типа *Ближнес, Наш, Зады* и т.п.).

- Позиция наблюдателя в подавляющем большинстве случаев закреплена в населённом пункте, вследствие чего можно говорить о «домоцентрическом» механизме освоения пространства как фундаментальном принципе пространственного мышления крестьян Русского Севера. В редких случаях позиция наблюдателя переносится в другие точки: так, система обозначений рыболовных тоней свидетельствует о том, что ряд объектов был номинирован «с воды»; крайне редко номинативным центром становится лес⁴³.

- Освоение пространства, как правило, предполагает центростремительное разворачивание пространственных связей, за которым стоит расширение зоны освоенных объектов по вектору, заданному из центра. Значительно реже в топонимии проявляется центробежная направленность ориентации, отражающая стремление более подробно картировать уже освоенный участок территории, возвращаясь от известного объекта назад по вектору, направленному к номинативному центру.

- Закреплённость позиции номинатора способствует созданию объектокоординирующих названий, во внутренней форме которых содержится указа-

⁴³ Оговоримся: сказанное не означает, что при номинации географических реалий наблюдатель обязан «физически» находиться в чётко определённой точке пространства — к примеру, в деревне (многие объекты попросту будут находиться вне поля его зрения). Дело не в конкретном физическом положении номинатора, а в том, как проявляется его позиция в результатах номинативной деятельности (например, при номинации далёких лесных ручьёв, не попадающих в поле зрения наблюдателя, «физически» находящегося в населённом пункте, могут быть задействованы ориентационные маркеры *правый* — *левый*, специфика использования которых свидетельствует о номинативном освоении объекта по вектору, заданному из населённого пункта, от дома, жилища номинатора).

ние на локализацию объекта в пространстве. Весьма редко в топонимической системе появляются автокоординирующие номинации, способствующие выявлению местонахождения самого номинатора относительно известного ориентира. Маргинальность таких топонимов обусловлена необычностью ситуации, при которой позиция номинатора переносится в зону самого объекта.

IV. Относительная пассивность идеи передвижения при формировании пространственных представлений. Закрепленность позиции номинатора сочетается с реализацией идеи передвижения при формировании пространственных представлений.

- Идея передвижения реализуется с помощью *куда (откуда)*-топонимов (ср. конструкции с предлогами *в, до, за, из, из-под, к, на, от, под, с, через*), названий, в семантике которых содержится указание на определенный участок пути (*Половинница*), топонимов, служащих своеобразными путевыми вехами (*Путевой*), а также наименований, отражающих попытку измерения пространства через скорость его преодоления.

- Потребность свободы передвижения определяет установку на задействование не более одной ориентационной оси при формировании системы координационных параметров. Совмещение двух осей, наблюдаемое при использовании параметра *правый — левый* (не в гидрографической, а в наивной народной системе ориентации) лишает наблюдателя свободы перемещения, чем обусловлена низкая активность данного параметра в топонимации.

В целом следует отметить сравнительно невысокое количество названий, задействующих идею передвижения и, соответственно, относительную пассивность данной идеи при формировании пространственных представлений.

V. Линейность освоения пространства. Река как организатор пространственных связей. Пространство осваивается не фронтально, а линейно (радиально) — по линиям, отражающим вектор заселения или хозяйственной деятельности.

- В топонимии Русского Севера представлены многочисленные наименования типа *Дальний, Конец, Угол, Крайний* и т.п. без определяемого или определяющего слова. Ориентирующая «достаточность» таких названий обеспечивается только в том случае, когда задана линия, вдоль которой располагаются топообъекты, линия, которая становится организатором пространственных связей.

- В изучаемом топонимиконе видное место занимают названия, содержащие привязку объектов к реке (ср. топонимы, образованные от апеллятивов *верхний — нижний, правый — левый, голова — хвост*). Река является

не столько центром освоения пространства (привязки к реке зачастую относительны: к примеру, *верхний* — 'находящийся выше населенного пункта по течению реки'), сколько организатором пространственных связей, так как с рекой связана объективированная система ориентации, заданная естественной сориентированностью самого объекта. Особая значимость рек как организаторов пространственных связей на Русском Севере мотивируется тем, что эта территория является речной, изобилуя малыми, средними и крупными реками.

В редких случаях роль организатора пространственных связей берет на себя дорога (ср., например, ситуацию с *головами* и *хвостами*, которые могут быть сориентированы по направлению дороги).

• Линеарность проявляется и в существовании оппозиции *внутри* — *в стороне*. *Сторонние* объекты находятся в стороне от освоенной магистрали, *внутренние* — в пределах освоенного пространства.

VI. Качественная неоднородность пространства.

• В топонимии отражено противопоставление обжитого и необжитого пространства. Первое осмысливается функционально, представляя как сумма используемых в хозяйственной практике угодий; представление о втором включает в себя такие признаки, как 'незаполненное', 'отграниченное, не контактирующее с человеком', 'потенциально тающее опасность', 'лесное', 'недомашнее', 'свободное, открывающее возможности для освоения'. Необжитое пространство является эталонным пространством, поскольку характеризуется способностью разворачиваться вовне и отделенностью.

• Топонимической системой Русского Севера выработаны особые способы указания на специфику локуса, возникшую вследствие ценностной «разметки» пространства: речь идет о зонах, которые воспринимаются как «святые», «страшные» и т.п. Выделение таких ценностно отмеченных зон происходит параллельно хозяйственному освоению пространства (описание соответствующих семантических полей см. в гл. III настоящей работы).

• На качественную неоднородность пространства указывает неравносность, асимметричность равноправных с логической точки зрения ориентационных параметров: преобладание *задних* топонимов над *передними* свидетельствует о специфике заселения территории; перевес *верхних* названий (в «высотном», а не «речном» значении) над *нижними* отражает типичное положение тела в пространстве; лидирование *дальних* топонимов в паре *дальний* — *ближний* связано с их большими дистинктивными возможностями и т.п.

НАРОДНАЯ РЕЛИГИЯ И ВЕРОВАНИЯ В ЗЕРКАЛЕ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ

В данной главе описывается та зона эксплицируемой по данным русской топонимии этнолингвистической информации, которая не является базовой для топонимической концептосферы. В то же время этот блок информации следует считать одной из наиболее ярких и, главное, маркирующих, этноспецифических характеристик духовной культуры народа, поэтому любой источник сведений о религии и верованиях имеет непреходящую ценность. Это позволяет поставить задачи, решению которых посвящена данная глава: 1) экспликация информации о религии и верованиях крестьян Русского Севера по данным топонимии; 2) выявление специфики топонимической версии репрезентации мировоззренческого фонда народной религии; 3) характеристика концепции ирреального пространства в русской топонимии.

В отечественной топонимической литературе имеется группа работ, авторы которых обращались к проблеме отражения религиозных (мифологических) представлений в топонимии. Эти исследования проводились на материале топонимии различных республик бывшего СССР и национальных автономий на территории России, причем надо отметить, что иноязычные топонимические системы описаны более полно, чем русская (ср. работы И.И. Муллонен по вепсской топонимии [Муллонен 1993; 1995], Н.Н. Мамонтовой по топонимии Карелии [Мамонтова 1991], Т.Н. Дмитриевой и М.А. Тяботова по хантыйской топонимии [Дмитриева 1996; 1998; Тяботов 1991], Д.Д. Власовой — по мансийской [Власова 1980], Г.Х. Бухаровой и А.А. Камалова — по башкирской [Бухарова 1998; Камалов 1994, 146–149], Л.Е. Кирилловой — по удмуртской [Кириллова 1992], Е.А. Керимбаева — по казахской [Керимбаев 1992] и мн. др; ср. также исследования Э.М. Мурзаева, где используется разноязычный топонимический материал, в основном — тюркский [Мурзаев 1993а; 1996б, 160–166]). Что касается славянской топонимии, то ее изучению посвящена работа Вяч. Вс. Иванова и В.Н. Топорова, нацеленная на выявление в топонимическом континууме рефлексов основного мифа [Иванов, Топоров 1976]. Кроме того, следует назвать исследования И.А. Летовой и А.В. Кузнецова [Летова 1982; 1988; Кузнецов 1991а], которые

выполнены как раз на материале топонимии Русского Севера (И.А. Летова так же, как мы, использует картотеку ГЭ УрГУ). Однако после того, как была написана работа И.А. Летовой, накоплен новый топонимический материал; кроме того, мы ставим перед собой несколько иные задачи и по-другому подходим к их решению, — все это позволяет заново обратиться к этой поистине неисчерпаемой теме.

Данная глава включает в себя два раздела. В **первом** описывается корпус идей и символов народной религии, отраженных в русской топонимии. По отношению к топонимическому материалу исследование осуществляется дедуктивным путем, поскольку репертуар известных по мифологическим, фольклорным и этнографическим источникам единиц пропускается через массив топонимов Русского Севера (с целью выявления типологической значимости тех или иных явлений привлекались доступные нам данные по русской топонимии других территорий). Кроме того, эти топонимические факты рассматриваются с установкой на выявление специфики топонимической версии репрезентации идей и символов народной религии. Во **втором** разделе анализируется материал, отобранный индуктивным путем, при котором отправной точкой исследования становятся топонимические данные: рассматриваются топонимы, так или иначе связанные с реализацией представлений о сверхъестественных свойствах локуса. Тем самым обнаруживается «приращение» к материалу: названия, выражающие идею сверхъестественного, могут быть созданы не только на базе идей и символов народной религии. В результате анализа в данном разделе выстраивается концепция *заветного места* в топонимии.

1. Идеи и символы народной религии в русской топонимии

В работах, посвященных религии и верованиям русского народа, давно утвердилось положение о сложности структуры этого мировоззренческого комплекса, о его дуалистическом характере (описание различных форм взаимодействия язычества и христианства на Руси и полемику о специфике этого явления см. в: [Алпатов 1994; Белобородова 1997; Бернштам 1988; Громыко 1994; Громыко, Кузнецов, Буданов 1993; Живов 1993; Криничная 1973; Петрухин 1996; Рыбаков 1974; 1988, 455–782; Толстой 1994б; 1996; Успенский 1994, 215–297; Чернецов 1994 и мн. др.]). В настоящее время по-

иски в данном направлении активизировались, так как оказались снятыми явные и скрытые ограничения на рассмотрение соответствующих проблем. В то же время некоторые исследования стали грешить «наивной идеализацией старины с элементами «народопоклонства» в духе «незамутненного православия» [Чернецов 1994, 16]. Описывая равноуровневые факты сосуществования элементов язычества и христианства в системе народной культуры (например: объединение языческих богов с функционально замещающими их христианскими святыми; соседство священных деревьев с христианскими храмами; представление о том, что в бане следует молиться нечистой силе; статус попа и колдуна, ворожей как центров духовного быта в деревне, etc.), исследователи по-разному решают вопрос о том, как следует определять сам характер этого взаимодействия, можно ли говорить о целостности системы народной религии или же о ее непреодолимой поляризованности. Наиболее убедительной представляется позиция тех исследователей, которые утверждают, что на уровне синхронного функционирования народная религия цельна и представляет собой единую систему верований, ср.: «Белорусская или польская крестьянка, почитающая св. Николая Угодника и в то же самое время производящая различные манипуляции, чтобы уберечься от ведьмы, ... не поклоняется двум богам — Богу и Мамоне, а имеет свое определенное отношение и к одному, и к другому миру. Эти отношения, в ее представлении, не противоречивы, они естественно дополняют друг друга» [Толстой 1996, 146–147]. Синхронная цельность народной религии означает, что ее отдельные фрагменты могут быть определены как языческие лишь генетически, в диахронической перспективе [Живов 1993, 53]; соответственно, понятие *двоверия* (а в [Толстой 1996, 147–148] ставится вопрос о трех источниках славянской народной духовной культуры, т.е. о своеобразном *троверии*) релевантно при описании истоков народной религии. Тем самым, при психологически реальной для сознания носителя народной религии целостности последней, признается ее объективная дуалистичность, предполагающая наличие между языческим и христианским по своему генезису полюсами «целого ряда переходных звеньев, возникавших нередко в результате контаминации нескольких типов» [Толстой 1994б, 2].

Вот эта переходность, контаминационность элементов народной религии (существующая, повторим, лишь при взгляде «извне»), сложность взаимодействия языческих и христианских мотивов, связи между которыми было бы недостаточно охарактеризовать только как отношения эстафеты, может быть прослежена также на топонимическом материале. Традиционная крестьянская топонимия, в силу своей практической, бытовой направленности, дает воз-

возможность наблюдений над тем уровнем народной культуры, который в наименьшей степени испытывает на себе влияние «высших», богословских, канонических форм православия. Именно поэтому, говоря об отражении соответствующего мировоззренческого пласта в топонимическом материале, мы предпочитаем термин *народная религия* (который имеет традицию использования в исследованиях культурологической проблематики) терминам *православие* (пусть даже *народное*), *христианство*, что не должно трактоваться как отрицание православной доминанты народной религии (вопрос такого плана не может ставиться в рамках данного исследования).

Концептосфера народной религии не является базовой для топонимии, однако она отражается в системе географических названий, что позволяет говорить о специфике топонимической версии ее репрезентации. При изучении топонимической версии народной религии следует сначала сформировать корпус названий, отражающих идеи и символы народной религии. Вполне вероятно, что некоторые из топонимов такого плана уже не обнаруживают связей с исходным сверхтекстом народной религии, однако они, безусловно, тоже должны быть учтены, поскольку дают возможность выявить закономерности трансформации базового мировоззренческого комплекса в топонимической форме его бытования.

Топонимы, связанные с концептами народной религии, могут быть разделены на две группы. Первая — наиболее обширная — представлена названиями, в которых отражены *идеи и образы, реализующие основную оппозицию народной религии*, создаваемую противопоставлением «нечистой силы», отрицательного духовного начала, и «крестной силы», божественной и преисполненной святости. Топонимический вариант этой оппозиции включает в себя названия, образованные от имен персонажей, агентов народной религии — *Бога, дьявола, представителей низшей демонологии (лешего, кикиморы, русалки)* и т.п., а также наименования, в основу которых положены абстрактные идеи *святой и поганый*. В эту же группу условно включены топонимы, для которых можно предполагать связь с именем языческого ритуального персонажа *Ярилы*. Отметим, что при анализе материала нами не учитывались названия, образованные от наименований культовых объектов, — т.е. топонимы типа *Никольское, Богородицкая Кулига, Петропавловская* и даже *Под Николой, Илья Пророк* (в последних двух случаях географические объекты находятся около иконы Николая Угодника или церкви Ильи Пророка), поскольку они не содержат прямой связи с именами персонажей народной религии.

Вторая группа составлена топонимами, образованными от *библейских* «*локативов*» — наименований пространственных объектов. Производящими лексемами здесь послужили *Вавилон*, *Голгофа*, *Елеон*, *Палестина* и т.п.; сюда же включены оппозиты *рай* и *ад*, хотя данные лексемы в православной традиции не только выступали в локативном значении, но и употреблялись для характеристики внутреннего мира человека.

Ниже будет представлен топонимический материал, разделенный на две указанные группы, внутри которых выдерживается постатейный принцип подачи материала (статьи даются по алфавиту производящих лексем). Композиция статей различна, однако по возможности выдерживаются следующие узловые моменты: 1) количество топонимов Русского Севера, в основу которых положена данная производящая лексема; 2) закономерности распределения названий по типам географических объектов; 3) закономерности локализации топонимов в определенных зонах изучаемой территории (просматриваются крайне редко); 4) синтагматические и парадигматические связи топонима (наличие параллельных названий и вариантов топонима, семантических микросистем, специфика сочетаемости внутри сложных или составных топонимов), помогающие выявить смысловое наполнение географических названий, образованных от указанного апеллатива; 5) показания языкового сознания (мотивационная рефлексия) носителей топонимической системы; 6) типологически значимые параллели из русской топонимии других территорий или из иноязычной топонимии; 7) данные нарицательной лексики, фольклорные, этнографические сведения, помогающие прояснить семантику географических названий; 8) экспликация смыслового наполнения соответствующих топонимов и выявление специфики функционирования соответствующего образа (*идеи*) в топонимии.

После каждой из двух групп статей производится итоговый анализ материала, дающий общее представление о закономерностях топонимической трактовки идей и символов народной религии.

1.1. Персонажи и идеи, реализующие основную оппозицию народной религии

АНГЕЛ. Данный апеллатив отражен в 2 топонимах: бол. *Ангело* [Пин], оз. *Ангельское* [Холм]. Исходное мотивационное значение этих названий выявить трудно, так как фиксации малочисленны, мотивационные кон-

тексты, семантические микросистемы и т.д. отсутствуют. Возможно, данные названия выражают мелиоративную оценку эстетических свойств объекта.

БЕС. В топонимии Русского Севера зафиксировано 21 название, образованное от апеллятива *бес*, например: лес *Бесово* [Баб], р. *Бесиха* [У-Куб], пок. *Бесов Наволок* [Вож], руч. *Бесий* [Холм], г. *Бесова Гора* [Прим], поляна *Бесова Полянка* [Выг], ур. *Бесово* [Хар], тоня *Бесяна* [Кир] и др. Данные топонимы могут обозначать различные типы объектов — покосы, деревни (только неофициальные наименования), части деревень, мысы, леса, болота, ручьи, горы, тони, однако общим является восприятие соответствующих географических реалий как опасных, «нечистых» или неудобных для освоения; известна, к примеру, практика номинирования с помощью *бесовых* топонимов мысов, создающих неудобства для плавания судов, ср. три мыса с названием *Бесов Нос* в нашем материале [Выг, Он, Плес]. Специфику *бесовых* мест проясняют мотивационные контексты: д. *Бесиха* — «водило в наших местах, вот и Бесиха»; «всё угоры там, бес наставил»; «там какая-то чужь погибла, место такое неприятное» [В-Уст, Палема, Власовская], лес *Бесово* — «это Бесово — можно уйти и не вернуться обратно, хотя оно очень маленькое» [Влгд, Костромино], р. *Бесиха* — «место страшное, в лесу» [У-Куб, Тавлаш], пок. *Бесидица* — «все люди боялись ходить, манилось там, бесы там, говорили» [Вил, Никольск], пок. *Бесов Мыс* — «трава неважная росла, трудно косить, мужики ругались» [Карг, Быковская].

Характеристика *бесовых* объектов как гиблых мест, где *манит* и *водит*, типична для представлений о «нечистом» локусе. Показательно также указание на «творение» бесом различных форм рельефа — как отрицательного, так и положительного (ям и угоров). Интересно и упоминание о связи *бесовых* объектов с чудью, которая погибла, оставив после себя неровности рельефа. Все эти особенности *бесовых* мест присущи *чертовым* и, отчасти, *лешевым* местам (см. статьи *ЛЕШИЙ, ЧЕРТ*). *Бесовы* топонимы могут также быть обозначениями локусов, связанных с языческими культовыми объектами. К сожалению, современный полевой материал не фиксирует эту связь, однако, судя по данным Географическо-статистического словаря Российской империи П. Семенова, о-в *Бесов Нос* в Вытегорском районе Вологодской области получил свое название оттого, что в глубокой древности он был святым местом для «соседних идолопоклонников» [Семенов, I, 380].

Экспрессивность, свойственная *бесовым* названиям, может привести к нейтрализации в их семантике идеи сверхъестественного, в результате чего *бесовы* топонимы используются для выражения оценки неудовлетворительных

«потребительских» качеств географических объектов. Вот этот перевод идеи сверхъестественного в плоскость оценки хозяйственной значимости объекта можно считать концептуальным для бытовой версии картины мира, которую эксплицирует русская топонимия.

К сожалению, имеющийся материал не даёт возможности реконструировать черты облика и атрибуты беса, так как в нем отсутствуют образные топонимы — за исключением названия ягодного места *Бесовы Гумна* (*Бесово Гумно*) [Кон]. Здесь выражается антитеза **природное** ↔ **культурное**: на обычном гумне обмолачивается урожай зерновых, на бесовом гумне можно собрать урожай никем не посеянных и не выращенных ягод. Устойчивость этой идеи проявляется в факте существования топонима *Чертово Гумнище* (см. статью *ЧЕРТ*).

Таким образом, в семантике *бесовых* топонимов выделяются следующие основные смысловые доминанты: «нечистый», опасный; природный, нерукотворный; связанный с языческими культовыми объектами; трудный для освоения или бедный в хозяйственном отношении.

БОГ. В нашем материале фиксируется 29 божьих названий, объектная соотнесенность которых разнообразна и не обнаруживает закономерностей, — кроме той, что во всех случаях перед нами микротопонимы (еще, пожалуй, показательное отсутствие или небольшое количество разных типов водных объектов: ручьев нет, озеро — 1, болот — 2). Семантика этих наименований тоже весьма пестра.

Во-первых, обнаруживается группа топонимов, обозначающих культовые места, причем культы эти являются преимущественно языческими по происхождению. Ср. мотивировку названия поля *К Богу в Ступочку*: «в конце поля порядочный камень, а в нем — как ножка ступлена, так даже люди носили кой-чего и клали» [Ваш, Лукьяново]. Можно предположить, что перед нами реликт фетишистской традиции, характерной для финно-угров: известно, что эстонцы, саамы и др. выбирали себе в качестве жертвенных камни с углублениями [Минкин 1991, 106; Эстонский фольклор 1980, 277]. Есть свидетельства о почитании камней-следовиков у славян: например, в Бологовском районе Тверской области имеется камень с «божьим следом», вода из которого считалась целебной [Маланин 1996, 154]. Сакральная отмеченность камней-следовиков проявляется в том, что они могут получать названия, образованные не только от апеллятива *бог*, но и от апеллятивов *святой*, *чёрт* (см. соответствующие статьи). Фетишистские мотивы (отголоски культа деревьев), скорее всего, отражены в названии пок. *Богова Сосна* [Галич]; ср.

также упоминание Н.М. Терехина о *Божьей Сосне* на Тудозере, которая имела сакральный смысл [Терехин 1993, 70]¹. Связь с языческим культовым объектом, возможно, мотивирует названия пок. *Божково* [Пыщ], пок. *Под Божком* [Вож].

В Холмогорском районе Архангельской области зафиксирован интересный топонимический комплекс с участием *божьего* топонима, который указывает на существование языческого святилища: о-в *Боженко* (параллельное название *Городище*) находится недалеко от бол. *Идолово* и д. *Побоище*, наименование которой информанты объясняют так: «стоял идол у народа. Когда ограбили викинги, то их догнали и было побоище. Так и деревню называли»; «норманны узнали о богатом капище и приехали забрать драгоценности в Ломоносово, а около Побоища был бой. До сих пор кости находят» [Холм, Анашкино, Ивлево]. Возможно, сюда же следует включить и название протекающего неподалеку руч. *Проклятый*. Топонимический текст *Боженко — Городище — Идолово — Побоище* повествует о разгроме языческого святилища (наличие следов которого отражает топоним *Городище*) внешними врагами. Какой бы ни была в данном случае реальная историческая фактура (к сожалению, мы не располагаем сведениями на этот счет — за исключением того, что на территории Холмогорского района Архангельской области обнаружено несколько городищ [Овсянников 1992, 42, 59]), семантика названия *Боженко* однозначно проясняется топонимическим контекстом.

Имеется как минимум еще одно свидетельство связи *божьих* топонимов с языческими культовыми местами: по мнению А.К. Матвеева, название ур. *Боги* можно соотнести с культовой деятельностью мерянских племен (данный объект находится около д. Будрино в Устьянском районе Архангельской области — в зоне, где обширный пласт топонимов и топонимических преданий указывает на пребывание мери) [Матвеев 1996, 16]. В исторических мерянских землях — на территории Некрасовского района Ярославской области — находится *Богова Гора*, имеющая параллельное название *Молёбное*. Однако в данном случае определить характер культовой деятельности (языческой или христианской) достаточно сложно.

Следует предполагать, что топонимы, образованные от апеллятива *Бог*, могут быть обозначениями мест, где находятся иконы (на Русском Севере известна практика помещения икон на ветви деревьев, обетные кресты, дно

¹ Культ деревьев сохранился у восточных славян до XX в., причем территория Русского Севера является зоной, где реликты соответствующего культа встречаются наиболее часто [Денисова 1995; Зеленин 1933; Максимов 1994б, 228-239 и др.].

ручьев и т.п., что говорит о сложном переплетении рефлексов языческой и христианской культовой деятельности), ср. в нарицательной лексике бог 'всякая икона' [ЛК ТЭ; СРНГ, 3, 41]. Данное предположение подтверждается существованием коррелятивной пары названий покосов *Божениха* и *Икониха* — «Божениха и Икониха рядом, канавой разделсны» [Сок, Оларево].

Кроме того, *божьи* топонимы иногда указывают на связь соответствующего локуса с церковью, ср. название пок. *Боговый Лужок*, который находится у д. *Поповская* (наименование последней характерно для номинации тех деревень, где есть церкви) [Кир], а также пок. *Убожье* у д. *Матвеевская* (известно, что в деревне имеется церковь) [В-Важ].

Типичная для Русского Севера близость церкви и кладбища, а также наличие в структуре народного ментального образа Бога мотива смерти (ср.: идиомы *отдать Богу душу*, *Бог прибрал* и т.п.; *божье поле* 'кладбище' [ПЮС, 2, 79], *боженивка*, *божья нива* 'кладбище' [Даль, II, 115]), обуславливают возможность маркировки с помощью образа Бога кладбищ или объектов, смежных с ними: ср. мотивировку топонима *Божий Городок*, являющегося неофициальным названием д. *Погост*: «все смеялись: вот, мол, все живем в Божьем Городке, на Погосте» [Холм, Погост]. Возможно, пок. *Божья Нива*, находящийся у д. *Воскресенская* [Череп], получил свое название от того, что здесь располагалось или до сих пор располагается кладбище: на это указывает «церковное» название деревни (кладбища нередко входили в церковный ансамбль), а также приведенная выше идиома *божья нива*. Образ *божьей нивы* указывает на единственный вид «сельскохозяйственных» работ, выполняемых Богом на земле: сбор урожая смерти.

Итак, *божьи* названия используются для обозначения связи локуса с культовыми объектами самого разного плана — камнями, деревьями, являющимися фетишистскими святынями, идолами, языческими святилищами, иконами, церквями и кладбищами.

Во-вторых, *божьи* топонимы могут обозначать объекты, посвященные Богу. При использовании таких объектов требуется обращение к Богу — или же эксплуатация их запрещается вообще. Первая ситуация отражена в наименовании тони *Богословская* — «первая тоня в озере, всегда ее кидали, если не бросить — удачи не будет» [Он, Мудьюга]. Данный топоним, по-видимому, отражает обычай обращаться с молитвой к Богу перед началом рыбной ловли (ср.: *боговы слова* 'молитва' [СРНГ, 3, 63], *богословный* 'богомольный, верующий' [ЛК ТЭ]). Известно, что рыболовный промысел — пожалуй, как ни один другой — сопровождался разного рода обрядами, направленными на обеспечение богатого улова; особой сакральной отмеченно-

стью отличалось начало рыболовного сезона, когда рыбаки обращались с молитвой к Богу, апостолу Петру, Гавриилу Ключнику и т.д., а также совершали иные обрядовые действия, — подобные обычаи отмечены и в финно-угорской традиции [см.: Зеленин 1991, 107–108; Логинов 1993, 40–43; Винокурова 1994, 66 и др.]. Очевидно, практика обращения с молитвой к Богу отражена в наименовании тони, запечатлевающим особый статус объекта в ряду ему подобных. Данное название, в принципе, созвучно весьма обширному ряду *богомольных*, *молебных*, *поклонных* топонимов, однако последние, как правило, используются для номинирования смежных с церковью, часовней, обетным крестом элементов ландшафта — при этом не ощущается выделенности *богомольного* объекта в ряду других (как это имеет место с тоней *Богословская*: «если ее не бросить — удачи не будет»). Нельзя исключить, конечно же, что такая выделенность существовала, однако мы не имеем свидетельств на этот счет.

В нашем материале имеется также топоним, в котором, вероятно, отражается рефлекс заповедного места. На поверхности, на уровне современного функционирования название леса *Богова Дача*² обозначает никому не принадлежащий, «ничейный» участок, ср. мотивировки: «ничейный лес, Бог им ведал», «остался участок леса — не принадлежит никому — значит, Богу» [Галич, Щедрино, Сидорова]. Такая семантика могла возникнуть на стыке двух смысловых линий в структуре представления о Боге. С одной стороны, здесь просматривается глубинная связь с идеей заповедного³, ср. феномен *божелесья*: «В XVIII в. широко распространяется узаконенный Петром обычай «заповедных/ заказных» лесов: освященный молебном и окропленный святой водой лес становился «обреченным Богу», назывался *Божелесье*, в знак чего на одном из деревьев засекался крест; запрет на вырубку в заповедном лесу действовал продолжительное время, а нарушение расценивалось как грех» [Бернштам 1992, 190]. С другой стороны, определенный фрагмент народного ментального образа Бога основан на оппозиции *свой* — *чужой*: с Богом связываются явления, относящиеся к чужому = внешнему, природному пространству, не освоенному человеком [Родионова 1998а]. Данный вывод сделан И.В. Родионовой на основе анализа ряда мотивов, манифестирующих указанную оппозицию, — мотива метеорологических явлений, мотива дикой

² *Дача* 'лесной надел на одного хозяина, предназначенный для вырубки' [ЛК ТЭ].

³ С типологической точки зрения показательна зафиксированная у саамов практика называния «снятыми» (*Сейдяяр*) заповедных озер, которые выделялись с древних времен для сохранения рыбных богатств [Минкин 1991, 106].

природы, мотива некровного родственника, мотива неизвестности и др. [там же]; при этом в рамках действующей в пределах мотива дикой природы смысловой доминанты **божий = дикий, природный, не выращенный человеком** может акцентироваться семантика **принадлежности всем** \Rightarrow **ничейности**, ср. *божья пазуха* 'природные богатства, находящиеся в общем пользовании' [СРНГ, 3, 63]. Таким образом, мы имеем характерный для народных представлений о Боге переход сакрального в профанное: идея заповедного, посвященного Богу места оборачивается идеей ничейного, никому не принадлежащего. Отметим, что появление этой «профанной» идеи характерно для прагматически ориентированной топонимической версии картины мира и могло быть изначальной мотивировкой топонима. Идея «ничейности» могла мотивировать записанные в Кировской области названия леса *Богодан* [Халт] и болотных лугов *Богоданы* [Халт]: эти топонимы можно интерпретировать как метафорическую реализацию того же мотива, который просматривается в различных обозначениях некровных, «незаконных» связей между людьми (ср.: *богоданный* 'приемный, нареченный' [СРНГ, 3, 49], *богданенок*, *богданыч* 'ребенок, родившийся вне брака' [СРНГ, 3, 47], *богданиха* 'мать внебрачного ребенка' [ПОС, 2, 67], *богоданная* 'любовница, наложница (в отличие от законной жены, которая называется суженая)' [СРНГ, 3, 49] и др.⁴). В этом случае *богоданный лес* — ничейный, данный Богом (подобно тому, как появляется внебрачный ребенок). Если наша реконструкция верна, то мотив ничейности для *божьих* топонимов обратим: «не принадлежащий никому» \Rightarrow «принадлежащий Богу»; «данный Богом» \Rightarrow «не принадлежащий никому».

В-третьих, обнаруживаются *божьи* названия, в которых — правда, в снятом виде — просматриваются рефлексы представлений о Боге, подающих его персонифицированно, как субъекта, имеющего определенную среду обитания и выполняющего некоторые функции. В то же время персонификация существует на самой зачаточной стадии — и в целом образ Бога не сравнится с образом черта по конкретности и разработанности деталей.

Топонимическая номинация косвенно свидетельствует о восприятии Бога как небожителя и громовержца. Первая ипостась образа проявляется в том, что *божьи* топонимы могут обозначать возвышенные места⁵, ср. название г. *Богова Гривка* — «на ровном месте горка высокая» [Уст, Строевское]; подобный смысл вложен в название г. *Христовая Печка* (см. *ХРИСТОС*); то

⁴ Этот мотив подробно описан в [Родионова 1998б].

⁵ Ср. также оронимы *Божья Гора* в Омской области [Тевр], на Алтае [Семенов, 1, 290] и название холма *Божья Горка* в топонимии Белоруссии [Агеева 1993, 15].

же можно предполагать для названий г. *Богова* [Кир], ур. *Богова Грива* [К-Г]. *Божьим горам* созвучны названия типа г. *Тот Свет* [Вель], г. *Поднебесная* [Ваш]. Вторая ипостась реализуется в топонимах, образованных от апеллатива *боголом* (ср.: *боголом*, *боголомник* 'бурелом' [ЛК ТЭ; АОС, 2, 44] и обозначающих труднопроходимые урочища, заваленные буреломом: лес *Боголомина* — «лес выломан бурей» [Вель, Благовещенское], ур. *Боголомина* [К-Б, Уст], пок. *Боголоминские Полянки* [Вель]. Топонимы такого рода актуализируют представления о «божественном происхождении» бури и бурелома, однако надо помнить и о другой стороне медали: лексема *боголом* по своей структуре, семантике, экспрессивным коннотациям тождественна лексеме *чертолом* 'то же' [ЛК ТЭ]. В данном случае можно говорить о нейтрализации центральной оппозиции народной религии на базе экспрессивных коннотаций; примеры такого рода нейтрализации описывались в литературе — ср. наиболее полную подборку и анализ подобных фактов в работе И.В. Родионовой [Родионова 1998в]. «Девиз» выравнивания смыслового наполнения *божьих* и *чертовых* лексем определен архангельской пословицей «Бог да чертяк (лшак) — близнецы-братья, одному то положено, другому это» [ТЭ]; корни такого выравнивания связаны с заложенной в семантической структуре имени *Бог* и идущей от его архаического смысла способности к энантиосемии [Родионова 1998в], а также с трансформацией восприятия этого имени после принятия христианства [СД, I, 214–215].

Существует еще один топонимический факт, свидетельствующий о сходстве *божьих* и *чертовых* мест, ср. название ур. *Богов Дворец* — «по этой поляночке только на лошади проехать можно, там княжанка, смородина, черемуха растет — через кусты прорваться очень трудно» [Кир, Коротецкая]. Такое свойство, как труднопроходимость, присуще *чертовым* объектам; определенное сходство с механизмом формирования образа черта обнаруживается в попытке носителя традиционной картины мира найти «местожительство» персонажа народной религии — однако если жилище черта сходно с жилищем человека (ср. наличие в топонимии *чертового дома*, *бани*, *гумна* и т.п. — см. статью *ЧЕРТ*), то Бог, конечно, поселяется во дворце (хотя эта номинация — с учетом свойств реалии — носит, скорее всего, шуточный характер). В то же время с названием *Богов Дворец* может быть связана и мелиоративная оценка свойств объекта: 'место, дающее хороший урожай ягод'; скорее всего, данное название можно рассматривать как комплексно мотивированное, сочетающее негативные и позитивные коннотации.

В то же время оппозиция *Бог* — *черт*, помимо нейтрализации, способна функционировать как актуальная, ср. коррелятивную пару пок. *Богов Угол* —

бол. *Чёртов Угол* [Устюж] (конкретное смысловое наполнение в данном случае неизвестно, однако просматривается противопоставленность локусов).

В-четвертых, *божьи* топонимы могут иметь сузубо оценочный смысл, выражая положительную оценку прагматических и эстетических свойств объекта, ср. в нарицательной лексике — *божовый* 'хороший, благоприятный', 'употребляется в ласкательном значении в отношении к людям, животным и вещам' [СРНГ, 3, 47] и др. С этой точки зрения *божьими* могут быть названы объекты, имеющие высокую хозяйственную ценность, ср.: пок. *Божовый Лужок* ← «там травы высокие, едучие, ровный он, хорошо косить» [В-Уст, Родионовица]. Очевидно, высокие потребительские качества мотивировали наименование рыболовного урочища *Божий Промысел* в Бакинской губернии: «в отношении улова рыбы, по мнению ак. Бэра, Божий Промысел есть первый в целом мире» [Семенов, I, 290] (любопытно отразившееся в данном названии наложение «дезидеративной» семантики идиомы *божий промысел* и «хозяйственного» значения слова *промысел*). Ср. также наименование богатых рыбой озер *Божьи Озера* в Енисейской губернии [там же]. Показательно, что положительную оценку хозяйственно значимых свойств объекта могут выражать также *святые* топонимы (см. статью *СВЯТОЙ*). Мелиоративная оценка эстетических свойств объекта, вероятно, заложена в названиях поляны *Боголепова* [Карг]), оз. *Боголепово* [Он], ср. *боголепый* 'приличный, достойный божественности, одаренный божественною красотой' [Даль, I, 104]. На оценочность *божьих* названий указывает их словообразовательное оформление: ур. *Боженкина Нива* [Бел], ур. *Божовый Лужок* [Кир], поле *Божье Польцо* [Вож].

БУКА. Название ур. *Букин Угол* — «заводило там, блудились, там видели фонарики — красные огоньки» [Некр, Федяево], возможно, образовано от апеллятива *бука* 'наименование демона, не имеющего определенного облика; в разных местах соответствует лешему, домовому, овиинику и прочим духам' [РДС, 60; АОС, 2, 169; АК ТЭ]. Судя по всему, в данном случае *бука* выполняет функции лешего. Отметим также сочетаемость атрибутива *букин* со словом *угол*, что характерно для *чертовых* топонимов (см. статью *ЧЕРТ*). Что касается других названий, «претендующих» на связь с *букой* (ср.: пок. *Буки* [Карг], овраг *Букин Лог* [Гарн], о-в на бол. *Букин Остров* [Вож], бол. *Букино* [Солигалич], быстрое место в реке *Буки* [Чаг], руч. *Букины Ручья* [Карг]), то интерпретировать их весьма сложно, поскольку они могут представлять собой как антропонимические образования, так и топонимы на базе омонимов *буки* (ср., к примеру, *бука* 'змея' [ЛК

ТЭ]). В то же время характер самих географических реалий, которые означаются *буквинными* топонимами (овраг, остров на болоте, болото, быстрое место в реке) не позволяет полностью отрицать связь с *буквой* 'нечистой силой'.

ДЬЯВОЛ. Образ дьявола непопулярен в топонимии Русского Севера, где ведущие позиции занимают персонажи низшей демонологии. В нашем материале фиксируется только один *дьявольский* топоним — пок. *Дьяволово*, имеющий показательную мотивировку: «место все изрыто, в ямах» [В-Т, Сефтра]. Интересно, что здесь дьяволу приписываются действия (*рыгье ям*), характерные для персонажа языческой мифологии — черта (ср. многочисленные *черторои*) — и это лишний раз свидетельствует о наложении и взаимодействии языческих и христианских представлений.

КИКИМОРА. В нашем материале отмечено только два названия, образованных от апеллятива *кикимора*. Оба обозначают водные объекты (р. *Кикиморка* [Мантур], бол. *Кикиморовское* [Галич]). Как известно, *кикимора*, чаще всего поселяемая народным сознанием в доме, надворных постройках и т.п. [СМ, 222], иногда может отождествляться с другими женскими демонологическими персонажами, обитающими «на природе», — *лешачихой*, *лесовой русалкой*, *водяной хозяйкой* и др. [Власова, 176; РДС, 214–215] (ср. реализацию такого представления о локализации *кикиморы* в просторечном бранном выражении *кикимора болотня*), что проявляется в топонимическом материале.

ЛЕШИЙ (ЛЕШАК, ЛЕШАЧИХА). Выделение топонимов, восходящих к апеллятиву *леший* 'нечистая сила', представляет значительные трудности, поскольку названия-«претенденты» могут быть связаны с апеллятивом *леший* 'лесной, расположенный в лесу' [СРНГ, 17, 32; ЛК ТЭ], ср. вариантность названий руч. *Леший* // *Лесной* [Кад]. Разведение *лешевых* и собственно *лесных* топонимов затруднительно не только по формальным, но и по содержательным причинам, обусловленным глубоким синкретизмом понятий о лесе и лешем, ср. лексему *лешак* 'леший', 'участок старого, глухого леса' [СРНГ, 17, 30], а также свидетельства фольклористов и этнографов о том, что в народных представлениях «нередко леший персонифицирует и стихии, и лес» [Власова, 205]. Отсюда невозможность однозначной интерпретации названий типа руч. *Лешев* — «он глухой такой ручей, в лесу» [Уст, Карповская]. В силу этих причин мы будем рассматривать только более или менее ясные факты.

Во-первых, *лешевы* топонимы, так же, как *чертовы* или *бесовы*, обозначают трудные для освоения объекты: болота (бол. *Лешаковое* [Сямж], пок. *Лешевы Болота* [Гарн], ур. *Лешья Зыбка* [Пин], бол. *Лешевево* [Кир]), удаленные ручьи (руч. *Лешаков* [Уст]), камнные завалы (ур. *Лешева Ноша* [Кир])⁶, различные формы рельефа (ур. *Лешие Горы (Лешьи)* — «мужики золото копали, ямы нарыты до сих нор» [Ваш, Аншевская], г. *Лешева Гора* [Сус, У-Куб], г. *Лешаков Угор* [Уст]). Предполагалось, что объекты такого плана созданы лешим, который нередко роет ямы (ссылка на *мужиков*, которые искали золото, является модернизацией исходного мотива), рассыпает при переносе камни и т.п.

Во-вторых, *лешевы* места являются опасными, нечистыми: пок. *Лешёво (Леший)* — «там еловый лес, леший водил», «водит там леший» [Прим, Онишево, Красное]; пок. *Лешие* — «Лешие называется пожня, потому что зимой леший водит» [Прим, Рихасово]; тропа *Лешева Тропка* — «была девушка Машка, плела кружева. Показалось ей, что бабушка ее покойная ее позвала. Она пошла. Нашли ее в лесу, на Лешеву Тропку попала» [У-Куб, Никола-Корень]; г. *Лешего Могила* — «говорят, что леший там похоронен, боялись люди» [Бел, Никиткино]. Мотив могилы лешего может быть объяснен в связи с представлениями о том, что леший является заложным покойником или же покровительствует им, и с восприятием леса как места пребывания умерших неестественной смертью [СМ, 244; Власова, 213; РДС, 306]. Устойчивость этого мотива подтверждается существованием топонимов *Чёртова Могила*, *Чёртово Домовище* (см. статью *ЧЕРТ*). Опасность *лешевых* мест связана, в первую очередь, с тем, что леший сбивает с пути, «водит», ср. встречающиеся в быличках Русского Севера упоминания о *лешевых тропках*, *лешевых переходах* (не являющихся собственно топонимами) [МРС, 48]. Любопытна коррелятивная пара на базе апеллятивов *лешак* и *чудной*: яма *Лешакова Яма* — «в этой яме нечистый дух живет. Однажды оттуда вышли коровы, одну взяли, с иконой пошла. Она шибко много молока

⁶ Интересна легенда, связанная с этим названием: «леший ладил завалить камнями Свидское устье, да ямки его пестеря оборвались, камни высыпались. Вот там камни и лежат грудой» [Кир, Рыбацкая]. Параллели ей можно найти и в финно-угорском, и в славянском фольклоре. Ср. объяснение возникновения курганов, рифов, холмов и т.п. в финских мифологических рассказах: великан (сын Калевалы, тролль, хийси, черт и т.п.) носит песок, камни в мешке, фартуке — песок высыпается из мешка, фартук рвется — возникает мель, холм, пригорок [Симонсуури 1991, 163–164]; в славянских мифологических представлениях горы — камни, вывалившиеся у Бога из прорвавшегося мешка (черногор.) или посеянные чертом (укр.) [СД, I, 520].

потом давала» [Вил, Сисоевская], рядом расположен руч. Чудное — «два мужика на покосе в местах тех в избушке угорели, чуднали после угора долго. Вот почему места Чудновскими назвали, а речку — Чудное»; «лешаки там живут, свист на весь лес»; «нечистое место, чудится там, лешак-от водит» [Вил, Кочнева Гора, Сисоевская, Цербинская]. Мотив коров нечистого духа (черта, водяного) разрабатывается также в топонимических преданиях, связанных со святыми топонимами (см. статью *СВЯТОЙ*), что является свидетельством амбивалентности народной религии.

В связи с небольшим количеством материала трудно говорить о специфике отражения в топонимии деталей облика или атрибутов лешего, однако имеющиеся в нашем распоряжении образные названия (пок. *Лешаков Алтын* [Чухл], ур. *Лешья Зыбка*, ур. *Лешева Ноша*) свидетельствует о тенденции бытового восприятия лешего, созвучной особенностям формирования образа черта.

Помимо представления о лешем, в топонимии Русского Севера отражаются также представления о *лешачихе*, которая обычно считается супругой лешего, а иногда — «отдельным» мифологическим существом, например, русалкой [РДС, 294–296; Власова, 202–203]: ур., пок. *Лешачиха* [Лен, Нюкс, Уст], поле *Лешачихи* [Бабуш]. Однако *-их-* в данном случае может быть тоponимобразующим суффиксом, что мешает однозначно интерпретировать данные названия в связи с образом *лешачихи*.

Итак, *лешевы* топонимы характеризуют трудноосваиваемые и опасные, нечистые, «чудные» места, эксплицируя связь лешего с мотивом смерти, его занятия «землеустроительской» деятельностью, а также специфику восприятия этого персонажа в бытовой плоскости.

ОБОРОТЕНЬ (ОБМЕН). Возможно, с образом оборотня связано название пок. *Оборотницкая Поскотина (Омменова)* [Котл]. Это подтверждает параллелизм *оборотень // обмен (оммен)*. Ср.: «обмени и обменки в поверьях Русского Севера сходны с оборотнями. Обмени — существа, обращенные ведьмами или колдунами в людей, а также ведьмы и колдуны, превратившиеся в животных, кусты, камни. Обменки — те люди, которые превращены ведьмами или колдунами в русалок» [Власова, 261; ср. также СРНГ, 22, 124–125; Зеленин 1991, 324].

ПОГАНЬИЙ. Представляется возможным включить эту лексему в перечень символов и идей народной религии, поскольку, несмотря на многозначность, данная лексема и ее производные устойчиво связывались с понятием 'языческий' в истории русского языка (*поган, поганец, поганин, поганя-*

нин 'язычник; иноверец; неправославный', *поганство* 'язычество, нехристианство', *поганый* 'языческий, варварский, нехристианский' и др. [СЛРЯ XI–XVII вв., XV, 180–182]), что отчасти сохраняется в современных говорах (*поганьш* 'нехристианин, иноверец; язычник' [СРНГ, 27, 289]; ср. также *поганый* 'нечистый, дьявол' [СРНГ, 27, 288]). Однако наличие широкого спектра значений⁷ не позволяет делать выводы о закономерностях распространения *поганных* топонимов, связанных с «религиозной» семантикой, и распределения их по типам объектов.

В силу этих причин приходится работать только с отдельными *поганными* названиями — теми, для которых зафиксированы семантические микросистемы, мотивировки, указывающие на интересующие нас смыслы, и т.п.

Во-первых, есть указания на то, что *поганные* топонимы могут быть мотивированы представлениями о нечистой силе. Ср.: ур. *Поганый Куст* — «водило там раньше, мужики с бабами с косами казались», «водило там, видели, как огонь катится», «покойников обмывали, дак судна туда таскали» [Влгд, Белое, Карцево]. Кстати, упоминание о посуде, которую использовали для обмывания покойников, дает характерный для данной лексемы переход *поганого* в *скверное, нечистое* (причем нередко имеющее «материальную», предметную репрезентацию), ср. также название леса *Поганька* — «коров и лошадей хоронят, там черепа находят, поганое место» [Влгд, Ишачево]. Семантика *скверного, нечистого* проявляется в том, что *поганные* топонимы могут становиться обозначениями мест, где произошло убийство или самоубийство: г. *Поганая Гора* — «там убили какого-то мужика, так он на это место являлся, пугает там. Вот и назвали Поганая Гора» [У-Куб, Бовыкино], овраг *Поганый Лог* — «там человека убили, страшное место» [Вил, Докукинская], бол. *Поганое* — «там давно какая-то баба удавилась» [Кир, Ольховица]; ср. также название оз. *Поганое*⁸ во Владимирской губернии, где, по преданию, утоплена Улита, супруга Андрея Боголюбского и сестра убийц его Кучковичей [Семенов, IV, 134]. Как известно, объекты такого рода («убиенные места») считались нечистыми: по поверьям, здесь бывают привидения, здесь путника может погубить черт в виде удавленника и т.п. [Зеленин 1995, 49]. Устойчивость связи *поганого* с темой захоронений подтверждается зафиксиро-

⁷ В нашем материале имеются *поганные* топонимы, не связанные с реализацией «религиозного» значения, но обозначающие объекты, непригодные для хозяйственного использования.

⁸ Это название также мотивируется легендой о том, что на берегу озера стояло село, которое провалилось [Семенов, IV, 134]. Данная мотивировка дает другой вариант реализации идеи нечистого.

рованым на территории Кировской области топонимом *Поганый Лог* — «называется так, потому что раньше тут было кладбище» [Халт, Елиховщина].

Связь с представлениями о нечистой силе обнаруживается и в мотивировке названия *Поганая Горка*: «когда церкву ставили, черти испугались и все на эту Поганую горку полезли» [Котл, Реваж] (здесь мы встречаемся с явлением перемещения нечистой силы при освящении того или иного объекта, которое более подробно описывается в статьях *СВЯТОЙ, ЧЕРТ*).

Кроме того, соотносительность иди поганого с образом черта проявляется в факте корреляции поганых и чертовых топонимов, ср. пок. *Чёртово* — пок. *Поганая Лужа* [Гари], ур. *Поганец* — р. *Чертовца* [У-Куб], г. *Поганец* — бол. *Чертова Лужа* [Кир]. Однако и чертовы, и поганые названия в составе данных пар не обязательно должны квалифицироваться как обозначения мест отправления культов; вполне вероятно наличие у этих топонимов экспрессивной семантики.

Во-вторых, поганые топонимы могут быть связаны с объектами, имеющими отношение к языческой культовой деятельности⁹. На топонимическом уровне это проявляется в существовании коррелятивных пар на базе тополема поганый и городище (*городище* и т.п.). Наиболее яркий пример такого рода — наименование р. *Поганца* (бассейн притока Пинеги — р. Сура), которая протекает у д. *Городецк* [В-Т, Пин]. Рядом с этой деревней расположено ур. *Чупрово*, где обнаружены «идолы» — древесные стволы с «личинами», указывающие на существование в этом месте святилища, созданного одним из финно-угорских племен [Бернштам 1992]. Очевидно, гидроним *Поганца* появился здесь не случайно, подчеркивая языческую отмеченность локуса. Вообще, по данным ТЭ, территорию бассейна р. Сура и проживающее там население пинежане и верхнетоемцы до сих пор называют поганая Сура (эта характеристика зафиксирована и во многих исторических источниках; о ее смысле см. также [Матвеев 1998]). Отмечены и другие случаи соотносительности поганых названий и топонимов с основой *город-*: овраг *Поганый Лог* расположен недалеко от г. *Городище* [Вил]; руч. *Поганец* (на берегу которого лес *Поганский Бор*) впадает в р. *Городишна*, которая, по преданию, получила название по находящейся на ее берегу г. *Город*, ср.: «гора была нанесена местными жителями. Носили ведрами, корзинами, лошадьми возили, она получилась круглая, как яйцо, и ровная. Под горой текла река Ишна, а гора Город — вот и получилось Городишна» [Нюкс, Мыгра].

⁹ Ср. наименование моравского городища, где находился языческий жертвенник, — *Поганское* [Рыбаков 1988, 140-141].

Было бы заманчиво предполагать, что рефлексы «культовой» семантики *поганого* отражаются в названии ур. *Поганый Поп (У Поганого Попа)* [Леш]. Мотивационные контексты дают естественную для сознания современного человека «бытовую» трактовку этого топонима: «там поп с девкой опоганился», «сказывали, поп с девкой опоганился», «там, видать, поп косил, а место поганое было, грязное» [Леш, Родома, Вожгора]. Однако настораживает субстантивность топонима (посессивное значение, скорее, выражалось бы притяжательной формой *Попово*), а также наличие предложно-падежной конструкции, подразумевающей связь локуса с каким-либо конкретным «точечным» ориентиром (ср. *У Столба, У Березы* и т.п.). По словам информанта, посредине этого урочища стоит большая одинокая ель. Возможно, именно этот объект называется *Попом*, ср. название пок. *Поп* в Тугулымском районе Свердловской области: «Там дерево большое стоит, как поп» [Туг, Ицелконогова], а также наименование г. *Поп* в Усть-Кубенском районе Вологодской области — «торчит холм такой, как поп, остальное-то место ровное, а этот как поп на молебстве» [У-Куб, Табыково]. Метафоры такого плана, в основе которых, очевидно, представление о типичной позе попа во время службы, устойчиво фиксируются в нарицательной лексике, ср.: *поп* 'в игре городки, рюхи, чушки: выбитая из кона чушка, ставшая опять торчком или *на попа*, что говорят и о бочке или тюке; стойком, торцом, торчмя; в игре в козны, бабки, при конании, то же, стоячее положение бабки' [Даль, III, 308]. Рискнем высказать предположение, что одиноко стоящая ель, названная *Попом*, могла быть языческим культовым объектом, что выражается определением *поганый*. Вероятно, исходное смысловое наполнение лексемы *поп* внесло какой-то вклад в формирование семантики топонима (если фантазировать, можно представить, что *поп* воспринимается в данном случае как синоним *болвана* или *идола*); по крайней мере, такое смещение христианской и языческой символики вполне типично для изучаемой территории.

Какое бы смысловое наполнение ни предполагалось для топонима *Поганый Поп*, имеющихся фактов достаточно, чтобы уверенно говорить о связи тополексем *поганый* с языческими культовыми объектами.

Описываемая семантика *поганных* топонимов поддерживается существованием микросистем, составленных *святыми* и *погаными* названиями, ср.: оз. *Поганое* расположено недалеко от оз. *Святое* [Холм]; руч. *Поганый Ручей* впадает в р. Суда около о-ва *Святой* [Баб]; бол. *Поганое* находится рядом с оз. *Святое* [Жир]; оз. *Поганница* соседствует с оз. *Святое* [В-Г]; руч. *Святой* впадает в р. Сямжа недалеко от руч. *Поганец* [Сямж]. Уже упоминавшаяся в данной статье пара нюксенских топонимов руч. *Поганец* —

р. *Городишна* может быть расширена за счет включения в этот ряд названий расположенных рядом с реч. *Поганец* притоков р. *Городишна* — реч. *Чертолом* и р. *Святица*: образ черта усиливает звучание *поганого* топонима, а вот *святое* название, возможно, маркирует факт освящения «нечистого» локуса.

РУСАЛКА. На Русском Севере данный персонаж не пользуется большой популярностью, поэтому в нашем материале имеется только один русалочий топоним — поле *Русалка*, расположенное на берегу р. Порозовица [Кир]. Локализация объекта соответствует представлениям о «земноводном» местожительстве этих персонажей низшей демонологии [СМ, 337–339].

САТАНА. В нашем материале фиксируется 5 топонимов, образованных от апеллятива *сатана*: перекат *Сатана* [В-Г], плесо *Сатанино* [Холм], д. *Сатаниха* [Хар], каменная отмель *Сатанцы* [Прим], ур. *Сатаны* [К-Г]. 3 топонима из 5 обозначают водные объекты (перекат, плесо, каменная отмель), причем в двух случаях объекты характеризуются скоплением камней, ср. мотивировку топонима *Сатана*: «быстро камень» [В-Г, Монастырь]. Каменные завалы в мифологии как славян, так и финно-угров, населявших Русский Север, связываются с действиями представителей «низшей демонологии» (см. статьи *ЛЕШИЙ*, *ЧЕРТ*).

Объясняя название беломорской отмели *Сатанцы* (*Сатанские Корги*), С.В. Попов указывает на близость Соловецкого монастыря [Попов 1990, 75]. Однако думается, что соседство с монастырем могло определить сферу образного отождествления, а выбор самого образа обусловлен свойствами объекта: так, «Лоция Белого моря» предупреждает моряков о том, что к отмели *Сатанцы* нельзя подходить ближе, чем на 1,7 мили [ЛБМ, 223–224]; это предупреждение свидетельствует об опасности данного объекта. Таким образом, сатана выступает как функциональный субститут черта, лешего, обозначая трудные для освоения и опасные места.

СВЯТОЙ. *Святые* названия являются одними из наиболее частотных обозначений локусов, связанных с религией и верованиями (по распространенности они уступают только *чертовым* топонимам); основа *свят-* квалифицируется как типовая восточнославянская топооснова [Подольская 1983, 152]. На изучаемой территории отмечено 149 *святых* топонимов.

Данные названия распределяются по территории Русского Севера достаточно равномерно: в среднем на район приходится около 3 *святых* названий, но в Вологодской области этот показатель всё же выше (около 4). Выделяются районы, где *святые* топонимы сконцентрированы наиболее плотно

(Влгд — 10, Сок — 9, Пин — 8, Ваш — 7, Котл — 7), и зоны, где эти названия отсутствуют (Вил, Выт) или же представлены минимально (например, Леш, Мез, Он — 1). Причины тому можно объяснить как объективными, так и субъективными факторами. Объективное увеличение количества *святых* названий в Вологодской области (по сравнению с Архангельской) вызвано, скорее всего, ее более ранней христианизацией [Власова 1995] и, соответственно, большим количеством церквей на ее территории (особенно в центральной зоне — в Вологодском, Сокольском районах: именно здесь было в наибольшей степени развито монастырское землевладение и проживало значительное количество монастырских крестьян [Камкин 1992, 55; Колесников 1976, 41]). В связи с этим понятны причины отсутствия *святых* названий, к примеру, в Вытегорском уезде, где, по свидетельству историков, позиции христианской религии были наиболее слабыми [Власова 1995, 88].

К субъективным факторам следует отнести лакуны при записи *святых* топонимов, связанные с особенностями функционирования таких названий и спецификой опроса информантов в условиях работы топонимической экспедиции: как будет показано ниже, *святые* топонимы нередко функционируют параллельно «нейтральным» названиям тех же объектов, употребляясь в специфических условиях, — поэтому они могут быть не полностью выявлены при традиционном «маршрутном» опросе. Интересно, что в ходе полевых сборов 1994–1998 гг. (Влгд, Ваш, Котл, Сок, У-Куб), когда был взят курс на фиксацию названий «особых» мест и информантам более регулярно, чем обычно, задавались соответствующие вопросы, было зафиксировано сравнительно высокое количество *святых* наименований.

Объектная соотношенность этих названий обнаруживает четкие закономерности: 75% от общего числа наименований (116 топонимов) приходится на долю обозначений гидрообъектов, причем половину их составляют озера (58), вдвое меньше фиксируется названий рек и ручьев (27), ключей и родников (25); единичны фиксации наименований болот (3), омутов (3). Что касается обозначений остальных типов объектов, то они распределились следующим образом: луга, поля и урочища — 13, горы — 7, пороги — 4, острова, мысы — 4, деревни — 3, скалы — 2.

Показательно полное отсутствие в этом перечне обозначений лесов (ср., однако, топоним *Святые Сосны* [Нюкс], являющийся наименованием покоса, на котором, вероятно, растут единичные «сакральные» деревья). «Святость» гидрообъектов, связанная с традициями водопочитания и культом водных источников, не раз отмечалась в этнографической, фольклорной и лингвистической литературе [см. МНМ, I, 240; СД, I, 386–390; СМ, 332–334;

Лстова 1988, 108–111; Мачинский 1981; Топоров 1995в, 474–475 и мн. др.]. Если гидрообъекты, как будет показано ниже, могут быть как «исконными» носителями сакральных свойств, так и их реципиентами (т.е. приобретать эти свойства вследствие территориальной смежности с их источником — церковью, крестом и т.п.), то дуга, покосы, горы и деревни выступают преимущественно в роли реципиентов: этим в какой-то мере объясняется малое количество *святых* наименований объектов этих видов. Характеризуя в общем виде специфику объектной соотносительности *святых* названий, следует особо отметить сравнительно низкую долю оронимов в их числе — в то время как гора в народных представлениях славян является сакральным локусом [СД, I, 520–521]. Очевидно, это связано с отсутствием высоких гор на изучаемой территории, а также наличием других маркеров сакральности для оро-объектов (ср., допустим, факт наличия *Божьих гор*). Наши данные коррелируют с наблюдениями В.Н. Топорова над объектной соотносительностью *святых* наименований в балтийской топонимии: «...эпитет *švent-* особенно часто применяется к водным объектам и прежде всего к рекам и озерам...; несравненно реже *švent-* связывается с возвышенными местами (*kaln-*, *garb-*), где, действительно, нередко устраивались святилища. Совсем редко, в виде исключений, *švent-* определяет лес и рощу в целом; зато отдельные ритуально отмеченные деревья могут носить определение *švent-*» [Топоров 1995в, 475].

Что касается смыслового наполнения *святых* топонимов, то большая часть их маркирует **связь географического объекта с различными элементами концептуального поля «отправление культа»**. Соответствующие культы могут носить как языческий, так и христианский характер.

Связь с языческими культами может быть усмотрена в факте сочетаемости *святых* названий с обозначениями объектов фетишистского поклонения — деревьями или камнями, ср.: пок. *Святые Сосны*, ур. *Святой Камень* — «камень огромный лежал, старухи ходили молились» [Ваш, Муньга]; ср. также наименование ур. *Святой Камень* на Урале [Туг]. Амбивалентность представлений о святом обуславливает привязку к святому камню образа Христа, ср. название р. *Со Святым Камнем* — «по преданию, Иисус ступил ножкой на камень в этой реке» [Ваш, Никольская]¹⁰.

¹⁰ Ср. также наименование о-ва *Святой Камень* в Аральском море [Семенов, IV, 525], ур. *Святой Камень* в Омской области [Тевр].

Наиболее проработанной оказывается соотносительность *святых* наименований с разного рода объектами, субъектами и атрибутами, связанными с отправлением христианских культов.

Во-первых, *святыми* могут называться места, расположенные около различных объектов культа. На это указывают парадигматические и синтагматические связи *святых* топонимов. *Святые* названия могут иметь характерные параллельные варианты: г. *Святая Гора* // *Казанская* [М-Реч], оз. *Святое* // *Никольское* [Ваш], руч. *Святой Ключ* // *Часовенский* [В-Уст], оз. *Святое* // *Крестное* [Холм]. Кроме того, в двусоставных топонимах определение *святой* может сочетаться с «культовыми» лексемами, характеризующими, однако, не весь локус, а собственно культовый объект, ср.: ур. *Святой Крест* [Пин], дуг *Святой Хрест* [Шенк], ур. *Святой Образ* [Лен], оз. *Святого Луки* (у д. *Лукинское*) [Чаг].

Связь *святых* названий с культовыми объектами фиксируется и мотивировками соответствующих топонимов: оз. *Святое* — «возле озера была часовня, а на островке в озере был поставлен крест» [Вель, Дмитриево], оз. *Святое* — «церковь стояла на берегу озера» [Кон, Пожарище], оз. *Святое* — «там монастырь был» [Бел, Десятковская], оз. *Святозеро* — «церковь там была» [Ваш, Андреево], ключ *Святой Ключ* — «раньше часовенка была» [Влгд, Владышинево], ур. *Святые* — «там стояла часовенка великомученицы Прасковьи. В крыльце был колодчик, вода не высыхала» [Влгд, Кривое], оз. *Святое* — «на берегу стояла церковь, а в озере святтили воду» [Вож, Лобаниха], г. *Святая Гора* — «там стояла церковь 300 лет» [М-Реч, Святогорье], родник *Святой Колодчик* — «часовня рядом была» [Сок, Большое Село], руч. *Святая Речка* — «в истоке ручья стояла часовенка, поэтому вода считалась святой» [У-Куб, Ермолинская], руч. *Святой Ключ* — «церковь рядом была, потому и Святой Ключ» [Устюж, Теплино], руч. *Святой Ручей* — «на том месте, где ручей течет, часовня стояла» [Устюж, Балахтимерево] и др. Как следует из этих примеров, локус становится святым вследствие соседства с культовым объектом, ср. предельное заострение этого обстоятельства в следующей легенде: оз. *Святое* — «тут была церковь, а утром появилось озеро» [У-Куб, Максимовская]. Иногда внимание акцентируется не на культовых объектах, а на культовых действиях, способствовавших освящению локуса: пок. *Святое* — «освятили там место» [М-Реч, Яскино].

Отметим, однако, что христианская маркировка соответствующих объектов может быть весьма условной. Ср. свидетельства этнографов, изучавших специфику народной религии Русского Севера: «многие часовни в Поморье

строились либо вблизи «священных» деревьев, либо, по преданию, на их месте» [Бернштам 1983, 181]; «христианский храм, построенный в священной языческой роще, нередко оказывается местом поклонения всё тем же священным деревьям» [Криничная 1973, 127]; обычай освящать лес можно считать «христианской формой древних культовых памятников, поскольку заповедными становились, как правило, рощи, с которыми местное население связывало исторические или сакральные предания» [Бернштам 1992, 190–191] и др. Сочетание христианских и внехристианских представлений явственно прослеживается и в традиции вешать на иконы (кресты) посвященные полотенца [Бернштам 1983, 181], ср. в нашем материале: поле *Святыня* — «там крест стоял. Старухи приходили, вешали полотенца» [В-Т, Пога].

Многообразие связей внутри фрейма «отправление культа», а также четкая оформленность и отграниченность этого фрейма от других деятельностных сценариев приводят к тому, что в сознании носителей топосистемы *святые* места связываются не только с соответствующими культовыми сооружениями, но и с различными обстоятельствами, связанными с отправлением культа, а также со служителями культа: г. *Святой Угор* — «глину для церкви возили, потому и Святой Угор» [Вель, Алексеево], родник *Святой Родник* — «брали святую воду для церкви» [Уст, Бестужево], оз. *Святое* — «монахи ловили там рыбу, потому Святое» [Шенк, Кувакинская], оз. *Святое* — «у попа усадьба была там» [Ваш, Здыхальна], о-в *Святой Остров* — «говорят, раньше поп в карты играл на этом острове» [Баб, Никольское].

Интересно отметить, что народное сознание не всегда довольствуется фиксацией сугубо бытийных отношений смежности между *святым* объектом и культовым сооружением, пытаясь найти дополнительное обоснование святости локуса, связанного с церковью, иконой и т.п., из сферы чудесного, сверхъестественного. Отсюда появление легенд о перемещении икон, затонувших церквях, ходящих по воде святых, спящем в озере мастере-строителе церкви и т.п., ср.: пок. *Святое Место* — «раньше на этом месте была церковь, ее кто-то обокрал и сжег. Когда утром пришли к сгоревшей церкви, увидели, что одна икона была целехонька; ее перенесли в Никольскую церковь. А через день она опять оказалась на прежнем месте. Его и назвали Святым» [Карг, Колотово]; оз. *Святое* — «святкой какой-то прошёл, дак теперь никто не потонет» [Влгд, Балобаново]; о-в *Святой* — «мужики решили церкву ставить, где лошадь остановится. Она остановилась там, вот и назвали остров Святым» [Ваш, Тимошино]; оз. *Святое* — «была на этом месте церковь и утонула, на этом озере в солнечный день виден был крест» [У-Куб, Острецово]; г. *Святая Гора* — «была на горе часовня, она провали-

лась» [Влгд, Старое Село]; оз. *Святое* — «храм утонул в одну ночь с попом и попадшей» [Прим, Вайново, Боброво]; оз. *Святое* — «когда строили каменную церковь, мастер ходил спать в озеро. Там курганы каменные, было сражение с литовцами» [Кон, Пешково] и др. Легенды такого рода вызваны к жизни своеобразной ремотивацией идеи святого, понимаемого как чудесное.

Второй вариант смысловой развертки *святых* наименований связан с **характеристикой свойств самих географических реалий, воспринимаемых как особые, сакрально отмеченные**. Таким образом, в данном случае акцентируются не «импортированные» благодаря соседству с культовым сооружением, а исконные качества объекта. Судя по нашему материалу, исконная сакральность приписывается объектам двух типов: во-первых гидрообъектам — озерам, родникам; во-вторых, порогам и скалам.

Причины отмеченности *святых* озер, родников и рек выделяются в мотивационных контекстах, ср.: оз. *Святое* — «порато большое, Святым и называется» [В-Т, Горка]; оз. *Святое* — «вода особенная, целебная, ключи вокруг», «очень большое, вот и Святое» [Кон, Бобровская, Пожарище]; ключ *Святой Ключик* — «ключик бьет из-под земли; ни церкви, ни часовенки, ни иконки — ничего не было, а вода считалась святая» [У-Куб, Куркинская]; оз. *Святик* — «озеро подковой, красивое» [К-Б, Заовражье]; оз. *Святик* — «светлое, глубокое» [Котл, Курцево]; оз. *Святик* — «родники там, рыба живет, не дохнет» [Котл, Бугино]; оз. *Святик* — «вода чистая-чистая, а дна не видать», «кругло, чисто, а подходишь — зыблется» [Котл, Кочинок]; руч. *Святой* — «вода хороша, вкусна, вот и Святой» [Пин, Чакола]; оз. *Святое* — «родниковая вода, по цвету кажется горячая, а нырнешь — холодная» [Прим, Бутырская]; оз. *Святое* — «очень много морошки, клюквы» [Шенк, Красная Горка]; родник *Святой Колодец* — «вода чистая, холодная, хорошая» [Влгд, Резвино, Хоробрец]; родник *Святой Родник* — «никогда зимой не застывал» [У-Куб, Трифон]; руч. *Святой Ключ* — «вода там хорошая» [В-Уст, Малинники], р. *Святица* — «справа идет Черная — вода в ней черная, рядом Святица — вода светится» [Кологр, Ильинское], ур. *Святой Колодчик* — «вода чистая, хорошая, она как играет вся, блестит»; «вода считалась святая; если святая, вырубят срубик и будет святое место. Вот и там святое место, все за водичкой туда ходят» [У-Куб, Колбаса]; родник *Святой Колодчик* — «из-под земли ключи бьют, вода святая. Она живая там, шевелится» [Сок, Кадников], оз. *Святое* — «вода в ём черная, кругом болота, глубокое оно» [Мантур, Давыдово] и др.

Таким образом, выделяются следующие свойства *святых* гидрообъектов: светлый, чистый; родниковый; проточный, текущий («живой»); глубокий,

бездонный; большой; красивый; чудесный; страшный; ценный в потребительском отношении. Выделенные здесь внешние признаки водных объектов соответствуют той характеристике, которую дал *святым водам* В.Н. Топоров: «... понятия такого типа, как «святость» вод, по крайней мере в исходном локусе, предполагает наличие таких внешних признаков у этих вод, которые поражают наблюдателя некоей положительной предельностью, высшей гармонией... Такие «святые» воды могут быть осмыслены как подлинно с в я т ы е (разрядка автора. — Е.Б.) и стать объектом культа, но могут и не вовлечься в сферу религиозно-сакрального, оставаясь на уровне «святой» красоты» [Топоров 1995в, 8].

Первое из вышеперечисленных свойств (*светлый*) отмечается не только в мотивационных контекстах, но и проявляется в факте существования вариантов *Святое // Светлое* [Лен, Холм], *Святица // Светлица* [Нянд], *Святтик // Светик* [Вин, К-Г, Котл, Лен, Уст], *Святица // Светица* [Галич, Кад, К-Г, Нюкс, Тот, Чуух], а также в метонимических комплексах типа оз. *Святое* — р. *Светица* [Кон], оз. *Святое Озеро* — руч. *Светлый* [Он].

Основы *свят-* и *свет-*, имеющие в глубокой ретроспективе несомненную родственную связь друг с другом [см. Топоров 1995в, 475], на синхронном уровне обнаруживают паронимическую близость, что отчасти обуславливает параллелизм и притяжения соответствующих образований. Однако взаимодействие *святого* и *светлого* происходит не только вследствие формальной близости, но и имеет глубинную смысловую мотивированность, ср.: «... в физиографическом употреблении балт. *švent-* обозначает б л е с т я щ у ю , с и я ю щ у ю (разрядка автора. — Е.Б.) водную поверхность. Это соображение подтверждается бесспорной связью святости с блеском, сиянием в их предельном проявлении, с золотым и пурпурным цветом. Более того, эти последние свойства и есть форма выражения святости в оптически-визуальной сфере (коде)» [Топоров 1995в, 475]. Данное положение подтверждается и тем, что *святые* свойства приписываются объектам, в основу названий которых положены апеллятивы *серебряный, белый* (ср.: *белый* 'чистый, незамутненный (о воде)' [АОС, 1, 158; ЛК ТЭ]), а также собственно *светлый* (см. разд. 2 данной главы).

Такое свойство *святых* гидрообъектов, как *проточный, текущий* («живой»), может трактоваться в контексте народных представлений о движении, которое «служит приметой жизни, «этого», земного мира в противоположность неподвижности как характерному признаку смерти, «того», загробного мира» [Голстая 1996, 96]; показателен также параллелизм *святой // живой огонь* в различных славянских традициях [Топоров 1995в, 473]. С

застойной, нетекущей водой, как известно, связывается представление о нечистой силе, ср. укр. *нетеча* 'стоячее болото' и 'черт' [СД, I, 228].

Свойство *большой* (ср. также параллелизм оз. *Святое* // *Большое* [Пыщ]), вероятно, связывается с идеей особого, чудесно появившегося, а упоминание *красоты святых* гидрообъектов свидетельствует об эстетическом субстрате концепции святости.

Если вышечисленные свойства связаны с общей мелиоративной оценкой *святого* гидрообъекта, то характеристика *глубокий* (*бездонный*) более противоречива по своему содержанию. С одной стороны, это свойство соотносится с таким атрибутом *святых* гидрообъектов, как *чистота*: глубокие озера нередко имеют чистую воду. С другой стороны, глубокие (*бездонные*) озера считались местом обитания чертей и другой нечистой силы [РДС, 580]; в топонимическом материале обнаруживаются устойчивые негативные коннотации у топонимов, образованных от апеллятива *бездонный* (см. разд. 2 данной главы). Показательна квалификация одного из глубоких *святых* озер как *страшного*; еще более интересно указание одного из информантов на то, что в этом озере, «говорят, *лешачиха* живет» [Котл, Кочинок]. Ср. также мотивировку оз. *Святое* в Кирилловском районе: «там дно провалилось, *черти* живут» [Жир, Чарозеро]. В типологическом плане показательно свидетельство Н.Н. Мамонтовой о том, что в *святых* озерах, по представлениям саамов, нередко предполагалось наличие двойного дна [Мамонтова 1991, 105]. Данные примеры указывают на амбивалентность понятия *святого*, которое синонимизируется с идеей сверхъестественного, чудесного — в том числе «нечистого».

Соотнесенность *святого* и *страшного* (*опасного*) проявляется в том, что *святые* названия могут прилагаться не только к глубоким озерам, но и к таким «кризисным» объектам, как пороги, омуты, мысы и скалы. Факты такого рода немногочисленны, однако заслуживают внимания, ср.: порог *Святой Порог* [Карг], мыс (ск.) *Святой Нос* — «опасное место, не дай Бог» [Мез, Азаполье], порог *Святой Нос* [Он], руч. *Святой Порог* — «там опасный порог, страшный, вот и Святой» [Бел, Шола], омут *Святой Бочаг* — «лошадь убила, богот и называется так» [Влгд, Путилово], ск. *Святой Нос* — «там все карбаса бились, бесово место. Крест поставили — бат, пронесет» [Мез, Кимжа]. Аналогично смысловое наполнение названия мыса *Святой Нос* (у Канинского полуострова): опасность этого места объясняется сильными приливно-отливными течениями [Попов 1990, 33]. Для маркировки этого места и подобных ему «ставились опознавательные «кресты-признаки» и могильные кресты... Это были почитаемые мысы. Около

них надо было менять курс» [там же]. В Географическо-статистическом словаре Российской империи П. Семнова указывается 4 объекта, называемых *Святой Нос (Мыс)*: все они отмечаются опасностью — наличием подводных скал, острых оконечностей и т.п. [Семенов, IV, 525—526]. Как отмечает П. Семенов, на скате первого из них стоит множество крестов [там же]. Итак, свойство святости может быть приписано «нечистым» локусам — бездонным озерам, порогам, скалам, омутам. В нашем материале фиксируется один пример, когда сверхъестественные (нечистые) свойства приписываются орообъекту: г. *Святая* — «ровная такая, как будто выросла. Там пужает» [Вил, Тырпассовская]. Ср. также мотивировку названия *Святая Гора* на Алтае: «раньше жителям казалось, что ночью поют пещоры» [Чернышова 1988, 128].

Интересно, что три *святых* названия обозначают озера, в которых живут «коровы водяного»: оз. *Святое* — «с глубины поднималось стадо коров, очень хороших, словить их не могли» [Кир, Макарово]; оз. *Святое* — «видно под водой дом стоит, засыпало его землей, там озерной живёт. А из озера коровы выплывали» [Кон, Малышкино]; оз. *Святик* — «раньше выходили оттуда комолые коровы. После того, как озеро ходили святить с иконами, из него сразу перестали выходить коровы и стала водиться рыба [Вин, Верхняя Ваеньга]. Этот сюжет встречается в распространенных в финском фольклоре преданиях о коровах, принадлежащих духу воды [Симонсуури 1991, 153—154]. В данном случае мы вновь встречаемся с пониманием святого как чудесного, причем допускается «нечистый» источник чудесных свойств.

Таким образом, данные севернорусской топонимии свидетельствуют об устойчивости связи *святых* названий с нечистыми, опасными местами. Однако *фрейм нечистый локус* может включать такой структурный элемент, как элиминирование нечистых свойств, освящение места. Отсюда упоминание о крестах, которые ставятся в нечистой зоне, или о иконах, которыми освящается локус, чем создается иной разворот трактовки места как святого путем наделения его христианской святостью. Так обеспечивается своеобразная энантиосемия образа святого места и, соответственно, *святых* топонимов (что, впрочем, типично для лексики с такой семантикой, ср. банальный пример латинского *sacer*, обнаруживающего «двойственный характер «священного» — это и посвященное богам, и отмеченное неистребимой запятнанностью, величественное и проклятое, достойное почитания и вызывающее ужас» [Бенвенист 1995, 348]). Традиция освящать нечистые места отмечалась этнографами, ср. вывод Г.Б. Щепанской о том, что «часовню или крест ставят там, где нечистая сила особенно шалит, — в самых «страшных» (т.е. коммуника-

тивно значимых) местах» [Щепанская 1995, 164]; при этом важно, что «сама сакрализация места, выделение его в структуре пространства, происходит сначала как «страшного», а потом уже (и не всегда) оно становится святым» [Щепанская 1995, 161]. Ср. также топоним *Бесов Мыс*, впоследствии названный *Крестовым* (по сходным обстоятельствам) [Мамонтова 1991, 110].

Заканчивая рассмотрение собственных свойств локуса, обеспечивающих его «святость», следует особо выделить такую характеристику *святых* объектов, как *хозяйственная ценность*. Данное качество эксплицируется не только мотивационными контекстами (где упоминается вкус воды, обилие ягод), но и параллелизмом оз. *Святое* // оз. *Ловецкое* [Прим], оз. *Святое* // оз. *Рыбное* [Холм]. Ср. также свидетельство П. Семенова об изобилии рыбы в двух озерах с названием *Святое*, одно из которых находится в Буйском уезде, а другое — в Егорьевском [Семенов, V, 525]. Такая прагматическая трактовка святости географического объекта представляется весьма симптоматичной в плане соответствия пафосу топонимической версии народной картины мира, имеющей хозяйственно ориентированную, бытовую направленность.

Итак, «исконная» святость географического объекта может быть сформирована свойствами тройного рода: во-первых, эстетическими (*чистый, светлый, красивый*), во-вторых, прагматическими (*ценный в хозяйственном отношении*), в-третьих, чудесными, сверхъестественными («чистыми» ↔ «нечистыми»). Коротко говоря, *святое* — это красивое, полезное или чудесное. Красота и польза создают концепцию идеального, чудо — феноменального, чем формируется онтология святости в народной картине мира.

Описав варианты смыслового наполнения *святых* топонимов, обратимся к характеристике текстовых валентностей *святых* наименований, дающей возможность более точного определения места *святого* в топонимической версии народной картины мира.

Святые наименования обладают мощным интерактивным потенциалом, продуцирующим появление микросистем взаимосвязанных наименований. Наличие этого потенциала обусловлено «сценарностью» *святых* топонимов (как и ряда других религиозных символов): утверждение *святых* свойств локуса зачастую не является изолированным, замкнутым на самое себя актом, поскольку святость географического объекта, как уже говорилось, может быть транспонирована, метонимически «наведена»; с другой стороны, появление *святого* объекта может повлечь за собой реорганизацию связей в определенном фрагменте ландшафта — наделение соседних объектов нечистыми свойствами ставшего святым локуса. Если даже этот «круговорот святости в природе» не происходит, то *святой* объект, выделяясь своей идеальностью и фе-

номенальностью, тяготеет к противопоставлению окружающим географическим реалиям. Таким образом, *святые* названия склонны к разворачиванию статически и динамически мотивированных текстовых связей. Опишем диапазон этих связей.

Во-первых, *святые* названия иногда входят в комплексы, знаменующие связь с культовыми сооружениями. Самыми распространенными являются пары *святой топоним* — *агиоойконим*: г. *Святая* у с. *Благовещенское* [Вель], руч. *Святой* у д. *Никольское* [Баб], оз. *Святое* на территории с/с *Троицкий* [У-Куб], р. *Святица* на территории с/с *Вознесенский* [Галич], р. *Святица* на территории с/с *Ильинский* [Кологр], оз. *Святозеро* у д. *Погост* [Глес] и др. Встречается также маркировка *святыми* топонимами «чудесных» мест, ср. коррелятивную пару руч. *Святой* — ур. *Туча* [В-Уст] (где, по легенде, упала каменная туча, отмоленная Прокопием Праведным от Великого Устюга). В некоторых случаях *святые* названия соседствуют с топонимами, обозначающими соответствующую культовую деятельность: г. *Богомольная Горка* на берегу оз. *Святое* — «церковь там была раньше» [Кон, Вершинино], руч. *Богомол* впадает в оз. *Святое* [Карг]. Интересны развернутые комплексы культовой этиологии: недалеко от Антониево-Сийского монастыря [Холм], на левой стороне дороги из д. *Монастырь* в с. Емецк находится оз. *Святоозеро*, рядом с ним — лес *Крест-Бор*. По утверждению информантов, «в Крест-Боре духи живут», «в этом бору крест большой стоял» [Заборье, Большая Гора]. У самого монастыря — оз. *Дудницы*, на нем залив *Преподобное* (// *Антония Преподобного*), рядом расположено ур. *Успенье* — «название по празднику Успеньев день, который отмечался монахами монастыря» [Усолье]. На пути к монастырю развилка дорог, которая называется *Антониева Ручка* — «по преданию, здесь святой Антоний отдыхал» [Нефериха]. Таким образом, *святое* название в данном случае как бы скрепляет комплекс обозначений культовых объектов, определяя общую тональность этого комплекса.

Сходный текст составлен названиями объектов, находящимися неподалеку от Кирило-Белозерского монастыря [Кир]: в 4 километрах к северу от монастыря находится оз. *Святое*, рядом с которым — г. *Господская*, а также г. *Поклонная* — «на этой горе богомольцы кланялись Кирило-Белозерскому монастырю», «по этой дороге шел Кирилл, там он поклонился, отсюда и видно Кириллов монастырь» [Кир, Вогнема, Сандырево]. Знаменательно, что в 3 километрах к северу от монастыря расположено бол. *Поганое*. Мотивировка данного названия неизвестна, однако в общем контексте оно прочитывается

как несомненная антитеза *святому* топониму (на это указывает и противопоставленность типов объектов: озеро ↔ болото).

Последний эпизод дает переход к описанию второго принципа, определяющего разворачивание микросистем с участием *святых* топонимов — принципа антитезы.

В севернорусской топонимии устойчиво фиксируется антитеза *святой* — *чертов*: оз. *Святник* — оз. *Чертик* [Котл]; оз. *Святое* — оз. *Чертовое* [Прим]; оз. *Святое* — оз. *Чертова Яма* [Бел]; о-в *Святой* — мыс *Чертов* [Ваш]; пок. *Святицы* — омут *Чертова Яма* [Кад]; д. *Святица* — д. *Чертуголье* [Тот]; д. *Святая Лука* — бол. *Чертоугольное* [У-Куб]; родник *Святой Ключ* — руч. *Чертовик* [Хар]; оз. *Святого Луки*, рядом с которым находится пок. *Убожьево*, — бол. *Чертово Болотечко* [Чаг]. Обстоятельства появления данных комплексов неизвестны, однако можно предполагать, что в некоторых случаях имело место транспонирование исходно «нечистых» свойств ставшего святым локуса на соседний объект. Ср. пару такого рода: оз. *Святник*, из которого вытекает протока *Чертовик* — «озеро, говорят, Стефан Великопермский крестил, черти-то пошли со Святника да и нарыли все, вот и назвали Чертовик» [Лен, Сойга]. Ср. также топонимическую пару *Святая Гора* — *Чертова Лахта* в районе Ладожского озера: после освящения объекта черти в виде воронов полетели в губу, названную *Чертовой Лахтой* [Летова 1988, 112]. Здесь отражается характерная противопоставленность «святых» и «нечистых» локусов: гора, озеро → низина, ров.

Противопоставленность *святых* и *поганных* названий также фиксируется коррелятивными парами топонимов (см. статью *ПОГАННЫЙ*).

Кроме того, отмечено противопоставление *святого* и *скоморошьего* (о значении *скоморох* 'нечистая сила' и примеры соответствующих оппозиций см. статью *СКОМОРОХ*).

Наконец, отношения антитезы можно предполагать для *святых* и *черных* названий. Последние, как показано в разд. 2 данной главы, иногда имеют коннотации, свидетельствующие о восприятии соответствующего локуса как «нечистого». В этом свете можно рассмотреть следующие пары: р. *Черная* впадает в оз. *Святое* [Кон], р. *Святник* впадает в р. *Чернушка* [К-Г], р. *Черная* и р. *Святица* составляют р. *Княжая* [Кологр], р. *Черная* и р. *Святица* впадают в оз. *Чухломское* [Чухл].

Таким образом, многообразие системных связей, в которые вступают *святые* топонимы, подчеркивает, с одной стороны, связь *святого* и культового (а также сакрального, чудесного), с другой, — противопоставленность

святых топонимов и символов и образов язычества, эксплицируемую антитезами *святой* ↔ *черт, поганый, скomorox*.

Заканчивая рассмотрение *святых* топонимов, отметим, что они нередко накладываются поверх «нейтральных» обозначений соответствующих географических объектов, имея статус их дублетов, ср.: оз. *Святое* // *Малое* [Карг], руч. *Святой Ручей* // *Шоховской* [Котл], оз. *Святое* // *Иваново* [Шенк], оз. *Святозеро* // *Новское* [Бел], оз. *Святозеро* // *Холмовское* [Ваш], оз. *Святое* // *Соренское* [Влгд], ур. *Святое Место* // *Семеново* [Кологр] и др. Важно отметить, что *святые* дублеты, как правило, факультативны: если «нейтральный» вариант фиксируется устойчиво (судя по количеству полевых карточек), то *святой* дублет имеет единичные фиксации. Действительно, практика полевых сборов показывает, что, отвечая на вопрос собирателя о том, какие реки или озера есть на данной территории, информант перечисляет скорее «нейтральный» набор; *святое* название нередко «всплывает» лишь при попытке вспомнить «особые», памятные места. Очевидно, в живом (а не «анкетном») употреблении *святые* названия появляются в связи с соответствующим фольклорным или обрядовым текстом либо ситуацией (можно смоделировать следующие употребления топонимов в речи: «косили у Шоховского» — «пойди к Святому Ручью, принеси святой воды»).

Наконец, следует указать, что некоторое количество *святых* топонимов было вытеснено из топонимической системы в ходе переименований в первые годы Советской власти. При этом могли возникать оппозитивные реакции — например, *святой* → *свободный*, *святой* → *красный*: д. *Святая Гора* → *Красная Гора* («раньше была Святая Гора, а после революции стала Красная Гора») [В-Уст, Прилуки]¹¹, д. *Святой Угол* → *Свободный Угол* [Влгд]. Уникальный пример записан на территории Пинежского района Архангельской области: оз. *Святое* (название дано по расположенному на берегу озера монастырю) после революции было переименовано в *Красный Окунь* (на берегу озера образован рыболовецкий колхоз «Красный Окунь») — лафос семиотических преобразований наделила революционной символикой даже окуня (однако многозначность прилагательного *красный* позволила затем переосмыслить это название не в символическом, а в реальном ключе).

СКОМОРОХ. Как известно, наиболее распространенное значение лексемы *скоморох* — музыкант, дудочник, сопельщик...; промышленяющий этим и

¹¹ Такая же эстафета зафиксирована в топонимии Кемеровской области: д. *Святая Гора* в 30-е гг. XX в. переименована в *Красную Гору* [Шабалин, 160].

пляскою, песнями, фокусами; потешник, ломака, гаср, шуг' [Даль, IV, 203]; это значение обнаруживает лишь косвенную связь с персонажами народной религии, хотя и имеет непосредственное отношение к обрядовому календарю. Однако на территории Русского Севера, в говоре Приморского района Архангельской области, лексема *скоморох*, помимо основного, приобретает значение 'нечистая сила'¹², ср.: «не реви, скоморох тебя заберет. Скоморохов порато боялись, они страшные, как звери»; «скоморохи в болотах грают, в сузёмах» [ЛК ТЭ]. Судя по контекстам, скоморох воспринимается аналогично черту; возникновение этого значения обусловлено участием скоморохов-«потешников» в первую очередь в обрядовом цикле, связанном со Святками: это время характеризуется невиданной активизацией «старой» нечистой силы и появлением «новой» — ср. наименования таких персонажей, как *святке*, *святочница* 'нечистая сила, появляющаяся во время Святков' [РДС, 510–515; Власова, 317-319]. Очевидно, семантическое развитие лексемы *скоморох* может быть представлено следующим образом: 'ряженный на Святках' → 'нечистая сила, появляющаяся во время Святков' → 'нечистая сила (без «сезонных» ограничений). Фоном к такой формулировке логики семантического развития могут служить указания многих историков, фольклористов и этнографов о связи скоморохов с языческими культами, о наблюдающемся в древних письменных источниках стремлении соединить представления о бесах и скоморохах, о причислении церковью скоморохов к слугам сатаны и т.п.

Включение *скоморошых* топонимов в число названий, отражающих репертуар образов народной религии, обусловлено тем, что в топонимии Русского Севера имеется несколько *скоморошых* наименований, обнаруживающих связь с понятием 'нечистая сила'. Точное количество топонимов такого рода указать сложно, поскольку *скоморошья* названия могут быть метафорами, отражающими впечатление от внешнего облика объекта (*о-ва леса Скоморохи* — «островки такие веселые» [Кир, Чаронда]), а также обозначениями мест, где проводились молодежные гуляния (пок. *Скоморох* — «гулянья устраивали» [Мез, Долгощелье]). В то же время места гуляний — объект довольно сложный по своему статусу, поскольку гулянья и игрища, особенно святочные, могли восприниматься как «бесовские», в связи с чем соответствующий локус получал статус нечистого. Ср. название руч. *Скомороший Ручей* в Мезенском районе Архангельской области, рядом с которым протекает руч. *Богородский Ручей*. По свидетельству информантов, «у Скоморошьего

¹² Ср. также близкое данному значению *скоморох* 'колдун' [Кулик, 108].

Ручья в олени шкуры рядились, игрища устраивали» [Мез, Дорогорское]. В этом месте — и вне ситуации проведения игрищ — «блзнилило», ср. быличку: «Говорят, по Скоморошьему Ручью в Крещение ходить нельзя. Мы с ребятами шли через него, вдруг вижу: целый табун хороших свободных лошадей мчится. Я шарахнулась в сторону — слышу смех. Огляделась — нет ничего. Блазнит там» [Мез, Заозерье]. Характерно, что обрядовая и, соответственно, топонимическая система находят способ элиминирования «нечистых» свойств локуса. По соседству со Скоморошьим протекает Богородский Ручей, вода в котором считалась святой: «видели там икону Владычицы» [Мез, Дорогорское]. Омовение в святой воде является закономерным финалом «бесовских игрищ», дающим индульгенцию на их проведение (ср. имеющееся в нашем материале указание на практику купания ряженных в иорданах, см. статью ИОРДАН), — отсюда установление не столько оппозитарных, сколько комплементарных отношений между святыми (богородскими) и нечистыми (скоморошьими) объектами.

В нашем материале имеется также пример противопоставления скоморошьего и святого объектов при отсутствии связи с обрядовым контекстом. Озера Святое и Скоморошье расположены рядом; название первого из них информант комментирует так: «вода святая там, лицо, руки ли умоешь — все раны заживут»; топоним Скоморошье имеет следующую мотивировку: «нечисто озеро, рыбы в нем нет» [Прим, Пушлахта]. Данный пример, зафиксированный в Приморском районе Архангельской области, на территории, где функционирует лексема скоморох 'нечистая сила', подтверждает возможность выражения с помощью скоморошьих топонимов представлений о нечистой силе. Ср. также название леса Скомороший Бор возле д. Коптяки в Свердловской области: об этом лесе, где водились светлячки, существовало предание, что туда собираются на пляски черти, лешие, ведьмы и пр. [Летова 1982, 43]. Вероятно, в этот же ряд следует включить наименование леса Скоморохово [Плес], который находится около кладбища — объекта, как известно, нередко воспринимающегося как нечистый. Показательно также наименование оврага Скоморохов на территории Пензенской области, который, согласно легенде, является «убиенным местом» (здесь был убит скоморох) [Полубояров, 132], а такого рода места обладают статусом отрицательно маркированных локусов.

Что касается остальных скоморошьих названий (ср.: оз. Скоморох [Пин], пок. Максимов Скоморох [Нюкс], пок. Скоморох [В-Уст, Кон], ур. Скоморохово [Тарн, Чухл], бол. Скомороший Мох [Он], руч. Скомороший [Он, Пин], руч. Скоморошино [В-Т], р. Скоморошка [Кир, Сямж],

пок. *Скоморошницы* [Карг], бол. *Скоморошье* [Бел, Уст], пок. *Скоморошья* [Нянд], перелесок *Скумуроший* [Уст] и др.), то их смысловое наполнение может быть различным. Возможно, с реализацией представлений о нечистой силе связаны хотя бы те *скоморошьи* топонимы, которые обозначают объекты, считающиеся нечистыми, — леса и болота.

Таким образом, *скоморошьи* топонимы иногда являются обозначениями нечистых локусов, причем свойство «нечистоты» может быть как «исконным» для соответствующего объекта, обусловленным представлением о наличии в нем персонажей низшей демонологии, так и «наведенным» вследствие связи объекта с осуществлением языческих культовых действий.

УПЫРЬ. Данный апеллятив представлен в названии луга *Упырь*, который находится на берегу р. Соденьга [Уст]. Ср. также название б.д. *Упырьво*, которая, как уже отмечалось, была впоследствии названа *Святой Горой* [Гряз].

ХЕРУВИМ. Данный апеллятив представлен в одном топониме — названии луга *Херувим* (на берегу р. С. Двина) [Вин]. Мотив номинации неизвестен.

ХРИСТОС (ИИСУС). В нашем материале имеется 4 топонима, образованных от имени *Христос*: г. *Христовая Печка* [Уст], пок. *Христов Лог* [К-Г], лесное ур. *Христовская Гривка* [К-Г], пок. *Христовский Отвод* [Бел]. Мотив номинации указывается только в одном случае: «Христовая Печка — высокая горка, весной там тепло и снег раньше тает, чем везде» [Уст, Грунцовская]. Здесь мотивирующей оказывается высота объекта (близость к небу, к Богу)¹³ и мелиоративная оценка его свойств (ср. факты нарицательной лексики — идиому как у *Христа за пазухой* (*жить*)), ласковое обращение *христовушка* 'милый, сердечный, болезный, дорогой' [Даль, IV, 565] и т.п.). Название ур. *Христовская Гривка* также может отражать высоту объекта (*грива* 'продолговатая возвышенность' [ЛК ТЭ]) или же урожайность урочища (лесные гривы обычно богаты ягодами).

Вероятно, *христовы* объекты — так же, как и *божьи* — могут иметь связь с культовой деятельностью. В нашем материале не имеется фактов такого рода, однако сошлемся на пример, приведенный Р.А. Агеевой: в Псковской области есть гора *Христов Камень*, на которой находится жертвенник

¹³ Ср. также наименование г. *Христов Горка* в Псковской области [Агеева 1993, 12], г. *Христова* в Оренбургской области [Стрельников, 127].

[Агеева 1993, 12]. Если здесь можно предполагать отражение языческого культа, то наименование поля *Иисусова Полянка*, находящегося рядом с полем *Монастырская Полянка* [В-Уст], очевидно, соотносится с объектом христианского культа.

Таким образом, *христовы* топонимы, как и *божьи*, могут обозначать высокие объекты, эксплицируя представления о локусе самого Христа, быть выражением мелиоративной оценки свойств самой географической реалии, а также маркировать связь элемента ландшафта с культовым объектом.

ЧЁРТ. *Чертовы* названия являются самыми частотными среди топонимов, связанных с образами народной религии. В топонимии Русского Севера фиксируется 216 *чертовых* наименований — почти на 1/3 больше, чем *святых* названий. Ареалов скоплений или, наоборот, лагун при локализации *чертовых* топонимов не обнаруживается, однако в Архангельской области их в процентном отношении больше, чем в Вологодской, что, вероятно, объясняется особенностями ландшафта и большей неосвоенностью территории¹⁴.

Что касается специфики объектной соотнесенности *чертовых* наименований, то она менее ярко выражена, чем у *святых* топонимов (*чертовы* названия равномернее распределены по видам объектов), но все же просматривается. Больше всего, как следовало ожидать, фиксируется *чертовых* болот — 37; затем идут обозначения урочищ — комплексных или переходных по своему характеру объектов (предболотье, каменная гряда между покосами, неровная, ямистая низменность и т.п.) — 36; столько же отмечено названий озер и ям с водой — 36; далее следуют обозначения ручьев, логов и оврагов — 32, полей и покосов — 23, омутов — 16. Названия других типов объектов малочисленны: деревни (преимущественно неофициальные названия) — 10, излучины рек, мысы — 7, леса — 7, пороги — 5, горы — 3, острова — 2.

Как явствует из этого перечня, *чертовы* названия прилагаются большей частью к малоосвоенным или трудным для освоения объектам (преимущественно водным). Это согласуется с данными этнографической и фольклорной литературы относительно «мест проживания» чертей [СМ, 391–392; РДС, 579–581], ср. указание на то, что во многих районах России понятие о чертях связывается прежде всего с водяными духами [Власова, 343].

¹⁴ Ср. послоницу «Бог создал небо и землю, а черт — Архангельскую губернию» [РДС, 613], отражающую, вероятно, необходимость этой территории, обилие лесов и болот, большие расстояния и т.п.

Следует отметить, что для *чертовых* названий характерно включение в состав топонима географических терминов или локализаторов диффузной семантики типа *угол*, *место* (а иногда и указаний на микроэлемент ландшафта); представим перечень соответствующих лексем: *богот* ('омут'), *болото* / *болотце* / *болотечко*, *бор*, *гора* / *горка* / *горушка*, *деревня*, *дуброва*, *запесок* ('песчаная коса' [ЛК ТЭ]), *камень*, *колесо* ('излучина реки'), *котёл* ('воронка в реке'), *кочка*, *лужа*, *ляга* ('лужа' [ЛК ТЭ]), *мег* ('излучина реки' [ЛК ТЭ]), *место*, *мост*, *мыс*, *нос* ('мыс' [ЛК ТЭ]), *овраг*, *окно* / *окошко*, *омут*, *пень*, *пол*, *полоса*, *портки*, *рукав*, *ручей*, *угол* / *уголок*, *чаща* / *чащение*, *чищенина* / *чищенье* ('расчистка под пашню' [ЛК ТЭ]), *яма* / *ямка*. Как видим, в этом списке преобладают обозначения «точечных» реалий, микрообъектов, которые четко определяют источник негативно оцениваемых («нечистых») свойств локуса, ср. также представленность здесь уменьшительных форм — *ямка*, *горушка*, *болотце*, *окошко*, *уголок* и т.п. Такая конкретность и «литотность» несвойственна *святым* именованиям.

Многогранную характеристику физико-географических свойств *чертовых* названий дают мотивационные контексты. Ср.: оз. *Чёртово* — «маленькое, а сильно глубокое, потому и Чертово» [В-Т, Григорьевская Вторая], омут *Чёртова Яма* — «очень глубокое было» [Ник, Липово], яма *Чертовина* — «с нашу избу яма, а глубокая» [Котл, Андреевская], оз. *Чёртово Окошко* — «оно, говорят, бездонное» [Ней, Белохвостовка], ур. *Чертище* — «худое место, чёртовое» [Мез, Дорогорское], ур. *Чёртов Мост* — «черноземина там, сыро» [Сок, Телячье], бол. *Чёртова Яма* — «сроду там не могли проехать» [Ваш, Остров], ур. *Чёртово Чищенье* — «багула там, непролезаето место» [Сок, Подъельное], р. *Чертовица* — «Чертовица из болот идет, вода чёрная», «глухое место, лесное, темное», «из болот течет, грязная, черная вода», «темное место, в лесу дак» [У-Куб, Родионово, Куркинская, Шамбово, Тавлаш], омут *Чёртов Богот* (*Чёрный Богот*) — «вода черная», «глубоко было» [Влгд, Стризнево, Игнатово], омут *Чёртова Яма* — «крутит там — не можешь выбраться», «это опасное место в реке, там можно утонуть» [В-Уст, Прилуки, Верхняя Кичуга], пок. *Чертовики* — «чертополох там, кочка на кочке» [Сок, Барское], мыс *Чёртов Мыс* — «змей там много было, жутко: на колёса навивались» [Сок, Оларево], оз. *Чертовское* — «оно в глушине лежит» [Мантур, Дмитриево], оз. *Чёртово Озеро* — «лесом окружено, вот и Чертово Озеро» [У-Куб, Мыс], пок. *Чёртов Угол* — «камень было полно» [Устюж, Степачево], пок. *Чёртово Поле* — «много камней там было, не пропахать» [Сок, Старое], бол. *Чёртово Болотечко* — «ничего нет в том месте, ни грибов, ни ягод» [Чаг, Лукинское].

Таким образом, выделяются следующие физико-географические свойства *чёртовых* наименований: глубокий, бездонный; сырой, заболоченный; крутить воду; черная вода; кочковатый; каменистый; обильный змеями; маленький; расположенный в лесу; глухой; бедный в хозяйственном отношении.

Данный перечень представляет *чертовы* места как дикие, характеризующиеся апофеозной «природностью», т.е. чрезмерностью проявления флористических, фаунистических или собственно ландшафтных свойств географической реалии (обилие змей, кочек, камней, густые заросли, глубина и т.п.). Эта дикая «природность» влечет за собой два следствия — отсутствие перспективы хозяйственного использования объекта и его потенциальную опасность для человека. Несколько выбивается из этого ряда свойство *маленький*, однако оно коррелирует с тем, что наблюдалось нами при анализе географических терминов и иных ландшафтных маркеров, функционирующих в составе *чертовых* топонимов, — тенденции к сужению, ограничению *чертовой* зоны, точечному восприятию последней. Любопытно, что *святые* объекты, напротив, могут характеризоваться значительными размерами. Величину *святых* объектов можно понимать как свидетельство их феноменальности, при этом вопрос об источнике этого свойства, причинах его появления у объекта не ставится. Малый размер *чертовых* объектов, вероятно, следует трактовать в связи с попыткой найти источник «нечистых» свойств локуса, определить «местопребывание» черта — благо этот персонаж вполне «природен» и доступен воспринимающему сознанию (ср. стремление найти для черта дом, о котором ниже). Показательно, что в фольклоре (например, в вепсских сказках) черти поселяются в маленьких, но глубоких лесных озерах [Кузнецов 1995, 78]. Выделим также мотив черного цвета, проявляющийся как в мотивировках, так и в парадигматических связях *чёртовых* названий (ср. еще в топонимии Кировской области: р. *Чертовка* // *Чернавка* [Халт]). Этот мотив не встречается в структуре топонимической версии ментальных образов других представителей нечистой силы. Очевидно, его появление может быть объяснено не только символикой черного цвета, но и сугубо языковыми факторами: аттракцией *чертов* ↔ *черный*.

Итак, статус *terrae incultae*, закрепленный за *чертовыми* объектами, и намерение носителей традиционной картины мира определить источник «вредных» свойств локуса обуславливают разработку мотива опасности *чертовых* мест и представлений о действиях и атрибутах самого черта. Поэтому образ *чертового* места не может быть ограничен только констатацией специфики физико-географических свойств элементов ландшафта.

Представления об опасности, сверхъестественности¹⁵ *чертовых* мест и о действиях черта дают мотивационные контексты: руч. *Чертов Ручей* — «черти там рыли» [Вил, Сорово], оз. *Чёртик* (вар. *Черпорой*) — «тут всё согры были, один согру прорыл на лодке просхаты, а целое озеро промыло, глубокое — черт прорыл» [Котл, Выставка], пок. *Чертовики* — «там всё изрыто, черти рыли», «пугает там» [Котл, Алексино], бол. *Чертоугольное* — «русалки там водились. Однажды один мужик мужичонку черного через реку Двиницу перевез, а тот подарил ему красные портянки и сказал: «Помни доброту черта» [Сок, Березино], бол. *Чёртова Яма* — «будто бы черт раньше жил» [К-Б, Мавринская], руч. *Чертолом* — «Сус раньше звали мужика, ничего не работал и задавился. Сказали, что черт задавился» [К-Б, Поспелово], руч. *Чертовик* — «плотину у мельницы там прорвало. Говорят, деревья стоймя пошли. Черт прошел, дорогу прорыл», «черти пошли со Святника да и нарыли всё» [Лен, Вандыш], оз. *Черторойное* — «черти прорыли, сказывают» [Лещ, Пустыня], ур. *Чёртова Ямка* — «недаром там страшно место ско» [Плес, Юра-Гора], бол. *Чёртово Окошко* — «там черт живет, там его домик, глубокое, страшное» [Некр, Черная Заводь], руч. *Чёртов Овраг* — «в Чёртовом Овраге девушки завораживались, там черти водились» [Кологр, Березник], ур. *Чёртово Чащение* — «там пугало, водило. Говорили, Марья Гуляя кружева плетет» [Влгд, Карцсво], пок. *Чертиха* — «девчонка из Лукинского не умела ходить, была на коляске. Однажды потерялась — нашли ее на Чертихе, без коляски. Она сказала, что ее унесла женщина в красном сарафане» [У-Куб, Никола-Корень], ур. *Чёртовы Ворота* (вар. *Глухие Ворота*) — «там мужика-утопленника оттолкнули от берега и тонули с тех пор. Там манит, заблудиться можно, дак одежду на левую сторону надень — выйдешь. Там лешак хозяин», «там какие-то чуди шли, чертяки. С ними воевали у нас в Палеме. Они через эти Ворота собирались Палему взять», «на плотках ездили зыряне, комики-те. В этом месте разрывало плоты, там на реке кружит, а к реке лог глубокий подходит. В логу этом манило. Всё это и называли Чёртовы Ворота» [В-Уст, Палема, Черная].

Проявляющиеся в контекстах нюансы ментального образа *чертового* места и самого черта подтверждаются и развиваются той информацией, которая может быть извлечена из анализа парадигматических и синтагматических связей тополемсы *черт*.

¹⁵ К примеру, идея сверхъестественного мотивирует название о-ва *Чёртова Шалыга* в Астраханской губернии, который удивил казаков способностью быстро увеличиваться в размерах [Семенов, V, 694].

Во-первых, черт выступает как «демиург», творец различных форм рельефа (чаще всего отрицательного), каменных завалов, буреломов и т.п. При этом может наблюдаться своеобразная компенсаторная закономерность: яма, которую черт вырыл в одном месте, оборачивается насыпаемой в другом месте горой — но никогда не превращается в ровную поверхность, ср.: ур. *Чёртова Яма* и *Чёртов Бугор* — «черт выкопал яму — в другом месте землю уронил, на пальце принёс. В одну ночь Чёртов Бугор образовался — в другом уже районе» [Сус, Карповское]. Характерна сочетаемость основы *черт* с глаголами *рыть* и *ломать*, ср. географические термины *черторой* 'овраг, рытвина от воды'¹⁶ [ЛК ТЭ; Даль, IV, 598; Мурзаев, 614], *чертолом* 'бурелом' [ЛК ТЭ], которые нередко функционируют в составе топонимов (ур., пок., руч., бол. *Чертолом* [Ваш, Карг, К-Б, Нюкс, Уст], оз. *Черторойное* [Леш], руч., пок. *Черторой* [Кад, Он, Плес, Тарн], омут *Черторойский* [Прим], пок. *Черторовина* [В-Уст], и др.). Название ур. *Чертовалово* [Шенк], очевидно, образовано сложением *черт* + *валить*. Показателен и параллелизм руч. *Чертовик //Ров* [Лен], а также бином руч. *Чёртов Ручей* — пр. руч. *Рытвож* [Вил]: по народной этимологии название *Рытвож* переосмысливается в связи с глаголом *рыть* (ср. вариант *Рытый Вож*), а затем устанавливается связь с названием *Чёртов Ручей*, закрепляемая мотивировкой «черти там рыли» [Вил, Сорово].

Деструктивность действий черта, его неумение выполнять работу «устройителя пространства» реализуется также в мотиве неизмеренности, неопределённости расстояний, связанном с мотивом удалённости¹⁷ (если верна наша реконструкция семантики топонима *Чертопряга* — см. гл. II настоящей работы).

Отражение последствий «землеустроительской» деятельности черта можно усмотреть в наименовании ур. *Чёртова Ноша* [Бел], которое, очевидно, следует интерпретировать аналогично топониму *Лешева Ноша*: каменный завал возникает из камней, рассыпанных чертом при переносе.

Сходная идея лежит в основе названия ур. *Чёртово Городище* [К-Б]. Топонимы такого плана, единичные на Русском Севере, распространены на гористых территориях, — например, на Урале. Ср. наименование горы *Чёр-*

¹⁶ Структура этого термина подтверждает семантическую реконструкцию трудной для этимологизации лексемы **čьrьtь* 'тот, кто роет' [ЭССЯ, 4, 163-164]. В пользу этой реконструкции свидетельствуют и данные топонимии, приводимые в настоящей работе.

¹⁷ Ср.: *чёртова сторона* — 'далекая, скалистая, неплодородная местность'. Так называли тундру, Финляндию, северный край [РДС, 613].

тово *Городище* недалеко от ст. Исеть: на ее вершине возвышаются гранитные башни-останцы из плоских плит высотой до 18–20 метров [Матвеев 1990, 177]. Общий смысл таких названий А.К. Матвеев определяет следующим образом: «... возникшие неведь когда каменные сооружения не похожи на созданные людьми, их мог соорудить да и жить здесь только черт» [Матвеев 1990, 178; см. также Мурзаев, 614; РДС, 579; Шувалов 1989, 140].

Мотив городища, остатков поселения связывает образ черта с образом мифических древних обитателей изучаемой территории — чуди, в структуре которого этот мотив оказывается магистральным. Симптоматично указание одного из вышеприведенных контекстов: «там какие-то чуди шли, чертяки» Эта связь поддерживается существованием коррелятивной пары д. *Городищево* — оз. *Чёртово* [Мантур]. Возможно, атрибутив *чертов* выражает реакцию носителя традиционной картины мира на наличие в зоне городища языческих святилищ. К примеру, в пределах *Чёртового Городища*, находящегося в Козельском районе Калужской области, найдены культовые камни, которые могут указывать на существование святилища какого-либо племени финноугров или балтов [Перепелицын 1997, 118].

Кроме того, мотив городища переключается с мотивом жилища черта. Уже отмечалось, что специфика топонимической обработки образа черта свидетельствует о стремлении носителя традиционной картины мира четко локализовать черта в пространстве, предельно ограничив подвластную ему территорию (ср. также содержащиеся в контекстах указания на «домик черта», «штаб кокильских чертей» и т.п.). Эта тенденция разрабатывается синтагматическими связями тополексеми *черт*, которая сочетается с лексемами *дом*, *жилище*, *дворище*, *родина*: ур. *Чёртовы Дома* [Он], ур. *Чёртово Жилище* [Он], бол. *Чёртово Дворище* [Тарн], пок. *Чертородина*¹⁸ [Леш]. При этом характерно, что в пределах дома черту может быть выделена нижняя часть — *голбец* ('подполье'), что соответствует его обычному местопребыванию в природе: яма *Чёртовы Голбцы* — «мужик там шел молодой, видит, баба белые полоскает — блазило там» [Сок, Малое Петраково]. Ср. также уральские топонимы, фиксирующие стремление наделить черта типовой околodomной постройкой — баней: оз. *Чёртова Баня* — «озеро небольшое, но очень глубокое, никто не дружится с ним» [Туг, Яр], г. *Чёртова Банька* (метафора, указывающая на труднодоступность горы) [Матвеев 1990, 160]. Имея дом,

¹⁸ Данное название, однако, может иметь и иной исходный смысл, обозначая неурожайный участок, ср. внутреннюю форму лексемы *чертопар* 'плохо подготовленная к будущему году пашня, вспаханная один только раз' [Даль, IV, 598].

черт занимается и традиционной сельскохозяйственной работой — пок. *Чёртово Гумнище* [Чухл] (на гумне трудится и бес — см. название *Бесово Гумно* в статье БЕС), *Чёртовы Творила* (*творило* 'участок пахоты на одного хозяина', 'участок поля определенной формы' [ЛК ТЭ]) [У-Куб].

Характерный поворот теме *чертового дома* дает название оз. *Чёртово Домовище* [Макар]. Данный топоним может быть проинтерпретирован двояко, ср. *домовище* 'опасный омут, пригон водяного' [арх. — Даль, I, 467] и *домовище* 'домовина, гроб' [Даль, I, 466], причем эта двоякость закономерна. Топонимическая концепция *чертового места* имеет временной субстрат — указание на «перфектность» пребывания черта в соответствующем урочище, ср. семантику суффикса *-ище-* в топонимах *дворище*, *гумнище*, *городище* — сюда же *домовище*. Черт не столько проживает где-либо, сколько оставляет следы своих перемещений (ср. отражение мотива чертового следа¹⁹ в следующих названиях: ур. *Чёртово* — «там камень огромный, говорят, по нему черт прошел. Там след от его ножки матерый, с три моих будет» [Бел, Зубово], д. *Большое* и *Малое Чертищево* — «камень на реке Лапоч есть, на нем черт след оставил: к Большому Чертищеву ступня направлена, к Малому — пальцы» [Влгд, Большое Чертищево]) или хозяйственной деятельности, сам оказываясь в прошлом, поэтому образ дома черта оборачивается образом домовища, могилы (на последний работает также устойчивость представления о связи черта с заложенными покойниками, которые живут после своей смерти с чертями и способны превращаться в них [см. Зеленин 1995, 46–51]), ср. недвусмысленное название пок. *Чёртова Могила* [Кон], а также топоним *Лешего Могила* (подробнее в статье ЛЕШИЙ).

Наделение черта домом — важнейшим признаком, придающим определенность, реальность тому или иному образу в глазах носителей традиционной картины мира, приближающим его к человеку, — влечет за собой и попытку снабдить его характерными бытовыми атрибутами, а также прорисовать его внешний облик (выделив такие детали, как *роза*, *кудри*, *нога*, *палец*): омут *Чёртова Кружка* [Устюж], омут *Чёртово Колесо* [Галич], ур. *Чёртова Нога* [Хоам], пок. *Чертороги* [Нюкс], ур. *Чёртовы Кудри* [Бел], полоса *Чёртов Палец* [Меж], кам. *Чёртов Палец*²⁰ [Галич], пок. *Чёртовы Паль-*

¹⁹ Ср. также название камня *Чёртов След* в Осташковском районе Тверской области [Маланин 1996, 156]. Данный мотив отражен и в нарицательной лексике, ср. идиому *на леший след* (*иди, пади* и т.п.) 'выражение пренебрежения к кому-либо, желания избавиться от кого-либо' [СРНГ, 17, 33].

²⁰ Возможно, связано с *чертов палец* 'ископаемый белемнит' [Даль, IV, 598].

цы [Ней]; ср. также сочетания с географическими терминами, первичная образность которых может быть оживлена: омут *Чёртов Котел* [Холм], пок. *Чёртово Колено* [Нянд], пок. *Чёртовы Портки* [Чухл]. Наличие подобных номинаций позволяет сделать вывод о том, что «мифологический персонаж как бы приравнивается к человеку в его бытовом, хозяйственном укладе, хотя и противопоставляется в оценке» [Рут 1992, 87]. Действительно, *чёртовы* названия организованы по тем же законам, что и номинации, реализующие образ человека, однако наделены значительным экспрессивным потенциалом, в результате чего возникает отрицательная «человекоподобность» черта. Развитие экспрессивной линии приводит к выхолащиванию исходного содержания образа, ср. мотивировки некоторых *чёртовых* названий, где образ черта отражает не представление о «реальном» пребывании черта в том или ином локусе, а используется для моделирования нереальной ситуации, имеющей сугубо экспрессивный смысл: ур. *Чёртов Мост* — «там такой мост, что черт не проедет» [Чаг, Чагода].

Детализированность разработки представления о черте, создающая впечатление «посюсторонности» этого персонажа, не исключает возможности задействования его образа в структуре основной оппозиции народной религии. Эта включенность обуславливает противопоставленность *чёртовых* и *божьих*, *чёртовых* и *святых* мест (см. статьи *БОГ*, *СВЯТОЙ*). Выше уже говорилось о возможности перенесения «нечистых» свойств одного объекта на другой при освящении первого, что на топонимическом уровне иногда отражается в появлении оппозиции *святой* — *чёртов*. Один из полюсов этой оппозиции может быть не маркирован: руч. *Чертолом* — «на угоре церкву ставили, дак черти в этот ручей перебежали» [Уст, Подгорная] (оппозитивность подчеркивается агнонаименованием д. *Спасская*, под которой протекает руч. *Чертолом*); ср. также контекст к названию оврага *Страшной Лог* — «там черти жили, туда сбежали, когда церкву на угоре ставили» [Котл, Петровская]. Вероятно, подобным образом появилось название ур. *Чёртова Лыжница* в Мурманской области, которое номинирует две параллельно идущие глубокие трещины на спуске г. *Крестовой* к морю: по легенде, эти трещины — след, который оставил черт, катившийся на лыжах с горы [Минкин 1976, 138—139]. Характерно подчеркивание противопоставленности локусов: возвышенностей, где ставятся церкви, кресты, и низменностей, оврагов, куда стремятся сбежать черти. Описанный механизм формирования топонимов, возможно, лежит в основе наименования бол. *Чёртова Лужа*, находящегося у деревень *Никольский Торжок* и *Поповская* [Кир], названия которых свидетельствуют о наличии церкви (любопытно, что около этого болота расположено ур. *По-*

ганец); аналогично можно интерпретировать пропозицию, определяющую появление названия ур. *Чёртово Место* у д. *Покровское* [Вап]. Ср. также наименование о-ва *Чёртов*, который находится в оз. Бородаевское около Ферапонтова монастыря [Кир], ур. *Чертище*, располагающегося против д. Тишельс, где есть церковь [Мез], и др.

Чертovy названия не только отражают противопоставленность «нечистого» элемента ландшафта объекту, связанному с отправлением христианских культов, но и способны маркировать связь с языческим культовым объектом. Об этом свидетельствуют некоторые топонимические микросистемы: ур. *Чертovo* расположено около перекрестка лесных дорог, который назван *Болван (Иван-Болван)*. Эти названия информанты комментируют так: «на перекрестке был вытесан столбик вроде лица человеческого, назвали Иван-Болван», «там нечистое место, вот и зовут Чертovo» [Прим, Холм]. В этом же ряду, вероятно, можно рассматривать пару лес *Болван* — бол. *Чертovo* [Уст]. Небезынтересны в этом плане и факты существования корреляций *черт* — *поганный* (см. статью *ПОГАНЫЙ*).

ШАЙТАН. Шайтана нельзя считать популярным персонажем в демонологии Русского Севера, однако этот образ весьма активен в мифологических системах, бытующих у тюркских народов (что естественно, так как слово *шайтан* у тюрков означает 'черт, сатана'), а на территории России — в Сибири, на Урале, в Республике Коми и других зонах контактов с тюрками. Не случайно два севернорусских географических названия, отражающих этот апеллатив, фиксируются в топонимии Котласского и Мезенского районов Архангельской области, близких к Республике Коми. Ср.: пок. *Шайтаны* — «под церковью ложбина есть. Церковь на угоре, а под низом Шайтаны, сыро место. Церковь ставили — туда черти ушли, боялись подобраться к церкви» [Котл, Шипицыно]; порог *Шайтан* — «страшный порог, как шайтан»; «бурный порог, как шайтан злой» [Мез, Кимжа]. Данные топонимы демонстрируют полную идентичность *чертовых* и *шайтанских* названий, обозначая опасные места или же локусы, связанные с пребыванием нечистой силы (в мотивировке к котласскому топониму отражен характерный мотив перемещения персонажей низшей демонологии в другую среду обитания, вызванное освящением объекта, где они обитали прежде)²¹.

²¹ *Шайтанские* названия распространены в русской топонимии Урала и Сибири, ср.: поле *Шайтанка* — «на этом поле колка, там люди блудили — выделяется из земли газ, действует на голову человека» [Вг, Уфа], р. *Шайтанка* — «Шайтанка-то копаня была» [Артем, Липовские Гечи], р. *Шайтанка* — «копаная речка» [С-Лог, Мал. Таушкан], ск. *Шайтан* — «стоит ка-

ЯРИЛА (?). Вопрос о представленности имени этого мифологического и ритуального персонажа в изучаемом топонимиконе весьма сложен, поскольку, судя по этнографическим и фольклорным источникам, популярность его на Русском Севере была не такой высокой, как, допустим, в Поволжье или на юге России. Кроме того, имя этого персонажа образовано по весьма активной словообразовательной модели от древнего и исключительно продуктивного корня *яр-*, который нередко функционирует в составе географических названий: это обстоятельство мешает однозначно связать названия-«претенденты» именно с обозначением языческого божества плодородия. Представим все же топонимические данные: луг *Ярила* (на бер. р. Лямца) [Он], пок. *Ярилина* [Череп], прк. *Ярилово* [В-Уст]. Ср. также наименование г. *Ярило* в Нижнем Новгороде, для которого признается связь с именем Ярилы [РО, 287]. Наиболее правдоподобной выглядит соотнесенность с образом Ярилы наименований луга и покоса; возможно, данные объекты связаны с какими-то ритуальными действиями, направленными на обеспечение плодородия или же имеющими эротический характер [СМ, 397–399]. Что касается названия переката *Ярилово*, то в его основу, скорее всего, положен признак быстроты («ярости») течения.

* * *

Представив материал, охарактеризуем специфику топонимического варианта репрезентации идей и образов основной оппозиции народной религии.

Сначала следует прокомментировать особенности формирования репертуара востребованных топонимической номинацией идей и символов основной оппозиции.

мень на склоне горы, длинный, как палец, возвышается над лесом и шатается» [Г-Зав, Усть-Койва], бол. *Шайтаново* [Гар], бол. *Шайтанское* [Серов, Сл-Тур], поле *Шайтаново* [Тар], г. *Шайтан-Камень* [Реж] и мн. др. [см. также Матвеев 1990, 172-173; Семенов, V, 758]. В типологическом плане (для моделирования семантики топонимов, образованных от наименований нечистой силы) немаловажно упоминание о связи *шайтанских* объектов с языческой культовой деятельностью, ср.: «Топонимы такого рода прежде всего отражают отношение тюрков-мусульман (а также и русских переселенцев, поскольку они тоже усвоили слово *шайтан*) к местам религиозного поклонения язычников-магис, но могут относиться и к самим тюркам» [Матвеев 1990, 172-173]. В этой связи любопытно свидетельство П. Семенова о том, что д. *Шайтанова* в Уфимской губернии находится у оз. *Могильное*, получившего свое название от близлежащего древнего татарского кладбища [Семенов, V, 578]; ср. также зафиксированное ТЭ наименование заброшенного кладбища *Шайтаново* [Инд].

Как следует из нашего материала, полюса основной оппозиции народной религии эксплицированы в топонимии крайне неравномерно. На одном из них оказываются топонимы, образованные от апеллятивов *ангел*, *Бог*, *святой*, *херувим*, *Христос*; на другом — *бес*, *бука*, *дьявол*, *кикимора*, *леший* (*леша-чиха*), *оборотень* (*обмен*), *поганый*, *русалка*, *сатана*, *скоморох*, *упырь*, *черт*, *шайтан*; при этом в количественном отношении «нечистый» полюс выглядит значительно масштабнее «святого». Особое место занимают *ярилыны* топонимы, но они по своему статусу, разумеется, ближе к нечистому полюсу оппозиции.

Одна из причин слабой представленности святого полюса банальна и связана с общей картиной распределения нечистой и крестной силы в мире: «в народном фольклорном представлении небо оказалось занятым силами небесными, праведными и божественными, преисподняя, подземный мир, болота, ямы и овраги — силами нечистыми и темными, а земля — место борьбы двух миров и начал» [Толстой 1996, 146]. Топонимия не имеет дела с небом — отчасти поэтому образы «небожителей» так пассивны в топонимической номинации. Единственное исключение — да и то намеченное лишь пунктирно — связано с практикой номинирования орообъектов, которые могут получать *бог*овы или *христовы* названия, выражая тем самым близость соответствующего элемента ландшафта к Богу. В то же время весьма любопытно и знаменательно то, что русская народная астрономия, которая, в отличие от топонимии, располагает денотативными возможностями для отражения связи астрообъектов с обитателями неба, склонна игнорировать эти возможности: маркированные соответствующим образом названия (*Петровы Ключи*, *Моисеева Дорога*, *Господне Коромыслице*) являются раритетами в корпусе русских народных астрономов [см.: Рут 1992, 56, 63].

Очевидно, причины относительной пассивности «святого» полюса оппозиции в топонимии связаны не только с денотативной спецификой последней. Святой полюс представлен преимущественно не на уровне персонажей, а на уровне идеи: сумма персонажных наименований (образованных от имен *Бог* / *Христос*, *ангел* / *херувим*) почти в 4 раза меньше, чем количество *святых* названий; сама «персонажность», как будет показано ниже, тоже весьма относительна. Что касается нечистого полюса, то здесь преобладает собственно персонажная разработка. Вот этот дефицит персонажности мешает разворачиванию сюжетов борьбы нечистой силы и крестной силы, которая должна избрать своей ареной пространство земли. Сама по себе борьба имеет место, однако крестная сила предстает в ней не «лично», а в замещенном виде, причем субститутами являются такие носители святости, как крест, церковь и т.п.

Материальность этих заместителей влечет за собой смещение акцентов в топонимической картине святого: топонимия концентрируется на фиксации связей элементов ландшафта с материальными носителями святости — культовыми объектами; эти связи подверстываются под изображение обычных для топонимии отношений географических реалий и хозяйственных построек, промысловых объектов и т.п.

Таким образом, еще одной причиной невысокой активности святого полюса основной оппозиции народной религии в топонимии можно считать слабую разработанность персонажного ряда, вследствие чего святость нередко оказывается лишенной субъекта-носителя.

Интересно, что в топонимическом континууме практически не представлены образы христианских святых и Богородицы — если не учитывать названия, которые связаны с культовыми объектами, нареченными в их честь. Очевидно, эти образы не имеют в своей структуре таких элементов, которые соответствовали бы логике топонимического картирования действительности.

Нарративный компонент образов святых и Богородицы (реализуемый, к примеру, в мотивах «хождений» Богородицы по географическому пространству, борьбы Егория со змеем) оказывается задействованным только в фольклорных текстах (топонимических преданиях), обнаруживающих явную вторичность по отношению к топонимическому ряду. Данная ситуация объясняется тем, что традиционная народная топонимия не настроена на «мемориальную волну» — что подразумевало бы увековечивание в названиях тех или иных сюжетов с участием персонажей народной религии, — если эта «мемориальность» не проецируется на объективные, данные непосредственному наблюдению свойства географических реалий (пусть даже источник этих свойств является вымышленным). К примеру, появление топонимических «мемориалов» черту и лешему (*Чёртово Домовище*, *Лешего Могила* и т.п.) мотивировано тем, что черт и леший «живут после смерти», обеспечивая регенерацию соответствующих характеристик локуса.

Что касается представлений о функциях святых и Богородицы, то в этом плане их образы, очевидно, лишены локативной концентрации (при наличии хронологической приуроченности, отражающейся в обилии соответствующих хрононимов): Николай Угодник, например, помогает на море, но не в какой-то одной точке, а «вообще», направляя свою помощь на обеспечение самого процесса человеческой деятельности.

Наконец, общий мелиоративный компонент, который априори должен быть представлен в ментальных образах святых и Богородицы, оказывается

неотработанным не только топонимией, но и нарицательной лексикой (за исключением *богородских трав*, где этот компонент играет коннотативную роль). Очевидно, формированию этого компонента мешает функциональная сосредоточенность святых на определенных сторонах человеческой деятельности и неоднозначность их образов (просматривающаяся, к примеру, в народных легендах).

Сказанное в какой-то мере объясняет причины активности образов, составляющих «нечистый» полюс оппозиции. Остановимся на них подробнее.

Во-первых, локативный компонент является одной из основных составляющих образов нечистой силы, ср. языковую отработку этого ментального фрагмента в наименованиях «нечисти»: *болотник, водяной, колодезник, леший, луговик, огородница, озерной, полевик, поженный хозяин, речной барин* и пр. Эта доминанта соответствует ономаσιологической базе топонимической номинации.

Во-вторых, нечистая сила не так дистанцирована от человека, как святая сила, поскольку локализуется, как уже говорилось, под землей и на земле. Приближенность к человеку стимулирует разработку образов черта, беса и т.п. в антропоморфном, бытовом ключе: эти персонажи обретают человекоподобные черты внешнего облика, наделяются домом, хозяйственным инвентарем (при этом едва ли реальны названия типа **Христово Гумно, *Ангелово Жилище, *Богов Палец*).

В-третьих, нечистая сила значительно реже, чем крестная, заменяется материализованными субститутами (в данном случае таковыми становятся объекты языческого культа); она сохраняет «личную» активность, давая о себе знать конкретными действиями, направленными на преобразование ландшафта.

Наконец, следует назвать самую общую и банальную причину, которая сводится к универсалии экспрессивной семантики, предполагающей большую конкретность и детализированность языковой разработки представлений о негативно оцениваемых явлениях, нежели о явлениях, воспринимаемых позитивно.

Заканчивая обзор репертуара идей и символов народной религии, отразившихся в топонимии, остановимся на вопросе о представленности в топонимиконе Русского Севера наименований языческих божеств. По нашему мнению, с определенной долей уверенности можно говорить о том, что в основу топонимов может быть положено имя ритуального персонажа Ярилы (вопрос о статусе божества для этого персонажа весьма сложен [СД, I, 219; СМ, 399]), при этом соответствующие топонимы, возможно, обозначают объекты,

связанные с ритуальной деятельностью. Нам не встретился севернорусский топонимический материал, который можно было бы убедительно соотнести с именами других персонажей языческого пантеона: названия-«претенденты» типа ойконима *Волосово* имеют весомые альтернативные объяснения (ср. хотя бы возможность отантропонимического происхождения таких топонимов). Очевидно, отсутствие названий языческих божеств в топонимии Русского Севера (точнее, отсутствие надежных реконструкций такого плана, поскольку мы не склонны полностью отрицать саму возможность существования подобной топонимии) следует объяснять деактуализацией этих имен ко времени сложения русской микротопонимии изучаемой территории или же переходом их в разряд *potina odiosa* [СД, I, 206], нередко влекущими за собой табуизацию имени. Вообще, возникает сомнение в том, что топонимы, образованные от наименований языческих божеств, могут быть частотными в составе топонимикона любой территории России; не хочется верить на слово Б.А. Рыбакову, который пишет о имеющемся в восточнославянской топонимии «большом количестве урочищ, помеченных именами древних божеств: *Перуново, Волосово* или *Велесово, Макошино, Ярилино, Ярилки* и т.п.» [Рыбаков 1988, 137], но не приводит обширных топонимических рядов (считая, видимо, этот материал хрестоматийным и общедоступным). Логика последующего рассуждения Б.А. Рыбакова усиливает сомнения: «Учитывая трудность сбора такого материала, как названия *урочищ* (выделено автором. — Е.Б.), обычно не фиксируемых даже на крупномасштабных картах, мы должны признать широкую повсеместность подобной языческой топонимики» [там же]. Похоже, что вывод о популярности топонимов, отражающих имена языческих божеств, основывается на факте отсутствия таких названий на крупномасштабных картах!

Охарактеризовав в общем виде «соотношение сил», зададимся вопросом о том, сохраняется ли в топонимической подаче сама оппозитивность, противопоставленность святого и нечистого. И та, и другая группа названий — и «святая», и «нечистая» — обнаруживает в своей семантической структуре две смысловые доминанты: 1) фиксация свойств географических реалий, приобретенных вследствие соотнесенности с культовым объектом или осуществления культовых действий; 2) характеристика собственных свойств локуса, способствующих номинативному освоению его с помощью образов и идей народной религии. Есть, однако, ряды топонимов — допустим, *ангельские, лешевы* названия, — где представлена только одна из этих доминант (вторая): это естественно, поскольку соответствующие персонажи имеют маргинальное положение в структуре основной оппозиции народной религии, что не позволяет

им установить связи с культовыми местами (многие представители низшей демонологии, к примеру, остаются «демонами места» и вписываются в оппозицию народной религии только постольку, поскольку являются «нечистой»). Названные доминанты отражают представление о существовании двух вариантов генезиса сверхъестественных свойств географических реалий — «исконного» и «благоприобретенного». Естественно, что «исконный» вариант, корни которого следует искать в анимистических воззрениях на природу, является наиболее древним. «Благоприобретенный» вариант, который может быть возведен к фетишистским традициям, стал наиболее активно воплощаться после принятия христианства. Перейдем к его описанию.

Фиксация свойств географических реалий, приобретенных вследствие соотнесенности с культовым объектом или осуществления культовых действий, реализуется посредством топонимов, образованных от апеллятивов *Бог, святой, Христос* ⇔ *бес, поганый, скomorох, черт, шайтан*. Культовые объекты и действия, соотнесенность с которыми отражается в топонимах, могут быть связаны с отправлением как языческих, так и христианских по своему происхождению культов (хотя характер культовой деятельности далеко не всегда удастся прояснить — и вследствие синкретизма этих элементов в сверткесте народной религии, и по причине недостаточности только топонимического материала).

Представим в виде таблицы данные относительно того, каким образом выражается с помощью изучаемой группы топонимов идея связи географической реалии с объектами языческого или христианского культа (отметим еще раз, что это деление имеет условный характер). При подаче материала курсивом выделяются примеры топонимов, параллельных названий (даются после знака //), семантических микросистем (даются через тире), свидетельствующие о связи локуса с культовым объектом (полная подача и интерпретация материала содержится в приведенных выше статьях). Знаком * отмечены названия, для которых указанная семантика фиксируется за пределами территории Русского Севера. Посреди строки таблицы, вне деления на столбцы, подаются примеры названий, для которых возможна двоякая интерпретация.

Символ или идея народной религии, положенные в основу названия	Культовые объекты или действия	
	языческие	христианские
Бог	камень (К Богу в Ступочку) сосна (Богова Сосна) идол (Бождово) городище (Боженко // Городище – Идолово – Побойще)	икона (Боженыха – Икониха) церковь (Боговый Лужок – Поповская) кладбище (Божий Городок // Погост) освящение места (Божёный)
	Ср. также: Богова Гора – Молебное	
*Христос (Иисус)	жертвенник (Христова Гора)	монастырь (Иисусова Полянка)
святой	камень (Святой Камень) сосна (Святые Сосны)	церковь, часовня, монастырь (Святая Гора // Казанская, Святой Ключ // Часовенский) крест (Святоозеро – Крест-Бор) икона (Святой Образ) освящение места (пок. Святое) Ср. также: Богомольная Горка – Святое, Святое – Господская – Поклонная
поганый	городище (Поганца – Городецк) ? дерево (У Поганого Попа)	
	кладбище (Поганый Лог)	
скоморох	«бесовские игрища» (Скомороший Ручей – Богородский Ручей)	
	кладбище (Скоморохово)	
черт	городище (Чёртово – Городище) идол (Чёртово – Болван) Ср. также: Поганый – Городишна – Святица – Чертолом	
*шайтан	языческое святилище (Шайтаново)	

Данная таблица обнаруживает два варианта отражения связей с культовыми объектами: 1) **нечистая сила** → **языческий культовый объект (действие)**; 2) **святая сила** → **языческий или христианский культовый объект (действие)**²². Если нечистая сила «специализируется» на объектах языческого культа, то крестная сила работает «на обе стороны», хотя при этом в ее лагере отмечаются определенные «пристрастия»: топонимы, образованные от апеллятива *Бог*, обозначают преимущественно места отправления языческих культов, а названия, в основу которых положен апеллятив *святой*, — места христианских культов. Топонимический материал демонстрирует архаичность семантики *боговых* и *святых* названий (хорошо известно, что семантика лексемы *Бог* имеет языческую предысторию, рефлексы которой просматриваются и в синхронном употреблении, а судьба корня *свят-* демонстрирует «исключительную спаянность этих двух компонентов (языческого и христианского. — Е.Б.)» и «органичность перехода первого во второе» [Топоров 1995в, 488]) и, тем самым, возможность **нейтрализации основной оппозиции народной религии**. Следует отметить еще одно обстоятельство: языческие культовые объекты нередко бывают по происхождению «чужими», т.е. могут относиться к чужой религиозной культуре, что является дополнительным фактором, определяющим привлечение образов нечисти для их номинации.

Выше отмечалось, что, помимо нейтрализации, нередко наблюдается **сохранение актуальности указанной оппозиции**: «христианская рефлексия» носителей топонимической системы приводит к тому, что нечистое и священное разводятся. При этом возможны две ситуации: 1) **эстафета, преемственность нечистых и святых свойств локуса**; 2) **перераспределение этих свойств, закрепление их за разными объектами**.

Первая ситуация предполагает потерю объектом после освящения нечистых свойств и надление его (хотя бы оппозитивно) статусом святого места. Примеры такого плана редко оказываются зафиксированными в развернутом виде, поскольку *нечистое* название забывается: ср. возможность реконструкции «праназвания» **Бесово Место* из контекста к названию ск. *Святой Нос* — «там все карбаса бились, бесово место. Крест поставили — бат, пронесет». Иногда преемственность топонимов все же удается установить: *Бесов Мыс* → *Крестовый*, *Упырево* → *Святая Гора*. Отметим, что, описав мировоззренче-

²² Формулировка этой модели не учитывает исходную (архаичную) семантику топонимов *Бог*, *святой*.

ский круг, топонимическая номинация вернулась к такого рода эстафетам в первые годы Советской власти (*Святой Угол* → *Свободный Угол*).

Суть второй ситуации заключается в том, что свойства «нечистоты» и святости оказываются связанными отношениями перераспределения, своего рода дополнительной дистрибуции. Данная ситуация является продолжением первой, реализуя эволюционный разворот судьбы нечистого: не подавление его святым, а сосуществование того и другого в соседних точках пространства. Топонимия многократно и вариативно фиксирует результаты реорганизации пространственных связей по этому сценарию, в результате чего около *святых* объектов (святой полюс может быть маркирован определениями *святой*, *крестный*, агитопонимами типа *Спаская* или же быть немаркированным) появляются *чертовы*, *поганые*, *шайтановы*, *страшные*. Повторяющимся мотивом данного сценария является мотив «низвержения» (в буквальном смысле этого слова) нечистых свойств объекта, которые транспонируются с того места, где ставится церковь, крест и т.п. (а это, как правило, возвышенность), в овраг или болото. В плане лингвистической техники описываемое явление напоминает по своему механизму процесс образования вариативных микросистем топонимов [Березович 1992, 107–110] или метонимических калек: если последние возникают в результате метонимического расщепления на базе синонимии или дублетности [см. Матвеев 1986а, 134; Матвеев 1986б, 38], то здесь наблюдается **метонимическое расщепление на базе энантиосемии**.

Попытка сознания определить то место, куда могли бы быть транспонированы нечистые свойства освящаемого локуса, свидетельствующая о нежелании допустить возможность их полной элиминации, обнаруживает субстрат онтологического восприятия нечистого. Такое восприятие, как уже говорилось, является весьма архаичным; констатация этой ситуации даст нам переход к описанию второй смысловой доминанты в семантической структуре изучаемых топонимов, которая была определена как ***характеристика собственных свойств локуса, способствующих номинативному освоению его с помощью образов народной религии***.

А. Крестная сила

Специфика объектной соотнесенности топонимов, в основе которых лежат обозначения крестной силы, помогает восстановить структуру ментальных образов представителей крестной силы.

Идея или образ народной религии	Вид или свойства географического объекта	Компоненты ментального образа
<i>ангел (херувим ?)</i>	объекты, мелиоративно оцениваемые с эстетической точки зрения	мотив красоты
<i>Бог</i>	горы	мотив близости к небу
	густые заросли	мотив дикой природы
	бурелом	мотив «Бог – громовержец»; мотив дикой природы
	объекты, имеющие хозяйственную ценность (богатые рыбой, ягодами)	мотив пользы
	объекты, не находящиеся в чьей-либо собственности	мотив ничейности
	объекты, мелиоративно оцениваемые с эстетической точки зрения	мотив красоты
<i>Христос</i>	горы	мотив близости к небу
	объекты, имеющие хозяйственную ценность	мотив пользы
<i>святой</i>	водоемы со светлой, «серебряной» водой	мотив блеска, сияния
	водоемы с текучей, не стоячей водой, родники	мотив движения, жизни
	место падения каменной тучи	мотив «божественного происхождения»; мотив необычного, сверхъестественного
	объекты большого размера	мотив обширности
	камни-следовики	мотив необычного, сверхъестественного
	бездонные озера	мотив необычного, сверхъестественного
	места, населенные нечистой силой (в том числе коврами водяного); места, где «пугает»	мотив «нечистого»
	пороги, скалы, омуты	мотив опасности
	объекты, имеющие хозяйственную ценность (богатые рыбой)	мотив пользы
	объекты, мелиоративно оцениваемые с эстетической точки зрения	мотив красоты

Б. Нечистая сила

Ментальные образы представителей нечистой силы демонстрируют большее единообразие мотивной структуры; при этом образ черта «покрывает» образы другой нечисти, которые лишь повторяют его некоторые мотивы. Структура ментального образа черта такова:

Вид или свойства географического объекта	Компоненты ментального образа
объекты небольшого размера	«точечный» характер локализации нечистой силы
отдаленные, глухие места	мотив неизмеренности расстояний; мотив дикой природы; мотив необжитого пространства
болото, омут, водоворот	мотив дикой природы; мотив необжитого пространства
комплексные или переходные по своему характеру объекты (предболотье, гряды между покосами, объекты с комплексной характеристикой рельефа)	
обильный змеями	
бурелом	
камни-следовики	мотив сверхъестественного
бездонные озера	мотив сверхъестественного
места, где «водит», «чудится»	мотив страшного
овраги, ямы, рытвины, рвы; каменные завалы	мотив «эсмаеустроительской деятельности»
водоемы с черной водой	мотив черного цвета
«убисные» места	мотив «не своей смерти»
бедные в хозяйственном отношении объекты	мотив бесполезности

Анализируя представленные таблицы, можно выделить несколько вариантов функционирования основной оппозиции народной религии.

Нейтрализация оппозиции

Случаи нейтрализации оппозиции фиксируются весьма устойчиво, при этом выделяются различные варианты нейтрализации.

Во-первых, может наблюдаться полное совпадение денотативного содержания *нечистых* и *святых* названий. Так, и те и другие используются для обозначения: камней-следовиков (*черт, святой*), мест, где обитают коровы водяного (*леший, святой*), скал, мысов, порогов (*бес, сатана, черт, святой*), бурелома (*черт, Бог*).

Таким образом, происходит нейтрализация на базе мотивов «необычное, сверхъестественное», «опасное, страшное», «нечистое». При этом следует констатировать, опять-таки, возможность перехода святой силы на территорию нечистой, а не наоборот.

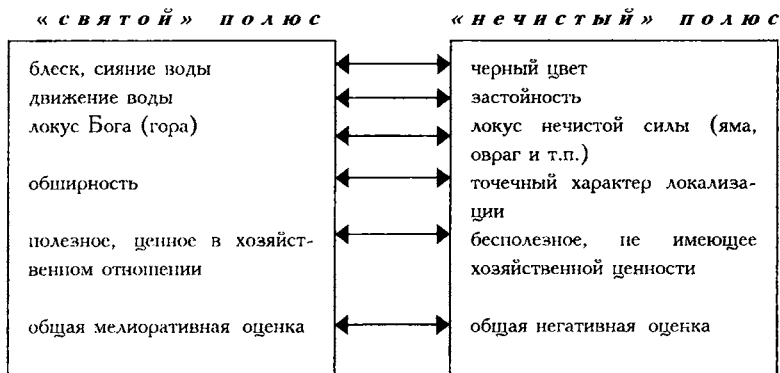
Если в первых трех случаях из вышперечисленных четырех нейтрализация осуществляется в результате реализации однонаправленных мотивных ходов, то при номинации бурелома мы имеем разнонаправленные движения мотивов, отражающих деятельность представителей святой и нечистой силы по созданию этого вида природных объектов: деятельность Бога-

громовержца, посылающего бурю, осуществляется сверху вниз, черта — снизу вверх. Однако следует отметить, что, независимо от направления действий, результат их оказывается одинаковым. Способность божьих топонимов (как и чертовых, бесовых и т.п.) номинировать заваленные буреломом, труднопроходимые места, дает еще одну возможность нейтрализации основной оппозиции народной религии: в данном случае основой для нейтрализации становится мотив дикой природы, который, однако, является маргинальным в структуре божьих топонимов (и нерелевантен для семантики святых названий).

Во-вторых, нейтрализация может предполагать не полное совпадение, а переключку мотивов, которые обнаруживают эффект калейдоскопа, совпадая в одной плоскости и различаясь в другой. К примеру, мотив ничейности места, эксплицируемый божьими названиями, сходен с мотивом необжитого пространства, который реализуется чертовыми и т.п. топонимами. Однако первый восходит к мотиву посвященного Богу, заповедного места, второй связан с мотивами дикой природы, страшного, опасного, дикого и т.п.

Актуальность оппозиции

Актуализация оппозиции происходит при задействовании следующих компонентов концептуального содержания:

Еще один момент противопоставленности святого и нечистого связан с экспликацией мотива смерти, который по отношению к нечистому полюсу оппозиции выступает как мотив «убиенного места». Что касается святого полюса, то здесь идея смерти реализуется через обозначение культового объекта — кладбища (ср. топоним *Божий Городок*). Так осуществляется противопоставление «своей» и «не своей» смерти. Однако образ кладбища в на-

родной культуре — и в ее топонимической версии в том числе — имеет амбивалентный характер (подробнее эта ситуация будет рассмотрена в разд. 2 настоящей главы).

Ситуация актуализации оппозиции подчеркивается наличием семантических микросистем *Бог — черт, святой — поганый, святой — черт, святой — поганый*.

Нерелевантность оппозиции

В структуре ментальных образов нечистой и крестной силы имеются ситуации, когда форма оппозиции становится нерелевантной для описания концептуального наполнения топонимов. Иными словами, в некоторых случаях святое и нечистое находятся в разных плоскостях, не обнаруживая моментов корреляции друг с другом.

К примеру, мотив красоты, присутствующий в представлениях о святом, не обнаруживает пересечений с мотивной структурой нечистого, поскольку последнее не оценивается с эстетической точки зрения.

Для нечистого полюса самым значимым становится мотив локализации персонажа в определенной точке ландшафта, причем этот локус является типовой и обязательной характеристикой персонажа. Крестная сила, по сути, не имеет на земле места обитания; вопрос о локусе крестной силы вообще не ставится топонимией (за исключением, как уже говорилось, божьих гор, которые мыслятся даже не столько местом пребывания Бога, сколько местом, близким к Богу). Таким образом, номинирование объекта путем указания на идею или образ персонажа из лагеря святой силы чаще всего не подразумевает присутствия «субъектов святости» в данной точке пространства. Отсюда нерелевантность оппозиции при описании, например, семантики топонимов, образованных от апеллятивов *кикимора* или *русалка*.

С этим пересекается и другое обстоятельство: проживая в определенных точках пространства, представители нечистой силы получают возможность заниматься активной деятельностью по реорганизации окружающего ландшафта. Топонимия отражает представления носителя традиционной культуры об этих занятиях — переноске каменных валунов, рытье ям и оврагов, валке леса. Крестная сила практически не работает в этом направлении, хотя иногда на земле обнаруживаются поваленные под «дистанционным управлением» Бога деревья. Показательно такое обстоятельство: если черт и бес трудятся на гумне (*Чёртово Гумнице, Бесово Гумно*), продуцируя обильный урожай ягод, то Бог собирает урожай на поле смерти (*Божья Нива*).

Активная, деятельностная натура персонажей из лагеря нечистой силы и «рядоположенность» их человеку обуславливают, как было указано выше, возможность осмысления представлений о нечисти в форме конкретно-чувственного образа. В то же время представление о святой силе в рамках топонимической номинации образно не воплощается (исключение составляет единственный топоним *Богов Дворец*). Таким образом, в данном случае, в отличие от предыдущего, мы имеем не отсутствие корреляции между компонентами концептуальной структуры святого и нечистого, а несовпадение способов осмысления и языковой репрезентации соответствующих ментальных образований. Черт, леший и бес наделяются жилищем, околodomными постройками, хозяйственным инвентарем, после смерти им предоставляется домовище; эти персонажи «известны в лицо», поскольку за деталями ландшафта угадываются черты их внешнего облика. Разумеется, не следует забывать о том, что номинации вроде *Чертova Кружка* вряд ли возникают на основе симультанного сцепления образов *черта* и *кружки*: образ кружки (в других случаях — зыбки, колеса и т.п.) оказывается познавательно ведущим, а образ черта уменьшается до размеров экспрессивной добавки к этой познавательной базе. Однако гносеологическая активность образной номинации обуславливает возможность оживления образа в духе «такая кружка должна быть у черта», «в этой зыбке леший качает детей» и т.п.

Еще раз подчеркнем принципиальный, по нашему мнению, факт отсутствия в топонимии образных *божьих, ангельских, христовых* и т.п. наименований. В нарицательной лексике номинации такого плана представлены (ср. наличие *божьих стаканчиков, ручек, коровок, барашков* и др.); топонимия же игнорирует данный номинативный материал, поскольку он не соответствует логике топонимического освоения действительности, предполагающей концептуализацию такой ментальной сферы, как представление о географическом пространстве в хозяйственно-бытовом ключе.

Подведем итоги.

1. Топонимический материал демонстрирует в целом весьма низкую активность образов и идей основной оппозиции народной религии как базы для топонимической номинации, что говорит об отсутствии у последней тяготения к представлению географического пространства как арены борьбы нечистой и святой силы. Такой разворот был бы возможен при смене присущей топонимии Русского Севера общей концепции топонимического картирования действительности (ср. замечание И.И. Муллонен о «прагматизме» вепсской топонимии, последовательно отражающей то, что целесообразно с точки зрения хозяйствен-

ного назначения, который заметен на фоне географических названий северной Карелии, где ощущается персонификация явлений окружающей природы, отражение мифологических представлений и т.п. [Муллонен 1993, 4]).

2. Идеи и образы, репрезентирующие нечистый полюс центральной оппозиции народной религии, представаны более широко, чем составляющие святого полюса, что обусловлено денотативной привязкой топонимикона к пространству земли и слабой разработанностью в топонимической номинации персонажного ряда святого полюса оппозиции. Детализация персонажного ряда (включение в него образов святых, Богородицы) повлекла бы за собой необходимость сюжетной организации фрагментов топонимического континуума, что не стыкуется с когнитивными доминантами топонимической номинации. В то же время образы языческих божеств, как представляется, не нашли отражения в топонимии Русского Севера (кроме ритуального персонажа Ярилы), что объясняется деактуализацией имен языческих богов ко времени сложения русской топонимии изучаемой территории или же их табуизацией.

3. В топонимии проявляется более архаичная, чем в системе языка в целом, концепция святого (божьего): а) топонимы, образованные от основы *Бог*, употребляются при обозначении связи локуса с объектами преимущественно языческого культа (аналогично могут использоваться *христовы* и *святые* названия); б) святое в топонимии может трактоваться как опасное, феноменальное, сверхъестественное и даже нечистое; в) в мотивной структуре топонимической святости представлены мотивы блеска, сияния, движения, что дает реминисценцию архаической семантики святого [см. Гоноров 1995в, 468–476]. Способность топонимии к сохранению архаики такого плана не позволяет полностью согласиться с квалификацией топонимов, образованных от апеллятивов *святой*, *Божий* (с производными), как христианских [см. Бернштам 1995, 240].

4. Если концепция святого имеет достаточно сложную структуру, включая в себя противоречивые мотивы, являющиеся наследием хронологически разных этапов осмысления святости, то концепция нечистого более целостна. Те новации, которые могли бы возникнуть в связи с появлением в стане нечистой силы образа противника христианского Бога — сатаны (дьявола), аннулируются за счет наделения дьявола функциями, традиционно выполняемыми чертом (ср., к примеру, рытье ям), и, по сути, превращения его в тривиального «демона места». Кроме того, *дьявольские* и *сатанинские* топонимы значительно уступают *чертовым* по распространенности и даже могут быть охарактеризованы как раритетные.

5. Представление нечистого полюса оппозиции в топонимии связано по преимуществу с трактовкой неосвоенного, «апофеозно-природного» пространства как места локализации нечистой силы. Таким образом, здесь мы имеем весьма архаичное понимание нечистого пространства как необжитого, неосвоенного, чужого (ср. замечание Б.А. Успенского о том, что «противопоставление «чистого» и «нечистого» пространства появилось не на христианской почве. В архаических (дохристианских) представлениях оно соответствует общему противопоставлению «своего» и «чужого» [Успенский 1994, 275]). Важно отметить, что неосвоенность пространства человеком предполагает освоение его нечистой силой; в этом плане человек и нечисть работают параллельно — каждый в своей зоне.

6. Параллелизм деятельности человека и нечистой силы задает «человекоподобный» ракурс изображения нечистой силы в зеркале топонимической номинации. В то же время прагматизм топонимической версии народной религии не позволяет воспринимать деятельность нечисти как протекающую *hic et nunc* и переводит эту деятельность если не в ирреальную модальность, то в перфект: освоение пространства человеком и чертом не совпадают по времени, черт «творил» в прошлом (ср. *городище*, *дворище*, *гумнище* и др.) и результаты его трудов зачастую разрушены, предстая только в виде «следов», а дом оборачивается его могилой (тем самым данный образ сближается с образом чуди). Итак, нечисть в топонимической подаче онтологически задана в пространстве, ее действия и облик моделируются по человеческому образу и подобию, однако дистанцированность, «античеловечность» нечисти создается ее принципиальным включением в иной хронотоп, чем тот, в котором находится человек, а также орнаментируется негативной экспрессией (вообще, обширный ряд *чертовых*, *бесовых* (и особенно *поганых*) названий обнаруживает выхолощенность со стороны концептуального содержания, поскольку они функционируют как чистые экспрессивы).

7. Включение концептуальных полей святого и нечистого в общую концепцию топонимического картирования действительности влечет за собой появление таких компонентов концептуальных структур, которые не эксплицируются в других сферах функционирования соответствующих полей. Эти компоненты оказываются «наведенными» логикой топонимической концептуализации — подобно тому, как происходит изменение траектории движения намагничиваемого тела в магнитном поле. Речь идет в первую очередь о мотиве полезности, хозяйственной ценности объекта в структуре топонимической версии святости и, соответственно, мотиве непригодности для использования в структуре представлений о нечистом. Данные мотивы обязаны своим возник-

повением утилитарной, хозяйственно-бытовой направленности топонимической концепции пространства. Такое «обытовление» топонимической версии святого и нечистого обнаруживает переключки с общеязыковой тенденцией к десакрализации, «профанизации» идеи божественного, сакрального; ср., в частности, трансформацию идеи принадлежащего Богу, заповедного в мотивничейности (и наоборот: не принадлежащий никому \Rightarrow принадлежащий Богу).

8. Представления о генезисе святого и нечистого имеют сходную в самых общих чертах структуру, включающую две смысловые доминанты, которые могут быть охарактеризованы как «исконный» и «благоприобретенный» варианты генезиса святых или нечистых свойств объекта. При этом по отношению к святому лидирует «благоприобретенный» вариант; по отношению к нечистому — «исконный». Иными словами, святость преимущественно вносится в географическое пространство, «прививается» топообъекту, в то время как нечистые свойства являются «врожденными».

9. Судьба центральной оппозиции народной религии в топонимической версии может быть тройкой: а) сохранение, актуализация оппозиции; б) нейтрализация ее; в) нерелевантность оппозиции. Наличие последних двух ситуаций еще раз свидетельствует об отсутствии жесткой связи топонимической версии народной религии с канонической православной традицией. Из ряда вариантов актуализации оппозиции следует отметить один топонимический сюжет, который не отражается в других сферах языковой традиции и является в этом смысле сугубо топонимическим: преобразование нечистых свойств локуса в святые и разведение тех и других, осуществляемое на топонимическом уровне либо посредством переименования объекта, либо путем перенесения второго имени на смежный денотат.

1.2. Библейские локативы

Ад В нашем материале имеется 6 топонимов, образованных от основы *ад*: бол. *Ад* [Прим], руч. *Адовая Курья* [К-Б], бол. *Адово* [Вил; Вин], бол. *Адово Болото* [Лен; Леш]. В объектной соотнесенности *адовых* топонимов просматривается четкая закономерность: они обозначают, как правило, болотистые, труднопроходимые места; ср. в апеллативной лексике: *ад* 'непроходимая грязь' [СРНГ, 1, 204], *адово дно* 'топкое вязкое место по берегу реки' [ЛК ТЭ]. Думается, эксплицируемое по данным языка представление об *аде* как топком болоте имеет осязаемое национальное своеобразие. При объяснении топонимов информантами обнаруживаются следующие дополнительные смысловые компоненты, мотивирующие названия: а) 'мрачное, глухос

место' — «темное, страшное, как в аду» [Леш, Родома], «мрачное, страшное оно» [Леш, Возгора], «тонкое, глухое» [Лен, Лена]; б) 'опасное место' — «там много растет морошки, ходили туда — и много несчастных случаев было. Там как ад» [Вил, Вилегодск]; в) 'отдаленное место' — «Ад — самая дальняя пожня, 30 километров от деревни, там самый дальний съезмок, на болотине косили» [Прим, Лошшеньга]. Интересно, что топоним *Ад* (мотивировка которого дана в последнем из вышеприведенных контекстов) включен в семантическую микросистему бол. *Ад* — бол. *Проклятые* — ур. *Молебское*, ср.: «сначала Молебское — там молятся, в Проклятые потом идешь, потом Ад»; «на Ад пойдешь — у Молебского помолишься — так старики смеялись» [Прим, Лошшеньга]. Показательна проявляющаяся здесь связь *ада* и *проклятого места*. Соотнесенность *Ад* — *Молебское* актуализирует не ощущаемое в других случаях религиозное звучание топонима.

Приведем также топонимический неологизм *Черта Ада* [Мез]: так называют в гор. Мезень урочище, которое пролегает между городом и бол. Пыйское. Несмотря на то, что в названии задействован новый для традиционной топонимии нюанс образа, данное наименование вписывается в топонимическую концепцию *адового места*.

ВАВИЛОН. Данное имя функционирует в составе 6 топонимов: поле *Вавилон* [Он], часть д. *Вавилон* [Лен], лес *Вавилонка* [Шенк], бол. *Вавилонское* [К-Б], поле *Вавилоны* [Он], г. *Вавилон* [Пыщ]. Закономерности в объектной соотнесенности не просматриваются, однако характерно то, что четыре из шести вышеперечисленных объектов расположены около деревень, в которых есть церкви. Возможно, в этих случаях топонимы с основой *вавилон* — результаты символической номинации, при которой названия мотивированы самим только фактом религиозной маркированности. Это подтверждается семантической микросистемой поле *Вавилон* — поле *Ерусалимы* (объекты расположены около д. Порог, в которой есть церковь). Ср. также пример из топонимии Тюменской области: *Вавилоны* — название части д. Демьянское, которая расположена около церкви и кладбища [Уват].

Однако для топонимов с рассматриваемой основой возможна не только символическая, но и образная мотивация, ср. название *Вавилон* (часть д. Цылиба), которое мотивируется следующим контекстом: «на горе стоит, вот и Вавилон» [Лен, Лена]. Проявляющийся здесь мотив возвышенности (и близкий к нему мотив большого строения) обнаруживается и в нарицательной лексике, ср.: *вавилоны* 'большой дом, большая постройка' [СРНГ, 4, 8], 'большие погребя, вырытые ходами в бутрах, по сторонам хода ледники с

ларями, где солится и укладывается красная рыба для отправки' [СРНГ, 4, 8], 'скопление камней, валунов, искусственно сложенных в виде концентрических колец древними обитателями Кольского полуострова, Карелии, Поморья, имеющие какое-то ритуальное значение' [Мурзаев, 109]. Образные истоки мотива возвышенности, большого строения, очевидно, связаны с Вавилонской башней (просматривающийся в значениях нарицательных лексем мотив извилистости характерен для ментального образа Вавилона в народном сознании [см.: Березович, Родионова 1996, 23], однако у нас нет данных о проявлении этого мотива в топонимии).

Сравнительно невысокая степень использования *вавилон*ов в топонимии говорит об ономазиологической неотработанности этих моделей, что подтверждается возможностью народноэтимологических трансформаций, ср. название ур. *Валивон* с мотивировкой «песок так и валит вниз» [В-Т, Сефтра], которое, очевидно, является переработкой исходного **Вавилон*, а также наименование поля *Валивоны* [Карг].

ГОЛГОФА. Имеется 3 топонима, в основу которых положено данное имя: г. *Голгофа* [Прим], г. *Голгофа* [Уст], г. *Голгофы* [Гряз]. Во всех трех случаях топонимом *Голгофа* (*Голгофы*) обозначаются гористые, возвышенные места, что указывает на прозрачность связи этих названий с легендарным библейским топонимом. Грязовские *Голгофы* расположены у с. Юношеское, где когда-то был монастырь. О существовании монастыря говорит название г. *Скит*, находящейся в нескольких десятках метров от Голгоф. Топоним *Голгофы* имеет следующую мотивировку: «монахи наносили эти горы подолами. Там были подземные ходы. Как курганы могильные горы эти» [Гряз, Юношеское]. Итак, мотивационная основа данного топонима — образ горы, соотносительность с монастырем, а также ассоциация с могильным курганом, вызванная искусственным происхождением объекта (как известно, библейская Голгофа — место казней). Аналогичное смысловое наполнение можно предполагать для приморского топонима *Голгофа*: эта гора находится в непосредственной близости от Соловецкого монастыря — на Соловецком острове Анзер.

Таким образом, топонимические *голгофы* являются, скорее всего, результатами символической номинации (причем субъектами номинативной деятельности, вероятно, являются монахи соответствующих монастырей; это подтверждается и отсутствием *голгоф* в диалектной лексике, что указывает на книжный характер данного образа).

ЕЛЕОН. Это имя представлено в 1 топониме — г. *Елеон* (вар. *Илион*) у д. Лопшеньга [Прим]. Для интерпретации этого топонима следует учесть,

что гора, обозначасмая им, находится недалеко от Соловецких островов — на территории, где целый ряд объектов, по всей видимости, был номинирован не без участия соловецких монахов. Ср. название г. *Синай* у расположенной по соседству с Лопиценьгой д. Летний Наволок и др. [см. Березович 1995, 89–90]. Названия *Елеон* и *Синай* можно считать результатами символической номинации, воплощающими некий прецедентный образ горы и не прошедшими детальной сверки со свойствами объекта.

ИЕРУСАЛИМ. В нашем материале имеется 21 топоним, образованный от этого имени: пок. *Ерусалим* [Он], поле *Ерусалим* [Ваш], поле *Иерусалим* [В-Г], д. *Иерусалим* [К-Г] и др. Специфика объектной соотношенности такова: более половины топонимов (12) обозначают поля и покосы, 3 топонима — ручьи, 2 — горы, 2 — озера, 2 — населенные пункты. Характерно то, что в нескольких случаях *иерусалимы* расположены около деревень, причем тех, где есть или раньше были церкви — на это могут указывать сами названия деревень, ср.: поле *Иерусалим* у д. *Троицкая* [В-Г], пок. *Ерусалимы* у д. *Покровское* [Ваш] и др. В этих случаях *Иерусалим* — результат символической номинации, отражающей только связь объекта с культовым сооружением. Данное положение подтверждается тем, что «слово *Иерусалим* в переносном смысле означает вообще Церковь Божию — Христианскую» [БЭ, 334–335]. Показательно также то, что одно из полей с названием *Иерусалим* расположено недалеко от поля *Вавилон* [Он], — это также подчеркивает символическое звучание топонима (см. статью *ВАВИЛОН*).

Возможность наделения топонимических *иерусалимов* символическим смыслом, позволяющим смоделировать тем самым важный для номинатора прецедент, хорошо иллюстрируется следующим известным историческим примером. В XVII в. патриарх Никон, которому очень полюбилось местоположение с. Воскресенское (в Звенигородском уезде Московской губернии), «задумал построить здесь обитель по образцу Иерусалимского храма. Для этого Никон купил с. Воскресенское с деревнями, а иеромонаху Арсению Суханову, бывшему тогда в Иерусалиме, поручил снять модели с Иерусалимской Воскресенской церкви, с часовни Гроба Господня и с Вифлеемской церкви» [Семенов, III, 549]. По «снятым» моделям не только строились храмы, но и осуществлялось номинирование объектов, находящихся на территории и в окрестностях монастыря: сам он был наречен *Новым Иерусалимом*; гора, с которой царь Алексей Михайлович любовался окрестностями, названа *Елеонской*; село Чернево названо *Назаретом*, колодезь около монастыря — *Силоамской купелью*, гора, под которой находится церковь во имя Предтечи

и Всех Мучеников, — *Голгофой*, р. Истра — *Иорданом* и т.п. [Семенов, III, 549—550]. Выдерживается даже приблизительное соответствие топографии святых мест исторической Палестины с их расположением по сторонам света относительно Иерусалима [Теребихин 1991, 24].

Однако для некоторых топонимов, образованных от основы *иерусалим*, возможен и другой мотивирующий смысл, ср. комментарий информанта: «Ерусалим — самая дальняя пожня у нас, до ей далеко, как до Ерусалима» [Уст, Строевское]. Около этой пожни находится пожня *Палестина* — и этот семантический ряд актуализирует прототипическую библейскую ситуацию.

ИОРДАН. В нашем материале имеется 28 топонимов, образованных от данного апеллятива: яма с водой *Ердан* [Холм], пок. *Ерданка* [Ник], ключ *Иордан* [Сямж], руч. *Иорданка* [Устюж], родник *Иордань* [Карг] и т. д. Из 28 топонимов 25 относятся к водной микротопонимии, обозначая ручьи, родники, колодцы, ямы с водой. Ряд названий имеет прозрачные мотивировки, ср.: руч. *Иорданка* — «у ручья Иорданка церковь была, иорданы делали, воду крестили» [Устюж, Лычно]; ур. *Иордан* — «часовенка была» [Плес, Мозолово]; родник *Ердань* — «на этом роднике поставлена часовенка, служили молебн» [Карг, Ловзунга]; омут *Ердань* — «воду святтили в Крещенье» [Сус, Головинская], руч. *Ердань* — «там стояла круглая избушечка, на столбах построена, там поп мачет крест» [Баб, Дийково]; р. *Ерданка* (рядом руч. *Святой*) — «находится на Лопач-Горе, где была деревянная церковь Ивана Купалы. Была вырыта из ключей, бивших на горе»; «в Ерданке коней кропили и ряженые купались» [Баб, Афоново, Васильково]; оз. *Ярдан* — «святая вода там была, освящали коней этой водой» [В-Уст, Кузьминская]. Контексты свидетельствуют о прозрачности образной основы топонимов, обозначающих источники со святой водой (текущие около церквей, часовен, обетных крестов), используемой для крещения и т.п. (ср. образ прототипической палестинской р. *Иордан*, где Иоанн Креститель крестил Христа, — этот факт обусловил огромную значимость Иордана в религиозной картине мира, ср. загадку: «Которая река всем рекам мать?» с отгадкой *Иордан* [ЭРП, № 2199]). Последний из вышеприведенных контекстов указывает на существование апеллятива *иордан* (*ердан*, *ердань* и т.п.) в значении 'прурубь для освящения воды', который широко фиксируется в русских народных говорах [Мурзаев, 202, 235; ЛК ТЭ]. Однако в результате семантического развития в ряде говоров данный апеллятив, утрачивая семантику «святого места», приобретает значения 'прурубь для подледного лова рыбы', 'прурубь вообще', 'яма с водой на болоте' [ЛК ТЭ; Мурзаев, 202; Полякова, 77—78]. Это

значение апеллятива может мотивировать топонимы, ср.: пок. *Иорданская* — «на пожне много ям, иордановя» [Лсн, Сойга]; бол. *Ерданское Болото* — «на болоте ерданы, скот тонул, зовем Ерданское Болото» [Кон, Заважерц].

ПАЛЕСТИНА. Данное имя функционирует в составе 17 топонимов: поляна *Палестина* [Вель, Уст], поле *Палестинка* [Сямж], поле *Палестины* [Вил], поле *Мишина Палестина* [Хар], поляна *Сенина Палестинка* [Гот] и др. Как видно, топонимические *палестины* номинируют поля и лесные полянки. Ср. в нарицательной лексике: *палестина* ‘местность, край; о большом пространстве, о большой полосе (земли, леса, покоса и т.п.)’ [ССРЛЯ, IX, 55-56], ‘участок земли’ [СРНГ, 25, 167], *палестинка* (обл.) ‘красивое, приятное местечко в лесу, лесная полянка’ [ССРЛЯ, IX, 56; СРНГ, 25, 167], ‘небольшой участок земли’, ‘тройинка в лесу’ [СРНГ, 25, 167]. Данные значения появились в результате утраты компонента «особой отмеченности» локуса, представленного в значении *палестина* ‘отечество, отчизна, родина, родные домашние места’ [Даль, III, 11], которое, в свою очередь, обнаруживает тесную связь с исходным библейским образом Земли Обетованной. В результате семантической генерализации лексема *палестина* обозначает преимущественно открытые пространства, что подтверждается топонимическими данными. Возможно, не последнюю роль здесь сыграло вторичное сближение со словом *поле*. Семантика открытого пространства могла быть наведена также аттракцией *палестина* ↔ *пластина* ‘участок земли, полоса пашни’ [СРНГ, 27, 89], ср. также *пласт* ‘земельный участок’ [СРНГ, 27, 84]; это же сближение даст сему ограниченности территории. Кроме того, значение отграниченного открытого пространства могло быть «спровоцировано» также аттракцией *палестина* ↔ *лепестина* ‘полянка’ [ЛК ТЭ] (подробнее см. в [Березович, Родионова 1996, 26–27]).

В актах мотивационной рефлексии по поводу названий полей *Палестина*, *Палестинка* может воссоздаваться более богатый и проработанный образ: а) ‘урожайное место’ — «богата поле, хорошо родит, как в Палестине» [Вил, Фоминская]; б) ‘участок земли с песчаной, неплодородной почвой’ — «водосочь там, песочек, а он жирун, неплодородный» [Вель, Никифорова]; в) ‘выгоревшее место, пожара’ — «деды наши там лес вырубил, а потом все выпалили, вот и зовется Палестиной» [Вель, Ежеская]. Приведенные мотивировки полярно противоположны: первая базируется на представлении о Палестине как о сказочно-прекрасной стране; во второй воплотился образ палестинских пустынь; что касается третьей мотивировки, полярно противоположной предыдущей, то здесь несомненна аттракция к лексеме *паль* ‘лесная

пожога' [ЛК ТЭ]. Однако мотивационная рефлексия такого рода редка; типичным для топонимии можно считать сугубо номинативное употребление данной тоноосновы, что подчеркивается ее функционированием в составе сложных топонимов типа *Мишина Палестина*.

Одна из *Палестин* [Уст] расположена недалеко от поля *Ерусалим*, в основе названия которого — признак удаленности объекта (см. *ИЕРУСАЛИМ*).

РАЙ. Основа *рай* представлена в 16 названиях: г. *Раяк* [Холм], пок. *Расположенский* [Нянд], пок. *Рай* [Кир], хут. *Рай Место* [Меж], поле *Райское* [Холм] и др. Из 16 топонимов 13 обозначают поля, луга и урочища, 2 — населенные пункты, 1 — озеро. Топонимы с основой *рай-* имеют, как правило, прозрачные мотивировки, обозначая красивые или ценные в хозяйственном отношении объекты, ср.: пок. *Рай (В Раяу)* — «уж там очень хорошо, избушки на берегу, место красивое, родник там недалеко» [Нянд, Лужная]; д. *Рай* — «хорошая в природных отношениях» [Вил, Меньшая]; ур. *Раяк* — «место красивое, вот и Раяк» [В-Г, Горка]; руч. *Раяк* — «там было место интересное, красивое, как прохладой тянет»; «дивно воды там, не пересыхает он»; «место это меж горами, там меньше ветер гуляет, из-за этого и названо» [В-Уст, Анциферово, Мителёво, Первомайское], ур. *Раяк* — «грибы росли хорошо, рай там был» [Шексн, Мушкино], ур. *Рай* — «Рай назвали, потому что и сенокос, и озеро с рыбой, и речка — все рядом» [Шенк, Шахановская]. Подобная мелiorативная семантика отражена и в микросистеме д. *Хорошая* — хут. *Рай Место* [Меж, Никола].

Райские названия, по всей видимости, могут иметь не только реальные, но и дезидеративные мотивировки, за которыми стоит стремление номинатора наделить объект желаемыми свойствами. Ср. свидетельство Е.М. Поспелова о том, что первый компонент ойконима *Рай-Семеновское* (во второй половине XVIII в. это была пышная усадьба Нащокиных в Московской губернии) — типичное название для помещичьих усадеб [Поспелов 1979, 128]. Возможно, сходным образом мотивированы *райские* названия, зафиксированные Географическо-статистическим словарем Российской империи П. Семенова: все 7 имеющихся в словаре топонимов являются обозначениями населенных пунктов (слобода *Рай-Александровка* в Харьковской губернии, с. *Райгородок* в Астраханской губернии, с. *Райгород* в Киевской губернии, с. *Райское* в Пензенской губернии и др. [Семенов, IV, 270–271]), а именно в ойконимии — наиболее искусственном из всех топонимических разрядов — можно ожидать появления редких в целом дезидеративов. Любопытно и то, что во всех *рай-*

ских поселениях, названия которых отражены в этом словаре, имеются церкви, что, возможно, имеет какую-то связь с соответствующими топонимами.

СИНАЙ. Этот восходящий к библейской традиции локатив отражен в 1 севернорусском топониме: г. *Синай* у д. Летний Наволок [Прим]. Название является результатом символической номинации (см. ЕЛЕОИ).

СИОН. Географические названия, образованные от этого имени, весьма трудны для интерпретации, поскольку исходная форма подверглась контаминации со словами *сиять* (*осиять*, *восиять*), существенно искажившей облик precedentного топонима. В нашем материале имеется 4 названия, которые могут быть с большой долей уверенности соотнесены с именем *Сион*; все эти названия обозначают возвышенности. Одно из них — *Сианская Гора* — находится в Нейском районе Костромской области; остальные три образуют микроарéal в районе оз. Кубенское — в Усть-Кубенском и Сокольском районах Вологодской области. Относительно последних названий известно, что они находятся в деревнях, где есть церкви: г. *Осиянка* (вар. *Восиянка*, *Высеянка*) расположена около Тихвинской часовни в д. Чирково [У-Куб]; г. *Осиянова Гора* (*Восияна*, *Осиянная Гора*) — у д. Шишкино, где имеется церковь [Сок]; на г. *Осиянная Гора* в д. Богослово когда-то была зимняя церковь Иоанна Богослова [У-Куб]. В августе 1998 г. нам довелось пронаблюдать обстоятельства функционирования последнего топонима, ср.: «церковь на горе стояла, вот и звали *Осиянная Гора*, что на её церковь стоит. А так-то гора никак не называлась»; «никак не звали эту гору, да и горы-то не видно. А раз церковь, так место святое, вот и *Осиянная Гора*. А настоящего званья ей не было» [У-Куб, Богослово]. Показательно, что информанты ощущают особый статус данного названия в топонимической системе, подчеркивая, что топоним *Осиянная Гора* функционирует только в связи с церковью, но не является «настоящим» именем географической реалии: действительно, это наименование не было упомянуто при перечислении возвышенностей, находящихся в окрестностях д. Богослово и близлежащих деревень, но о нем вспомнили лишь тогда, когда разговор зашел о выборе места для строительства церкви. Таким образом, *Осиянная Гора* может считаться элементом не столько текста, описывающего окружающую географическую реальность, сколько текста, связанного с культовой деятельностью; эти два текста в рассматриваемом случае функционируют параллельно друг другу.

Данная ситуация поддерживается тем, что наименование *Сион* в самой precedentной традиции «иносказательно прилагается к Церкви, как к земной, так и небесной, как к живому храму Иеговы» [БЭ, 655]. Не случайна и

контаминация с глаголом *сиять* (*осиять*), который часто встречается в церковных текстах (любопытно, что само слово *Сион* в языке-источнике означает 'солнечный, блестящий' [БЭ, 655]); при этом знаменательно, что «земная», практическая логика топонимического освоения действительности трансформирует абстрактное значение глагола *осиять* в конкретное: г. *Восияна* — «восход там, солнце сияет» [Сок, Трухинка]. Значимость этого топонима в системе народной религии подчеркивается тем, что он активно функционирует в заговорах [Агеева 1982, 135], загадках и духовных стихах (в формах *Сияньская гора*, *Сиянь*, *Осияньская гора* и др.).

СОДОМ. Данное имя представлено в 10 топонимах Русского Севера: пок. *Содом* [М-Реч], лес *Содомиха* [Ней], пок. *Содомники* [Кон], пок. *Содомы* [Меж], полосы в поле *Содомы* [Уст] и др. Эти микротопонимы, как правило, обозначают сельскохозяйственные угодья или леса — объекты, которые нередко находятся в чьей-либо собственности (ср. на других территориях: лес *Содом* [Ирб], поле *Содомная* [Сукс], поле *Содомное* [Уват], лес *Содомский* [Кот]). Мотивационные контексты для этих названий отсутствуют, однако можно предположить, что последние в ономаσιологическом плане аналогичны весьма распространенным наименованиям типа *Спорное*, *Суляжное*, *Браниха* и т.п., которые обычно обозначают урочища, находящиеся на границах земельных угодий разных хозяев, борющихся за право обладания соответствующими участками. Ср.: *содом* — 'шум, беспорядок, суматоха', *содомить* — 'шуметь, кричать; ссориться, браниться' [ССРЛЯ, XIV, 134], *содомный*, *содомливый* — 'шумный, крикливый', *содомщик* 'сварливый орала, затейщик ссор' [Даль, IV, 260]. Любопытна лексема *содомница* 'блюдо из солода с ягодами', ключ к ономаσιологической интерпретации которого можно найти в контексте: «кипришиху делали из солода, ягоды накладывают и хлебаи — это содомница. Содомят из-за нее» [ЛК ТЭ]; *кипришиха* (*содомница*) была лакомством, поэтому из-за нее спорили (*содомили*). Представляется, что топонимические *содомы* образованы по аналогичной модели. Таким образом, *содом* в топонимии — 'место, из-за которого спорят (*содомят*)'.

* * *

Говоря о специфике топонимической подачи библейских локативов, охарактеризуем сначала состав производящих лексем. Данная группа включает оппозицы *рай* и *ад*, а также ключевые для библейской традиции *потина loci* *Вавилон*, *Голгофа*, *Елеон*, *Иерусалим*, *Иордан*, *Палестина*, *Синай*, *Сион*, *Содом*.

Любопытны наблюдаемые при формировании самого репертуара мотивов расхождения между топонимией и нарицательной лексикой. В русских народных говорах отсутствуют вторичные номинации на базе имен *Голгофа*, *Елеон*, *Иерусалим*, *Синай*, *Сион*, составляющих половину библейских локативов, отразившихся в топонимии (семантические дериваты на базе имени *Голгофа* имеют книжный характер и не представлены в говорах) [Березович, Родионова 1996]. Это обстоятельство наводит на мысль о том, что в топонимии может быть использован несколько иной механизм трансформации исходного концептуального содержания библейского имени (принцип действия этого механизма будет определен ниже). Следует также отметить, что в топонимии Русского Севера отсутствуют названия, которые можно было бы убедительно соотнести с библейскими именами *Эдем*, *Фавор*, *Гетсиманский сад*, встречающимися в фольклорных текстах [ср. Агеева 1982].

Перейдем к рассмотрению топонимов, образованных на базе **библейских географических названий**. Представим данные относительно их смыслового наполнения.

Библейский локатив	Вид географического объекта ²³	Компоненты смыслового наполнения топонимов
<i>Вавилон</i>	— (нет гидрообъектов)	объект, близкий к церкви; мотив возвышенности
<i>Голгофа</i>	гора	гора, расположенная у монастыря, церкви
<i>Елеон</i>	гора	гора, расположенная у монастыря, церкви
<i>Иерусалим</i>	— (нет гидрообъектов)	объект, близкий к церкви; мотив удаленности от населенного пункта
<i>Иордан</i>	ключ, родник, ручей (реже озеро, яма с водой)	источник со святой водой; гидрообъект, расположенный у монастыря, церкви; ↓ яма с водой, окно воды на болоте
<i>Палестина</i>	поле, поляна	открытое пространство; урожайное место; участок земли с песчаной, неплодородной почвой; выгоревшее место, пожoga
<i>Синай</i>	гора	гора, расположенная у монастыря, церкви

²³ Данная графа заполняется только в том случае, если в объектной соотносительности топонимов обнаруживаются определенные закономерности.

<i>Сион</i>	гора	гора, расположенная у монастыря, церкви
<i>Содом</i>	сенокосные, пахотные или лесные падеши	объект, из-за которого ведутся земельные тяжбы

Как следует из таблицы, наиболее частотным смысловым компонентом топонимов, образованных на базе библейских *popina loci*, является **близость объекта к церкви (монастырю)**. Иногда этот смысл уподобляется, включая в себя и указание на вид объекта — гору (*Голгофа, Елеон, Синай, Сион*) или водный источник (*Иордан*).

Во всех этих случаях перед нами результаты символической номинации, которая «сочетает в себе отобъектную мотивировку... и отсубъектное, уже не зависящее от предмета представление о стандарте восприятия такого признака» [Рут 1992, 28]. Стандарт восприятия базируется на отсылке к прецедентному библейскому тексту, что усложняет прочтение информации, заложенной в топониме (ср. об этом у М.Э. Рут: «Символическая номинация всегда подчеркнута субъективизирована, «прочитаемость» информации об объекте в ней почти целиком зависит от уровня информированности о субъекте номинации» [там же]). Сложность «дешифровки» топонимов типа *Елеон* или *Синай* для носителя традиционной культуры связана с тем, что эти имена жестко прикреплены к одному культурному источнику, который явно не может во всем объеме считаться достоянием воспринимающего сознания; соответствующая информация не пропущена через самый демократичный ретранслятор — систему языка (имеется в виду отсутствие соответствующих номинаций в русских народных говорах). В качестве альтернативы можно привести в пример разработку семантики прецедентного имени *Москва* во вторичном топонимическом употреблении: наименования красивых, «веселых» лугов, богатых плодородных полей (чего стоит один только топоним *Москва Золотые Маковки* [В-Т!]), в основу которых положено это имя, базируются на когнитивном субстрате, который многократно отработан различными каналами трансляции этнокультурной информации — в первую очередь, текстами многих жанров фольклора. Такая прочная сформированность когнитивной базы компенсирует невключенность реалии в сферу личного опыта создателей традиционной крестьянской топонимии и создает глубину и стереометричность видения реалии, необходимые для образного, а не символического номинативного воплощения исходного мотивирующего смысла [см. Рут 1992, 30].

Возвращаясь к символическим топонимам, в основу которых положены библейские локативы, еще раз подчеркнем, что между названиями такого плана и исходным прецедентным текстом практически нет культурных посредников,

что увеличивает риск неудач при восприятии соответствующих имен носителями традиционной культуры.

Вышесказанное заставляет поставить вопрос об авторстве символических названий типа *Голгофа*, *Синай* и пр. Нужно отметить, что в словниках русских топонимических словарей и обширных картотеках ТЭ УрГУ по топонимии разных территорий России названия такого плана практически не встречаются. Единственное исключение — монастырская топонимия, которая, к сожалению, пока описана и изучена неудовлетворительно (нам известны только работы Г.И. Лисы [Лиса 1994] и Н.М. Терехихина [Терехихин 1991; 1993], где данному вопросу отведена эпизодическая роль). Имеющихся сведений, однако, достаточно, чтобы утверждать, что монастыри иногда имели собственную «сакральную карту», которая была сориентирована на прецедентный библейский топонимикон. Создание такой карты преследовало цель «дивинизации» монастырского пространства, творения «поместья Бога на земле»; воссоздание сакрального топографического прецедента повышало статус монастыря, что прекрасно выражено в названии *Новый Иерусалим* (описание разработанной Никоном сакральной топонимии этого монастыря см. в статье *ИЕРУСАЛИМ*). Г.И. Лиса приводит примеры названий такого плана, появившихся в XIX в. на территории двух монастырей Украины, ср.: долина *Иоасафова*, г. *Елеонська*, руч. *Кедрьский* и *Силуамський*, г. *Синай* и *Фавор* [Лиса 1994, 100]; ср. также топонимы *Самария* и *Мамринський Дуб*²⁴ в Сумской области [Черепанова 1984, 181, 249].

Характерна вписанность этих названий в довольно обширные ряды, которые в то же время следует считать нефункциональными для традиционной крестьянской топонимии. Их пространность, очевидно, определяла бы степень приближенности *новых иерусалимов* к их прототипу, однако текстовые фрагменты такого плана вряд ли вписались бы в окружающий топонимический континуум, поскольку ряды «сакральных» топонимов моделируют «ту» землю, традиционный народный топонимикон — «эту», которую надо осваивать и обрабатывать, чему может способствовать **инструментальный**, а не **мемориально-дезидеративный** номинативный пафос. Слабые инструментальные возможности прецедентных рядов обусловлены тем, что при их разворачивании становится все труднее удержаться на и без того низком для символических топонимов пороге отражения свойств объекта, что неминуемо влечет за

²⁴ Ср. *Мамврийский дуб* или *дуб Авраама* [БЭ, 449].

собой «натяжки» и «подгонки» (подробнее об отрыве «блочных» номинаций от объектного ряда см. в [Березович 1992, 151–167]).

Таким образом, монастырская сакральная топонимия диссонирует с традиционной крестьянской системой географических названий по следующим основаниям: 1) источники базовой этнокультурной информации (замкнутые на прецедентный текст vs. опосредованные языковым узусом и фольклорной традицией); 2) способ представления информации (символический vs. образный); 3) форма представления информации («блочный» топонимический ряд, замкнутый на прототипический текст vs. топонимический континуум, определяемый спецификой реалий).

Что касается нашего материала, то в нем имеется только два топонима, которые обозначают объекты, находящиеся на территории монастырей (имеются в виду две *Голгофы*: одна располагается в землях Соловецкого монастыря, другая — около монастыря у с. Юношеское [Гряз]). Если для этих названий можно постулировать авторство монахов, то по отношению к остальным вопрос об авторстве более сложен. Наиболее реальным представляется предположение об участии монахов в создании названий гор *Елеон* и *Синай*, расположенных у деревень Лопшеньга и Летний Паволок [Прим], в месте, которое хоть и не является непосредственной территорией монастыря, но входит в зону монастырского землевладения (рыболовные и сенокосные урочища по Летнему и Онежскому берегам Белого моря принадлежали Соловецкому, Никольскому и Антониево-Сийскому монастырям [Бернштам 1978, 44]), причем Соловецкий монастырь стал землевладельцем весьма рано — с первой половины XVII в. Возможность участия монахов в номинировании топообъектов на данной территории подтверждается существованием названий, несколько выделяющихся по своей стилевой окраске на общем фоне топонимикона поморов. К примеру, название оз. *Благодать* отличает некоторая созерцательность, нехарактерная для поморской топонимии; наименование расположенного рядом бол. *Нечистое* дано как бы с точки зрения служителя церкви — в народной топонимии не встречаются такие именованья для негативно маркированных локусов; по вариантным гидронимам *Чудесное* // *Явленное* можно предположить, что исходным номинативным материалом была конструкция оз. **Явленного Чуда*.

В настоящее время воспоминания о деятельности монастырей практически стерлись в памяти носителей топонимической системы, однако стилевое расслоение топонимического текста напоминает о былом соседстве поморов и монахов. Ср. еще один пример из топонимии Летнего берега, свидетельствующий о забвении активной деятельности монастырей на этой территории:

около д. Лопшеньга находится топя *Сиська*. Косвенные падежи этого топонима (на *Сиськой*, к *Сиськой*) указывают, что перед нами прилагательное (стяженная форма именительного падежа прилагательных — распространенное явление в севернорусской топонимии). Скорее всего, следует восстановить исходную форму **Сийска*(я), ср. историческое свидетельство о том, что тонями у д. Лопшеньга длительное время владел Антонисво-Сийский монастырь [Бернштам 1978, 44]. Один из информантов находит новую мотивировку для этого названия — «там мелко место посреди, бат, как сиська торчит» [Прим, Лопшеньга].

Таким образом, стилевая полифония топонимического текста позволяет увидеть за некоторыми топонимами Летнего берега Белого моря номинативный почерк монахов; в этот ряд явно входят названия *Синай* и *Елеон*.

В остальных случаях трудно с той или иной степенью достоверности установить, кто назвал поле около церкви *Вавилоном*, покос — *Иерусалимом* и т.п. Это и не суть важно, поскольку вполне вероятным следует признать заимствование традиционной крестьянской топонимией отдельных элементов номинативного стиля топонимии церковной.

Однако семантика топонимов, связанных с наименованиями библейских географических объектов, не ограничивается смысловым компонентом 'близость к церкви'. Попробуем объяснить происхождение других компонентов семантики вторичных библейских топонимов²⁵.

Во-первых, отдельные мотивы возникают вследствие **актуализации тех или иных содержательных элементов ментального образа географического объекта**. Такая актуализация происходит по-разному.

1. Возможны ситуации, когда акцентировка мотивов в исходном тексте и в когнитивной структуре-«реципиенте» в общих чертах совпадает (мотив возвышенности для Вавилона < образ Вавилонской башни).

2. Иногда происходит переакцентировка элементов представления о библейском локусе, обусловленная перенесением этрого представления в иную культурную среду со своими типовыми сценариями, определяющими структуру ментального образа места, географического объекта. Один из таких типовых сценариев предполагает восприятие элемента ландшафта как объекта собственности, из-за которого могут вестись земельные тяжбы. В эту форму «вливается» представление о Содоме, причем такая трактовка отталкивается

²⁵ Ср. работу И.В. Родионовой, где дается развернутая трактовка причин и особенностей трансформации библейских символов и образов в русской народной традиции [Родионова 1998а].

не от абстрактной библейской символики этого города — «источника разврата», а от выразительной и динамичной сцены падения Содома.

3. Наконец, могут быть выделены мотивы, которые возникают вследствие переработки не концептуального содержания текста, а сугубо внешних, «рамочных» и даже «дотекстовых» атрибутов (мотив удаленности для Иерусалима, мотивы урожайного места vs. плодородной земли для Палестины). Эта ситуация может быть ушодоблена восприятию спектакля нетренированным сознанием, для которого наиболее важными оказываются декорации, а не действие. Сказанное вовсе не подразумевает негативной оценки способности народного сознания воспринять библейский текст (такого рода оценки не могут входить в задачи нашей работы) — тем более что топонимия в силу самой своей денотативной специфики не может продемонстрировать глубину освоения содержания этого текста. В результате библейские *terrae sacrae* осмысляются примерно так же, как другие чужие земли: в соответствующих ментальных образах доминируют признаки 'удаленность' и 'урожайность' (ср., к примеру, топонимические «портреты» Сибири или Камчатки). Таким образом, логика концептуализации действительности, присущая традиционной крестьянской топонимии, определяет перекомпоновку ментальных образов библейских географических объектов в соответствии с магистральной прагматической направленностью топонимического «видения мира».

Во-вторых, некоторые смысловые компоненты возникают благодаря **проявлению языковых факторов**, а именно, под воздействием внутрисистемных связей, разворачиваемых как в парадигме значений одного слова, так и на межсловном уровне. В первом случае может происходить генерализация семантики, приводящая к появлению в смысловой структуре *иорданов* такого компонента, как 'яма с водой', 'окно воды на болоте'; во-втором — паронимическая аттракция (*Палестина* \Leftrightarrow *поле, поляна, паль, пластина, лепестина* и т.п.), вследствие чего в смысловом наполнении *палестин* возникают признаки 'открытое пространство', 'выгоревшее место'.

Наконец, выскажем несколько замечаний относительно смыслового наполнения названий, возникших на базе оппозиции *рай* и *ад*.

Адовы топонимы по своему смысловому наполнению весьма схожи с *чертовыми*: в их смысловой структуре выделяются компоненты 'заболоченный', 'труднопроходимый', 'мрачный, глухой', 'опасный', 'отдаленный'. Как уже говорилось, трактовка ада как болота представляется национально-специфичной (для русской культуры маловероятно восприятие ада как выжженной солнцем пустыни). В смысловом наполнении *райских* топонимов дают о себе знать эстетическая и прагматическая доминанты: соответственно,

такие названия обозначают красивые или ценные в хозяйственном отношении объекты. Семантика *адовых* и *райских* топонимов целостна и непротиворечива, что свидетельствует о хорошей сформированности и дотопонимической отработке концептуального содержания.

Райские и *адовы* топонимы практически не функционируют как *popina sacra*. К примеру, в соотносительном ряду *Ад — Молебское — Проклятые* актуализация религиозного контекста, возможно, имеет игровую природу. Что касается отмеченной нами (по данным словаря П. Семенова) закономерности относительно наличия церквей в *райских* населенных пунктах, то у нас нет оснований для того, чтобы постулировать здесь причинно-следственные связи. Наконец, следует отметить, что на *райские* названия может распространяться рефлекс дезидеративной трактовки библейского локатива; однако *райские* топонимы, в отличие от названий «*ново-иерусалимского* толка», создавались не монахами, а помещиками: если первые старались придать топографическому объекту статус священной земли, то последние — статус райского уголка, места «утех и отдохновения».

Итак, такой специфический номинативный материал, как библейские локативы, по-разному обрабатывается различными стилевыми течениями русской топонимической номинации. Традиционная крестьянская топонимия освоила его довольно слабо, что объясняется ее стремлением описывать реальную географическую действительность, а не моделировать ирреальную.

2. Концепция заветного места в русской топонимии

Если в предыдущем разделе рассматривались проблемы, связанные с отражением в топонимии корпуса идей и символов народной религии, и, соответственно, вектор анализа был направлен от мировоззренческого фонда народной религии к топонимии, то в данном разделе мы пойдем, в известном смысле, в обратном направлении: от топонимического материала к реконструкции представлений о **заветном месте**. Такой «обратный ход» не приведет к повторению или простой перекомпоновке предыдущего изложения, так как концепция заветного места выражается не только с помощью топонимов, образованных от «сакральной» терминологии (более того, многие названия, в основу которых положены *popina sacra*, имеют десакрализованную семантику, ср. хотя бы некоторые значения топонимических *иорданов* или *палестин*), но и с помощью топонимической лексики, которая может быть осмыслена как особо маркированная только в некоторых своих значениях. Итак, вновь вводимые топонимические данные (группа названий, обозначающих заветные

места) и материал, представленный ранее (названия, отражающие идеи и образы народной религии), имеют как обширное поле пересечения, так и непересекающиеся зоны.

Прежде чем перейти к описанию материала, оговорим вопрос о термине *заветное место*. Перед нами тот случай, когда в системе языка отсутствует адекватное обозначение для феномена, который, несомненно, заявлен в народной духовной культуре. Речь идет о точках пространства, которые могут быть названы «особыми», «памятными», «отмеченными» и т.п. Эти зоны появляются в ходе «духовного освоения пространства» (по терминологии Т.Б. Щепанской [Щепанская 1995]), которое предполагает осуществление ценностной «разметки» последнего. Узловыми точками «духовно освоенного» пространства считаются святые и страшные места, наделенные сакральным статусом. Если исследование Т.Б. Щепанской, квалифицируемое автором как этнографическое, нацелено на описание культурного кода, определяющего функционирование узловых точек пространства, то наше исследование призвано выявить языковой — точнее, топонимический код, используемый для передачи информации об этих зонах.

Идею святого места и страшного места (а также места смерти и погребения) мы решили объединить, обозначив термином *заветное место*. Слово *заветный* имеет следующие значения: 'особо ценимый, хранимый, оберегаемый // сокровенный, тайный', 'связанный с обетом, обещанием', 'связанный с запретом, запрещением' [ССРЛЯ, IV, 291–292]. Интересно использование этого слова как определения специфического корпуса фольклорных текстов — непристойных (эротических) пословиц, поговорок, сказок (традиция такого использования была заложена В.И. Далем и А.Н. Афанасьевым [Топорков 1995, 5–9]). Отсюда следует, что заветное можно трактовать как 'отмеченное', 'особо выделяемое', причем эта выделенность оказывается амбивалентной в плане ориентации на *святое* или *нечистое*, *ценное* или *обсценное*. Важно и то, что в лексический микрофрейм²⁶ заветного входит определенная поведенческая программа: заветное *заведено* (ср. возможность паронимической аттракции этих слов), нередко ритуально отмечено (ср.: *заветного нет* 'нет в обычае, не принято', *заветный праздник* 'праздник крестьян для предотвращения падежа скота', *заветка* 'примета, гадание', *завеченное животное* 'животное, приносимое в жертву при совершении обряда' [СРНГ, 9, 310–311], *заветный* 'обещанный в дар церкви' [СЛРЯ

²⁶ Термином *лексический микрофрейм* Е.Г. Беяевская предлагает называть фрейм лексического значения [Беяевская 1992, 13].

XI—XVII вв., V, 147] и др.). Что касается зон «духовного освоения пространства», то они, как правило, тоже включаются в определенный деятельностный сценарий (около крестов следует креститься; на перекрестках дорог — устраивать гадания; подходя к месту, где «водит», выворачивать одежду на левую сторону и т.п.). Таким образом, употребление нами термина *заветное место* соответствует концептуальному наполнению лексемы *заветный* и однокоренных (ср. отмечаемую в иллюстративном материале словарей способность данной лексемы сочетаться со словами, в семантике которых есть локативные семы, — *река, рубеж* и др., а также использование этого слова в мотивировках к некоторым топонимам: ключ *Массовой* — «заветный был ключик» [Сок, Антуфьево]).

Идея заветного места (не в смысле употребления термина, а в смысле выделенности самого днотата) обладает психологической реальностью для носителей традиционной культуры. Это наблюдалось нами в ходе полевых сборов топонимического и этнографического материала: на вопрос о том, какие места являются «особыми», «памятными», всегда можно получить развернутый ответ, иллюстрируемый, как правило, текстами быличек и поверий (другое дело, что этнографическая и топонимическая информация весьма редко совпадают, — см. об этом ниже).

Тополексемы, в семантике которых имеются семы, обнаруживающие связь с идеей особо отмеченного локуса, формируют семантическое макрополе 'заветное место'. Как подсказывает материал, в составе этого макрополя может быть выделено три поля: 'нечистое место', 'святое место', 'место смерти и захоронения'. Последнее обнаруживает переключки с первыми двумя (особенно с полем 'нечистое место'), однако значительная часть семантической информации формируется здесь по собственным законам, поэтому данное поле будет рассматриваться отдельно.

Поставив задачу выявления топонимических средств маркировки заветных мест, мы должны сначала определить элементы соответствующего фрейма: каждый из таких элементов имеет собственный набор лексем-репрезентантов, составляющих определенное семантическое микрополе; комбинация микрополей дает соответствующее семантическое поле, а комбинация полей, в свою очередь, — макрополе 'заветное место' в русской топонимии.

Восстанавливаемая фреймовая структура имеет статус архетипической модели ситуации, связанной со взаимодействием человека и заветного места. При этом набор (и особенно иерархия) компонентов фреймовой структуры для представлений о святом месте, нечистом месте и местах, связанных со смертью и погребением, полностью не совпадает, поэтому соответствующие

поля будут описаны отдельно. В то же время следует помнить, что изучаемые поля имеют зону пересечений, что обусловлено амбивалентностью представлений о сверхъестественном.

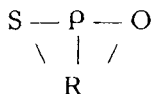
Структура семантического поля может быть описана не только как отражение представлений об определенной ситуации действительности, но и с точки зрения иерархии составляющих поле семантических зон. Как известно, полевая структура иерархична: ядерная зона наиболее полно и адекватно характеризует имя поля; в периферийных зонах связь со смысловой магистралью оказывается более опосредованной, при этом обнаруживается тяготение периферийных участков к другим полям — «ближним соседям» данного [см. Гак 1993, 24]. Разумеется, границы, отделяющие разные зоны друг от друга, условны: семантическое пространство не знает межевых столбов, но характеризуется плавностью переходов от одной смысловой зоны к другой. Помни об условности этих границ, мы все же считаем необходимым их наметить, поскольку это поможет сделать выводы о специфике отбора топонимией информации о заветном месте. Выделение в семантическом поле отдельных зон основано на структурировании семантического пространства лексем, составляющих поле. В этом семантическом пространстве можно наметить следующие зоны: **сигнификативная зона** (сема «нечистого», «святого» и т.п. входит в концептуальное ядро значений лексем); **коннотативная зона** (соответствующая информация входит в зону коннотации, будучи верифицируемой в деривационных связях, текстовых валентностях и т.п.); **ассоциативная зона** (информация входит в область «дальнейшей» семантики; ее языковой статус (правда, весьма низкий) поддерживается устойчивостью соответствующих ассоциаций); **зона маргинальной энциклопедической информации** (информация практически не верифицируется языковыми средствами; соответствующие связи, по существу, являются бытийными, имея минимальную поддержку на языковом уровне).

2.1. Семантическое поле 'нечистое место'

Определяя структуру фрейма 'нечистое место', отметим, что базовым компонентом этой структуры является **источник нечистых свойств локуса** (это нечистая сила или же объект, обладающий какими-то феноменальными, сверхъестественными характеристиками, воспринимаемыми как нечистые). Если пользоваться принятыми в лингвистике терминами описания структуры ситуации, то источник нечистых свойств локуса берет на себя роль субъекта ситуации. Этот субъект работает в двух направлениях: во-первых, воздействует на человека, провоцируя возникновение у него соответствующих реакций;

во-вторых, нечисть может направить свою энергию собственно на географический объект, при этом последнему сообщаются определенные свойства. Таким образом, возникает следующая структура фрейма '*нечистое место*': источник нечистых свойств локуса (нечистая сила, феноменальный объект); реакции человека на контакт с нечистым местом (состояния, эмоции); действия нечистой силы, направленные на географический объект; характеристики географического объекта, обусловившие восприятие его как нечистого.

В общем виде эта структура такова:

(где S — субъект, P — предикат, R — реакция человека, O — объект).

Данные компоненты выделены на логическом уровне — без учета специфики их языкового воплощения. Однако язык демонстрирует избирательность по отношению к этим смысловым зонам: соответствующая информация может не допускаться в концептуальное ядро значения слова, оставаясь на уровне коннотаций или еще дальше — в маргинальных участках энциклопедического значения лексемы. Более того, эта информация может быть приписана, навязана извне слову в ходе народноэтимологических трансформаций. Сама степень близости / удаленности интересующей нас информации от концептуального ядра значений слов определяет место соответствующего информационного блока (элемента фрейма) в структуре семантического поля.

Так, элемент фрейма '*источник нечистых свойств локуса* (нечистая сила или феноменальный объект)', несомненно, должен считаться центральным в структуре семантического поля, поскольку соответствующая информация составляет концептуальное ядро значений лексем-репрезентантов этого смысла. Тополексемы, обозначающие нечистую силу, были рассмотрены ранее, напомним их перечень: *бес, бука, дьявол, кикимора, леший (лешачиха), оборотень (обмен), русалка, сатана, скоморох, упырь, черт, шайтан*. Что касается феноменальных объектов, воспринимаемых как нечистые, то в нашем материале имеется только одно название такого объекта: ур. (пок., руч.) *Говорящая Береза* — «там была береза. Какая-то родила, не надо было ей ребенка, оставила там его, повесила на сук, через три суток сбегала, закопала его — вот, говорят, разговаривает береза, ревет», «лопнешь воды из него, дак хорошо заговоришь, поди. Так побашешь — и умрешь: вода для здоровья тяжелая» [Уст, Грунцовская]. Показательно, что топоним *Говорящая Береза*

используется параллельно названию того же объекта *Подосновица* (здесь проявляется несколько пренебрежительное отношение топонимической системы к информации такого плана, которое будет обсуждаться ниже).

Содержание элемента фрейма '**реакции человека на контакт с нечистым местом**' распространяется на две ситуации: 1) состояния человека, вызванные контактом с нечистым местом; 2) эмоции человека, связанные с нечистым местом. Тополексемы, описывающие первую ситуацию, входят в ядро изучаемого поля, поскольку сема, указывающая на каузацию состояния человека нечистой силой, представлена в значениях лексем-репрезентантов. Это лексемы *блзнить* и *манить*, имеющие значение 'казаться, мерещиться, чудиться (как правило, под действием нечистой силы)' [ЛК ТЭ]; ср. топонимы: лес *Блазниха* — «блзнило там, черти с огоньками бегали, а то слышали, будто плачет кто» [Некр, Гумнищи]; г. *Маниха* — «всё манит там, на Манихе-то» [Сус, Дергайково], лог *Манихин Лог* — «манило там всё время» [В-Уст, Нижняя Ерга] (сюда же, вероятно, следует отнести и название бол. *Заманиха* — «место такое — куда ни посмотришь — все одинаково. Когда солнца нет, не знаешь, куда и брести» [Он, Сергеево], а также пок. *Заманиха* [Кологр]; что касается прочих топонимических *маних*, то они могут иметь и другие значения, обозначая, к примеру, места охоты на уток, ср. *маниха* 'чучело, используемое для охоты' [ЛК ТЭ]). Вторая ситуация описывается тополексемами, которые обозначают состояние страха и семантически близкими к ним: *страх*, *бояться*, *пугать*, *опасный*, *неповадный*. Эти тополексемы в большей степени, чем предыдущие, удалены от центра поля, так как в их смысловой структуре сема «нечистого» представлена на уровне коннотаций, что доказывается существованием соответствующих связей, обнаруживаемых как в парадигме значений, так и на уровне словообразования (как указывает Ю.Д. Апресян, деривационные связи и переносные значения можно квалифицировать как языковые проявления коннотаций [Апресян 1995, 164–165]), ср.: *пугать* (безл.) 'наводит страх (о нечистой силе)' [ЛК ТЭ], *страшненький* 'черт' [ЛК ТЭ]. Ср. топонимический материал: *страх*: лог *Страшной Лог* — «там черти жили, туда сбежали, когда церкву ставили» [Котл, Петровская], лог *Страшной* — «ельник такой кругом, пугало там» [Уст, Верхняя Поржома], бол. *Страшное* — «манило там, страшное было место» [У-Куб, Родионово]; *пугать*: лес *Пуганое* (параллельное название *Темный Лес*) — «там тайга такая, пугало там»; «пугало, видно, там» [У-Куб, Тавлаш], поле *Пуганос* [Пыщ]; *бояться*: поляна *Боязливое* [Вель];

неповадный: пок. *Неповадно Савино* — «там неповадно, всё ёлки, глухое место, страшно» [Гряз, Поповкино]; **опасный:** руч. *Опасной* [В-Т].

Весьма сложная ситуация возникает с таким компонентом фрейма, как 'действия нечистой силы, направленные на географический объект или проявляемые в связи с ним'. Тополексемы *заколдовать (колдовать), ворожить* составляют ядро поля, ср. соответствующие топонимы: руч. *Колдовской Ручей* [Бел] (ср. также пок. *Заколдованное* [Кот]), порог *Ворожильный Порог* — «две струи: одна с одного берега, а другая с другого — и лодку перевернет, они вражды нам» [Прим, Лая]. Лексемы *залом, осесть*, называющие результаты действий, могут восприниматься в связи с такими поступками нечистой силы, как надламывание хлебов (ср.: «по представлениям восточных славян, злые люди, особенно колдуны и ведьмы, устраивают на хлебных полях ... так называемые заломы, т.е. надламывают хлеба... Назначение заломов двоякое. Во-первых, отнять у хлебов урожайность... Во-вторых, он принесет беду хозяину поля или жнецу, или же тому, кто станет есть хлеб из зерен залама» [Зеленин 1991, 70–71]), или же ее привычкой обрушивать под землю географические объекты (в данном случае вновь проявляется отмеченное выше сходство в осмыслении действий нечистой силы и чуди). Эти смыслы могли лечь в основу первичной мотивировки соответствующих топонимов: поле *Заломье* — «там заломы чёрт делал» [Карг, Лохово] (ср. также: пок. *Заломье* — «там чёрт ногу сломит, тако клоцёе ужасное» [Карг, Киверникова]); лес *Осёлой Бор* — «там деревня была давно, так была заколдована, там дома все просели»; «когда было крещение, люди местные — чудь — в пещеру и провалились. Там их и задавило» [Уст, Глубокий, Бестужево].

Что касается таких лексем, как *рыть, охать, плакать, свистеть, хохотать*, то изображаемые ими действия вполне «человечны» — в семантике данных слов нет никакой «специализации по профилю» нечистой силы. Однако в народных представлениях соответствующие действия нередко приписываются нечисти — в первую очередь, черту и лецеуму [см.: РДС, 297–340; 577–644]. Отсюда существование ряда топонимов, которые могут быть переосмыслены в связи с представлениями о действиях нечистой силы, ср.: *рыть:* руч. *Ров* — «черти прорыли ручей-от»; «плотину у мельницы там провало, говорят: черт прошел, дорогу прорыл» [Лен, Вандыш]; лес *Рытиха* — «там церковь провалилась» [Устюж, Бренчиха]; пок. *Рытик* — «черти рылись, проказили» [В-Уст, Горбачево]; *охать:* б.д. *Охалово* — «или сильно эхо там раздавалось, или что-то охало, вроде как блазило там» [Сок, Подъельное]; *плакать:* ур. *Плакса* — «на Плаксе народ блудился. И всё время

кажется, будто плачет кто, тянуло туда людей, кругами там ходили» [Шексн, Чаромское]; оз. *Плакунское* — «говорят, водилась какая-то ведьма, пугала, коровы тонули» [Шенк, Никифоровская]; *свистеть*: б.д. *Свистово* — «у этой деревни крест стоял, там пугало, выходило что-то — как огонь, или кто-то ходил с огнем» [Сок, Замошье]; *хохотать*: бол. *Хахатёна* — «чудилось, что хохочет там кто-то» [Галич, Чумутово].

Таким образом, компоненты фрейма '**действия нечистой силы**' тоже находятся на разном расстоянии от ядра поля. Такие лексемы, как *рыть*, *охать* и т.п., составляют периферию поля, поскольку их выделение основано на слабых семантических связях — ассоциативных (*рыть* ↔ *черт*, *охать* ↔ *леший* и др.), которые, к тому же, носят вторичный характер.

Наиболее сложной структурой обладает такой компонент фрейма, как '**характеристики географического объекта, обусловившие восприятие его как нечистого**'. Здесь обнаруживаются тополексемы, занимающие самое разное положение в структуре поля 'нечистое место' — от ядерного до глубоко периферийного. Наиболее близки к центру лексемы *лихой*, *чудный*, *святой*, *поганый*²⁷, *проклятый*, *окаанный*. Идея нечистого (сверхъестественного) составляет зону коннотации соответствующих лексем, поскольку обнаруживается в их деривационных связях или в парадигме значений, ср.: *лихой* ~ *лихо* (*лихой*) 'в суеверных представлениях — нечистая сила, домовый, злой дух' [СРНГ, 17, 76, 78]; *чудной*²⁸ ~ *чудил* 'по суеверным представлениям, добрый или злой дух, живущий в доме, бане, домовый' [НОС, 12, 66], *чуднать* 'терять рассудок под действием нечистой силы' [ЛК ТЭ]; *окаанный* ~ *окаянница* 'проклятое место, ад', *окаянница* *лешева* 'брань', *окайшка* 'бес, дьявол, черт', 'языческий праздник в честь начала полевых работ у вотяков; в нем принимали участие и русские' [СРНГ, 23, 117]; *проклятый* ~ *проклятый* 'в знач. сущ. — нечистый дух, черт' [Власова, 289] и др. Разумеется, вследствие многозначности этих лексем не приходится ожидать, что любой *проклятый*, *лихой* и т.п. топоним связан с выражением интересующих нас смыслов: в некоторых случаях названия такого плана — равно как и *чертовы*, *бесовы* топонимы — могут возникнуть или переосмыслиться позднее как чистые экспрессивы. Однако вероятностный характер топонимической семантики заставляет учитывать данные смыслы при описании смыслового наполнения

²⁷ О соответствующей семантике *поганых* и *святых* топонимов см. статьи *ПОГАНЫЙ* и *СВЯТОЙ* в разд. 1 данной главы.

²⁸ *Чудные* топонимы иногда подвергаются переосмыслению в связи со словом *чудь* ('мифическое племя'): *чудь* также может восприниматься как носитель «нечистого начала».

соответствующих топонимов. Представим топонимический материал: **чудо**, **чудной** (**чудь**): ур. Чудо — «раньше там была часовенка и, говорят, водило. Там огонек горел» [Влгд, Великое], г. Чудина Гора — «казалось там кому-то», «там жило племя чуди. От Чудиной Горы к Городищу подземный ход был» [Вель, Возгредовская], руч. Чудное [Вил] (рядом яма *Лешакова Яма*); р. Чудеса [Вин] и др.; **лихой**: бол. Лихое — «страшное болото, манило там, пугали — «не вернёшься оттуда» [Ваш, Муньга], руч. Лихотной — «лихое там место, манило там» [Леш, Шегмас], пок. Лихая Ляга, лес Лихое [Ваш], р. Лиходеевка (впадает в р. Черная Речка) — «места страшные там, один сузём», «лихо идти» [Котл, Новинки] и др.; **окайный**: пок. Окайные — «небольшие бережки, но очень крутые» [Тот, Останкинская], ср. также в топонимии Кировской области: ур. Окайная — «водило там» [Дар, Варкачи]; **проклятый**: пок. Проклятые — «чертово место, начупасься там», «тут же плохо место, зыбун такой», «сначала Молебско, там помолишься, в Проклятые потом идешь, а потом Ад» [Прим, Лопшеньга], пок. Проклятая [Мез], поле Проклятая Полянка [К-Б], поле Проклятое [К-Б], руч. Проклятый [Холм], оз. Клятное [Он].

Тополексемы **дурной**, **глухой**, **дикий**, **шалльной** отстоят от центра поля на шаг дальше, чем предшествующая группа. В их семантике рассматриваемые смыслы имеют статус «отраженной коннотации», обладающей большей, чем в предшествующем случае, факультативностью и меньшей устойчивостью. В смысловой структуре лексем **дурной** и **шалльной** связь с идеей нечистого вырастает на базе семантики безрассудства, неадекватности и других признаков психического состояния человека (которое может быть «наведено» воздействием нечистой силы), а в семантической структуре лексем **глухой** и **дикий** — на основе семантического субстрата неосвоенного пространства (ср, кстати, уже упоминавшийся параллелизм тополексем **глухой** // **чертов**, а также лексемы **дикарь**, **дикий** **мужичок** 'леший' [РДС, 633-634]). Представим топонимический материал: **дурной** (**дурак**): рукав р. Дурной Полой — «пужало все в этом полос. Кака-то женщина выходила, расчесывала волоса, увидит человека — спрячется» [Котл, Приводино], перебор Дурной — «черт камня навалил, каменный больно пережат» [Вил, Стафоровская], поле Дуракова Чищень — «в нем водило, говорят. Пастух гнал коров: утка плавает под ногами, он хотел поймать. Всю ночь бегал за ней, а рассвело — и утка пропала. Все на Дураковой Чищени блудили, хотя она — с гектар всего» [Влгд, Ильинское]; **шалльной**: ур. Шалльной Овражек — «там кака-то девка лесная выходила» [Плес, Федово]; лес Шалльная Поскоти-

на — «водит там, блудятся» [У-Куб, Богослово]; **дикий**: луг *Дикий Мыс* — «там всё люди блудятся, вот и назвали его Дикий Мыс» [В-Т, Малеевская]; **глухой**: овраг *Глухие Ворота (Чёртовы Ворота)* — «там глубокий овраг, в нем лшак, манит там» [В-Уст, Палсма]²⁹, овраг *Глухой Враг* — «очень большой враг, глубь, страшно» [Сус, Запрудня].

Более удаленной от центра поля следует считать группу тополексем со значением 'объект языческого культа (остатки древних поселений)' — **идол, болван, городище, бог (божок)**. Очевидно, можно говорить о том, что данные тополексеммы имеют коннотации, свидетельствующие о восприятии соответствующих топообъектов как нечистых. Эти коннотации проявляются на топонимическом уровне в факте существования соответствующих микросистем: ср. рассмотренные выше микросистемы *Идолово — Боженко (Городище) — Побойце — Проклятый, Чертово — Болван, Чертово — Городищево* (а также саму сочетаемость внутри топонимических *чертовых городищ*). Более слабый характер связей обусловлен тем, что они реализуются не в сфере деривации, а в сфере текстовой сочетаемости. Восприятие *болванов* и *городищ* как нечистых мест, вероятно, поддерживается и тем, что объекты такого плана трактуются как *чужие* (неважно, в смысле абстрактной чуждости или же в смысле связи с чуждой), ср. факты корреляции названий, образованных от основ *чуд-* (*чуж-*) и *город-*: холм *Городок* имеет параллельное название *Чуж-Городок* [Холм]; около поля *Чудаки* протекает р. *Городчуха* [Ник]; г. *Чудина Гора* находится около ур. *Городище*, ср.: «там жило племя северян. От Чудиной Горы был подземный ход к Городищу» [Вель, Возгрецовская]. Показательна также корреляция *болван — самосел*: ур. *Болованиха* находится около руч. *Самоседский* [Пин]. Таким образом, в смысловом наполнении тополексем *идол, болван, городище*³⁰ обнаруживаются коннотации, позволяющие включить эти лексеммы в семантическое поле 'нечистое место'.

²⁹ Потенциально в эту же группу можно занести *угрюмые, сердитые, дремучие* топонимы (ср.: оз. *Угрюмое* — «место здесь невеселое» [Холм, Демидово], поле *Угрюмец* [Мантур], поляна *Сердобское* — «сердито место, глухое» [Шенк, Одинцовская], лес *Дремучи Лучи* [Влгд] и др.), однако у нас нет данных относительно того, выражают ли они соответствующие смыслы.

³⁰ Возможно, что особенности восприятия *городищ* можно распространить на другие места, связанные с остатками жилищ; ср. мотивировки к топонимическим *дворищам* (*дворище* 'место, где раньше стоял дом' [ЛК ТЭ; СРГК, 1, 431]): ур. *Дворище* — «нечистое место там» [Некр, Кресцово]; пок. *Дворища* — «там был зарыт клад. Когда роешь, нельзя слова было сказать. Один рыл, наткнулся на него. Один говорит: «Серьга, забрякало!» — и всё ушло» [В-Уст, Мителево].

Следующая группа тополексем еще более удалена от центра поля. В эту группу входят тополексемы **черный**, **темный**, **бездонный**, которые являются уже не оценочными характеристиками объекта, но обозначают его физико-географические свойства. Интересующие нас смыслы входят в ассоциативную зону семантики этих слов, поскольку здесь нет тех возможностей верификации соответствующей информации, которые существовали для лексем типа *дурной* или *дикий*. В лучшем положении находится тополексема **черный**, для которой определенная степень верификации обеспечивается случаями параллельного функционирования **черный** // *чертов* (см. статью **ЧЕРТ** в разд. 1 настоящей главы). Таким образом, данные тополексемы располагаются на периферии изучаемого семантического поля, их «связь с центром» обеспечивается устойчивостью «выводящих» на нечистую силу ассоциаций, закрепленных в мотивационных контекстах. Ср. топонимический материал: **черный**: оз. *Чёрное Озеро* — «там страшно, нечистое место, там манит» [Прим, Лопшеньга], р. *Чёрная* — «лесная река, места там страшные, нечистые, манит там» [Уст, Шишовская], р. *Чёрная* — «ельняк, угрюмое место. Манило там, лешаки были» [Леш, Ларькино], поле *Чёрная Деревня* — «около д. Непотягово было место низкое, там деревня была. Лет 200 назад всё провалилось. Мы туда боялись ходить» [Гряз, Большое Бродино], р. *Чёрная* — «по глухим лесам идет, страшные места там, пугает» [У-Куб, Лыскарево]; **темный**: оз. *Темник* — «темное озеро; нечистая сила ведет туда людей и топит» [Мез, Лампожня], руч. *Тёмной* — «там кладбище, да ручей сам такой сумрачный, страшное место, в общем» [Уст, Леонтьевская], ур. *Тёмный* — «тамока лес был, место страшное, нечистое, черти жили» [Уст, Сабуровская]; **бездонный**: оз. *Бездённое* — «там дна нет, говорят, выходили из него какие-то черти» [Влгд, Кривое], яма *Бездонная Яма* — «там стоял большой дом, собирались беседы. В одну беседу заходят 5 молодых, они рот откроют — огонь во рту. Никто не успел выйти, как этот дом пошел под землю. На утро прибежали, еще было слышно — петух кукарекал» [Ваш, Екимово], бол. *Бездонное* — «дна нет там, страшное место, черти живут» [Ваш, Харбово], омут *Бездонный Колодец* — «туда церква провалилась» [Некр, Некрасовское], пруд *Бездонный* — «в нем купаться старики не разрешали, нечистое место, он без дна» [Некр, Новые Ченцы].

Наконец, существует группа тополексем, которая находится на крайней периферии изучаемого поля, на значительном семантическом расстоянии от центра (если понимать *семантическое расстояние* как «оценку связи между словами с точки зрения ее «интенсивности» или «силы» [Новиков, Ярославцева 1990, 39]). Связи лексем такого плана с ядерной для изучаемого поля

информацией обладают очень низкой степенью моделируемости, что практически лишает их (связи) статуса языковых, перевода в ранг «бытийных». Носителями этих связей являются слова, которые представляют собой родовые обозначения географических объектов — ям, оврагов, перекрестков дорог, густых лесов и т.п. С такими объектами связывается представление о типичном локусе нечистой силы, которое составляет маргинальную зону энциклопедической информации, выражаемой соответствующим словом. Информация, находящаяся в этой маргинальной зоне, не верифицируется лингвистическими способами (т.е. не проявляется в переносных значениях, деривационных связях и т.п.), что обуславливает ее «бытийный» (этнографически значимый), но не языковой характер. Список тополексем, для которых справедливо вышесказанное, является открытым. Приведем некоторые примеры: **кресты** (*кресты* 'перекресток дорог' [ЛК ТЭ])³¹: ур. *Кресты* — «на Крестах водит. Доходим до Крестов, слышим — как палкой по дереву. Стоим — не знаем, что делать» (Влгд, Алексеево), ур. *Кресты* — «там манило, черт там баловался. Говорили, черт ловит» [В-Уст, Котолово], перекресток дор. *Кресты* — «там дороги крестом, место там особое, страшное, манит» [Ваш, Харбово], ур. *Кресты* — «водило на Крестах, лесный заводил» [У-Куб, Лыскарево], перекресток дор. *Кресты* — «там лесный водит» [У-Куб, Лаушинская], ур. *Крестовиха* — «дороги там крестом; пойдешь туда не благословясь или изругаешься — дак будет водить, лешакаться будешь» [Сок, Телячье], ур. *На Крестах* — «здесь пугало, видели мохнатого человека» [Сок, Подольное]; **чаща**: ур. *Чащенье* — «ссстренушка от меня как-то пошла, только до того места дошла, как кресты появились, лошади показались, а потом ее, матушку, десять раз к одному месту приводило» [Влгд, Карцево], ур. *Чащевитое* — «водит там» [Некр, Бор]; **яма**: ур. *Ямы* — «место есть Ямы. Там пугало. Раз идет мужик пьяный, подходит к нему кто-то на этом месте, говорит: «Давай, Алексей, выпьем». Тот пошел, стал пить, а перекрестился, очухался — на елке сидит, за сучок держится» [Сок, Кадников], бол. *Ямы* — «на Ямах водило, коров на круг ставило. Страшное место тако» [Карг, Лохово]; **курпага**³²: пок. *Курпажницы* — «тут курпаги таки, ямы, место невеселое, страшное» [К-Г, Мелехино] и т.п.

³¹ О носприятии перекрестка дорог как отрицательно маркированного сакрального локуса неоднократно говорилось в литературе [ДКРС, 69; Дмитриева 1994, 72–73; СМ, 302–303; Черпанова 1994, 6; Щепанская 1992, 104 и др.].

³² Ср.: *курпага* 'яма (обычно заполненная водой)' [ЛК ТЭ].

В приведенный выше топонимический ряд следует поставить также названия, отражающие промежуточный, «переходный» характер объекта (места такого рода — перелески, межи и проч. — обладают статусом нечистых, ср., к примеру, обычай хоронить утопленников на меже [ПРН, III, 277]), ср. названия, образованные от основ *переход-*, *меж-*: ур. *Переход* — «черт, леший там ходит», «нечистое место, женщина тут нагая показывалась», «огонь, идет-идет огонь, я иду — и он идет всё», «нечистая сила там водилась у кустов», «нестатное место там, непоказное, лошадей уводит; мужик пьяный попадетя — его обязательно уведет» [Сок, Андронов, Подбельное, Замошье]; ур. *Межбатманьс* — «тут водило» [Влгд, Карцево].

Как уже отмечалось, ряд, в который входят топонимы, подобные вышеприведенным, является открытым, поскольку семантические связи, «прикрепляющие» такие топонимы к изучаемому полю, настолько слабы, что практически не моделируются (в этот ряд можно поставить названия, образованные от апеллятивов *болото*, *сузем 'глухой лес'*, *овраг* и т.п.).

В заключение отметим, что если в представленных выше примерах информация о нечистых свойствах объекта с той или иной степенью полноты проецируется на семантику топонима, то встречаются многочисленные случаи, когда эта информация никак не затрагивает семантическую структуру имени, функционируя только в легендах, связанных с обозначаемым именем географическим объектом. Ср.: пок. *Скородумка* — «пугает на Скородумке. Водило, дак снимут одежду с себя, перетрясут. Говорят, если перетрясешь одежду, то выйдешь» [Сок, Андронов], ур. *Егориха* — «на Егорихе блазнит: тут речка в аккурат, там мост, так вот там» [У-Куб, Порохово], поле *Семейное* — «там нечисто место, бегали девки с длинными волосами в красных сарафанах» [Котл, Большая Маминская], руч. *Алексеевский* — «там блазnilo и водило, мужик на черной лошаде ездит, из-под копыт огонь летит» [Влгд, Новленское] и мн.др. Следует признать, что такой способ функционирования информации о нечистом месте является наиболее распространенным.

Закончив рассмотрение топонимов, входящих в семантическое поле 'нечистое место', представим общую картину состава и иерархии элементов этого поля.

Элементы фрейма	Ядро поля	Периферия поля
источник нечистых свойств локуса	<i>бес, бука, дьявол, кикимора, леший (лешачиха), оборотень (обмен), русалка, сатана, скоморох, упырь, черт, шайтан; говорящая береза</i>	
реакции человека на контакт с нечистым местом	состояния: <i>блазнить, манить</i> ; эмоции: <i>страх, бояться, пугать, опасный, неповадный</i>	
действия нечистой силы, направленные на географический объект или проявляемые в связи с ним	действия: <i>колдовать, ворожить</i> ; результаты действий: <i>залом, осесть</i>	<i>хохотать, *рыть, *охать, *плакать, *свистеть</i>
характеристики географического объекта, обусловленные восприятием его как нечистого	<i>лихой, чудный, святой, поганный, проклятый, окаянный; дурной, шальной, дикий, глухой; идол, болван, городище, бог (божок)</i>	<i>черный, темный, бездонный; кресты, чаща, яма и др.</i>

Знаком * отмечены топонемсы, которые могли быть выделены в составе соответствующих топонимов в результате вторичных переосмыслений.

2.2. Семантическое поле 'святое место'

Если фрейм 'нечистое место' имеет достаточно ясную структуру, то фрейм 'святое место' смоделировать значительно сложнее: нечистые места выделяются в природе, в окружающем ландшафте, являются собственно топографическими реалиями, что обуславливает сценарность разработки представлений о таком локусе средствами топонимии; святые места — если учитывать ведущий для носителей топонимии Русского Севера способ религиозного освоения мира — чаще связаны с культурными реалиями, «внедренными» извне в географическое пространство. По этой причине топонимия концентрируется не столько на описании специфики собственных свойств элемента ландшафта, заставляющих воспринимать его как святой, сколько на фиксации связи локуса с культовым объектом. Структура фрейма 'святое место' выглядит следующим образом: 1) характеристика свойств топографической реалии, обусловивших восприятие ее как святого места (связь с культовым объектом; собственные свойства топографической реалии); 2) культовая деятельность; 3) феноменальное событие.

Соответственно, семантическое поле 'святое место' во многом совпадает с семантическим полем 'культовый объект (действие)'. Это совпадение не

может быть полным, поскольку поле 'культовый объект' включает в себя, в первую очередь, названия мест, расположенных около церкви, часовни, креста и т.п., которые (названия) созданы в результате метонимического переноса на базе соответствующего агонима или родового наименования культового объекта. Такие топонимы (*Никольская, Церковное* и проч.) не представляют интереса для рассмотрения в рамках поля 'святое место', потому что они не содержат никакого смыслового приращения к идее культового объекта, которое могло бы быть обусловлено тем, что этот объект помещается в географическое пространство и вызывает определенную реорганизацию пространственных связей. Иначе говоря, эти названия не отражают особенностей **топонимического** видения сакрального фрагмента ландшафта, поскольку номинативный материал заимствуется топонимией из агонимии и т.п. Ср. разницу между топонимами типа *Покровское, Ильинское*, с одной стороны, и *Божье, Иерусалим*, с другой. Последние два названия содержат специфический для топонимии способ фиксации связи локуса с культовым объектом, при котором **самому локусу** приписывается некий сакральный статус и он перестает быть нейтральным пространством, окружающим культовый объект.

Итак, семантическое поле 'святое место' пересекается с семантическим полем 'культовый объект (и культовая деятельность)' в той его части, где фиксируются не прямые, а опосредованные связи локуса с культовым объектом (при таком опосредовании происходит перенос номинативного акцента с культового объекта на топографический). Естественно, рубежи этой зоны пересечения как и любые семантические границы — условны и размыты. Для того, чтобы показать постепенность перехода от одного поля к другому, представим **состав и структуру поля 'культовый объект и культовая деятельность'**. Описание этого поля имеет определенное методическое значение, поскольку топонимы, образованные от составляющих данное поле тополексем, как правило, свидетельствуют о близости топографической реалии к культовому объекту (хотя это верно не всегда).

Центр поля 'культовый объект и культовая деятельность' составляют, как уже говорилось, метонимические имена, которые фиксируют связь локуса с наименованиями конкретных церквей, икон, монастырей и т.п. или с родовыми обозначениями культовых объектов. Приведем примеры названий такого плана (этот материал имеет этнографическую ценность, поэтому позволим себе представить довольно развернутые ряды).

А. Топонимы, образованные от агонимов: луг *Антоньевский Луг* — «церковь св. Антония там была» [Влгд, Пески], поле *Воскресение* — «там раньше церковь была» [Устюж, Дуброва], оз. *Егорьевское Озерко* — «здесь

стояла Егорьевна церковь» [Кир, Горицы], д. *Екатеринка* — «церковь тут была святой Екатерины-великомученицы» [Лсп, Юрома], руч. *Захарын* — «часовня стояла имени какого-то святого Захария» [Карг, Шелохово], поле *Златоустьевское* — «церковь Иоанна Златоуста напротив» [Кир, Чарозеро], д. *Знаменная* [Уст], ключ *Илья Пророк* — «там на дереве, над ключиком, иконка раньше висела, крестили там даже» [Чаг, Новинки], ур. *Никола* — «раньше крест был, ящик, деньги клали на Николу» [В-Т, Моисеевская], д. *Предтеча* — «по названию церкви Предтеча» [Тот, Красное], д. *Пречистая* — «названа так, потому что в ней была церковь» [Кад, Барановская], пок. *Подспасье* — «на этом месте была церковь, в которой один раз в год в Спасов день была служба» [Пин, Пинега], куст д. *Троица* — «был церковный приход» [Кон, Пешково], ур. *Хлоры* — «часовенка была, праздник Хлоры в конце августа, после Успения» [Баб, Кийно] и мн.др.

Б. Топонимы, образованные от родовых обозначений культовых объектов (бог ('икона'), домка ('часовня' [ЛК ТЭ]), икона, иконостас, келья, крест, монастырь, образ, распятие, скит, храм, церковь, часовня): пок. *Божениха* — *Икониха* [Сок], г. *Домка* — г. *Крест* [Уст], бол. *Икониха* [Тот], г. *У Иконки* — «гора считалась святой, икона там стояла, а в Госпожин день ходили на эту гору кропить поля святой водой» [Уст, Бережная], пок. *Иконница* [Пыщ], пок. *Подыконное* [Сямж], пок. *Иконные* [Бабуш], оз. *Келйное* [Мез], д. *Кельи* [Холм], поле *Коностас* [В-Важ], поле *У Креста* — «там крест стоял. На кресте Христос — икона была. Как долго не было дождя — ходили к этому кресту молиться, ягоды носили. Бог ягоды вырастил — дак Бога и угостить надо» [Уст, Щипцово], поле, ур. *Крестовая* — «крест был, в неурожайный год здесь молились, чтобы Бог дал урожай» [Нянд, Пустарево], тоня *Крестовая* — «на тонях на восток раньше кресты ставили — и как восход — в это время молились» [Прим, Яреньга], поле *Крестово* — «там раньше был крест поставлен, чтобы скотина хорошо кормилась, ее оберегали» [Плес, Черноково], оз. *Монастырское* — «монастырь там был» [Он, Абрамовское], пок. *Образ* [Нянд], ур. *Образ* [Уст], г. *В Образе Горюшка* [Нянд], бол. *Под Образом* — «там раньше икона (образ) была врезана в сосну» [Вель, Нестюковская], пок. *Братин Образок* [Сок], поле *Распятие* [Он], ур. *Скит* [В-Т], поле *За Храм* — «церковь была» [Устюж, Лычно], часть д. *Церковный Край* [Вож], поле *Часовенная Гора* [В-Т] и мн.др.

В этом ряду наибольший интерес представляют *крестовые* топонимы, которые иногда фиксируют эстафету нечистых и святых свойств объекта: как уже говорилось, *кресты* (перекрестки дорог) считались нечистым локусом —

поэтому именно они зачастую освящались путем установки *креста*. Возможно, в этом следует видеть своеобразное проявление так называемой *этимологической магии* [см. Голстой, Голстая 1988]. Ср. мотивировки, отмечающие соединение двух крестов (топографического и культового): поле *У Креста* — «раньше водило там. Место — поля соединились, три поля *Кресты* называли»; «молеbstвовали тут у креста» [В-Уст, Устье-Повалихино]; лес *Крестовый Бор* — «сходятся дороги, раньше там крест стоял, а у него кружка» [К-Б, Литва]; г. *Крестовая* — «на горе стоял большой крест», «дорога переходит накрест» [Холм, Речка]; ур. *Кресты* — «дороги лесные пересекались, там крест стоял» [Плес, Зубово].

Необходимо отметить, что на базе агнонимии (и соответствующей агнопонимии) может произойти мифологизация пространства, отражающаяся, правда, не на топонимическом, а на фольклорном уровне. Интересна в этом плане ситуация с образом Богородицы. *Богородичные* топонимы весьма популярны на Русском Севере, ср.: д. *Богородица* — «церковь в деревне была пресвятой Богородицы» [В-Уст, Архангельская Мельница], ур. *Богородица* — «коров ходили молили к Богородице, там изба стояла, место святое» [Мез, Совполье], пок. *Богородская* — «там явилась иконка Божьей Матери на пеньке. Ее в церкву уносили, а она возвращалась. Там поставили крест и ходили молиться ко кресту, к иконке-то» [В-Уст, Плесо-Мосеево] и др. Мотив явления икон Богородицы в различных точках пространства универсален: под Тихвином икона явилась на кусте можжевельника, у Харькова — в сосновом бору, у Тамбова была извлечена из реки, в Черниговской губернии найдена на речном берегу, в Ельце обречена стоящею на сля и т.п. [Земная жизнь Пресвятой Богородицы 1993, 91, 223, 257, 265, 269]. Такая подвижность именно этой иконы (хотя встречаются аналогичные рассказы о перемещении икон св. Николая, Петра и др.) навеяна апокрифическим сюжетом «Хождение Богородицы по мукам», а также легендами (кстати, фиксируемыми на Русском Севере) о том, что сама Богородица на Пасху «ходит по земле» [СД, I, 218]. Интересно практически полное смещение образа «реальной» пугешествующей Богородицы и ее иконы в легендах, мотивирующих название ур. *Явленное Место* — «у Туровца есть Явленное Место. Тут явилась Пресвятая Богородица. Она из речки вышла. Где Богородица сидела, то место не зарастает. Она на пеньке сидела. Если что болит, то в пеньке гниль пощиплют и прикладывают к больному месту»; «в Туровце церковь стоит прямо на источнике со святой водой. В этом ручейке Богородица купалась. Вода там чистая, светлая и холодная-холодная. Старухи там купаются и не болеют»; «там Явленная Божья мать из рички выходила. Дорожка была,

следочки ее на ступеньках есть»; «у Туровца Явленное Место есть. Там икона явилась. По какой тропинке она шла, там ведь трава не растет» [Котл, Починок, Медведка, Харитоново]. Ср. другие топонимические легенды, повествующие о путешествиях Богородицы: д. *Богородицкая Кулига* — «Богородица мимо церкви проходила и там шла, назвали деревню Богородицкая Кулига» [Котл, Починок], ур. *Святой Колодчик* — «она шла, Яитра (*Яитра* — трансформация эпитета Богородицы *Одигитрия* [ЛК ТЭ]. — Е.Б.), Божья мать, так на камешке следочки от ладошек остались, около Святого Колодчика. Мелкие деньги туда бросали» [Влгд, Омогаево]; пороги *Воротница, Кайкинская, Горловская* — «шла Богородица. Воротница — это она ворочалась. Кайкинская — каялась. Горловская — переходила речку и вода до горла дошла» [К-Б, Черевково] и др. Легенды такого рода (о явлении иконы Богоматери и ее самой, выходящей из реки, идущей по воде, оставляющей свои следы на дорогах, камнях и т.п. [ТЭ]) чаще всего встречаются в верховьях р. Северная Двина — на территориях Котласского, Красноборского и Верхнетоемского районов Архангельской области (к примеру, в Котласском районе зафиксированы предания как минимум о 7 различных местах, отмеченных явлением иконы; в 5 случаях из 7 это икона Богородицы). Подобная закономерность, вероятно, объясняется тем, что, по свидетельству историков, первый Холмогорский архиепископ Афанасий, придумывая систему храменований епархии, посвятил главные храмы Важской земли (куда входит, в частности, указанная зона Подвинья) имени Богородицы [Камкин 1992, 17]; обилие богородичных храмов, очевидно, повлекло за собой распространение легенд о явлениях Богородицы или ее иконы. Таким образом, мифологизация пространства в связи с представлениями о путешествиях Богородицы осуществляется путем отталкивания от агнионимии и агиотопонимии, однако соответствующие легенды, как правило, не являются первичным мотивирующим материалом для топонимов (о топониме *Явленное Место* см. ниже). Фиксируются также топонимические легенды о путешествиях и подвигах других святых, ср.: развилка дорог (на пути к Антониево-Сийскому монастырю) *Антониева Ручка* — «по преданию, здесь святой Антоний отдыхал» [Холм, Нефериха], г. *Поклонная* (недалеко от Кирилло-Белозерского монастыря) — «по этой дороге шел Кирилл, там он поклонился, только отсюда и видать Кириллов монастырь» [Кир, Сандырево]. В этих случаях (так же, как и в ситуации с Богородицей) фольклорная информация не «дорастает» до статуса базы для топонимической номинации.

Итак, ядро поля 'культовый объект (культовое действие)' представлено агитопонимами и названиями, образованными от родовых обозначений культовых объектов.

Ядерными являются также топонимы, в основу которых положены обозначения того, что (кто) находится около церквей (монастырей) и неразрывно связывается с ними. Это, во-первых, элементы церковного ансамбля (колокольня, кладбище), во-вторых, священнослужители. Всё это вместе создавало единый комплекс, который был пространственно выделен: около церкви находилось кладбище (традиция такой локализации кладбищ весьма распространена на Русском Севере), рядом обычно располагались дома священнослужителей, а также угодья, которые были в их владении. Так нередко образовывалось как бы отдельное поселение (или же обособленная часть населенного пункта). Ср.: *погост* 'отдельно стоящая на церковной земле церковь с домами попа и причта, с кладбищем', 'село, хотя тут нет ни одной крестьянской избы, а приход раскинут деревнюшками вокруг' [Даль, III, 156]. Выделенность этого церковного ансамбля, связанный с ним особый уклад хозяйствования и противопоставленность его окружающему крестьянскому миру подчеркивается пословицами *Стоит деревенька на горке, а хлеба в ней ни корки* [Даль, I, 376], *Звону много, а хлеба нет* [Даль, III, 156]. Эта ансамблевость отражается и в топонимии, причем *погостские*, *поповы*, *дьячковы*, *изуменские* и т.п. названия нередко становятся маркерами церковного пространства. Такая маркировка проявляется по-разному:

1) **в существовании параллельных названий:** о-в *Погост // Пречистый* — «стоит церковь Пречистая» [Бел, Никоновская], с. *Погост // Благовещенское* — «раньше церкви-то были, вот Погост и назвали» [Вель, Ямки], д. *Погост // Вознесенская* [Глес], д. *Поповка // Погост Воскресение* [Влгд], д. *Поповка // Покровское* [Ваш];

2) **в факте наличия семантических микросистем:** часть д. *Погост* — у нее поле *Колоколенное Поле*, поле *У Церкви*, поле *Поповский Косик* [Пин]; часть д. *Попова* — д. *Погост* [Карг]; пок. *Попов Мыс* у д. *Погост* — «попы, дьяки, псаломщики — все тут косили» [Карг, Погост]; д. *Погостец* — д. *Поповка* — «там церковь была, кладбище было, церковь высока на горе на большущей, Ивана Богослова. Часовенка была, там воду брали, колодчик сделан» [Влгд, Поповка]; поле *Повостище* у д. *Горка-Покровская* [Влгд]; пороги *Попова Грива* и *Попадья* («церковь там напротив порога»), рядом поля *Вавилон* и *Иерусалимы* [Он, Порог]; омут *Поповка* у поля *Церковное Поле*, рядом д. *Ильинская* [В-Уст]; пок. *Попово*, рядом пок. *Пономарёво*, пок. *Церковник* [В-Г]; лес *Попов Бор* на бер. оз. *Святое* [Вож];

о-в леса *Дьякон* у с. *Успенское* [Кад]; кам. *Игумен* и кам. *Архимандрит* на прк. *Монастырь* [Пин];

3) в **мотивационных контекстах**: ключ *Повосский Родник* — «он божественный, святая вода там, у Пятницкой церкви» [В-Уст, Котово]; ур. *Повосько Поле* — «поп раньше пользовался, поэтому так зовут» [Ник, Солотново]; руч. *Погостский* — «в деревне была церковь, ручей течет мимо погоста» [Плес, Труфановская]; д. *Поповка* — «место, где Никольская церковь была, Поповкой называется. Где церковь, так везде Поповки. В Андреевской — дак это другая Поповка, там Пятницкая церковь» [Ваш, Еськино]; г. *Попов Угор* — «на Поповом Угоре поп поселился, а через низину церковь была» [Прим, Заручьевская]; руч. *Попов Ручей* — «церковь там была» [Влгд, Филутино]; бол. *Поповское Болото* — «за церковью оно» [Влгд, Нефедово]; лес *Попова Грива* — «там церковь была в лесу» [Устюж, Селище] и др.

С образом попа связывается представление не только о церкви, но и о других культовых объектах — например, кресте, ср.: лес *Попов Крест* [Чухл], пок. *Попов Луг* — «там всё хоронили собак, тут еще крест стоял, мы его боялись маленькие» [Уст, Михеевская]. Очевидно, это мотивируется деятельностью попов — молебнами, проводимыми ими на полях.

Позволим себе привести еще одно наблюдение над *поповыми* топонимами, которое, однако, может оказаться важным для разработки темы заветного места. Образ попа настолько популярен в топонимии, что в номинации отражаются не только обстоятельства проживания попа в определенном месте, культовой деятельности, владения определенным земельным участком, но и черты его внешнего облика. Выделяются две характерные детали: *брюхо* и *плешь*. Ср.: г. *Попова Брюшина* (рядом г. *Попадёвы Груды*) — «Попова Брюшина — такой бугорок, он торчит, как живот, покато таким» [Вил, Борок]; г. *Попова Плешь* [Плес], о-в *Попова Плешь* — о-в *Дьяконова Плешь* [Сок], г. *Поповая Плешь* [Вель]. Если *брюхо* встретилось только один раз, то *плешь* — трижды: это может объясняться не только выразительностью этой детали облика попа, но и другими обстоятельствами. Для их объяснения следует учесть суждения некоторых исследователей об особом статусе, который приписывается в народной культуре безлесным возвышенностям — *лысым горам*. По представлениям украинцев и поляков, *Лысая (Бабья) гора* является традиционным местом шабаша ведьм [СД, I, 520]. По мнению Б.А. Рыбакова, «священные горы... часто носят наименования «Лысых» или «Девичьих». Возникает предположение, что первое название могло бы быть связано с тем или иным мужским божеством, а девичьи горы, естественно, с

женским божеством... О мужской сущности лысых гор косвенно может говорить известное навершие скифского времени с Лысой горы близ Днепропетровска с изображением обнаженного мужского божества» [Рыбаков 1988, 140]. К сожалению, Б.А. Рыбаков не представил исчерпывающий топонимический материал (в исторической работе, очевидно, такая цель не может быть поставлена). В намеченном им направлении работал исследователь вологодской топонимии А.В. Кузнецов [Кузнецов 1991а, 35–39; 1991б, 120–125], который предположил, что название г. *Лисья Гора* (находящейся в 5 километрах от гор. Кадников в Сокольском районе Вологодской области) представляет собой народноэтимологическую трансформацию исходного **Лысая Гора*. Этот объект имеет сакральный статус, обеспечиваемый наличием на вершине горы церкви св. Ильи Пророка, а также легендой о женщине, которая окаменела на горе (из-за того, что произнесла бранные слова в адрес заходящего солнца). По мнению А.В. Кузнецова, «женский образ нисколько не противоречит мужской сущности Лисьей (Лысой) горы»: здесь исследователь ссылается на Б.А. Рыбакова, указавшего, что новгородцы после крещения на месте святилища Перуна поставили церковь Рождества Богородицы [Кузнецов 1991а, 36–37]. Кроме того, А.В. Кузнецов отмечает факт существования в Сокольском районе Лысой Горы, увенчанной Богородицкой церковью, которая, как ему представляется, служит заменой языческого женского божества плодородия [там же]³³. Относительно двух других известных автору вологодских топонимов такого плана (один из которых называется *Лисья Гора*, а другой — *Лысая Гора*) дополнительных сведений (преданий и т.п.) не имеется, однако А.В. Кузнецов считает, что «методом экстраполяции можно предполагать существование там языческих святилищ» [Кузнецов 1991а, 39]. Думается, что не все из представленных выше выводов опираются на достаточные основания. Факт наличия на *Лисьей* и *Лысой горах* церквей еще не означает, что здесь существовали языческие святилища (хотя, конечно, такие предположения весьма заманчивы); более того, вряд ли можно пользоваться методом экстраполяции, когда последняя базируется на двух примерах, один из которых сам основан на допущении (имеется в виду народная этимология *лисыя* < *лысая*). Наименее обоснованна такая экстраполяция для *лысых гор*: было бы несерьезно предполагать, что на всех вологодских *лысых горах* (а их, по данным ТЭ, 16) находятся языческие святилища.

³³ По данным ТЭ, Богородская церковь появилась на этой горе достаточно поздно, поскольку была перенесена сюда из д. Шнилиха, находящейся недалеко от пос. Устье в Усть-Кубенском районе Вологодской области.

В то же время мы не склонны полностью отрицать эти выводы и считать случайным совпадением наличие церквей на *лысых горах*, расположенных на разных территориях. Можно добавить к имеющемуся материалу (ср. днепропетровский пример Б.А. Рыбакова и сокольский — А.В. Кузнецова) следующие факты: в Коношском районе Архангельской области г. *Лысая Гора* находится у д. *Поповка*; в Вельском районе этой же области г. *Лысая Гора* располагается у с. *Георгиевское*; в Междуреченском районе Вологодской области г. *Лысая Гора* фиксируется у д. *Святогорье*; в Красноборском районе Архангельской области пок. *Лысогорки* отмечается у д. *Лукинская*. Во всех этих случаях несомненно соседство *лысых гор* с христианскими церквями. Мы не считаем себя вправе строить гипотезы о том, что было на этих горах раньше, до постройки христианских церквей, поскольку один топонимический материал не может обеспечить верификацию таких гипотез.

Возвращаясь к *поповой плещи*, рискнем высказать предположение, что названия такого плана тоже маркируют связь объекта с церковью. Кстати, пара *Попова Плещь* — *Дьяконова Плещь* как раз находится около д. *Поповское*, в которой имеется церковь, называемая *Власий* («в эту церковь ездили, когда скотина болеет» [Сок, Березов Починок]). Однако нельзя отрицать и возможности сугубо образной расшифровки этих названий (разумеется, равно как и *лысых горок*); кроме того, можно предполагать, что в таких топонимах отражен географический термин *плещь* 'поляна в лесу' [СРНГ, 27, 138].

На шаг дальше по линии опосредования связи с культовым объектом находятся топонимы, образованные от апеллятива *клирос* (и метатетического *крылос* 'то же' [ЛК ТЭ]). Эти топонимы обозначают места, где жили служители культа или же где находились их земельные вотчины. Ср.: поле *Клиросное* (*Крылос*) — «раньше церковники на нем сеяли, оно Клиросным звалось» [Вель, Ежевская]; б.д. *Крылос* — «там два попа жили, потому так назвали», «находится около церкви, где жило всё местное духовенство» [Уст, Бестужево]; ср. также: д. *Крылас* [Вин], поле *Крылос* [Кон], пок. *Крылос* [3 разных объекта — Уст]. Однако здесь еще нет символической удаленности имени от исходного значения апеллятива.

Такая удаленность возникает тогда, когда мы встречаемся с результатом опосредованной номинации, которая фиксирует факт наделения объекта сакральным статусом. К примеру, название р. *Иордан* указывает не только на близость объекта к церкви, часовне или монастырю, но и на восприятие его самого как святого — причем нередко эта святость связана с особой прецеденцией (повторим еще раз, что носитель топонимической системы едва ли

каждый раз восстанавливает эту прецеденцию; более того, целый ряд прецедентных наименований создан монахами или является стилизованным заимствованием из церковной топонимии). Однако коль скоро нам важен архетип формирования представлений о святом месте, то следует признать, что названия типа *Иордан* изначально реализовывали этот архетип.

Таким образом, здесь мы вступаем в зону пересечения семантических полей 'культовый объект' и 'святое место'. Тополексемы, составляющие эту зону, в большинстве своем были рассмотрены выше (в разд. 1 настоящей главы); приведем их перечень: *Вавилон, Голгофа, Елеон, Иерусалим, Иордан, Синай, Сион* (возможно, сюда же *рай*); *Бог, Иисус, святой*.

В приведенный выше ряд следует также включить лексику *царство*. Топонимические *царства* находятся около деревень, где есть церкви, или же являются параллельными названиями последних. Например: д. *Царство* имеет официальное название *Петровская*, а шутливо именуется *Царство Небесное* [Котл]. Около этой деревни протекает р. *Попова Ричка*. Информанты объясняют названия деревни так: — «там церква была, вот и Царство», «почему-то Царством называли, а там худо жили» [Котл, Копосово]. Показательно и название ур. *Царство*, которое находится недалеко от Кирилло-Белозерского монастыря и входит в топонимический ряд г. *Господская* — г. *Поклонная* — оз. *Святое* [Кир]; ср. также: руч. *Царство* у д. *Дьяковская* (неоф. *Крестик*) [В-Важ], пок. *Царство* у д. *Осподаревская* [Вож], пок. *К Царству Концами* [Плес], лес *Царство* [Он], пок. *Царство* [Нюкс]. Эти названия, по всей видимости, должны быть истолкованы в таком ряду: *царствие Божие, царство Христово, царство* 'приблизившееся время для Господа Иисуса быть признанным явно и торжественно за сына Божия, посланного на землю от Бога Отца', *город великого царя* 'название, прилагаемое к Иерусалиму' [БЭ, 777] и др. Думается, что вследствие неоднократного использования этого номинативного материала в церковных проповедях слово *царство* оказалось связанным в сознании носителя традиционной культуры с представлением о церкви. Дополнительным мотивирующим моментом может быть соотнесенность этой лексики с представлением о кладбище (ср.: *царство небесное* 'выражение, употребляемое при упоминании о покойном' [ФСРЯ, 512]). Наконец, имеется еще одна мотивационная возможность: церковь, несомненно, являлась самым богатым и красивым сооружением в деревне, а ее служители были для крестьян «барамы» (в смысле отношения к традиционному крестьянскому труду), — отсюда восприятие церковного ансамбля (и в топографическом, и в социальном плане) как царства. Отметим несколько насмешливую тональность такого восприятия (ср.

котласские контексты), которая сквозит и в приводившихся выше пословицах типа *Стоит деревенька на горке, а хлеба в ней ни корки*.

Таким образом, заимствованное из религиозного лексикона слово проходит переплавку в традиционной топонимии, подчиняясь ее логике картирования действительности и ее аксиологии.

В зону пересечения изучаемых полей входит также микрополе '**культу-
вая деятельность**'. Среди топонимов, образующих это микрополе, в первую очередь следует назвать лексемы, связанные с ритуальным поведением, характерным для отправления христианских обрядов:

поклониться. г. *Поклонная* — «на этой горе богомольцы кланялись Кирилло-Белозерскому монастырю» [Кир, Вогнема], лес *Поклонная* [Пыщ], г. *Поклонная Гора* — «с этой горы было видно 12 церквей в округе, на ней хотели поставить часовенку» [Кир, Благовещенье], г. *Поклонная Гора* [Галич], г. *Поклон-Гора (Поклонница)* — «с этой горы церковь была видна, сюда народ молиться ходил» [Бел, Юрино], г. *Поклонница* [Баб], полосы *Поклонные* [Чухл], г. *Поклонный Бор* [Холм, Данилово];

молиться (богомолье, молебен, молитва): г. *Богомольная Горка* — «там молились люди, завидя церковь на следующем холме» [Кир, Коковановская], бол. *Богомольное* — «в церкву по нему идти» [У-Куб, Устье], полоса *Богомоленная* — «там на середине холм стоял — и на нем перед севом Богу молились» [Нянд, Андреевская], ворота *Богомольные Ворота* (недалеко руч. *Говенный Ручей*, см. ниже) — «подходили к воротам и начинали молиться до самой церкви» [Устюж, Плотичье], д., пок., поле *Богомолиха* [К-Б, Ценк], лес *Богомолица* [Вель], г. *Богомолка* [Сямж], руч. *Богомол* (впадает в оз. *Святое*) [Карг], г. *Богомолова* (у с. *Троицкое*) [Гряз], поле *Богомолого Поле* [Ник], пок. *Богомоловица* [Выт], пок. *Богомолье* [Вил, Тарн, Холм], г. *Богомольная //Насынная* [Устюж], поле *Богомольная* [У-Куб], г. *Богомольная Горка* (на бер. оз. *Святое*) — «церковь там была раньше» [Кон, Вершинино], ур. *Богомольные Полосы* [Кир], бол. *Богомольное* [Мантур], д. *Молебница* [Ней], оз. *Молебное* [К-Б], о-в *Молебный* [Бел], ур. *Молебское* (рядом ур. *Проклятые* и бол. *Ад*) — «святое место»; «сначала в Молебско — там молятся, в Проклятые потом идёшь, а потом Ад»; «на Ад пойдешь — у Молебского помолитесь, — так старики смеялись» [Прим, Лопшеньга], пок. *Молитвенная* [Кон], ур. *Молитвенный Враг* [Галич], руч. *Молитвенский* [Вин], зал. *Молитвина* [Кир], ур. *Мольбище* [Вож], лес *На Молебнице* [Ней].

Возможно, в этот ряд следует включить наименование поля *Благодарени-
нишна* [Холм] (если оно образовано от *благодарение*), а также название

г. *Бажная Гора* [Бел] (ср. *бажить* 'просить, молить' [АОС, 1, 91; ЛК ТЭ]).

Любопытны топонимы, в составе которых функционируют лексемы, связанные с культовым питанием, — *говеть* и *мясоед.* руч. *Говенный Ручей* (рядом ворота *Богомольные Ворота*) — «церковь была в Модно, от Говенного Ручья уже не сли, а говели» [Устюж, Плотичыё], пок. *Говенница* — «говеть, т.е. скромного ничего не есть, отсюда» [Кон, Бобровская], г. *Мясоседная* [Бел]. В то же время приуроченность культового питания к определенному месту вряд ли была широко распространенной; характер этой связи изучен пока недостаточно.

В рамках микрополя 'культовая деятельность' особо следует выделить *заветные* и *заповедные* названия. Такие топонимы связаны с идеей посвящения объекта Богу, которая реализовывалась в форме определенной культовой деятельности (окропление святой водой, молебствование, принесение обетных даров)³⁴. Ср. соответствующие топонимы: *заветный*: поле *Заветная Сосна* — «носили к сосне подарки» [Тарн, Регишевская]; *заповедный*: руч. *Заповедный* (и пок. *Заповедное*) [К-Б], оз. *Заповедные Озёра* [Пин].

Как уже говорилось, идея посвящения объекта Богу мотивирует название топи *Богословская* (< *богословить*), а также, возможно, является первичной мотивировкой топонима *Богова Дача*.

Состав поля 'святое место' не исчерпывается тополексемами, маркирующими связь локуса с культовыми объектами или культовой деятельностью. Вторая смысловая доминанта, работающая в рамках этого поля, предполагает характеристику собственных свойств объекта, которые обеспечивают сакральный статус последнего. Как уже говорилось, представления такого плана следует считать наиболее архаичными, поскольку здесь сакральность коренится в самом окружающем человека географическом пространстве, а не «навязывается» привнесенным извне культурным (культовым) объектом. Ср. вывод Э.М. Мурзаева о том, что слова со значением 'святой', 'священный' встречаются в тюркской топонимии как «отражение древнего почитания сил природы, культа земли, гор, рек, воды [Мурзаев 1996б, 162–163].

Тополексемы, имеющие значения такого плана, немногочисленны. Прежде всего следует называть лексему *святой*, которая, как было указано в

³⁴ Ср.: *заповедные деревья* 'деревья, особенно сосны, вблизи деревень, которые никто не смеет срубить, так как срубивший должен, по народному поверью, сейчас же умереть' [Влгд. — СРНГ, 10, 333].

разд. 1 настоящей главы, иногда сохраняет в топонимическом употреблении архаичную семантику, выражая следующие смыслы: 'светлый, чистый', 'родниковый', 'проточный, текущий («живой»)', 'глубокий, бездонный', 'большой', 'красивый', 'чудесный', 'ценный в потребительском отношении'. Некоторые из этих смыслов могут быть выражены также с помощью тополексем *серебряный, белый, светлый*. В связи с этим отметим противопоставленность святых и нечистых мест: последние могут быть маркированы *черными* и *темными* топонимами. Представим топонимический материал: *серебряный* руч. *Серебряный* — «святая вода течет тут, хорошая водичка в нем. Не надо воды брать навстречу, против берут воду. Это святое место: если подойти к нему и вода в нем стоит, то большой в твоей семье выживет, если забурлит, то умрет» [Уст, Малое Пенье], руч. *Серебренник* — «там вода переливается, святая вода» [Прим, Пушлахта]; *белый* (ср.: *белый* 'чистый, незамутненный (о воде)' [ЛОС, 1, 158; ЛК ТЭ] ³⁵; оз. *Белая Вода* — «там вода чистая-чистая, прозрачная, считалось святое» [У-Куб, Бовыкино], оз. *Белое* — «было святое какое-то» [Прим, Красная Гора], возможно, сюда же: ур. *Белая Паль* — «место, где церковь стояла, звали Белая Паль» [Вил, Наволоки], поле *Белый Двор* — «с иконами туда приходили, молились» [Гряз, Качево] ³⁶; *светлый*: руч. *Светлый* — «вода там особая, целебная» [Пин, Кушкопола]. Ср. неоднократно встречающийся в топонимии параллелизм *святых* и *светлых* названий, а также факт существования соответствующих микросистем (см. статью *СВЯТОЙ*).

Особо отмеченными являются также *спорные* места, ср. *спор*, *спорный* 'о месте слияния двух рек' [ЛК ТЭ], *спорнос*, *супорное течение* 'водоворотное', 'круговое', 'сплибка встречных потоков' [Мурзаев, 518; Даль, IV, 290, 296] (тополексема *спорный* в данном случае омонимична по отношению к *спорный* 'такой, из-за которого спорят', хотя с этимологической точки зрения эти слова родственны: *спор*, др.-рус. *супоръ* связано с *переть* [Фасмер, III, 736]). Место слияния водных потоков у славян считалось сакральным ³⁷. Возможно, что дополнительным мотивирующим моментом, способствующим

³⁵ Как известно, в славянских народных верованиях белый цвет способен символизировать сакральность, чистоту, плодородие, свет и т.п. [СД, I, 151].

³⁶ В этимологическом плане интересны данные башкирской топонимии, где топонимический атрибутив ак 'белый' синонимичен изге 'святой' [Бухарова 1998, 16–17].

³⁷ Ср.: «два ручья стекаются, и вода в этом месте целебная. Скотина заболест, ребенок испугается — можно лечить. По воде кружечкой водишь и приговариваешь: не первая, не вторая, не третья ... не девятая. Зачернишь воды, выльешь в посудину себе. Так три раза, потом пошлешь в воду что надо, попиешь скотину или помоешь этой водой — поправится» [ЭМ ТЭ].

сакрализации спорных мест, является народноэтимологическое сближение со словами спорынья, спорина 'успех, удача, выгода, прибыль', ср. также пожелание спорина в квашню 'привет вошедшего' и др. [Даль, IV, 296]: в культурных коннотациях данных лексем представлено сочетание идей двоичности и сакральности, а соответствующие смыслы просматриваются в семантике спорных топонимов. Ср.: ур. Спор (место слияния рек) — «в Рожество и в Крещенье захватывали воду со Спора. Тамотко вода святая. Брали воду и ребят окачивали» [У-Куб, Богослово]; ключ Спорная Вода — «заветный был ключик» [Сок, Антуфьево]; омут Спорный Богот — «два ручья спорят там, купали младенцев монашки» [Шексн, Папушино]; ур. Спорное Место — «в Спорном Месте воду спирает, вода там целебная, святая» [Влгд, Кудряшов]. Аналогичную семантику имеют топонимы, образованные на базе апеллиатива сливень 'место слияния рек' [ЛК ГЭ]: место слияния рек Сливень — «в Сливне вода божественная; если баба родить не может, водой со Сливня окатывалась» [У-Куб, Табыково]; ключ Сливни — «носят туда полотенца да простыни, вешают рядом: если болеет человек, так вроде как облегчение будет» [Сок, Жилино]; место слияния рек Сливни — «брали со Сливней воду — она лечебная; если кто заболел, приносили туда одежду, полотенца и пеленки и вешали рядом — помогало. А кто болеет да умереть не может, крест его обливали там водой, вот святое место — Сливни»; «это божественное дело, если сливаются три ручейка; если заболел ребеночек, вешали туда пеленочку, рубашонку» [Сок, Горбово].

Представление о святом месте иногда связывается с символикой числа три. «Троичный» объект может приобретать в сознании номинатора сакральную значимость не только за счет соотношения с христианской Троицей, но и за счет реальной топографической ситуации. Интересный случай такого рода зафиксирован в топонимии Великоустюгского района Вологодской области: три ручья, сливающиеся друг с другом в устьях, носят название Троица (бассейн р. Малая Северная Двина). Вода в месте слияния считается святой: «Там три ручья сотыкаются, вода в этом месте целебная. Где три реки сойдутся, там святая вода, божественная. Бог-от Троицу любит» [В-Уст, Погорелово]. Данный факт, скорее всего, является повторением «в миниатюре» той прототипической топонимической ситуации, которая во многом создает «мифологию» Великого Устюга: недалеко от набережной Великого Устюга сливаются реки Сухона, Шарденьга и Юг, образуя Малую Северную Двину. В месте слияния этих рек стоит Троице-Гледенский монастырь с пятиглавым Троицким собором (XVII в.); при этом христианская Троица, именем которой освящались храмы по всей территории не только Русского Севера, но и

православного мира в целом, получает дополнительную топографическую мотивировку — *слияние трех рек* [устное сообщение О.Б. Зенковой — научного сотрудника музея Троице-Гледенского монастыря (Великоустюгский район Вологодской области)]. Таким образом, реальная «тройственность» географических объектов наполняет новым смыслом семантику христианской Троицы — и эта ситуация дублируется в другой тройке географических объектов, расположенных в 20 километрах от своих «прототипов». Попутно приведем еще один пример, демонстрирующий возможность наделения символов христианской религии дополнительным топографическим смыслом (в данном случае участниками взаимодействия являются наименование числа *пять* и имя *Параскевы Пятницы*): лес *Пятница* — «пять километров идти, часовенка еще Параскевы стоит — вот и Пятница» [Устюж, Глины]. Таким образом, топонимическая номинация обеспечивает вписанность в ландшафт символики христианской религии.

Святые свойства объекта могут быть отмечены также с помощью названий, образованных от тополексеми **чудный**. Интересно, что данная лексема (и родственные ей *чудо*, *чудак* и пр.) иногда используется при маркировке нечистых мест. Такая смысловая амбивалентность свидетельствует об известном сходстве представлений о святом и нечистом, обусловленном их общим субстратом — идеей сверхъестественного. Ср.: оз. *Чудное* — «там вода особая, целебная, святая» [Карг, Поржалю], г. *Причудные Горы* — «там часовенку ставили, родник со святой водой и сейчас там есть», «был родник и там всяки травы росли» [Уст, Лукьяновская, Левинская].

Наконец, следует выделить тополексеми **родник**, **ключ**, **колодчик** ('родник, ключ' [ЛК ТЭ]). Информация о святых свойствах локуса входит в энциклопедическую зону семантики этих тополексем (так же, как информация о нечистых свойствах, — в соответствующую зону семантики тополексем *овраг*, *болото* и т.п.), ср.: ур. *Колодчик* — «в этом месте святая вода была» [Сок, Кадников], пок. *Ключевой Лог* — «там ключ. Всю жизнь охотники его расчищали. Приговор ли был, еще что. Вода хорошая» [В-Уст, Антоново], родник *Ключик* — «берут оттуда воду, там вода святая» [У-Куб, Богослово], руч. *Родник* — «в роднике святая вода была, поп там иконы опрыскивал» [В-Уст, Будрино], руч. *Родник* — «там вода лечит» [Котл, Наледино] и др.

Идея сверхъестественного мотивирует также названия, связанные с обозначением **феноменального события**. Топонимы такого плана, функционируя в рамках поля 'святое место', одновременно составляют периферию поля 'культовый объект', поскольку место феноменального события, как правило, становится культовым. В первую очередь здесь следует назвать тополексеми

ЯВЛЕННЫЙ. В нашем материале имеется 3 топонима, образованных от этого амплятива: название оз. *Явленное* // *Чудесное* записано в Приморском районе Архангельской области; два урочища с названием *Явленное Место* зафиксированы в Котласском районе той же области (одно находится в бассейне р. Удима, другое — на берегу р. Северная Двина).

Отметим, что *явленные* топонимы занимают особое положение в топонимической системе. Явление икон — едва ли не самый популярный мотив народных легенд; рассказывая об этом событии, информанты могут точно назвать место обнаружения иконы — берег (дню) реки, родник, роцца, отдельное дерево, гора, камень, амбар и т.п., однако соответствующая информация крайне редко становится мотивирующей для топонима. Уже говорилось, что в Котласском районе известно 7 мест, связанных с явлением иконы, но только в 2 случаях из 7 это событие оказывается увековеченным системой географических названий. В топонимии других районов этого и вовсе не происходит. Специфический статус этих названий ощущается при полевом сборе материала: оба котласских топонима были записаны не в ходе традиционного «путевого» опроса топонимии, а в результате разговора о «памятных» местах. При этом один из информантов предупредил: «Не пиши. Это не название, это так, для памяти» [Котл, Ваганы]. *Явленные* места не упоминаются при привязке других топонимов к местности, т.е. существуют как бы вне топонимической системы. Маргинальность этих названий по отношению к традиционной топонимической системе подчеркивается и тем, что приморский топоним и его параллельный вариант созданы, по всей видимости, соловецкими монахами.

Ситуация, связанная с явлением иконы, отражена в топониме, образованном от лексемы *притча*, который записан ТЭ на территории Котельничского района Кировской области: г. *Притча* (у д. *Богоявленское*): «когда-то в день Пасхи провалилась церковь и образовалась гора, притча сотворилась», «якобы мужик на горе Притча пахал и выкопал икону Михайла Архангела» [Кот, Курино, Макарьс]. Очевидно, для интерпретации этого названия следует учесть следующие значения слова *притча* — ‘благоприятное стечение обстоятельств, благоприятный случай’ [СлРЯ XI–XVII вв, XX, 59–60], ‘о каком-либо непредвиденном обстоятельстве, случае, событии’ [ССРЛЯ, XI, 819], ср. также *притчиться*, *попритчиться* ‘случиться, приключиться’ [Даль, III, 452]. Название д. *Богоявленская*, около которой находится г. *Притча*, «аккомпанирует» легендам, связанным с этим топонимом.

Приведем также весьма показательный пример с названием г. *Умиленье*, находящейся на северном берегу оз. Галичское, где тоже произошло явление иконы: «на этой горе было явление Божьей матери, потом там чудо-

творная икона стояла» [Галич, Толтуново]. Объясняя это название, один из информантов замечает: «может, обрадели люди, вот и назвали так» [Галич, Толтуново]. Однако, думается, данное объяснение, связывающее название с основным значением слова *умиление*, является вторичным. По всей видимости, в основе топонима одно из наименований икон Богородицы — икона Божия мать «Умиление» (наряду с иконами Божия Мать «Знамение», «Оранта» и т.п. Эти наименования становятся известными в народной традиции, ср., к примеру, уже упоминавшийся эпитет Богородицы *Яитра*, представляющий собой трансформацию исходного *Одигитрия*). Такая трактовка происхождения этого топонима в большей степени соответствует логике топонимической номинации.

Среди топонимов, отражающих феноменальное событие, следует отметить наименование ур. *Туча*, обозначающего место падения каменной тучи, ср.: «Бог хотел истребить Устюг, потому что никто не молился, и на город слетела каменная туча огненная, по дому камни большие. Но Прокопий Праведный молился перед иконой Богоматери — и та умолила Господа простить Устюг. И туча упала в 20 километрах от города, камни до сих пор в лесу и в реке лежат. На Тучу ходят, молебны служат. И церковь в Устюге есть — Прокопия Праведного» [В-Уст, Онбово]. Сакральность этого локуса подчеркивается тем, что около ур. *Туча* протекает руч. *Святой*.

В целом топонимы, связанные с феноменальными событиями, нетипичны для русской топонимии.

В приведенном выше топонимическом материале информация о святости локуса так или иначе была представлена в семантике топонима, однако значительно более часто встречаются ситуации, когда эта информация никак не проецируется на смысловую структуру имени, ср.: руч. *Ершинка* — «вода святая, от двенадцати недуг» [Ваш, Поповка], р. *Осиновка* — «раньше говорили: «На Осиновку сходите — 90 грехов спадет» [В-Уст, Верхняя Шарденьга], родник *Колочёвский* — «на камешке следок, говорят, Богородица оставила, маленький такой, как у младенца. По воде монеты плавают, а взять нельзя — сразу ко дну уходят» [Влгд, Келебардово], лог *Федотиха* — «святая вода там, крест поставлен, иконка врезана» [Котл, Копосово] и мн. др.

Подводя итог вышесказанному, представим **состав поля 'святос место'** и тесно связанного с ним поля **'культовый объект и культовая деятельность'**. Эти поля имеют как обширную зону пересечения, так и автономные зоны.

Элементы фрейма	Святое место	Культовый объект и культовая деятельность	
собственные свойства топографической реалии, обусловившие восприятие ее как святого места	<i>святой, чудесный серебряный, белый, светлый; спорный, сливено; троица; ключ, родник, колодец</i>		
связь топографической реалии с культовым объектом		<i>святой; Бог, Иисус; библейские топонимы: Вавилон, Голгофа, Елеон, Иерусалим, Иордан, Сион, Синай (возможно, сюда же рай); царство; лысая горка (попова плешь?)</i>	агнионимы; родовые обозначения культовых объектов: бог ('икона'), домка, икона, иконостас, келья, крест, монастырь, обряд, распятие, скит, храм, церковь, часовня погост; поп, дяк и т.п.; клирос
культовая деятельность		<i>заветный, заповедный; богомолье, молебен, молитва, богословить, бажить (?) поклонный благодарение (?) говеть, мясоед</i>	
феноменальное событие	<i>явленный притча туча</i>		

Основное различие между этими полями объясняется разнонаправленностью векторов, задающих логику движения от центра поля к периферии. В структуре поля 'культовый объект' таким центром будет агниотопонимия, а в рамках поля 'святое место' — святые топонимы.

2.3. Семантическое поле 'место смерти и захоронения'

Места смертей и захоронений, несомненно, являются выделенным локусом в народной «ментальной топографии», однако их нельзя однозначно отнести к нечистым или святым, поэтому мы будем рассматривать этот материал

отдельно. В рамках данного поля можно выделить три микрополя: 'христианское (православное) кладбище', 'место «нетрадиционного» захоронения', 'место смерти'.

Наиболее проработанным оказывается в топонимии такой фрагмент данного семантического поля, как '**христианское (православное) кладбище**'. Отмеченность кладбищенского локуса проявляется на разных уровнях. На языковом уровне показательно, в частности, то, что обозначения кладбищ — как собственные, так и нарицательные — нередко входят в состав идиом со значением 'умереть' (такие идиомы могут иметь сугубо локальное распространение), ср.: *кладб. Угол* → *пойти на Угол* 'умереть' [Мез, Кильца], *кладб. Попова Гора* → *пойти на Попову Гору* [Влгд, Поповка], *кладб. Ерёма* → *уйти к Ерёме* [Котл, Яндовище], *кладб. Бор* → *собраться на Бор* («на Бор собрался, куда больше. Места на Бору хватит, еще пригородят») [У-Куб, Борисково], *кладб. Килино* → *поспеть на Килино* [В-Уст, Одомчино] и др.

Наименования кладбищ в большинстве своем не включают в себя информацию о специфике локуса и являются метонимически перенесенными с названия деревни или каких-либо хозяйственных урочищ: *кладб. Сергеевское Кладбище* ← поле *Сергеевское* [Влгд], *кладб. Закаменник* ← руч. *Каменный* [В-Уст], *кладб. Анфимовское Кладбище* ← д. *Анфимова*, *кладб. Клюково* ← поле *Клюково* [Ваш], *кладб. Нижнее Поле* ← поле *Нижнее Поле* [В-Уст] и мн. др. Резкое преобладание названий такого плана среди наименований кладбищ свидетельствует о том, что ономаσιологическая специфика обозначений кладбищ довольно слабо обозначена в топонимической номинации.

Более информативными следует считать названия, в семантике которых имеется **указание на место расположения кладбища**, которое может быть связано как с естественным географическим объектом, так и с церковью.

А. Указание на тип географического объекта.

гора (*буево, веретья, гора, горный, горушка, коровашек, хомок, хоман*³⁸): *кладб. Буево* — «у церкви было, Буево называлось. Там высоко, гулянка всегда была» [Вель, Рылковский], лес *Веретья* — «высоко место, кладбище там» [Ваш, Липин Бор], *кладб. Горушка* — «церква рядом, хоронили там» [Влгд, Пески], пок. *Горно* — «кладбище там было, красиво» [Кон,

³⁸ Ср.: *буево* 'высокая безлесная гора', 'кладбище' [ЛК ТЭ]; *веретья* 'возвышенность, поросшая лесом' [ЛК ТЭ]; *гора* 'кладбище' [ЛОС, 9, 320]; *коровашек* 'небольшая возвышенность' [ЛК ТЭ]; *хомок, хоман* 'небольшая возвышенность' [ЛК ТЭ].

Толстая], г. *Коровашек* — «на той горушечке кладбище» [Шексп, Княже], кладб. *Хоман* [Котл], кладб. *Хомок* [Влгд];

лес (*бор*³⁹, *роща*): кладб. *Бор* [В-Уст, У-Куб], кладб. *Борок* [У-Куб], лес *Могильный Бор* [Лен], кладб. *Роща* — «ольха да осина теперь, елка да сосна старишние-то стоят» [Баб, Ракуново];

берег (*бережной, березжок, мыза*⁴⁰): кладб. *Березок* — «много было осинок, кладбище славное было» [Влгд, Нестеровское], кладб. *Бережное* [Плсс], кладб. *Мыза* [С-Дв].

Б. Указание на связь с церковью: кладб. *Воздвиженье* [В-Уст], кладб. *Петровское* [Котл], кладб. *Егорьевское* [Ваш], кладб. *Никола* — «там была церковь Никола» [Бел, Федоровская], кладб. *Трифон* — «церковь была святого Трифона» [У-Куб, Бережное], кладб. *Всесвятное* — «церковь была всех Святых» [В-Уст, Мякинщицыно] и мн.др.

Помимо наименований типичного кладбищенского ландшафта (некоторые из которых во вторичных значениях стали номинациями кладбищ), а также имен церквей, около которых расположены кладбища, в составе топонимов могут функционировать **непосредственные обозначения кладбища**, ср. названия, образованные от апеллятивов *погост, кладбище, могила (могильник*⁴¹): г. *Погостная Гора* — «хоронили там, у церкви» [Бел, Васютино], кладб. *Повосское* [Холм], руч. *Повосский* — «течет у кладбища» [Пин, Чакола], поле *Могильники* — «кладбище было, потому Могильники» [Холм, Прилук], г. *Могильная* — «кладбище там» [Нянд, Яковлевская], поле *Могилки* — «у кладбища» [Уст, Задорье] и т.п.

Однако наибольшую ценность имеет информация, содержащая не прямые, а **опосредованные характеристики кладбищенского пространства**.

Во-первых, в основу опосредованных номинаций могут быть положены **наименования покойников**:

*родители*⁴²: дор. *Родительская* — «по ней в родительский день ходили на кладбище» [Ваш, Совалиха], поле *Родители* — «на этом месте стояла церковь с кладбищем» [Устюж, Раменье], лог *Родительской* (у кладбища) [Ник], руч. *Родительской* — «протекает около кладбища» [В-Уст, Истонная], г. *Родители* — «сосны на горке Родителями зовут» [Бел, Гулино], поле *Родительщина* [Он];

³⁹ Ср.: бор, борок 'кладбище' [Даль, II, 115], глядеть на бор 'умереть' [АОС, 9, 320].

⁴⁰ Мыза 'покос или сад на берегу реки' [ЛК ТЭ].

⁴¹ Могильник 'кладбище' [ЛК ТЭ].

⁴² Ср.: родители 'покойники', родительское место 'кладбище' [Даль, IV, 11].

покойник: паш. *У Покойников* — «у кладбища» [Бел, Георгиевское], руч. *Покойничий* — «раз кладбище в расположении» [Мез, Малая Слобода], пок. *Поконщина* — «у кладбища место, кладбище-то на угоре» [В-Уст, Буково] и др.

Во-вторых, топонимы такого плана могут быть связаны с **обозначениями действий и обстоятельств, связанных с похоронами:**

повалить⁴³: г. *Повалиха* — «там кладбище, где гора-то» [Ирим, Луда];

хоронить: кладб. *Хоронуха* [Кад];

поминать: кладб. *Поминка* [Ваш];

канун⁴⁴: р. *Канунница* — «хоронили тут рядом, всё канун да ладан, вот и Канунница» [Меж, Сосновка];

песня: кладб. *Песенки* [Бел]⁴⁵.

Наконец, топонимы могут содержать **характеристики самого кладбища и связанного с ним пространства.**

Значительный интерес представляют названия, содержащие апеллятив **веселый:** кладб. *Веселое Место* — «в насмешку, что ли, так прозвали: там испокон века кладбище было» [Ваш, Муньга], кладб. *Весёлая Деревня* — «культурно, оградки все богатые» [В-Уст, Гробищево], ср. также название кладбища *Весёлая Горка* в топонимии Кировской области [Кот]. Рассматривая культурную семантику слав. **vesel-*, Н.И. Толстой и С.М. Толстая выделяют семантическую сферу 'смерть' как одну из сфер, в которых представлена семантика и символика веселья; при этом они отмечают, что с реализацией этой семантики (кажущейся не только не мотивированной, но и противостественной для темы смерти) связаны «пока немногочисленные и достаточно случайные примеры магической (но уже не продуцирующей, а охранительной) функции веселья» [Толстой, Толстая 1993, 177]. Среди этих примеров — серб. эвфем. *веселник* 'покойник', словен. *šel je v nebeško veselje* 'умер' (букв. «ушел на небесное веселье»), др.-польск. *wesele niebieskie, rajskie, wieczne* 'смерть, загробное существование, вечное блаженство на небесах' и др. [Толстой, Толстая 1993, 178]; ср. также распространенные в славянском мире обычаи проявлять нарочитое веселье и радость во время похорон, шутить и смеяться на поминках, играть в непристойные игры у гроба, являющиеся активным способом предотвращения действия потусторонних сил,

⁴³ Ср.: *повалить* 'похоронить' [ЛК ТЭ].

⁴⁴ Ср.: *канун* 'молебен и наихида', 'кутья по усопшем' [Даль, II, 85].

⁴⁵ Возможно, появление этого названия обусловлено тем, что в похоронном обряде — как ни в одном другом — важную роль играли песнопения, плачи и т.п.

способом защиты покойника и провожающих его близких [СД, I, 347]. Думается, что представленный выше топонимический материал пополняет ряд примеров реализации смыслов, связанных со смертью, в смысловом поле *веселья*. Возможно, соответствующие топонимы носят эвфемистический характер; не исключено также, что топоним *веселый*, имеющая архаичную семантику, подвергается при современном употреблении ироническому переосмыслению.

Интересно название кладбища *Красная Горка*, встретившееся в нашем материале четырежды [Выг, Пин, У-Куб, Шенк], ср. комментариев к одному из таких топонимов: «хороняли на Красной Горке и поминали там» [У-Куб, Лыскарево]. Это название можно соотнести с хрононимом *красная горка* 'фомина неделя; фомин понедельник, местами вторник, местами целые две и три недели; пора поминок родителей' [Даль, II, 187]; ср. также пословицу *В красную горку* (вторник на Фоминой, поминки) *родители из могилы теплом дохнут* [Даль, I, 376]. В данном случае проявляется сакральная символика *красного* (в смысле 'красивый', 'веселый, радостный', 'праздничный' и т.п.), ср., к примеру, наименование *красного угла* в избе, который, кстати, тоже связан с культом предков: по поверьям, в красном углу от 3 до 40 дней пребывала душа умершего после того, как она покидала тело [СМ, 233]. Любопытно, что кладбище может называться также *белой горой* или *белым горбом* [АОС, 1, 159]: символика *красного* и *белого*, как известно, нередко сходна.

Красные горки встречаются в топонимии очень часто, причем в большинстве случаев они находятся около деревень или являются их частью (г. *Красная Горка* у д. Бакшейка [Гряз], пок. *Красная Горка* у д. Кябелово [Выг], ур. *Красная Горка* у д. Грудиха [Нянд], холм *Красная Горка* у д. Никитинская [Вин], лес *Красная Горка* у д. Бор [Карг], поле *Красная Горка* у д. Мокеевская [В-Т], г. *Красная Горка* у д. Юрино [Бел], часть д. *Красная Горка* [Баб, В-Т, Котл, Он] и мн. др.). Такой закономерности в расположении *белых* или *черных гор* не обнаруживается, что указывает на нецветовую семантику этих топонимов. Топонимические *красные горки* являются не только местами расположения кладбищ, но и местами, где проводятся народные гулянья в праздник *красная горка*: в это время безлесные возвышенности, называемые *красными горками*, были «полифункциональны». На них разворачивались различные действия: сначала устраивались пиршественные тризны в честь умерших предков, затем совершались закличания весны и молодежные гулянья перед ожидающимися свадьбами [Коринфский 1995, 227; ср. также Максимов 1994б, 349–350; Афанасьев 1994, II, 360]. Таким

образом, *красные горки* реализуют архетип обрядового локуса: высокое красивое место избирается как арена осуществления различных по своему назначению обрядов. Включение в их число похоронного обряда обнаруживает глубокое родство последнего с земледельческой и свадебной обрядностью (такое родство не раз отмечалось исследователями), специфику отношения к смерти, покойному в народной традиции. Очевидно, семантика *красных горок* сходна с семантикой *веселых мест*, однако у нас не имеется достаточно топонимического материала, чтобы делать выводы об обрядовом статусе последних.

Название кладбища *У Ивана Ёлкина* [Плес] может быть проинтерпретировано в связи с идиомой *пойти к Ивану Ёлкину* 'умереть' [ЛК ТЭ]. «Фамилия» *Ёлкин* не случайна: «в восточнославянской мифологии ель имела самое непосредственное отношение к области смерти и была связана с целым комплексом похоронно-поминальных ритуалов и верований» (ср. использование ели как материала для изготовления гроба, практику похорон угнетенных между двумя елями, обычай бросать еловые ветки по дороге к кладбищу и др.) [Агапкина 1997, 4]; ср. также идиомы *угодить под ёлку* 'умереть', *смотреть под ёлку* 'находиться в тяжелом состоянии (о больных)' [СРНГ, 8, 343]. По предположению Н.И. Толстого, именно хвойное дерево (ель и сосна) выступает как «дерево смерти», в то время как лиственные деревья относятся к деревьям, знаменующим жизнь» [Толстой 1994а, 19].

Название кладбища *Божий Городок* (и, предположительно, *Божья Нива*) уже упоминалось в настоящей работе; появление образа Бога мотивируется доминантным для христианской религии представлением о том, что Бог забирает к себе на небо души праведников.

Образ Бога маркирует кладбищенское пространство как святое, однако такая маркировка не выражает всей сложности и противоречивости отношения к этому локусу. Как известно, в народной культуре кладбище могло восприниматься как некрещеная земля, противопоставленная освященному месту, где живут люди. Такое противопоставление имеет место в разных фольклорных жанрах, ср., к примеру, сходство образного представления кладбища в загадках и описания в заговорах нечистого места, куда ссылают болезни [Волоцкая 1995, 253–254]. Восприятие кладбищенского пространства как нечистого⁴⁶

⁴⁶ Ср. также отражающееся в топонимии четкое выделение в структуре пространства мест, куда выливали воду после обмывания покойников, выбрасывали посуду, где была такая вода, солому, на которой лежал покойник, и т.п.: руч. *Онучиха* — «портянки там мыли да покойников» [Валд. Карцево], ур. *Горшки* — «когда покойников обмывали, горшки после них туда выбрасывали»

отражено и в топонимии, ср. уже упоминавшиеся ранее названия оврага *Поганый Лог* и леса *Скоморохово*, находящиеся возле кладбищ.

В то же время лексемы, функционирующие в рамках микрополя 'православное кладбище', не исчерпывают состав поля 'место захоронения'. Выделяются тополексемы, которые маркируют места «неофициальных» погребений: здесь могут быть похоронены умершие не своей смертью⁴⁷, старообрядцы, увечные (прокаженные?). К сожалению, примеры, отражающие эту интереснейшую ситуацию, единичны и не сводятся в систему.

Если для маркировки зоны православного кладбища используется, в частности, тополекса *покойник*, то для номинирования места захоронения старообрядцев употребляется лексема *мертвец*: дор. *Мертвецкая Дорога* — «по этой Мертвецкой Дороге перекрещеванные ходили своих хоронить» [Шексн, Тимшино] (ср.: дор. *Покойничья Дорога* — «по ней на кладбище покойников несли» [Влгд, Нефедово]), бол. *Мох Мертвцов* — «староверы жили» [Прим, Уна]. Интересно также название леса *Мертвец* — «там недавно лес вырос, а в нем холмики, как могилки, и на каждом угорке елочка выросла одна. Реденько там угорки и елочки как посаженные. Говорят, там люди закопаны, вот и Мертвец» [В-Уст, Лодейка]. Возможно, данный топоним обозначает древнее место захоронения (кого?), хотя нельзя исключить его образный характер. Противопоставление *покойников*, похороненных на православных кладбищах, и *мертвцов*, являющихся неправославными покойниками, мотивировано, по всей видимости, тем, что лексема *мертвец* акцентирует сугубо физический аспект смерти, в то время как слово *покойник*, эвфемистическое по происхождению, воспринимается в более высокой тональности, ср. синонимические ряды, подобранные В.И. Далем: *мертвец* — умерший человек, покойник, побывшийся, умирашка [Даль, II, 320]; *покойник* — умерший, усопший, отшедший, преставившийся, побывшийся, скончавшийся [Даль, III, 242]. Ср. использование слов *покойник* (*покойничек*) // *покоенки* в качестве обязательных приложений при уважительном упоминании о покойных родителях или близких людях [ЛК ТЭ], а также употреб-

[Некр, Горки], ур. *Покойницкие Буераки* — «после покойников одежду в овраге омывали» [Сок, Шишкино], бол. *Покойницкое* — «выбрасывали туда горшки и солому после обмывки покойника. За грибами и ягодами туда не ходили» [Сок, Трухишка], бол. *Круглое Болотичко* — «не ходите, там пугало! Там после покойников все кринки бросают. Покойника омоют, так солому и кринки снесут на болото» [Сок, Обросово].

⁴⁷ Как известно, народные обычаи, различающиеся по вопросу о конкретном месте погребения умерших не своей смертью, сходятся в том, что народ избегает хоронить таких мертвцов на общем кладбище [Зеленин 1995, 89].

ление лексемы *мертвяк* в значении 'заложный покойник'⁴⁸ [Зеленин 1995, 39–41]. Таким образом, топонимический материал эксплицирует наличие оппозиционных отношений в паре *покойник* ↔ *мертвец*, которые эскизно намечены в сфере нарицательной лексики.

В топонимии Русского Севера имеются факты, свидетельствующие об особой отмеченности мест захоронения заложных покойников. В связи с этим интересны топонимические *убогие дома*: ур. *Убогой Дом* — «дома там не было, просто место как овраги, плохое место» [Гот, Княжая]; г. *Убогов Домик* — «домика там не было, большая гора, высокая, как у Бога» [Влгд, Поповка]. Очевидно, в основе этих топонимов — идиома *убогий дом*, которая обозначала место погребения заложных покойников (убогие дома обычно находились вне городов, на всполях; они представляли собой большие и глубокие ямы, куда клали тела и оставляли их не засыпанными до Семика) [Зеленин 1995, 95]. Мотивировки топонимических *убогих домов* указывают на деактуализацию исходного смысла этой идиомы, однако замечание одного из информантов о том, что соответствующий локус является «плохим», можно воспринимать как подтверждение связи топонима с местом захоронения заложных покойников. Интересно, что вологодская гора *Убогов Домик* находится у д. *Поповка (Погостец)*, в которой имеется расположенная на горе церковь Иоанна Богослова и одноименное кладбище. Возможно, данная ситуация отражает практику захоронения заложных покойников по соседству с православным кладбищем.

В топонимии юго-западной части Вологодской области (Бабаевский, Устюженский, Чагодощенский районы) фиксируются названия, образованные от апеллятива *жальник*: ур. *Жальники* — «был тут монастырь, до него литва шла, битва была, много побили, сейчас высокое место осталось»; «гривка была: литва шла, много народа убили да тут и похоронили» [Чаг, Середка, Колобово], ур. в лесу *Жальник* — «на жальниках курганы рыли» [Баб, Горочка], поле *Жальничное (За Жальником)* [Устюж], б. кладб. *Жальники* [Чаг]. Диалектная лексема *жальник* обозначает различные места погребений, однако чаще всего это «нетрадиционные» захоронения: *жальник* 'убогий дом, скудельница, куда складывали трупы, находимые на дорогах', 'место под елью, в ельнике, где хоронят маленьких детей, скончавшихся до крещения', 'место древнего погребения, расположенное обычно на высоком

⁴⁸ *Заложные покойники* — «люди, умершие прежде срока своей естественной смерти, скончавшиеся часто в молодости, с к о р о п о с т и ж н о ю несчастью или н а с и л ь с т в е н н о ю смертью» (разрядка автора. — Е.Б.) [Зеленин 1995, 39].

месте и поросшее деревьями, лесом' [СРНГ, 9, 68], 'место захоронения умерших без покаяния (убитых, самоубийц, мертворожденных)', 'могила, древнее захоронение' [НОС, 2, 120] (ср. также возникшие в результате дальнейшего развития семантики значения 'кладбище' [ЛК ТЭ], 'свежее захоронение, могила' [НОС, 2, 120]). Эта лексема распространена на территории Новгородской, Ленинградской, Архангельской областей; топонимические *жальники* как раз отмечены в той зоне Вологодской области, которая граничит с Новгородской и Ленинградской областями. Думается, что легенды о сражении с Литвой, рассказанные в связи с одним из *жальников*, позволяют предположить существование на этом месте древнего захоронения (ср. и упоминание о том, что это место было возвышенностью, что соответствует обычному расположению такого рода погребений). Что касается остальных *жальников*, имеющих в нашем материале, то их смысловое наполнение определить довольно сложно, поскольку они могут обозначать места как нетрадиционных, так и традиционных погребений.

Интерес представляют также два топонима, образованные от апеллятива *сторонник* (оба зафиксированы на территории Кадуйского района Вологодской области): пок. *Сторонницы* — «все могилки, могилки, сторонников хоронили. Сторонник — покалеченный человек»; «все могилки у той пожни, сторонников хоронили — те, которые покалеченные» [Кад, Бережок]; ур. *Рыканская Сторонница* [Кад]. В основе этих названий, как указывается в мотивационных контекстах, апеллятив *сторонник*, который на данной территории имеет значение 'калека, урод' [ЛК ТЭ]. Возможно, этим словом обозначали также прокаженных, что объясняет ситуацию отдельного захоронения. Эта ситуация имеет еще одно объяснение, ср. толкование лексемы *сторонник* у В.И. Даля — 'урод, калек, а потому нередко и собирающий подаяние, нищий' [Даль, IV, 331]: можно предположить, что в данном случае речь идет о захоронениях странствующих нищих. Как бы то ни было, топонимические *сторонницы* подчеркивают противопоставленность нетрадиционных мест захоронения своему, освоенному пространству.

Помимо мест захоронения, в топонимической номинации иногда оказываются обозначенными собственно **места смерти** — насильственной или же постигшей человека в результате несчастного случая. Если современное сознание может воспринимать такие места как памятные — без дополнительных коннотаций, основанных на суевериях, то архетип восприятия «убиенных

мест» диктует маркировку последних как нечистых локусов⁴⁹: «само место смерти или погребения вне кладбища заложных покойников считалось «нечистым» и опасным, его старались обходить стороной» [СМ, 187; см. также СД, I, 378]. Такая трактовка мест смерти основана на представлении о том, что земля не принимает заложных покойников, что душа их находится в полном распоряжении у нечистой силы; при этом где бы заложные ни обитали после смерти, они всегда сохраняют связь с местом своей смерти и могилы [Зеленин 1995, 43, 46, 48].

Выделенность соответствующих мест в пространстве подтверждается тем, что русская топонимия, которая «не любит» событийные номинации, всё же находит возможности зафиксировать то или иное событие с роковым результатом. Для этого используются топонимы, образованные от апеллятивов *смерть, могила, убить, удавить, погибнуть, покойник, утопленник (?), злодей*. Тем самым выявляется ситуация смерти: субъект (убийца, самоубийца) — действие — объект (убитый) — результат. Ср. топонимический материал:

могила: ур. (место в поле) *Паранькина Могила* — «Паранька там решилася» [Лен, Берег], ур. *Елина Могила* — «убили мужика Елю [Бел, Зарецкая], пок. *Матюшкина Могила* — «пастух помер на этом лугу» [Ваш, Поновское];

смерть: пок. *Любкина Смерть* — «мужик бабу убил» [Уст, Верхний Березник]; мыс *Барыкина Смерть* — «в покосе мужики дрались, одного и удавили в петле, Барыкой его звали» [К-Г, Гора], пок. *Владимишина Смерть* — «Владимко там утонул» [Уст, Грунцовская], поле *Кукина Смерть* — «Кука там умер» [Уст, Кузоверская], поле *Борисёноква Смерть* — «мужика тут задавили трактором» [Уст, Вирова]; ур. *Барская Смерть* [Чар];

удавиться: пок. *Удавихи* — «мужика удавили когда-то, вот и Удавихи» [Нюкс, Мыгра];

покойник: пок. *Покойник* — «утопленника напли» [Уст, Михалево], яма *Покойницкая* — «в шторм переезжали через нее шестеро в лодке, да так все шестеро и потонули» [Мез, Заакакурье]; омут *Покойники* — «свадьба когда-то была веселая. Жених с невестой ехали на тройке, лошади пить захотели, в речку зашли да в омут попали, все и затонули. Так и называли Покой-

⁴⁹ С типологической точки зрения показателен следующий факт из венедской топонимии: г. *Няро-Пэ* («чистый (неоскверненный) камень») получила свое название вследствие того, что на «чистое» место было принято перекочевывать с оскверненного вследствие чьей-либо смерти [Матвеев 1990, 50].

ником» [Гряз, Покровское]; о-в леса на бол. *Покойник* — «провожали парней в армию через Кириллов. Напились, конечно, Он и выпал из телеги, когда через Пиково ехали. Нашли кости потом» [Карг, Шуйгино];

утопленник (?): о-в *Утопленник* [Бел], луг *Утопленник* [Устюж]. Эти названия могут быть образованы как от апеллятива со значением 'утонувший человек', так и от словообразовательного омонима *утопленник* 'место, затопленное водой' [ЛК ТЭ];

погибнуть (гибнуть): ур. *Погиблое* — «убитых купцов находили» [Сок, Подъельное]. Топонимы, образованные от апеллятивов *гибнуть*, *погибнуть*, *гибель*, встречаются довольно часто, однако их смысловое наполнение может быть различным: они не только фиксируют реально свершившееся событие (чью-либо гибель), но и моделируют возможность такого события, а также выражают экспрессивную характеристику свойств географического объекта;

убить: руч. *Убивший* — «в царское время несколько человек убежали со службы и поселились там, но их нашли потом и убили, потому так назвали ручей» [Вин, Кузнецово], ур. *Убоец* — «это место такое в лесу. Шли муж с женой, и жена мужа пьяного убила» [Сус, Тыково], руч. *Убойница* [Ник], луг *Убитиха* [Ней], оз. *Убитое* [Холм], поле *Убойницы* [Меж];

злодей: руч. *Злодеев* — «там могила есть — убили человека давно, напрасно убили, потому Злодеев» [Прим, Вайново].

Интересны названия, включающие тополексему *могила*. Возможно, они свидетельствуют об архаичном обычае погребения заложного покойника на месте его смерти, мотивированном представлением о том, что, несмотря на перенесение такого покойника на новое место, он все равно 7 лет будет посещать старое [см. Зеленин 1995, 88–89]. Ср. факт, говорящий об актуальности этого представления в сознании носителей традиционной культуры: ур. *Жохова Могила* — «там Жох утопился, там похоронили. Говорили, Жох на это место являлся, за собой звал. Боялись этого места» [У-Куб, Лыскарёво]. Если даже труп захоронен на другом месте, топонимические *могилы* как бы наделяют локус соответствующим статусом.

Отмеченные выше тополексемы фиксируют факт смерти, но не характеризуют специфику восприятия «убиенного места». Такая характеристика может быть выражена с помощью топонимов, образованных от апеллятивов *черт*, *леший*, *поганый* (см. соответствующие статьи в разд. 1 настоящей главы). Тем самым топонимический материал подтверждает факт восприятия такого рода локусов как нечистых.

В приведенных выше примерах информация о месте смерти прочитывается либо непосредственно из внутренней формы топонима, либо из связан-

ных с ним коннотаций. Однако в подавляющем большинстве случаев факт смерти не запечатлевается топонимической номинацией (в лучшем случае фиксируется имя покойника, однако его фиксация может быть расшифрована в посессивном ключе), будучи отмеченным только в топонимических легендах: г. *Нахалкина Горушка* — «Нахалкина там убили» [Кир, Горка]; г. *Маркова Гора* — «там Марк напился и умер» [Уст, Зарулье]; ур. *Курашиха* — «старуха Курашиха утонула» [Карг, Бор]; лес *Олькин Бор* — «удавилась из Сырнево женщина, плохо ей жилось замужем» [Сус, Северное] и мн.др.⁵⁰

Как уже говорилось, названия типа *Нахалкина Горушка* или *Олькин Бор* не позволяют дифференцировать событийную номинацию от посессивной. Однако в массе топонимических фактов такого типа все же просматриваются **дополнительные способы указания на ситуацию смерти**. Во-первых, об этом может свидетельствовать специфика объектной соотносительности, когда антропонимы используются для номинации ям, болот и особенно омутов — объектов, на которые обычно не распространяются посессивные отношения. Эту особенность топонимической системы отмечают носители топонимической системы в актах метаязыковой рефлексии по поводу названий, ср. комментарий к наименованию *Павлухин Омут* — «кто потонул, тем именем и зовём» [Череп, Фенев], а также рассуждение в связи со словом *богот* 'омут, водоворот' — «боготья глубокие были. У их назови все по утопленникам» [Гряз, Чернава].

Во-вторых, имена умерших нередко подаются в ласкательных формах, ср.: бол. *Илюшенькино Болото* — «в нем Илюшенька утонул» [Устюж, Тяхтово]; бол. *Дарьюшкино Болото* — «у помещика была девушка, он ее обидел, она утопилась» [Влгд, Колотилово]; яма *Якимушко* — «Яким утонул, пастух» [Гряз, Косиково]; бол. *Дунюшка* — «девчонка там задавилась» [Котл, Удима] и др. Эта закономерность не является всеобъемлющей, однако всё же отчетливо просматривается в топонимическом материале. Очевидно, она соответствует общеязыковой традиции антропонимического выделения умерших (независимо от того, какая смерть постигла человека, — «своя» или «не своя»): в ходе полевых сборов ономастического материала нередко отмечается использование ласкательных форм при упоминании о покойниках, ср.

⁵⁰ Иногда информанты отмечают особые свойства «убиенного места»: омут *Макаречная* — «на этом месте бык убил Макарьевну, а пастухи испугались, подожили ее в мешок — да в воду. Этот омут объезжают, бояться» [Уст, Окатовская], р. *Заоссиная* — «здесь утопили одного куца, не похоронили по-христиански. С тех пор ходит за рекой и свистит» [Котл, Замелкишна], ур. *Хомино* — «там удавилась женщина, Пронкой звали. Боятся того места: если ехать мимо, то лошадь или сама распряжется, дугу у нее выстегнет — или принидится, приславится что» [Уст, Когтянская].

типичные контексты типа «Мишенька-покойничек сказывал...», «Дунюшка-покойничка говорила...» и т.п.

Таким образом, топонимическая номинация использует разнообразные средства для маркировки мест смерти, которые, несомненно, входят в разряд «заветных»⁵¹.

Подводя итог рассмотрению этого материала, представим **состав поля 'место смерти и захоронения'**.

Элементы фрейма 'место смерти и захоронения'	Микрополе 'христианское кладбище'	Микрополе 'место «нетрадиционного» захоронения'	Микрополе 'место смерти'
умерший	<i>родители, покойник</i>	<i>сторонник, мертвец</i>	<i>покойник; ласкательные формы имени</i>
ситуация смерти	—	—	<i>смерть, погибнуть, убить, удавить, утопленник (?), злодей</i>
обстоятельства погребения	<i>повалить, хоронить, помянуть, канун, песня</i>	—	—
характеристики локуса, связанного со смертью или погребением	<i>веселый, красная горка божий городок (божья нива) Иван Ёлкин поганый, скомоорох</i>	—	<i>поганый, черт, леший</i>
место погребения: а) непосредственное наименование места погребения	<i>кладбище, могила, погост</i>	<i>жальник, убогий дом</i>	<i>могила</i>
б) топография объекта, связанного со смертью или погребением	<i>гора (буево, веретья, гора, горный, горушка, хомок, хоман); лес (бор, роцца); берег (бережной, бережок, мыза); смежность с церковью</i>	—	<i>омут</i>

⁵¹ Топонимическая маркировка мест смерти отмечается в разных славянских традициях, ср.: «Могилы висельников часто обозначались названием-топонимом (например, серб. *Милин Гроб, Милина Вода* по имени повесившейся Милы)» [СД, I, 378].

Описав семантические поля 'нечистое место', 'святое место' и 'место смерти и захоронений', выделим группу топонимов, которая занимает особое положение в рамках макрополя 'заветное место'. «Заветность» этих топонимов создается их особым языковым статусом: данные названия так или иначе реализуют **магическую функцию языка**, что выражается в появлении магически ориентированной матерной брани или же эвфемистических имен.

Следует отметить, что интереснейший вопрос о табу в сфере собственных имен изучен пока в отечественной ономастике крайне недостаточно. Имеются работы о проявлениях эвфемии в ономастике народов Алтая [Баскаков 1974], хантов [Дмитриева 1998], коми [Плесовский 1979], самодийцев [Семенов 1992], бурят [Алдарова 1976; Динганорбоева, Митрошкина 1982] и др.; что касается русской ономастики, то здесь из одного исследования в другое кочуют в основном антропонимические примеры типа *Неждан*, *Некрас* (ср. работу Н.И. Толстого, расширяющую этот ряд [Голстой 1989]), а вот топонимический материал практически не описан (ср. небольшое исследование В.Д. Бондалетова, посвященное отражению элементов офенских языков в топонимии [Бондалетов 1965]). Данная тема требует специального кропотливого изучения; мы же попытаемся привести некоторые факты, которые призваны помочь ее дальнейшей разработке.

Выскажем несколько предварительных соображений. Названия, содержащие матерную брань, очень редко попадают в блокноты участников полевых сборов топонимии, поскольку носитель топонимической системы «подвергает цензуре» ту информацию, которую он делает достоянием науки. Интересно, что при воспроизведении фольклорных текстов брань внедряется в рассказ значительно легче: очевидно, топонимия воспринимается как более социализированный и «официальный» пласт культуры. В нашем материале имеются примеры топонимов, демонстрирующие способы сокрытия матерной брани. Вместо обцененного топонима могут быть использованы следующие варианты эвфемистических замес: 1) описательные конструкции, указывающие на реалию, названную матерным словом: луг *Промеж Ножками Лужок // Шохабное* [Лен]; 2) характеристики, выражающие отказ от имени: оз. *Безымянное* — «есть у него имя, да больно нехорошее» [Кир, Славянка]; 3) фонетические преобразования бранного имени: бол. *Фуево // Х...ево // Худое* (для варианта *Фуево* придумана «оправдывающая» легенда: «сойдут, бывало, за ягодами — нет ничего, так говорят: «Фу его, это болото» [Шкскн, Медвзжье]); 4) метаязыковые генерализирующие определения типа *матюкливый*, *матюкальный* и т.п.: бол. *Матюкальное // Блядское*

//П...а — «баба согрешила там» [В-Уст, Милославская], р. *Матюковка* [Сок, У-Куб, Чухл], пок. *Матюк* [Пин] и др.

Функциональная направленность матерной брани может быть различной. В некоторых случаях она используется для экспрессивной характеристики неудобного для обработки, опасного или бедного в хозяйственном отношении объекта: отмель *П...звон* — «место мелкое и каменистое, заторы были, все это место проплывали» [Влгд, Талица], пок. *Матюгливая Гора* — «плохие пожни, ничего не косилось, вот и назвали так» [Карг, Дьяково]; поле *Матюгацкое* — «ничего не росло, потому так названо» [Хоам, Орлец]. Иногда *матюкальные* топонимы являются именем ситуации, связанной с тяжбами из-за земельных участков: лес *Матюкальник* — «нельзя никак делить, бранились все» [Уст, Арефинская]; лес *Матюкалиха* — «раньше, когда после бар делили землю, так мужики ругались, матюкались» [Влгд, Захарово].

Однако приведенные выше бранные или эвфемистические *матюкальные* топонимы не связаны с реализацией магической функции языка; в рамках интересующей нас темы следует рассматривать те ситуации, когда матерная брань имеет особую целеустановку, направленную на продуцирование нужных носителю топонимической системы свойств географического объекта. Славянской народной культуре известна традиция употребления матерной брани в магических целях: ср. использование обценных выражений в сельскохозяйственных, свадебном, святочном обрядах, а также задействие их как оберега для отгона духов болезни, нечистой силы, для защиты ребенка от порчи, сглаза и пр. [СД, I, 250–253]. В нашем материале имеются любопытные топонимические примеры, которые говорят о практике использования брани для продуцирования хорошего улова. Ср. эвфемистический и собственно матерный топоним такого плана: тоня *Матюково* — «матюкали эту тоню, чтоб рыбы больше было» [Кир, Кирбасово], тоня *П...ёна* — «самая богатая тоня» [Влгд, Евлашево]. Нелишне будет напомнить название тони *Богословская*, свидетельствующее о применении молитвы с той же целью.

В целях вербального обеспечения хорошего улова могут задействоваться не только брань или молитва, но и элементы условного языка рыбаков, основанного на эвфемии. Ср. наименование тони *Затеево Сено* — «там у Затее ловилось хорошо» [Прим, Пушлахта]. Для интерпретации этого названия следует привлечь лексемы *сено* и *солома*, используемые рыбаками д. Пушлахта при ответе на вопрос об улове и означающие, соответственно, 'хороший' и 'плохой улов', ср.: «Что везешь? — Сено». Много рыбы, значит. «Что везешь? — Солому». Ничего не поймал» [ЛК ТЭ]. Интересна ситуация функционирования этого наименования, которую удалось пронаблюдать автору

настоящей работы. Затей Николаевич Агафонов (чьё имя отражено в названии топи), отличный информант и самый опытный рыбак Пушлахты, не назвал в ходе беседы с нами топонима *Затеево Сено*, хотя обозначения остальных топонимов он перечислил очень обстоятельно. Когда зашедший к нему в избу молодой сосед спросил: «Чего ж Затеево Сено не назвал, дедушко Затей?», — он тихо ответил: «Нет такой топи, ничего там нет». В последующей беседе с другим пожилым рыбаком, при отсутствии Э.Н. Агафонова, это название звучало, однако информант отказался сообщить точную привязку объекта. Всё это свидетельствует о справедливости нашего вывода о реализации в данном названии магической функции имени.

Отмеченность того или иного локуса с помощью эвфемистического имени может быть направлена не только на продуцирование значимых с хозяйственной точки зрения свойств, но и на элиминирование опасных. В этом смысле интересны наименования речных порогов, среди которых встречаются эвфемистические («задабривающие») имена. Яркий пример такого рода представляет название порога *Молодец* — «страшный порог, старики говорили — уважать его надо: рыбы бросить, хлеба ли, тогда проплывешь. Уважали его — Молодцом звали» [Лещ, Вожгора]. В этом же ряду, вероятно, следует рассматривать наименование порога *Почтенный* — «крепкий порог очень» [Холм, Пукшеньга], названия порогов *Отец* и *Матушка*, употребляемые параллельно их основным обозначениям *Воронец* и *Чолча* [Вин], а также имя порога *Кум* — «страшный порог» [Ваш, Тимошино]. Лексика, обозначающая кровных или некровных родственников, широко употребляется при эвфемистической номинации болезней, опасных животных и пр. [Зеленин 1930; Кацев 1988]. В типологическом плане интересна существующая у якутов практика использования ласкового или почтительного имени *äbä* 'бабушка' для называния всякого родного урочища — реки, озера и т.п. [Зеленин 1930, 21]: как отмечает К.Ф. Гриценко, ласковые и почтительные слова задействуются в якутской топонимии, «дабы не вызвать гнева духа-хозяина данного объекта» [Гриценко 1970, 48]. Подобная практика встречается у монголов, бурят, народов Алтая и др. [Зеленин 1930, 21–22; Абаева 1991]; показателен также отмеченный у казахов, киргизов, азербайджанцев обычай добавления к географическому имени элементов *-ата* 'отец, дядя' и др., указывающих на святость места [Жеримбаев 1992, 22; Юдахин, 77–78; Амирова 1992, 20]. Эвфемистические имена мы встречали также в составе поля 'место смерти и захоронения' (*Иван Ёлкин*).

Таким образом, в формировании топонимической концепции заветного места определенную роль играют названия, в которых реализуется магическая

функция языка. Если топонимы типа *Чертово* или *Святое*, фиксируя особую отмеченность локуса, подают ее **нарративно**, то в данном случае сам топонимический ряд настроен **императивно** по отношению к объектному ряду (даже почтительное «задабривание» грозных порогов скрывает императивную интенцию), моделируя нужные и элиминируя вредные свойства объекта.

Подведем итоги.

1. «Духовное» освоение окружающей географической реальности, идущее параллельно ее хозяйственному освоению, приводит к обнаружению в структуре пространства ценностно отмеченных зон, выделенность которых обнаруживается на разных уровнях — мировоззренческом, манипулятивном, текстовом (появление поверий, быличек, преданий, совершение ритуальных действий и пр.). Ср., например, ситуацию выбора места для строительства церкви (часовни): по рассказам информантов, церковь следует построить так, чтобы от нее до других церквей было по 7 (10) километров; чтобы с нее было видно две другие церкви; чтобы она стояла на месте, которое ранее считалось нечистым (где *водит*, *манит*, *блзнит*); на месте явления иконы; там, где обнаружены «следы» какого-либо святого; там, где споткнется слепой (рыжий) мерин; там, где была найдена горящая свеча; на месте, которое поп увидел во сне, и т.п. (при этом попытка проигнорировать какой-либо из этих сигналов святости локуса и строить церковь на другом месте всегда приводит к краху: пропадают кирпичи, бревна, постройка сгорает, строители получают увечья, etc.) [ЭМ ТЭ]. Таким образом, представление о соответствующей зоне оказывается нагруженным ценностной информацией. Эта информация не является единожды возникшей и застывшей, она обновляется и трансформируется: к примеру, святые места, почитаемые местными жителями и паломниками, становятся точками сгущения всё время меняющейся информации о различных кризисах (болезнях, засухах, пожарах и т.п.) [см. Щепанская 1995]. Итак, «духовная нагрузка» того или иного локуса фиксируется различными каналами трансляции этнокультурной информации; в их числе следует назвать и систему географических названий.

2. В топонимии соответствующая информация оказывается сконцентрированной в рамках семантического макрополя 'заветное место', которое, в свою очередь, подразделяется на три сектора: 'нечистое место', 'святое место', 'место смерти и захоронения'. Границы поля определяются входждением информации о заветном месте в семантическое пространство топонимов, а иерархия элементов поля — тем местом, которое занимает эта информация в семантике топонима. Иными словами, структура поля соответствует семанти-

ческой организации составляющих его элементов. Помимо иерархических отношений, формирующих «вертикаль» семантического поля, его параметры задаются также структурой того фрагмента картины мира, который описывается семантическим полем. Эту когнитивную структуру репрезентирует соответствующий фрейм. Таким образом, изучаемые поля анализируются по трем направлениям: состав поля, иерархия элементов, фреймовая структура.

3. Наиболее разработанной в топонимической номинации оказывается семантическое поле 'нечистое место'. Здесь наиболее разносторонне представлена структура ситуации, описывающей взаимодействие человека с нечистым локусом: определяется источник нечистых свойств — нечистая сила, характеризуются действия, направленные ею на географический объект или проявляемые в связи с ним, а также реакции человека на контакт со страшным местом, указываются свойства географического объекта, обусловленные восприятием его как нечистого.

Что касается поля 'святое место', то его фреймовая структура разработана значительно слабее. Соответствующий фрейм включает в себя следующие элементы: свойства локуса, обуславливающие восприятие его как святого: а) собственные свойства; б) связь с культовым объектом; культовая деятельность; феноменальное событие. При этом более или менее полно представлены элементы фрейма, которые связаны с культовым объектом и культовой деятельностью.

Поле 'место смерти и захоронений' включает три сектора: 'христианское (православное) кладбище', 'место «нетрадиционного» захоронения', 'место смерти'. Элементы фреймовой структуры обладают разной активностью в различных секторах: в секторе 'место смерти' наиболее разработанной оказывается ситуация смерти, а в секторе 'христианское кладбище' — обстоятельства погребения и характеристики локуса, связанные со смертью и погребением. Данное поле строится иначе, чем предыдущие, поскольку в его центральную часть включаются прямые обозначения культовых объектов; с точки зрения этнолингвистической информации наибольший интерес имеют опосредованные номинации, характеризующие место смерти и захоронения через обозначение покойников, ситуации смерти и т.п.

4. В чем причины столь разной структуризации изучаемых полей? Как уже говорилось, нечистые свойства присущи объекту онтологически, они не привносятся извне. Более того, эти свойства порождаются активным деятелем — нечистой силой: раз поименован деятель, то появляются действия, реакции и проч., т.е. возникает определенный сценарий. Не случайно структура представлений о нечистом месте совпадает, по сути, с мотивным каркасом

мифологических текстов -- быличек, легенд и т.п.; по входящим в это поле топонимам можно «составить рассказ» о связанных с нечистым местом событиях, т.е. восстановить соответствующий миф.

Что касается святых свойств объектов, то они нередко «культивируются» (в этимологическом смысле этого слова), порождаются присутствием культового объекта или же феноменальным событием. Поэтому топонимическая номинация концентрируется на фиксации культовых действий или факта смежности локуса с культовым объектом, что не позволяет осуществить разворачивание мифологического сценария. Характеристика собственных свойств объекта, позволяющих воспринимать его как святой, тоже не может служить отправной точкой для разработки определенного сюжета.

Поле 'место смерти и захоронения' обладает более детализированной структурой, чем предыдущее, однако здесь мы имеем не столько мифологический, сколько обрядовый текст, прорисовывающий подробности осуществления захоронений.

5. Несмотря на различия в строении описанных полей, они в некоторых участках пересекаются друг с другом, что обусловлено амбивалентностью представлений о *святом* / *нечистом* как о сверхъестественном. Показателен в этом плане факт включения топонимической семы *чудесный* (*чудо, чудный*) как в состав поля 'святое место', так и в состав поля 'нечистое место'.

6. Информация о заветном месте может вступать в различные отношения с семантической структурой топонима. При этом следует выделить три ситуации:

1) информация о заветном месте входит в различные зоны семантической структуры топонимической семы: а) в сигнификативную зону семантики (*святой, черт, блазнить, мертвец* и т.п.); б) в коннотативную зону (*поклониться, окаянный, канун*); в) в ассоциативную зону (*черный, бездонный*); г) в зону маргинальной энциклопедической информации (*чаща, родник, омут*);

2) информация о заветном локусе «навязывается» топониму в результате переосмысления его внутренней формы (*охать, плакать, свистеть*);

3) информация о заветном месте никак не соотносится с семантикой топонима, а реализуется в фольклорных текстах или в ритуальных действиях, связанных с объектом.

Таким образом, первый вариант связан с ситуацией, когда топоним напрямую или косвенно соотносится с идеей сверхъестественного. Во втором и третьем случае эта связь оказывается привнесенной извне или вообще отсутствует. Трудно дать точные количественные данные, однако можно с уверенностью сказать, что самый распространенный случай функционирования ин-

формации о заветном месте, встречающийся гораздо чаще, чем все остальные, вместе взятые, описан последним. Даже в том случае, когда семантическое пространство топонимии открыто для реализации представлений о сверхъестественном (ситуация 1), наблюдается тенденция либо к семантической трансформации топонимов, нейтрализующей сакральные смыслы (*царство*), либо к маргинализации соответствующих топонимов внутри локальной топонимической системы (*явленное место*), либо к установлению параллелизма «сакрального» и «светского» обозначений одного и того же объекта, которые разводятся по сферам употребления (в обычной, бытовой ситуации употребляется «светский» топоним, в обрядовой ситуации — «сакральный»).

Необходимо отметить, что «неприятие» топонимией представлений о сверхъестественном отчасти объясняется явлением языкового табу, опасением закрепить нечистые свойства объекта, акцентуировав их в названии. Если матерная брань может употребляться как оберег от нечистой силы, то фигура умолчания, боязнь поименовать источник опасности тоже в какой-то степени оберегает носителя топонимической системы от нежелательных контактов с представителями низшей демонологии. Но все же основная причина отторжения топонимической идеей сверхъестественного связана не с табуированием соответствующих представлений, а с тем, что они диссонируют с теми типами информации, которые используются русской топонимией как номинативная база. Поэтому топонимия не даст того образа пространства, который можно извлечь, к примеру, из знаковой системы обряда.

7. При формировании топонимической версии представлений о заветном месте может наблюдаться адаптация того или иного образа народной религии к топографической сфере функционирования. Ср. ситуацию «вписывания» в ландшафт христианской *троицы* и *пятницы*.

8. Наряду с нарративной формой репрезентации представлений о заветном месте в топонимии встречается также императивная, предполагающая вмешательство в географическую действительность посредством реализации магической функции языка, что выражается в появлении магически ориентированной матерной брани или же эвфемистических имен.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Логика развития лингвистической науки обуславливает внедрение в языковедческие исследования антропологической парадигмы, которая предполагает трактовку языковых данных в связи с личностью их носителя, его духовной культурой, имеющей национально-специфический характер. Реализация программных установок антропологической парадигмы во многом связана с этнолингвистикой — наукой, в центре внимания которой оказывается корреляция язык ↔ традиционная духовная культура народа. В рамках этнолингвистического подхода к языковым фактам целесообразно обращение к топонимическому материалу, поскольку:

- он позволяет работать с этнокультурной информацией, которая имеет системно-языковой характер, обеспечиваемый ее закрепленностью во внутренней форме языковых единиц;
- консервирующая сила ономастической номинации обуславливает сохранность традиционных моделей именования;
- топонимикон кодирует информацию о восприятии человеком окружающего пространства, являющуюся важнейшей составляющей модели мира;
- топонимия как сфера народной духовной культуры, в общем-то, далека от воздействия других культурных моделей (прежде всего — книжной культуры) и тесно связана с непосредственной хозяйственной деятельностью человека, вследствие чего она репрезентирует «бытовой» вариант картины мира;
- топонимикон тесно взаимодействует с другими сферами традиционной духовной культуры, оказываясь вписанным в ее сверхтекст.

Этим определяется огромный культуроведческий потенциал топонимических данных, которые пока не заняли должного места в кругу объектов этнолингвистического исследования.

В данной работе была предпринята попытка продемонстрировать некоторые возможности этнолингвистического изучения топонимии. Исходя из положения о том, что всякая сфера традиционной духовной культуры содержит особую версию этнокультурной информации, обусловленную референтной привязкой явлений данной сферы, мы заключили, что для топонимической версии базовой является информация о пространстве. Топонимическая модель пространства многогранна, но все же характеризуется определенным единством. Среди разных разворотов топонимической пространственной модели

важнейшую роль играет оппозиция реального географического пространства и ирреального сакрального.

Модель реального географического пространства строится на основе таких параметров, как локализация в пространстве, охват местности, протяженность, обжитость пространства человеком. Сетка параметров свидетельствует о том, что в топонимии отражаются точка зрения и поле зрения номинатора, а также его стремление выделить в структуре пространства «свою», освоенную зону. Для модели географического пространства базовыми являются следующие концептуальные черты:

- пространственные представления выстраиваются на наивном фундаменте и обусловлены хозяйственными факторами. В топонимии отражается система паравосприятия пространства, фиксирующая склонность наблюдателя воспринимать географическую действительность через непространственные категории и основанная на переходе функционально-ролевой специализации в локативную;
- пространственный горизонт носителя топонимической системы ограничен рамками «своей» зоны, причем тенденция к сужению пространственного горизонта со временем усиливается. Пространство воспринимается дробно; преобладает расчлененная подача пространственных образов. Номинатор склонен к плоскостному, но не высотному видению местности;
- центр освоения пространства, как правило, жестко задан, в нем обычно оказывается закрепленной позиция номинатора. Центр освоения пространства является точкой отсчета при ориентировке, в связи с чем пространство может быть представлено как мозаичная «гетерархия» систем отсчета. Роль такого центра, как правило, играет населенный пункт (а в конечном счете дом, жилище номинатора), вследствие чего можно говорить о «домоцентрическом» механизме освоения пространства. Идея передвижения играет определенную роль при формировании пространственных представлений, однако эта роль относительно пассивна;
- пространство осваивается линейно — по линиям, отражающим вектор заселения или хозяйственного освоения территории. В качестве организатора пространственных связей нередко выступает река, роль дороги в этом плане значительно менее существенна;
- географическое пространство воспринимается как качественно неоднородное, что проявляется в асимметрии равноправных с логической точки зрения пространственных параметров, а также в четкой оформленности оппозиции освоенного и неосвоенного пространства. Освоенное простран-

ство предстает как сумма хозяйственно значимых угодий; неосвоенное воспринимается как пустое, потенциально таящее опасность, «неодомашненное», свободное, открывающее возможности для освоения. Неожитое пространство является эталонным, поскольку характеризуется способностью разворачиваться вовне и отделенностью.

Выстроенная модель может считаться проекцией на пространственные отношения земледельческого типа хозяйствования и оседлого образа жизни. В рамках этой модели намечается противопоставление пространственных представлений земледельца и рыбака (последние характеризуются широтой горизонта, наличием высотного видения местности), однако само противопоставление намечено очень слабо, поскольку картина мира рыбака основывается на «земледельческом субстрате» (ср. распространенную среди поморов поговорку «Море — наше поле»).

Модель ирреального пространства проработана гораздо слабее, что связано с общей прагматической установкой топонимического картирования действительности. Топонимическая номинация использует в качестве номинативного материала обозначения феноменов народной религии, образующих два блока: идеи и образы основной оппозиции народной религии, библейские локативы. Топонимия не стремится представить географическое пространство как арену борьбы нечистой и крестной силы, что демонстрируется низкой в целом активностью образов и идей оппозиции народной религии как базы для топонимической номинации.

Логика осмысления полюсов оппозиции различна. Святое подается как красивое, полезное или чудесное (в этом плане топонимическая святость амбивалентна: чудесное может носить «нечистый» характер), при этом никак не соотносимое с деятельностью человека. Святость нередко лишена субъект-носителя, поскольку персональный ряд святого полюса плохо разработан в топонимической номинации. По своему генезису святые свойства географических объектов чаще всего оказываются «благоприобретенными», внесенными в географическое пространство благодаря появлению объектов культа (хотя в топонимии обнаруживается и архаичная «исконная» святость). Репрезентация нечистого полюса оппозиции связана с трактовкой неосвоенного, «апофеозно-природного» пространства как места локализации нечистой силы и сферы разворачивания ее «землеустроительской» деятельности, протекающей параллельно деятельности человека, вследствие чего изображение нечистой силы приобретает «человекоподобный» ракурс. Ирреальность нечисти и дистанцированность ее от человека создается включением в принципиально иной хро-

нотоп, чем тот, в котором находится человек. Персонажная разработка нечистого полюса весьма детальна. Что касается генезиса нечистых свойств географических объектов, то они по преимуществу являются «врожденными».

Раритетность в традиционной топонимии названий, образованных от библейских локативов, объясняется тем, что топонимы такого плана нацелены на воссоздание сакрального прецедента, вследствие чего они приобретают мемориально-дезидеративный пафос, диссонирующий с инструментальной направленностью традиционной крестьянской топонимии. Немаловажно и то, что исходные прецедентные имена жестко прикреплены к одному культурному источнику, а соответствующая информация не пропущена через наиболее демократичные ретрансляторы — языковой узус и фольклорную традицию. Возникновение таких названий в топонимической системе нередко становится свидетельством ее стилевого расслоения и проявлением номинативного авторства монахов.

Концепция ирреального пространства создается не только топонимами, восходящими к идеям и символам народной религии: состав семантического макрополя ‘заветное место’, реализующего эту концепцию, значительно шире, поскольку это поле включает также фреймы ‘действия (реакции) человека на контакт с заветным местом’, ‘характеристики объекта, отражающие восприятие его как заветного’ и т.п. Представления о заветном месте могут быть репрезентированы не только нарративно, но и императивно: в последнем случае предполагается вмешательство в географическую действительность посредством реализации магической функции языка, что выражается в появлении магически ориентированной матерной брани.

В целом можно сказать, что семантическое пространство топонимии весьма неохотно «выпускает» информацию о сакральности локуса. В том случае, когда эта информация входит в семантическую структуру тополеми, она нередко обнаруживается не в сигнификативной или коннотативной зонах, но в ассоциативной зоне или же зоне маргинальной энциклопедической информации. Встречаются также случаи «навязывания» сакральной информации топониму в результате переосмысления его внутренней формы. Наиболее частотна ситуация, когда информация о заветном месте никак не соотносится с семантикой топонима, функционируя параллельно топонимическому ряду. Неприятие топонимией информации о заветных свойствах локуса проявляется также в маргинализации соответствующих топонимов внутри локальной топонимической системы или в факте параллельного существования профанного и

сакрального обозначений одного и того же объекта, которые разводятся по бытовой и обрядовой сферам употребления.

Таким образом, концепция ирреального пространства не может стать фундаментом для топонимической пространственной модели, поскольку диссоциирует с той информацией, которая используется традиционной топонимией в качестве когнитивной основы. Это обстоятельство, разумеется, не снижает этнокультурной ценности топонимической информации о заветном месте.

Однако нельзя отрицать возможности взаимодействия различных разворотов топонимической пространственной модели. Оно проявляется, в частности, в том, что под влиянием присущей топонимии утилитарной, хозяйственно-бытовой концептуальной установки происходит трансформация образов народной религии в направлении, нехарактерном для других сфер функционирования этих образов (допустим, для фольклора или обряда): в структуре топонимической версии святого появляется мотив полезности, хозяйственной ценности, а в структуре версии нечистого — мотив бесполезности; библейские *terrae sacrae* могут оцениваться по признаку урожайности или же осмысляться как объекты, из-за которых могут вестись земельные тяжбы.

Суммируя результаты проведенного исследования, представим итоговую характеристику той версии этнокультурной информации, которая может быть выявлена по топонимическим данным.

- **Содержание, отбор и структура ЭИ:** топонимия представляет информацию об осваиваемых человеком объектах окружающего пространства. Соответственно, базовой для топонимической версии ЭИ становится информация о пространстве, причем пространственная модель включает в себя несколько разворотов, имеющих, тем не менее, общий стержень, когнитивную доминанту, определяемую хозяйственно-бытовой, утилитарной направленностью видения мира;
- **когнитивный генезис ЭИ:** информация, заложенная в топонимии, получена на базе чувственно-эмпирического, «опытного» знания;
- **сфера бытования ЭИ:** топонимическая версия ЭИ «обслуживает» бытовую, практическую деятельность человека;
- **специфика канала трансляции:** поскольку топонимикон — система «дискретных» номинаций, ЭИ кодируется внутренними формами языковых единиц, и следовательно, она отражает социальное, объективированное знание. Можно сказать, что это знание является вдвойне объективированным: высокая степень клишированности топонимических моделей, ко-

торая связана с огромным объемом номинативных задач, обуславливает консерватизм и традиционализм этих моделей;

- **семиозис ЭИ:** в топонимии задействуется преимущественно информация первичного семиозиса, что говорит о некоторой изолированности этой сферы традиционной культуры от других. При задействовании ЭИ вторичного семиозиса отбираются прецеденты большей частью из топонимического же кода — вторичные (перенесенные) топонимы. Использование ЭИ вторичного семиозиса в ряде случаев может стать сигналом стилевого расслоения традиционной крестьянской топонимии.

На основании этих положений следует сделать вывод о том, что по топонимическим данным может быть эксплицирована специфическая версия этнокультурной информации, которая отражает бытовую, во многом обусловленную хозяйственными факторами вариант картины мира. Традиционная культура допускает сосуществование нескольких версий этнокультурной информации: к примеру, в сознании носителя традиционной культуры вполне уживаются две системы приоритетов при определении сторон света (сакральная маркированность восточного направления и хозяйственная отмеченность северного). Использование этих систем вовсе не свидетельствует о «раздвоенности сознания» носителя традиционной культуры, но может быть уподоблено, например, поведению языковой личности при переключении с одного функционального стиля на другой. «Полигlossия» этнокультурной информации объясняется различием ее источников, сфер бытования, способов кодирования, своеобразием когнитивного генезиса и др. Реконструкция макросистемы традиционной культуры должна учитывать эту полигlossию — и топонимические материалы, несомненно, призваны сыграть важную роль в процессе этой реконструкции, поскольку дают представление о земном, практическом складе культурного сознания народа.

Говоря о перспективах дальнейших исследований в русле заявленной проблематики, следует иметь в виду ряд этнолингвистических тем, заслуживающих внимания. Проанализированные в настоящей работе варианты конструирования образа пространства не исчерпывают всех возможных разворотов этого образа. Представляется немаловажной разработка «интерактивной», деятельностной модели, в рамках которой могут быть описаны процессы взаимодействия человека и пространственных объектов, характер приуроченности места и разворачивающегося на нем действия. Интересно было бы разработать также «ландшафтную» модель, представляющую особенности восприятия отдельных видов географических реалий, специфику выбора «объект-

ных приоритетов» — объектов, которые устойчиво выделяются в структуре ландшафта и становятся своеобразными вехами при привязке других ландшафтных реалий.

Помимо описания различных моделей пространства, топонимический материал следует использовать при реконструкции других концептов традиционной духовной культуры. В настоящем исследовании намечены возможности экспликации по топонимическим данным концептов счета (количества), а также обобщенных образов женщины и мужчины. Могут быть описаны также концепты сферы 'родственные отношения' (*мать, отец, сын, братья* и т.п.), 'социальные отношения' (например, *князь, царь, поп*), концепты цвета, звука, движения, etc.

Определенную этнолингвистическую ценность имеет дальнейшая разработка вопроса о взаимодействии топонимии с другими сферами языка и культуры — идиоматикой, паремиологией, системой обряда и т.п. Все это обуславливает перспективность осуществления этнолингвистических исследований в области топониматики.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Абасва Л.А.* Культ гор и буддизм в Бурятии. М., 1991.
- Агапкина Т.А.* Ель //Живая старина. 1997. № 1.
- Агеева Р.А.* Пространственные обозначения и топонимы в заговоре как тип текста: (на восточнославянском материале) //Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М., 1982.
- Агеева Р.А.* Категория пространства и способы ее выражения в языке // Категории и законы марксистско-ленинской диалектики и язык: Сб. науч.-аналит. обзор. М., 1984.
- Агеева Р.А.* Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 1989.
- Агеева Р.А.* Система поминания в региональной микрооронимии //Топонимия России. М., 1993.
- Алдарова Н. Б.* Из охраняемых имен бурят //Ономастика Бурятии. Улан-Удэ, 1976.
- Алпатов С. В.* Двоеверие как диглоссия: К проблеме жанровой дифференциации устной несказочной прозы //Филол. науки. 1994. №4.
- Амирова Дж. Р.* Этнографические топонимы Азербайджана: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1992.
- Аникин В.П.* Этнолингвистика в ее отношении к фольклористике и другим смежным наукам: (по поводу опорных идей книги П.И. Толстого) //Науч. докл. филологического факультета МГУ. М., 1998. Вып. 2.
- Аникина М.Н.* Лингвострановедческий анализ русских антропонимов: (Личное имя, отчество, фамилия): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1988.
- Апанасенко О.В., Рут М.Э.* Мотивационные значения топонимов в речи информантов и возможности ономаσιологической интерпретации топонимического материала //Язык и прошлое народа. Екатеринбург, 1993.
- Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т.2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Арутюнов С.А.* Этнолингвистика //Этнополитический вестник. М., 1995. № 5.
- Арутюнова Н.Д.* Загадки судьбы //Знак: Сб. статей по лингвистике, семиотике и поэтике памяти Л.Н. Журицкого. М., 1994.
- Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М., 1994.
- Бабасва Е.В.* Лексическое значение слова как способ выражения культурно-языкового концепта //Языковая личность: культурные концепты. Волгоград; Архангельск, 1996.
- Бабичева Е.С., Черепанова Е.А.* Топонимы как составная часть культурно-исторического наследия Сумщины //Язык и культура: I Междунар. науч. конф.: Мат.-лы. Киев, 1992.

- Бабушкин А.П.* Типы концептов в лексико-фразеологической системе языка. Воронеж, 1996.
- Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.
- Байбурин А.К., Левинтон Г.А.* К описанию организации пространства в восточнославянской свадьбе //Русский народный свадебный обряд. Л., 1978.
- Баскаков П.А.* Принципы выбора признаков для наименования гор у алтайцев: К проблеме оронимии Горного Алтая //Исследования по восточной филологии: К 70-летию проф. Г.Д. Санжеева. М., 1974.
- Белая В.И., Зайченко Н.Ф.* Культуроведческий потенциал онимов в текстах по истории //Язык и культура: I Междунар. науч. конф.: Мат-лы. Киев, 1992.
- Белобородова И.Н.* Священник и колдун в русской урало-сибирской народной культуре: О символическом языке обрядов посвящения //Ежегодник Научно-исследовательского института русской культуры. 1995—1996. Екатеринбург, 1997.
- Белов П.Л.* Планиметрия архаического мировосприятия: (К проблеме истоков представлений о пространстве и времени) //Пространство и время в архаических и традиционных культурах. М., 1996.
- Бельчиков Ю.А.* О культурном коннотативном компоненте лексики //Язык: система и функционирование. М., 1988.
- Беляевская Е.Г.* Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах: (Когнитивные основания формирования и функционирования семантической структуры слова): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук /Ин-т языкознания РАН. М., 1992.
- Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов /Пер. с франц.; Общ. ред. и вступ. ст. Ю.С. Степанова. М., 1995.
- Бербеков Б.Ч.* Отражение некоторых элементов национальной культуры в национальном языке: (на материале кабардинских антропонимов) // Социолингвистические проблемы в разных регионах мира: Мат-лы Междунар. конф. М., 1996.
- Берг С.Л.* Критические заметки о топонимических взглядах В.А. Никонова //Географическая среда и географические названия. Л., 1974.
- Бергер А.Г.* Пространственный образ мира (парадигма познания) в структуре художественного стиля //Вопр. философии. 1994. №4.
- Березович Е.А.* Семантические микросистемы в русской топонимии: Дис. ... канд. филол. наук /Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 1992.
- Березович Е.А.* Об одной группе севернорусских названий ветров //Язык и прошлое народа. Екатеринбург, 1993. [Березович 1993а]
- Березович Е.А.* Топонимический контекст и проблемы семантической интерпретации топонимов //Этимологические исследования. Екатеринбург, 1993. Вып. 5. [Березович 1993б]
- Березович Е.А.* Топонимическое пространство как текст //Ежегодник Научно-исследовательского института русской культуры. 1994. Екатеринбург, 1995.

Березович Е.А. Две семантические реконструкции: I. *Иван да Марья*: к интерпретации образов севернорусского дожиального обряда. II. *Вороного коня в поле не выдать* // Этимологические исследования. Екатеринбург, 1996. Вып. 6.

Березович Е.А., Родионова И.В. Библейские «локативы» в народной языковой картине мира: (на материале русской диалектной лексики и топонимии) // Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург, 1996.

Бернштам Т.А. Поморья: формирование группы и система хозяйства. Л., 1978.

Бернштам Т.А. Русская народная культура Поморья XIX — начала XX в.: Этногр. очерки. Л., 1983.

Бернштам Т.А. Русская народная культура и народная религия // Сов. этнография. 1988. №6.

Бернштам Т.А. Урочище Чупрово (природно-культурный памятник в Пинежском районе) // Русский Север: Ареалы и культурные традиции. СПб., 1992.

Бернштам Т.А. Локальные группы Двинско-Важского арсала: Духовные факторы в этно- и социокультурном процессах // Русский Север: К проблеме локальных групп. СПб., 1995.

Бирullo Н.Ж. Специфика ассоциаций, вызываемых общеизвестными антропонимами, у носителей литовского и русского языка // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики: Тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. Екатеринбург, 1995.

Блинова Л.А., Купина Н.А. Нравственные концепты в лексическом освещении: (по материалам совр. публицистики) // Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1993.

Богданова Л.И. Внутренняя форма языка как отражение национального менталитета // Этническое и языковое самосознание. М., 1995.

Богуславская О.Ю. Пространство и перемещение // Русский язык в его функционировании: Тез. докл. Междунар. конф. Третьи Шмелевские чтения. М., 1998.

Бойко Н.А. Название населенного пункта как элемент культуры народа // Язык и культура: V Междунар. науч. конф.: Мат.-лы. Киев, 1997. Т. 2.

Бондалетов В.Д. Офенские языки в топонимике // Всесоюз. конф. по топонимике СССР. Л., 1965.

Бондалетов В.Д. Семиотическое изучение топонимии (названия населенных мест Пензенской области) // Топонимия Центральной России. М., 1974.

Бондалетов В.Д. К обоснованию лингвострановедческого словаря «Русские имена» // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. 25: Ономастика. Кн. 1: Имя и культура. М., 1993. Ч. 1.

Борисова И.Н., Солдатова М.Г. Русские паремии о женщине как сверхтекст // Язык и культура: IV Междунар. науч. конф.: Мат.-лы. Киев, 1996. Ч.1.

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира: (на материале русской грамматики). М., 1997.

Бухарова Г.Х. Башкирская мифотопонимия: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Башк. гос. пед. ин-т. Уфа, 1998.

- Быкова О.И. Этноконнотация как смыслообразующий элемент литературного дискурса // Язык и культура: IV Междунар. науч. конф.: Мат.-лы. М., 1996. Ч.3.
- Вагнер И.С., Загидуллин А.А. О происхождении почитания числа 9 // Вопросы истории, филологии и педагогики. Казань, 1967.
- Варникова Е.Н. Отражение элементов духовной культуры русского крестьянства в севернорусской топонимии: (по данным топонимии Среднего Посухонья) // Проблемы региональной русской филологии: Тез. докл. и сообщ. Вологда, 1995.
- Васенькин В.В. Принципы формирования и развития ЛСГ существительных со значением «пространство» в современном русском языке // Вопросы исторической семантики русского языка. Калининград, 1989.
- Василевич Г.М. Некоторые термины ориентации в пространстве в тунгусо-маньчжурском и других алтайских языках // Проблема общности алтайских языков. Л., 1971.
- Вежбицка А. Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культурно-специфических контекстах // THESIS: Theory and history of economic and social institutions and systems: Almanac. М., 1993. Vol. 1, №3.
- Вежбицка А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ. М., 1996.
- Величковский Б.М. Образ мира как гетерархия систем отсчета // А.Н. Леонтьев и современная психология: Сб. статей памяти А.Н. Леонтьева. М., 1983.
- Верещагин Е.М. Топонимическое лингвострановедение // III Всесоюз. науч.-практ. конф. «Исторические названия — памятники культуры». М., 1991. Вып. 1.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1976.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М., 1980.
- Винокурова И.Ю. Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов (конец XIX- начало XX в.). СПб., 1994.
- Витов М.В. Этнография Русского Севера. М., 1997.
- Витушкина Л.А. Глагольные образования в русской ономастике: Дипл. раб. Свердловск (Урал. гос. ун-т, каф. рус. яз. и общ. языкознания), 1969.
- Витушкина Л.А. Глагольные конструкции в мансийской топонимике // Вопросы топониматики. Свердловск, 1971. Вып. 5.
- Власова Д.Д. Топонимы, отражающие религиозные представления кондинских манси // Вопросы ономастики. Свердловск, 1980. Вып. 14: Собственные имена в системе языка.
- Власова И.В. Население центральных районов Русского Севера (XII—XX вв.) // Этногр. обозрение. 1995. № 2.
- Волков С.С. Лексика с национально-культурным компонентом в историческом словаре русского языка: (проблемы семантического описания) // Историко-культурный аспект лексикографического описания русского языка. М., 1995.
- Волоцкая З.А. Тема смерти и похороп в загадках: (на славянском материале) // Малые формы фольклора: Сб. статей памяти Г.Л. Пермякова. М., 1995.

- Воробьев В.В. О понятии лингвокультурологии и ее компонентах //Язык и культура: II Междунар. науч. конф. Киев, 1993. Ч.1.
- Воробьев В.В. Культурологическая парадигма русского языка: Теория описания языка и культуры во взаимодействии. М., 1994.
- Воробьев В.В. Теоретические и прикладные вопросы лингвокультурологии: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук /Рос. ун-т дружбы народов. М., 1996.
- Воробьев В.В. Лингвокультурология: (теория и методы). М., 1997.
- Воробьева И.А. Русская топонимия средней части бассейна Оби. Томск, 1973.
- Воронина Т.А. Традиционная и современная пища русского населения Вологодской области //Русский Север: Арсалы и культурные традиции. СПб., 1992.
- Всезолодова М.В., Владимирский Е.Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М., 1982.
- Всесоюзная научно-практическая конференция «Исторические названия — памятники культуры», 17-20 апреля 1989 г.: Тез. докл. и сообщ. М., 1989.
- Вторая Всесоюзная научно-практическая конференция «Исторические названия — памятники культуры»: Сб. мат.-лов. М., 1991. Вып. 1—3.
- Газизова М.Х. Концепт «женщина» в бинаминативных тавтологиях типа «женщина есть женщина» //Язык. Система. Личность: Мат.-лы докл. и сообщ. Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 1998.
- Гак В.Г. Пространство мысли: (Опыт систематизации слов ментального поля) //Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993.
- Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М., 1995.
- Гемуев И.Н. Мирозрение манси: Дом и Космос. Новосибирск, 1990.
- Герд А.С. О некоторых проблемах этнолингвистики //Этнограф. обозрение. 1994. №5.
- Герд А.С. Введение в этнолингвистику: Учеб. пособие. СПб., 1995.
- Голомидова М.В. Искусственная номинация в ономастике. Екатеринбург, 1998.
- Горбаневский М.В. Из опыта культурно-исторического анализа ойконимии: русские ойконимы и православие //Топонимия и общество. М., 1989.
- Горбаневский М.В. Национальные образы в топонимии Москвы //Топонимика и межнациональные отношения. М., 1991.
- Горбаневский М.В. Русская городская топонимия: Проблемы историко-культурного изучения и современного лексикографического описания: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук /Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. М., 1994.
- Горбаневский М.В. Русская городская топонимия: Методы историко-культурного изучения и создания компьютерных словарей. М., 1996.
- Городские имена сегодня и вчера: Ленинградская топонимика /Сост. С. Алексеева, А. Владимирович, А. Ерофеев и др. Л., 1990.
- Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996.
- Гриценко К.Ф. К вопросу о семантике якутских гидронимов со словом «эбэ» //Языки и топонимия Сибири. Томск, 1970. Вып. 2.

- Гриценко К.Ф.* Глагольные гидронимы в якутском языке //Языки и топонимия. Томск, 1976. Вып. 2.
- Громыко М.М.* Православие в жизни русского крестьянина //Живая старина. 1994. № 3.
- Громыко М.М., Кузнецов С.В., Буганов А.В.* Православие в русской народной культуре: направления исследований //Этнограф. обозрение. 1993. №6.
- Гудавичюс А.* Глубинный уровень отражения культуры в лексической семантике //Исследования по семантике: Сопоставительно-типологический аспект. Уфа, 1993.
- Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
- Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. 2-е изд. М., 1984.
- Гурская Ю.А.* Качевые имена национальных культур как свернутые диахронические национально-культурные тексты //Язык и культура: IV Междунар. конф.: Мат-лы. М., 1996. Ч.2.
- Гусынина Е.Б.* Ономастика на рубеже веков: состояние, перспективы //Филология на рубеже XX—XXI веков: Тез. Междунар. науч. конф., посвященной 80-летию Перм. ун-та. Пермь, 1996.
- Гутман Е.А., Литвин Ф.А., Черемисина М.И.* Сопоставительный анализ зооморфных характеристик: (на материале русского, английского и французского языков) //Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977.
- Гюлюмянц К.М.* Образное употребление названий животных в сравнениях и метафорах: (на материале русского и польского языков) //Тр. Самарканд. ун-та. Новая серия. Самарканд, 1971. Вып. 217.
- Давыдов А.Н., Теребихин Н.М.* Порт и корабль: семантика севернорусской морской культуры //Механизмы культуры. М., 1990.
- Демьянков В.З.* Доминирующие лингвистические теории в конце XX века //Язык и наука конца XX века. М., 1995.
- Денисова И.М.* Вопросы изучения культа священного дерева у русских: материалы, семантика обрядов и образов народной культуры, гипотезы. М., 1995.
- Дерягин В.Я.* Откуда дует ветер? //Рус. речь. 1967. №2.
- Дерягина З.С.* ВЕРХ и его производные в севернорусской гидрографической терминологии //Топонимия Урала и севера европейской части СССР. Свердловск, 1985.
- Джаксон Т.Н.* Ориентационные принципы организации пространства в картине мира средневекового скандинава //Одиссей. Человек в истории. 1994. М., 1994.
- Динганорбоева Ц.Г., Митрошкина А.Г.* Варианты-эпфемизмы в бурятской антропонимии //Вопросы ономастики. Свердловск, 1982. Вып. 15.
- Дмитрисва С.И.* Сравнительный анализ мировоззренческих элементов русских заговоров и гаданий //Этнограф. обозрение. 1994. № 4.
- Дмитрисва Т.Н.* Идолы и священные деревья в топонимии казымских ханты //Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург, 1996.
- Дмитрисва Т.Н.* Образность в топонимии казымских хантов //Культура народов Сибири: Мат-лы Третьих Сибирских чтений. М., 1997. [Дмитрисва 1997а]

Дмитрисва Т.Н. Топонимические легенды казымских хантов //Традиционная культура финно-угров и соседних народов: Междунар. симпозиум. Петрозаводск, 1997. [Дмитрисва 1997б]

Дмитрисва Т.Н. «Медвежий язык» в топонимии казымских хантов //Общие проблемы преподавания языков: преподавание русского языка финно-угорской аудитории: Тез. Междунар. науч.-метод. конф. Сыктывкар, 1998.

Дмитрисва Т.Н., Панченко С.В. Ситуативные названия в топонимии казымских ханты //Язык и прошлое народа. Екатеринбург, 1993.

Добровольский Д.О. Образная составляющая в семантике идиом //Вопр. языкознания. 1996. № 1.

Дудник Л.А. К вопросу о фоновой лексике русского языка //Семантика слова и семантика текста. М., 1994.

Егорова Т.П. Названия улиц в семиотическом аспекте общности стилей: (на материале скандинавских и английских урбанонимов) //Ономастика. Типология. Стратиграфия. М., 1988.

Егорова Т.П. Хорошее имя — хороший знак //Всесоюз. науч.-практ. конф. «Исторические названия — памятники культуры»: Тез. докл. и сообщ. М., 1989.

Егорова Т.П. Имя — импульс культуры //Вторая Всесоюз. науч.-практ. конф. «Исторические названия — памятники культуры»: Сб. мат.-лов. М., 1991. Вып. 2.

Егорова Т.П. Семиотическая функция имени //Материалы к серии «Народы и культуры». М., 1993. Вып.25, кн.1, ч.1: Имя и культура.

Ермаков А.И. К проблеме национальной специфики языка во фразеологических исследованиях //Социолингвистические и лингвистические аспекты в изучении иностранных языков. М., 1992.

Живов В.М. Двоеверие и особый характер русской культурной истории //Philologia slavica: К 70-летию академика Н.И. Толстого. М., 1993.

Журавлев А.Ф. Аксиологические аспекты изучения праславянского словаря //Язык и культура: II Междунар. науч. конф.: Тез. докл. и сообщ. Киев, 1993. Ч. 1. [Журавлев 1993а]

Журавлев А.Ф. Vir doctus, vir docens: К 70-летию акад. Н.И. Толстого //Вопр. языкознания. 1993. №3. [Журавлев 1993б]

Журавлев А.Ф. Русская «микроэтнонимия» и языковое самосознание //Этническое и языковое самосознание: Мат.-лы конф. М., 1995. [Журавлев 1995а]

Журавлев А.Ф. Славянская этнолингвистика в работах Н.И. Толстого / Предисл. редактора //Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. [Журавлев 1995б]

Заикина О.А. Принципы номинации ветров в севернорусских говорах: Дипл. раб. /Урал. гос. ун-т. Свердловск, 1976.

Залеская А.А. Некоторые проявления специфики языка и культуры испытуемых в материалах ассоциативных экспериментов //Этнопсихоллингвистика. М., 1988.

- Засухина Т.П.* Пространственная семантика предлогов, приставок и падежей в современном русском языке: Учеб. пос. /Башк. ун-т. Уфа, 1991.
- Зеленин Д.К.* Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Л., 1930. Ч.2: Запреты в домашней жизни. (Сб. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого; Т.9)
- Зеленин Д.К.* Тотемический культ деревьев у русских и белорусов //Изв. АН. Ленингр. отд.-нис. Сер. 7, отд.-нис обществ. наук. 1933. № 6.
- Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991.
- Зеленин Д.К.* Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995.
- Земная жизнь Пресвятой Богородицы* /Сост. С. Снегирева. Ярославль, 1993.
- Ибрагимова В.А.* Отражение в языке категории пространства //Исследования по семантике. Уфа, 1986. Вып. 12.
- Иванов Вяч. Вс.* Цветовая символика в географических названиях в свете данных типологии //Балто-славянские исследования. 1980. М., 1981.
- Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н.* Карпаты в связи с проблемами расселения древних индоевропейских племен //Симпозиум по проблемам карпатского языкознания: Тез. докл. и сообщ. М., 1973.
- Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
- Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н.* Инвариант и трансформация в мифологических и фольклорных текстах //Типологические исследования по фольклору. М., 1975.
- Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н.* Мифологические географические названия как источник для реконструкции этногенеза и древнейшей истории славян //Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев: Методология и историография. М., 1976.
- Иванова Е.Э.* Топонимия среднего течения реки Чусовой: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1993.
- Имя и этнос:* Сб. науч. труд. М., 1996.
- Исторический источник: человек и пространство:* Тез. докл. и сообщ. науч. конф. М., 1997.
- Кабакова Г.И.* Французская этнолингвистика: проблематика и методология //Вопр. языкознания. 1993. № 6.
- Камалов А.А.* Башкирская топонимия. Уфа, 1994.
- Камкин А.В.* Православная церковь на Севере России: Очерки истории до 1917 г. Вологда, 1992.
- Кандрашина Е.Ю., Литвинцева Л.В., Поспелов Д.А.* Представления знаний о времени и пространстве в интеллектуальных системах /Под ред. Д.А. Поспелова. М., 1989.

Карабан В.И. Антропонимика как элемент культуры: (К проблеме этнической принадлежности причерноморских готов) //Язык и культура: II Междунар. науч. конф.: Тез. докл. Киев, 1993. Ч.1.

Карлинский А.Е. Место этнолингвистики в науке о языке //Психоллингвистика и межкультурное взаимопонимание: Тез. докл. X Всесоюз. симпозиума по психоллингвистике и теории коммуникации. Москва, 3—6 июня 1991 г. М., 1991.

Карпенко М.А. Понятия «лингвокультурология», «лингвостраповедение», «лингвокраеведение» и их соотношение //Язык и культура: V Междунар. науч. конф. Киев, 1997. Т.3.

Картавенко В.С. Названия деревень как памятники истории и культуры края //Слово в синхронии и диахронии: Лексико-семантический аспект. Тверь, 1993.

Кацев А.М. Языковое табу и эвфемия: Учеб. пос. Л., 1988.

Кацитадзе Э.А. Метафоризация зоонимов в немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1985.

Керимбаев Е.А. Об основных типах оронимов Южного Казахстана //Тюркская ономастика. Алма-Ата, 1984.

Керимбаев Е.А. Типы ономастической номинации и национальная культурная традиция в именовании географических объектов //Вторая Всесоюз. науч.-практ. конф. «Исторические названия — памятники культуры»: Сб. мат.-лов. М., 1991. Вып. 2.

Керимбаев Е.А. Этнокультурные основы номинации и функционирования казахских собственных имен: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук /АН республики Казахстан. Алма-Аты, 1992.

Кернер Э. Вильгельм фон Гумбольдт и этнолингвистика в Северной Америке: от Боаса (1894) до Хаймса (1961) //Вопр. языковедения. 1992. №1.

Керт Г.М. Топонимное видение народа: (на материале саамской топонимии) //Этническое и языковое самосознание: Мат.-лы конф. М., 1995. С. 70-72.

Кибрик А.Е. К типологии пространственных значений: (на материале падежных систем дагестанских языков) //Язык и человек: Сб. ст. памяти проф. П.С. Кузнецова. М., 1970.

Кирилина А.В. Стереотипы биологического пола в языке //XII Междунар. симпозиум по психоллингвистике и теории коммуникации «Языковое сознание и образ мира». М., 1997.

Кириллова Л.Е. Микротопонимия бассейна Валь: (в типологическом освещении). Ижевск, 1992.

Климкова Л.А. Топонимическая система региона как отражение истории страны //Исторические наименования — память народа: Тез. регион. науч.-практ. конф. Горький, 1990.

Кобзарева Т.Ю., Лахути Л.Г. О структуре денотативного значения предлогов //Семантическая структура слова: Психолнгв. исследования. М., 1971.

Кобозева И.М. Как мы описываем пространство, которое видим: проблема выбора «ориентира» //Гр. Междунар. семинара «Диалог-95 по компьютерной лингвистике»

тике и ее приложениям» = «Dialogue'95 Computational linguistics and its applications» international workshop». Казань, 1995. [**Кобозева 1995а**]

Кобозева И.М. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов //Вестн. Моск. ун-та. Сер.9, Филология. 1995. № 3. [**Кобозева 1995б**]

Кобозева И.М. Как мы описываем пространство, которое видим: типы и ранги объектов //Тр. Междунар. семинара «Диалог'96 по компьютерной лингвистике и ее приложениям» = «Dialogue'96 Computational linguistics and its applications» international workshop». М., 1996.

Ковшова М.Л. Концепт судьбы: Фольклор и фразеология //Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994.

Колесов В.В. Правый — левый //Вопросы семиотики. Калининград, 1978.

Колесов В.В. Концепт культуры: образ, понятие, символ // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. 2, История, языковедение, литературоведение. Л., 1992. Вып.3.

Колесов В.В. Ментальные характеристики русского слова в языке и философской интуиции //Язык и этнический менталитет. Петрозаводск, 1995.

Комлев Н.Г. О культурном компоненте лексического значения //Вестн. МГУ. Сер. Филология. 1966. №5.

Конаков Н.Д. Традиционное мировоззрение народов коми: окружающий мир, пространство и время. Сыктывкар, 1996.

Кондрашина В.В. Соотносительный ряд «верхний» — «нижний» в русской топонимии //Вопросы ономастики. Свердловск, 1980. Вып. 14.

Концепт движения в языке и культуре. М., 1996.

Копыленко М.М. Мотивированность как «человеческий фактор» в функционировании языка //Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики: Тез. докл. и сообщ. Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 1995. [**Копыленко 1995а**]

Копыленко М.М. Основы этнолингвистики. Алма-Аты, 1995. [**Копыленко 1995б**]

Коринфский А.А. Народная Русь. Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. Смоленск, 1995.

Косничану М. Антропоним в социально-культурном контексте //Мат-лы к серии «Народы и культуры». М., 1993. Вып. 25, кн. 1, ч. 1.

Кравченко А.В. Логико-семантические и прагматические особенности функционирования индексальных обозначений пространства и времени в естественном языке //Семантический и формальный анализ синтаксических конструкций русского языка. Иркутск, 1990.

Кравченко А.В. Вопросы теории указательности: Эгоцентричность. Дейкитичность. Индексальность. Иркутск, 1992.

Кравченко А.В. К проблеме наблюдателя как системообразующего фактора в языке //Изв. АН. Сер. лит. и языка. 1993. Т.52, №3.

- Кравченко А.В.* Когнитивные структуры пространства и времени в естественном языке //Иzv. РАН. Сер. лит. и яз. 1996. Т. 56, № 3. [**Кравченко 1996а**]
- Кравченко А.В.* Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск, 1996. [**Кравченко 1996б**]
- Красавский Н.А.* Женщина в пемецких пословицах //Язык и культура: IV Междунар. науч. конф.: Мат.-лы. Киев, 1996. Ч. II.
- Красавский Н.А., Кириосов И.М.* Образ женщины в пословично-поговорочном фонде пемецкого языка //Языковая личность: культурные концепты. Волгоград: Архангельск, 1996.
- Крейнович Е.А.* Выражение пространственной ориентации в нивхском языке //Вопр. языкознания. 1960. № 1.
- Криничная Н.А.* Элементы обряда в преданиях о заселении края //Сов. этнография. 1973. № 3.
- Кубрякова Е.С.* Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем //Язык и структура представления знаний: Сб. науч.-аналит. обзоров. М., 1992.
- Кубрякова Е.С.* Язык пространства и пространство языка: К постановке проблемы //Иzv. РАН. Сер. лит. и яз. М., 1997. Т. 56, № 3.
- Кузнецов А.В.* Об отражении языческих верований северных славян в топонимии Вологодской области //Вопросы топонимики Подвижья и Поморья. Архангельск, 1991. [**Кузнецов 1991а**]
- Кузнецов А.В.* Язык земли Вологодской: Очерки топонимики. Архангельск, 1991. [**Кузнецов 1991б**]
- Кузнецов А.В.* Названия вологодских озер: Словарь лимнонимов финно-угорского происхождения. Вологда, 1995.
- Кузнецов А.М.* Национально-культурное своеобразие слова //Язык и культура: Сб. аналит. обзоров. М., 1987.
- Кузнецов А.М.* Семантика лингвистическая и пелингвистическая, языковая и пезыковая (вместо введения) //Лингвистическая и экстралингвистическая семантика: Сб. обзоров. М., 1992.
- Кузнецов А.М.* Этносемантический компонент лексикографической дефицииции: Врут ли словари? //Этпическое и языковое самосознание. М., 1995.
- Кулемзин В.М.* Человек и природа в верованиях хантов. Томск, 1984.
- Кулемзин В.М., Лукина Н.В.* Знакомьтесь: ханты! Новосибирск, 1992.
- Кусов В.С.* Картографическое искусство Русского государства. М., 1989.
- Лакофф Дж.* Мышление в зеркале классификаторов //Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. 23.
- Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики: Тез. докл. и сообщ. Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 1995.*
- Леонович О.А.* Топонимы как источник культуроведческой информации //Вторая Всесоюз. науч.-практ. конф. «Исторические названия — памятники культуры». М., 1991. Вып. 2.

- Леонтьев А.А. Национальные особенности коммуникации как междисциплинарная проблема: Объем, задачи и методы этнопсихолингвистики //Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977.
- Леонтьев А.А. Надгробное слово «чистой» лингвистике //Лингвистика на исходе XX века: Итоги и перспективы: Тез. Междунар. конф. М., 1995. Т.2.
- Летова И.А. О следах языческих представлений в русской топонимии //Вопросы ономастики. Свердловск, 1982. Вып. 15.
- Летова И.А. Семантическое противопоставление «святой» — «черт» в топонимии Русского Севера //Этимологические исследования. Свердловск, 1988. Вып. 4.
- Лиса Г. І. Відображення снєгельського ономастикоу в письмових пам'ятках Південної Русі //Питання історичної ономастики України. Київ, 1994.
- Литвин Ф.А. Сопоставительное изучение зоонимов в русском и английском языках //Англо-русские языковые соответствия. М., 1981.
- Ли Тоан Тханг. К вопросу о пространственной ориентации во вьетнамском языке в связи с картиной мира: (Этнопсихолингв. проблемы) //Вопр. языкознания. 1989. № 3.
- Ли Тоан Тханг. «Форма», «размер» и «расположение» объекта в познании и языке: (на материале вьетнамского языка) //Вопр. языкознания. 1992. № 5.
- Ли Тоан Тханг. Пространственная модель мира: когниция, культура, этнопсихология: (на материале вьетнамского и русского языков) /Под ред. Ю.С. Степанова; РАН. Ин-т языкознания. М., 1993.
- Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка //Изв. РАН. Сер. лит. и яз. М., 1993. Т.52, № 1.
- Лобачев Б.З. О категориях эго- и альтерэгоцентризма //Проблемы структурной лингвистики. 1981. М., 1983.
- Логинов К.К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья (конец XIX — начало XX в.). СПб., 1993.
- Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991.
- Лотман Ю.М. Избранные труды: В 3 т. Таллинн, 1992. Т.1: Статьи по семиотике и типологии культуры.
- Лотман Ю.М., Успенский Б.А. О семиотическом механизме культуры //Учен. зап. Тарт. ун-та. Тарту, 1971. Вып. 284.
- Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф — имя — культура //Тр. по знаковым системам. Тарту, 1973. Вып. 6.
- Лукин В.А. Слово *противоречие*, одноименное семантическое поле и концепт противоречия в русском языке //Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996.
- Лушникова А.В. Древнейшая картина мира индо-иранских и финно-угорских народов //Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. Jyväskylä, 1996. Pars 4. [Лушникова 1996a]
- Лушникова А.В. Север и юг в представлениях индо-иранских и финно-угорских народов //Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар, 1996. Т.2: Филология. Этнология. [Лушникова 1996b]

Лысова Е.В. К проблеме этнолингвистического изучения образов петуха и курицы в русской народной традиции // *Ономастика и диалектная лексика*. Екатеринбург, 1998. Вып. 2.

Максимов С.В. Крылатые слова / *Послеса*. С. Пасхаюва; Примеч. П. Апукипа. Н. Новгород, 1994. [Максимов 1994а]

Максимов С.В. Нечистая, псевдомая и крестная сила. СПб., 1994. [Максимов 1994б]

Маланин И. Земные прототипы Алатырь-камня // *Мифы и магия индоевропейцев*. М., 1996. Вып. 3.

Мамонтов А.С. Отражение особенностей национальной культуры в семантике номинативных единиц: (на материале русско-вьетнамских сопоставлений) // *Текст и культура: общие и частные проблемы*. М., 1985.

Мамонтова Н.Н. Отражение религиозных представлений и древних верований в топонимии Карелии // *Номинатив в ономастике: Сб. статей*. Свердловск, 1991.

Мамонтова Н.Н. Имя и национальная культура // *Материалы к серии «Народы и культуры»*. М., 1993. Вып. 25, кн. 1, ч. 1.

Мамонтова Н.Н., Муллонен И.И. Топонимика в контексте народной культуры // *Традиционная культура: общечеловеческое и этническое. Проблемы комплексного изучения этносов Карелии*. Петрозаводск, 1993.

Мартыросян Ю.Г. Поле пространственности в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / *ТГУ*. Тбилиси, 1984.

Матвеев А.К. Топономастика и современность // *Вопросы тономастики*. Свердловск, 1974. Вып. 8–9.

Матвеев А.К. Пёройки караулят Урал. Свердловск, 1976. [Матвеев 1976а]

Матвеев А.К. Этимологизация субстратных топонимов и моделирование компонентов топонимических систем // *Вопр. языкознания*. 1976. №3. [Матвеев 1976б]

Матвеев А.К. Образное народное видение и проблема ономастологической и этимологической интерпретации топонимов // *Вопросы ономастики*. Свердловск, 1977. Вып. 12.

Матвеев А.К. К интерпретации одной условной топонимической системы // *Этимология*. 1984. М., 1986. [Матвеев 1986а]

Матвеев А.К. Методы топонимических исследований. Свердловск, 1986. [Матвеев 1986б]

Матвеев А.К. Географические названия Урала: Краткий топонимический словарь. Свердловск, 1987. [Матвеев 1987а]

Матвеев А.К. Топонимические древности // *Формирование и развитие топонимии*. Свердловск, 1987. [Матвеев 1987б]

Матвеев А.К. Вершины Каменного Пояса: Названия гор Урала. 2-е изд., перераб. и доп. Челябинск, 1990.

Матвеев А.К. Названия с основой *коне-* в топонимии Русского Севера // *Этимология*. 1988–1990. М., 1993.

- Матвеев А.К.* Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема //Вопр. языкознания. 1996. № 1.
- Матвеев А.К.* Географические названия Тюменского Севера: Краткий топонимический словарь. Екатеринбург, 1997. [Матвеев 1997а]
- Матвеев А.К.* Русская топонимия как источник сведений о древнем населении Севера //Проблемы русской лексикологии и лексикографии: Тез. докл. междуз. науч. конф. Вологда, 1998.
- Материалы* к серии «Народы и культуры». Вып. 25: Ономастика. Кн. 1: Имя и культура. М., 1993. Ч. 1.
- Мачинский Д.А.* «Дунай» русского фольклора на фоне восточнославянской истории и мифологии //Русский Север: Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981.
- Мельников С.Е.* Шелоник //Рус. речь. 1977. № 5.
- Минкин А.А.* Топонимы Мурмана. Мурманск, 1976.
- Минкин А.А.* Отражение в саамской топонимии божеств, обрядов, верований //Вторая Всесоюз. науч.-практ. конф. «Исторические названия — памятники культуры». М., 1991. Вып. 2.
- Митрофанов В.А.* О национально-культурной принадлежности наследственных антропонимов: (на примере определения понятия «русские фамилии») //Язык и культура: I Междунар.науч. конф.: Мат-лы. Киев, 1992.
- Михайлова Т.А.* О понятии «правый» и «левый» в лингвентальной эволюции //Вопр. языкознания. 1993. №1.
- Мищенко О.В.* К вербальному освоению пространства: анализ дериватов гнезда лес //Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург, 1998. Вып. 2.
- Молчанова О.Т.* Перепосные и повторяющиеся топонимы //Ономастика Киргизии. Фрунзе, 1985.
- Муллонен И.И.* О «святых» топонимах и некоторых следах древних верований в вепсской топонимии //Родные сердцу имена: (Ономастика Карелии). Петрозаводск, 1993.
- Муллонен И.И.* «Святые» гидронимы в контексте вепско-русского контактирования //Ономастика Карелии: Проблемы взаимодействия разноязычных ономастических систем. Петрозаводск, 1995.
- Мурзаев Э.М.* Географическая ориентация и ее отражение в топонимии //Изв. РАН. Сер. географ. 1993. № 4. [Мурзаев 1993а]
- Мурзаев Э.М.* Образ места //Рус. речь. 1993. №1–4. [Мурзаев 1993б]
- Мурзаев Э.М.* Речные имена в исторической и современной географии //Топонимия России. М., 1993. [Мурзаев 1993в]
- Мурзаев Э.М.* Поэтичность географического имени //Рус. речь. 1996. № 5. [Мурзаев 1996а]
- Мурзаев Э.М.* Тюркские географические названия. М., 1996. [Мурзаев 1996б]

- Мурзин Л.И.* О лингвокультурологии, ее содержании и методах //Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург, 1996. [**Мурзин 1996а**]
- Мурзин Л.И.* Язык и культура //Социолнгвистические проблемы в разных регионах мира: Мат-лы Междунар. конф. М., 1996. [**Мурзин 1996б**]
- Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР.* М., 1982.
- Национально-культурная специфика речевого поведения.* М., 1977.
- Невская Л.Г.* Концепт *гость* в контексте переходных обрядов //Из работ московского семиотического круга. М., 1997.
- Некрылова А.Ф.* Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: Конец XVIII – начало XX века. Л., 1988.
- Непокупный А.П.* Балтійські родичи слов'ян. Київ, 1979.
- Николаева Т.М.* Единиці языка и теория текста //Исследования по структуре текста. М., 1987.
- Никонов В.А.* Введение в топонимику. М., 1965.
- Никонов В.А.* Наименования стран света //Этимология. 1984. М., 1986.
- Новиков А.И., Ярославцева Е.И.* Семантические расстояния в языке и тексте. М., 1990.
- Овсянников О.В.* Средневековые города Архангельского Севера: Люди. События. Даты. Архангельск, 1992.
- Отин Е.С.* Материалы к словарю собственных имен, употребляемых в переносном значении //Вопросы ономастики. Свердловск, 1980. Вып. 14. [**Отин 1980а**]
- Отин Е.С.* Топонимическая метонимия (вид связи «гидроним – ойконим») //Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980. [**Отин 1980б**]
- Ощепкова В.В.* Культурологические, этнографические и типологические аспекты лингвострановедения: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1995.
- Падучева Е.В.* Говорящий как наблюдатель: об одной возможности применения лингвистики в поэтике //Изв. РАН. Сер. лит. и яз. М., 1993. Т.52, №3.
- Пацева М.А.* К проблеме национально-культурной спецификации значения слова: (на материале рус. и болг. яз.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1991.
- Пеньковский А.Б.* Русские персонафицирующие именованя как региональное явление языка восточнославянского фольклора //Лексика и грамматика севернорусских говоров. Киров, 1986.
- Пеньковский А.Б.* Ономастическое пространство русского былевого эпоса как модель его художественного мира //Язык жанров русского фольклора. Петрозаводск, 1989.
- Перепелицын А.А.* Тайны Чертова Городища: Монументальный мегалитический комплекс в центре России //Мифы и магия индоевропейцев. М., 1996.
- Петренко В.Ф., Сурманидзе Л.Д.* Исследование стереотипов обыденного сознания методами психосемантики: (на материале фразеологизмов грузинского языка) //Этнограф. обозрение. 1994. № 6.

- Петренко О.А.* Этнический менталитет и язык фольклора. Курск, 1996.
- Петров К.И.* Тюркские средневековые этнотопонимы от числительного «семь»: К происхождению топонима Джетысуу-Семиречье //Ономастика Средней Азии. Фрунзе, 1980. Вып. 2.
- Петрухин В.Я.* Древнерусское двоеверие: понятие и феномен //Славяноведение. 1996. №1.
- Печерских Т.А.* Вторичные топонимы типа Камчатка // Вопросы ономастики. Свердловск, 1974. Вып. 8–9.
- Плесовский Ф.В.* Эвфемизмы, демонология и коми топонимика //Вопросы финно-угроведения: Этнография, антропология, археология, фольклористика, литературоведение: Тез. докл. на XVI Всесоюз. конф. финно-угроведов. Сыктывкар, 1979. Вып. 2.
- Плунгин В.А., Рахилина Е.В.* «Безумие» как лексикографическая проблема: (К анализу прилагательных *безумный, сумасшедший*) //Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993.
- Подольская Н.В.* Типовые восточнославянские топоосновы: (словообразовательный анализ). М., 1983.
- Подосинов А.В.* Картографический принцип в структуре географических описаний древности: (постановка проблемы) //Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978.
- Подосинов А.В.* Ориентация по странам света в древних культурах как объект историко-антропологического исследования //Одиссей. 1994. М., 1994.
- Подюков И.А.* Народная фразеология в зеркале народной культуры: Уч. пос. Пермь, 1991.
- Полякова Е.Н.* К истокам пермских фамилий: Словарь. Пермь, 1997.
- Попов С.В.* Названия студеных берегов. Мурманск, 1990.
- Поспелов Е.М.* Материалы к топонимическому словарю Московской области //Проблемы восточнославянской топонимии. М., 1979.
- Поспелов Е.М.* Имена городов: вчера и сегодня (1917–1992): Топонимический словарь. М., 1993.
- Праведников С.П.* Имена числительные в фольклорном тексте: лексикологический и лексикографический аспекты. Курск, 1996.
- Проскурин С.Г.* Древнеанглийская пространственная лексика концептуализированных областей: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990. [Проскурин 1990а]
- Проскурин С.Г.* О значениях «правый – левый» в свете древнегерманской лингвокультурной традиции //Вопр. языкознания. 1990. № 5. [Проскурин 1990б]
- Пространство* и время в литературе и искусстве: Метод. мат-лы по теории литературы. Даугавпилс, 1990.
- Родионова И.В.* К вопросу о трансформации библейско-христианской традиции в народной языковой картине мира //Язык, система, личность. Екатеринбург, 1998. [Родионова 1998а]

Родионова И.В. Оппозиция «свой – чужой» в структуре народного ментального образа Бога //Лингвистическая перспектива, современность и перспектива города и деревни. Пермь, 1998 (в печати). [**Родионова 1998б**]

Родионова И.В. Центральная субъектная оппозиция христианства в народной языковой картине мира: опыт верификации //Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург, 1998. Вып. 2. [**Родионова 1998в**]

Романова Г.Я. Наземпование мср длины в русском языке. М., 1975.

Ромбандеева Е.И. Некоторые этимологии мансийских топонимов //Вопросы финно-угорского языкознания. М., 1965. Вып. 3.

Рудных А.И. Семантические модели в гидронимике //Вопросы топониматики. Свердловск, 1972. Вып.6.

Рут М.Э. Русская народная астрономия. Свердловск, 1987.

Рут М.Э. Образная номинация в русском языке. Екатеринбург, 1992.

Рут М.Э. Образная ономастика в русском языке: ономаσιологический аспект: Дис. ... д-ра филол. наук /Урал. ун-т. Екатеринбург, 1994.

Рыбаков Б.А. Языческое мировоззрение русского Средневековья //Вопр. истории. 1974. №1.

Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М., 1988.

Рыжкина О.А. Системное исследование зооморфизмов в русском языке в сопоставлении с английским: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980.

Сельвина Р.Л. Отражение древней числовой символики в калмыцкой антропонимике //Ономастика Калмыкии. Элиста, 1983.

Семенов В.А. Верхнесирийская (Улуг-Хемская) шаманская ононимия //Уральская мифология: Тез. докл. Междунар. симпозиума. Сыктывкар, 1992.

Серебрянников Б.А. Номинация и проблема выбора //Языковая номинация: Общие вопросы. М., 1977.

Симица Г.Я. Материалы сплошного топонимического обследования замкнутой микротерритории (бассейн р. Юлы, Пинежский район Архангельской области). Л., 1969.

Симонов Р.А. Древнерусский счет девяностами и девятками //Рус. речь. 1994. №4.

Симонсуури Л. Указатель типов и мотивов финских мифологических рассказов /Пер. с нем. Петрозаводск, 1991.

Скобликова Е.С. Метафоризация пространственных значений в функционировании предложно-падежных средств русского языка //Семантическая системность языковых единиц. Самара, 1997.

Скороспелкина Г.С. Национальный элемент в лексической семантике //Язык и национальная культура: Тез. докл. и сообщ. СПб., 1995.

Следзевский И.В. Архаический культурный текст как специфический мир пространства и времени //Пространство и время в архаических и традиционных культурах. М., 1996.

Слово и культура: Памяти Никиты Ильича Толстого. М., 1998. Г.1-2.

Смирнова А.А. Коннотационная специфика слова в формировании мировосприятия // Этническое и языковое самосознание. М., 1995.

Смирнова Т.В. Антропонимы как часть национально окрашенной лексики // Язык и культура. Уфа, 1995.

Смолицкая Г.П. Культурно-исторический аспект ономастического словаря // Историко-культурный аспект лексикографического описания русского языка. М., 1995.

Солодуб Ю.П. Этнокультурные параллели во фразеологии различных языков // Collegium. Киев, 1993. № 2.

Сорокин Ю.А. Метод установления лакун как один из способов выявления специфики локальных культур: (художественная литература в культурологическом аспекте) // Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977.

Сорокин Ю.А. Лакуны как сигналы специфики лингвокультурной общности // Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. М., 1982.

Сорокин Ю.А. Лакуны и процесс моделирования образа этнической культуры и психологии // Язык, сознание, культура, этнос: теория и прагматика: XI Всерос. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1994.

Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Культура и ее этнопсихолингвистическая ценность // Этнопсихолингвистика. М., 1988. [Сорокин, Марковина 1988а]

Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Понятие «чужой» в языковом и культурном контексте // Язык: этнокультурный и прагматический аспекты. Днепропетровск, 1988. [Сорокин, Марковина 1988б]

Стеблин-Каменский И.М. Миф. Л., 1976.

Стеблин-Каменский И.М., Семенов В.А. Несколько замечаний о персонификации у коми северного ветра (Войцеля) // Семиотика культуры: Тез. докл. Сыктывкар, 1991.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. М., 1997.

Страхов А.Б. О пространственном аспекте славянской концепции небытия // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора. М., 1988.

Султаньяев О.А. Принципы номинации в казахской топонимике Кокчетавской области // Вопросы топониматики. Свердловск, 1971. Вып. 5.

Суперанская А.В. Терминологичны ли цветные названия рек? // Местные географические термины. М., 1970. (Вопросы географии; Вып.58).

Тарланов З.К. Этнический язык и этническое видение мира // Язык и этнический менталитет. Пестрозаводск, 1995.

Текст как явление культуры / Г.А. Антипов и др. Новосибирск, 1989.

Телия В.Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов: (от мировидения к миропониманию) // Славянское языкознание: XI Междунар. съезд славистов. Докл. рос. делегации. М., 1993.

Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.

- Теория и методика ономастических исследований.* М., 1986.
- Теребихин Н.М.* Сакральная топонимия Русского Севера: (К постановке проблемы) // Вопросы топонимики Подвигия и Поморья. Архангельск, 1991.
- Теребихин Н.М.* Сакральная география Русского Севера: (Религиозно-мифологическое пространство севернорусской культуры). Архангельск, 1993.
- Теребихин Н.М.* Мифология островной культуры Русского Севера // Смерть как феномен культуры. Сыктывкар, 1994.
- Толстая С.М.* Стереотип в этнолингвистике // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии: Тез. докл. М., 1995.
- Толстая С.М.* Акциональный код символического языка культуры: движение в ритуале // Концепт движения в языке и культуре. М., 1996.
- Толстой Н.И.* Мифология имени собственного // Исторические названия — памятники культуры: Тез. докл. Всесоюз. науч.-практ. конф. М., 1989.
- Толстой Н.И.* Мифологическое в славянской народной поэзии. 1: Между двумя соснами (елями) // Живая старина. 1994. № 2. [**Толстой 1994а**]
- Толстой Н.И.* Православие и народная культура // Живая старина. 1994. № 3. [**Толстой 1994б**]
- Толстой Н.И.* Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. 2-е изд-е, испр. М., 1995.
- Толстой Н.И.* Язычество древних славян // Очерки истории культуры славян. М., 1996.
- Толстой Н.И.* Избранные труды. Т. 1: Славянская лексикология и семасиология. М., 1997.
- Толстой Н.И., Толстая С.М.* К семантике правой и левой стороны в связи с другими славянскими элементами // Материалы Всесоюз. симпозиума по вторичным моделирующим системам. I (5). Тарту, 1974.
- Толстой Н.И., Толстая С.М.* Народная этимология и структура славянского ритуального текста // Славянское языкознание: X Междунар. съезд славистов: Докл. сов. делегации. М., 1988.
- Толстой Н.И., Толстая С.М.* Слово в обрядовом тексте: (культурная семантика слав. *vesel-) // Славянское языкознание: XI Междунар. съезд славистов: Докл. рос. делегации. М., 1993.
- Толстой Н.И., Толстая С.М.* О словаре «Славянские древности» // Славянские древности: Этнолингв. словарь: В 5 т. / Под ред. Н.И. Толстого. Т. 1: Л—Г. М., 1995. [**Толстой, Толстая 1995а**]
- Толстой Н.И., Толстая С.М.* Этнолингвистика в современной славистике // Лингвистика на исходе XX века: Итоги и перспективы: Тез. Междунар. конф. М., 1995. Т. II. [**Толстой, Толстая 1995б**]
- Томахин Г.Д.* Топонимы как реалии языка и культуры: (на материале географических названий США) // Вopr. языкознания. 1984. № 4.
- Томахин Г.Д.* Топонимы США в лингвострановедческом аспекте // Топонимия и общество. М., 1989.

Томахин Г.Д. Национально-культурные ассоциации географических названий // Вторая Всесоюз. науч.-практ. конф. «Исторические названия — памятники культуры»: Сб. мат.-лов. М., 1991. Вып. 3.

Топорков А.А. Эротика в русском фольклоре // Русский эротический фольклор. Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки /Сост., науч. ред. А.А. Топоркова. М., 1995.

Топоров В.Н. Из области теоретической топонимстики // Вопр. языкознания. 1962. № 2.

Топоров В.Н. К проблеме классификации в топонимии // Исследования по структурной типологии. М., 1963.

Топоров В.Н. К семантике трюичности // Этимология. 1977. М., 1978.

Топоров В.Н. Первобытные представления о мире: (общий взгляд) // Очерки истории естественных научных взглядов в древности. М., 1982.

Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983.

Топоров В.Н. Об одной топонимической катастрофе // Вторая Всесоюз. науч.-практ. конф. «Исторические названия — памятники культуры»: Сб. мат.-лов. М., 1991. Вып. 1.

Топоров В.Н. Пространство // Мифы народов мира. М., 1992. Т. 2.

Топоров В.Н. Об индоевропейской заговорной традиции (Избр. главы) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Заговор. М., 1993.

[Топоров 1993а]

Топоров В. Н. Об «экзотическом» пространстве поэзии: (поэт и текст в их единстве) // От мифа к литературе: Сб. в честь 75-летия Е. М. Мелетинского. М., 1993. **[Топоров 1993б]**

Топоров В.Н. Праславянская культура в зеркале собственных имен (элемент MIR) // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: XI Международный съезд славистов: Докл. рос. делегации. М., 1993. **[Топоров 1993в]**

Топоров В.Н. «Мицус-пространство» Сигизмунда Кржижановского // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995. **[Топоров 1995а]**

Топоров В.Н. Об индивидуальных образах пространства: «феномен» Батенькова // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995. **[Топоров 1995б]**

Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1: Первый век христианства на Руси. М., 1995. **[Топоров 1995в]**

Топорова Т.В. Семантическая структура древнегерманской модели мира. М., 1994.

Топорова Т.В. Язык в зеркале культуры: древнегерманские двучленные имена собственные. М., 1996.

Трубачев О.Н. Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян // Вопр. языкознания. 1974. № 6.

Трубачев О.И. Послесловие ко второму изданию «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера // Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т.1.

Трубачев О.Н. В поисках единства: Взгляд филолога на проблему единства Руси. М., 1997.

Трубачев О.Н. Славянская филология и сравнительность: От съезда к съезду // Вопр. языкознания. 1998. №3.

Тяботов М.А. Об отражении в топонимии религиозных и мифологических представлений хаггты // Номинация в ономастике. Свердловск, 1991.

Успенский Б.А. Социальная жизнь русских фамилий (вместо послесловия) // Унбеаун Б. Русские фамилии: / Пер. с англ. М., 1989.

Успенский Б.А. Избранные труды. М., 1994. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры.

Успенский Б.А. Семиотика искусства. М., 1995.

Уфимцева Н.В. Русские глазами русских // Язык — система. Язык — текст. Язык — способность. М., 1995. [Уфимцева 1995 а]

Уфимцева Н.В. Этнические и культурные стереотипы: кросс-культурное исследование // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1995. Т.54, № 3. [Уфимцева 1995 б]

Уфимцева Н.В. Образы обыденного сознания современных русских // Социолингвистические проблемы в разных регионах мира: Мат-лы Междунар. конф. М., 1996. [Уфимцева 1996 а]

Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. [Уфимцева 1996 б]

Фролов Н.К. Отражение понятий духовной культуры в региональной системе русской топонимии // Материалы по русско-славянскому языкознанию: Лексические и лексико-грамматические исследования. Воронеж, 1984.

Фрумкина Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога: (концепт, категория, прототип) // НТИ. Сер. 2, Информационные процессы и системы. М., 1992. №3. С.1–8. [Фрумкина 1992а]

Фрумкина Р.М. Концепт, категория, прототип // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика: Сб. обзоров. М., 1992. [Фрумкина 1992б]

Хаймс Д.Х. Этнография речи // Новое в лингвистике. М., 1975. Вып. 7: Социолингвистика.

Ханмагомедов Х.Л. Топонимия Дагестана. Топонимия территории со сложной географической средой и этноязыковым составом населения. Красноярск, 1990.

Харитончик Э.А. Способы концептуальной организации знаний в лексике языка // Язык и структуры представления знаний: Сб. науч.-аналит. обзоров. М., 1992.

Харченко В.К. Переносные значения слова. Воронеж, 1989.

Хонти Л. Заметки по этимологии русского числительного *девятьсто* // Этимология. 1986–1987. М., 1989.

Худяков Л.А. Концепт и значение // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград; Архангельск, 1996.

- Цивьян Т.В.* Оппозиция мужской /женский и ее классифицирующая роль в модели мира //Эпические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991.
- Чайкина Ю.И.* Географические названия Вологодской области: Топоним. словарь. Архангельск, 1988.
- Чайко Т.Н.* Названия частей тела как источник метафоры в апеллятивной и ономастической лексике //Вопросы ономастики. Свердловск, 1974. Вып. 8—9.
- Чанышева Э.З.* Культурный компонент в семантике языковых единиц //Вопросы семантики лексических единиц. Уфа, 1990.
- Черданцева Т.З.* Идиоматика и культура: (Постановка вопроса) //Вопр. языкознания. 1996. № 1.
- Черепанова Е.А.* Микропонимия Черниговско-Сумского Полесья. Сумы, 1984.
- Черепанова О.А.* Элементы традиционной народной культуры в севернорусской агиографии //Духовная культура: проблемы и тенденции развития: Тез. докл. Всерос. науч. конф. Сыктывкар, 1994. Ч.1: Лингвистическое изучение материальной и духовной культуры.
- Черепанова О.А.* Очерк традиционных народных верований Русского Севера: (Комментарии к текстам) //Мифологические рассказы и легенды Русского Севера /Сост. и автор коммент. О.А. Черепанова. СПб., 1996.
- Черепанова О.А.* Культурный компонент семантики и прагматика слова //Проблемы русской лексикологии и лексикографии: Тез. докл. межвуз. науч. конф. Вологда, 1998.
- Чернейко Л.О.* «Языковое знание» и концептуальный анализ слова //Науч. докл. филологического факультета МГУ. М., 1998. Вып. 2.
- Чернейко Л.О., Долинский В.А.* Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциативного анализа //Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. 1996. №6.
- Чернецов А.В.* Двоеверие: мираж или реальность? //Живая старина. 1994. №4.
- Чернышова Н.В.* Русская оронимия Алтая в аспекте номинации: Дис. ... канд. филол. наук /Томск. гос. ун-т. Томск, 1988.
- Черняховская Е.М.* История разработки топонимических классификаций //Развитие методов топонимических исследований. М., 1970.
- Шабанова А.Б.* О национально-культурной семантике фольклорной ономастики //Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Воронеж, 1994.
- Шапошников В.Н.* Этнокультурная традиция: пространство и время в структуре древнего текста //Пространство и время в архаических культурах. М., 1992.
- Шемакин Ф.Н.* Ориентация в пространстве //Психологическая наука в СССР. М., 1959. Т.1.
- Шемакин Ф.Н.* Язык и чувственное познание //Язык и мышление. М., 1967.
- Шиндин С.Г.* Пространственная организация русского заговорного универсума: образ центра мира //Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. М., 1993.

- Шмелев А.Д. «Русская ментальность» в зеркале лексических данных //Этническое и языковое самосознание. М., 1995.
- Шмелев А.Д. Лексический состав русского языка как отражение «русской души» //Рус. язык в школе. 1996. № 4.
- Шмелева Т.В. К проблеме национально-культурной специфики «эталона» сравнения: (на материале английского и русского языков) //Этнопсихоллингвистика. М., 1988.
- Шувалов Н.И. От Парижа до Берлина по карте Челябинской области: Топоним. словарь. Челябинск, 1989.
- Щепанская Т.Б. Культура дороги на Русском Севере. Страники //Русский Север: Ареалы и культурные традиции. СПб., 1992.
- Щепанская Т.Б. Кризисная сеть: (традиции духовного освоения пространства) //Русский Север: К проблеме локальных групп. СПб., 1995.
- Щетинин Л.М. Антропонимический текст как источник исторической информации //Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980.
- Щетинин Л.М. Об историческом влиянии регионального культурного фона на развитие антропонимии Подонья //Материалы к серии «Народы и культуры». М., 1993. Вып. 25, кн. 1, ч. 1.
- Эстонский фольклор. Таллинн, 1980.
- Этническая ономастика /Отв. ред. Р.Ш. Джарылгасилова, В.А. Никонов. М., 1984.
- Этническая топонимика /Отв. ред. Е.М. Поспелов, Г.П. Смолицкая. М., 1987.
- Этническое и языковое самосознание: Мат-лы конф. (Москва, 13–15 декабря 1995 г.). М., 1995.
- Язык и культура: IV Междунар. конф.: Мат-лы. Киев, 1996. Ч.1–3.
- Язык и национальное сознание: Мат-лы регион. науч.-теорет. конф., посв. 25-летию кафедры общего языкознания и стилистики Воронеж. ун-та. Воронеж, 1998.
- Язык и этнический менталитет: Сб. науч. тр. Петрозаводск, 1995.
- Язык. Культура. Взаимопонимание: Мат-лы Междунар. конф. Львов, 1997.
- Яковлева Е.С. О некоторых моделях пространства в русской языковой картине мира //Вопр. языкознания. 1993. №4.
- Яковлева Е.С. Фрагмент русской языковой картины времени //Вопр. языкознания. 1994. №5. [**Яковлева 1994а**]
- Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994. [**Яковлева 1994б**]
- Яценко А.И. Топонимы и географическая среда // Географическая среда и географические названия. Л., 1974.
- Anusiewicz J. Lingwistyka kulturowa: Zarys problematyki. Wrocław: Wydraw. Uniw. Wrocławskiego, 1994.
- Calame-Griale G. Ethnologie et langage: La parole chez les Dogon. Paris, 1987.

Douaud P. Ethnolinguistic profile of the Canadian metis. Ottawa: Nat. Museums of Canada, 1985.

Ethnolinguistics: Boas, Sepir and Whorf revisited /Ed. by M. Mathiot. The Hague etc. Mouton, 1979.

Hall W., Freedle R. Culture and language: The Black American experience. Washington; New York, 1975.

Herskovits A. Language and spatial cognition. Cambridge, 1988.

Klein W. Deixis and spatial orientation in route directions //Spatial orientation: theory, research and application. N.Y., 1983.

Language and ethnic identity /Ed. by Gudykunst W.B. Clevedon; Philadelphia, 1988. III.

Launay R. Spaces and Times: Multiple Coordinates of Reality among the Dyula of Cote d'Ivoire //Пространство и время в архаических и традиционных культурах. М., 1996.

Talmy L. How language structures space //Spatial orientation: theory, research and application. N.Y., 1983.

Wienold G. Lexical and conceptual structures in expressions for movement and space: With reference to Japanese, Korean, Thai and Indonesian as compared to English and German //Lexical knowledge in the organization of language. Amsterdam, 1995.

СОКРАЩЕНИЯ

а) в названиях источников материала

- АОС* — Архангельский областной словарь. М., 1980—1995. Вып. 1—9. (Изд. продолжается).
- БЭ* — Библейская энциклопедия. (Респринг). М., 1990.
- Власова* — Власова М. Новая АБЕВЕГА русских суеверий. СПб., 1995.
- Даль* — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955.
- ДКРС* — Морозова И.А., Слесцова И.С., Островский Е.Б. и др. Духовная культура Северного Белозерья: Этнодиал. словарь. М., 1997.
- ЗРН* — Загадки русского народа /Сост. Д.Н. Садовников. М., 1960.
- Кулик* — Куликовский Г.И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- ЛБМ* — Лоция Белого моря. Л., 1939.
- ЛК ТЭ* — Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского гос. университета
- ЛМБ* — Лоция Мурманского берега. Л., 1925.
- ЛЭС* — Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- МНМ* — Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. М., 1991—1992.
- МРС* — Мифологические рассказы и легенды Русского Севера /Сост. и автор комментариев О.А. Черепанова. СПб., 1996.
- Мурзаев* — Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М., 1984.
- НОС* — Новгородский областной словарь. Новгород, 1992—1995. Вып. 1—12.
- Подвысоцкий* — Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- Полубояров* — Полубояров М.С. Мокша, Сура и другие...: Мат-лы к ист.-топоним. словарю Пензенской области. М., 1992.
- Полякова* — Полякова Е.Н. От «арайны» до «яра»: Русская народная географическая терминология Пермской области. Пермь, 1988.
- ПОС* — Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967—1996. Вып. 1—12 (Издание продолжается).
- ПРН* — Пословицы русского народа: Сб. В. Даля: В 3 т. М., 1993.
- РДС* — Русский демонологический словарь /Автор-сост. Т.А. Новичкова. СПб., 1995.
- РО* — Русская ономастика и ономастика России: Словарь /Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1994.
- РЯ* — Русский язык: Энциклопедия. 2-е изд., доп. М., 1997.

- СВГ* — Словарь вологодских говоров. Вологда, 1983—1997. Вып. 1—7. (Издание продолжается).
- СГНЯ* — Словарь географических названий Якутской АССР. М., 1987.
- СГУ* — Словник гідронімів України. Київ, 1979.
- СД* — Славянские древности: Этнолингв. словарь: В 5 т. /Под ред. Н.И. Толстого. Т. 1: А—Г. М., 1995.
- Седов* — Седов Р.В. Отличное запятые — ходить по земле: (Тропы магаданских туристов). Магадан, 1975.
- Семенов* — Семеновъ П. Географическо-статистическій словарь Россійской имперіи: В 5 т. СПб., 1863—1885.
- СлРЯ XI-XVII вв.* — Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975—1996. Вып. 1—23. (Издание продолжается).
- СМ* — Славянская мифология: Энцикл. словарь. М., 1995.
- СРГК* — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1994—1996. Вып. 1—3. (Издание продолжается).
- СРГСУ* — Словарь русских говоров Среднего Урала: В 7 т. Свердловск, 1962—1988.
- СРНГ* — Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1969—1997. Вып. 1—31. (Издание продолжается).
- ССРЛЯ* — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948—1965.
- Стрельников* — Стрельников С.М. Кувандыкский край в географических названиях. Златоуст, 1994.
- Торопов* — Торопов С.А. По голубым дорогам Прикамья. Пермь, 1976.
- ТЭ* — Картотеки Топонимической экспедиции Уральского гос. университета
- Фасмер* — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1964—1973.
- ФСРЯ* — Фразеологический словарь русского языка /Под ред. А.И. Молоткова. 4-е изд. М., 1986.
- Шабалин* — Шабалин В.М. Тайны Земли Кузнецкой: Краткий топоним. словарь Кемеровской области: 3000 названий. Кемерово, 1994.
- ЭМ ТЭ* — Этнографические материалы Топонимической экспедиции Уральского гос. университета
- ЭССЯ* — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. М., 1974—1997. Т. 1—24 (Издание продолжается).

б) в названиях областей и районов

- Антроп* — Антроповский район Костромской области
- Артем* — Артемовский район Свердловской области

<i>Арх</i>	— Архангельская область
<i>Баб</i>	— Бабаевский район Вологодской области
<i>Бабуш</i>	— Бабушкинский район Вологодской области
<i>Бел</i>	— Белозерский район Вологодской области
<i>Ваш</i>	— Вашкинский район Вологодской области
<i>Вз</i>	— Вагайский район Тюменской области
<i>Вель</i>	— Вельский район Архангельской области
<i>Вил</i>	— Вилегодский район Архангельской области
<i>Вин</i>	— Виноградовский район Архангельской области
<i>Влад</i>	— Владимирская область
<i>Влг</i>	— Вологодская область
<i>Влд</i>	— Вологодский район Вологодской области
<i>В-Уст</i>	— Великоустюгский район Вологодской области
<i>В-Т</i>	— Верхнетоемский район Архангельской области
<i>Галич</i>	— Галичский район Костромской области
<i>Гар</i>	— Гаринский район Свердловской области
<i>Г-Зав</i>	— Горнозаводской район Пермской области
<i>Гряз</i>	— Грязовецкий район Вологодской области
<i>Дар</i>	— Даровский район Кировской области
<i>Изд</i>	— Ивдельский район Свердловской области
<i>Ирб</i>	— Ирбитский район Свердловской области
<i>Кама</i>	— бассейн р. Кама
<i>Камышл</i>	— Камышловский район Свердловской области
<i>Карг</i>	— Каргопольский район Архангельской области
<i>Карел</i>	— Республика Карелия
<i>Кат-Ив</i>	— Катав-Ивановский район Челябинской области
<i>К-Б</i>	— Красноборский район Архангельской области
<i>К-Г</i>	— Кичменьго-Городецкий район Вологодской области
<i>Киp</i>	— Кирилловский район Вологодской области
<i>Кологр</i>	— Кологривский район Костромской области
<i>Кон</i>	— Коношский район Архангельской области
<i>Костр</i>	— Костромская область
<i>Кот</i>	— Котельничский район Кировской области
<i>Котл</i>	— Котласский район Архангельской области
<i>Кр-Уф</i>	— Красноуфимский район Свердловской области
<i>Лен</i>	— Ленский район Архангельской области
<i>Леш</i>	— Лешуконский район Архангельской области
<i>Магад</i>	— Магаданская область
<i>Макар</i>	— Макарьевский район Костромской области
<i>Мантур</i>	— Мантуровский район Костромской области
<i>Меж</i>	— Межевской район Костромской области

<i>Мез</i>	— Мезенский район Архангельской области
<i>М.-Реч</i>	— Междуреченский район Вологодской области
<i>Мур</i>	— Мурашинский район Кировской области
<i>Ней</i>	— Нейский район Костромской области
<i>Некр</i>	— Некрасовский район Ярославской области
<i>Ник</i> ✓	— Никольский район Вологодской области
<i>Нюкс</i>	— Нюксенский район Вологодской области
<i>Нянд</i>	— Няндомский район Архангельской области
<i>Он</i> ✓	— Онжский район Архангельской области
<i>Опар</i>	— Опаринский район Кировской области
<i>Остров</i>	— Островской район Костромской области
<i>Парф</i>	— Парфеньевский район Костромской области
<i>Пин</i>	— Пинежский район Архангельской области
<i>Плес</i>	— Плесецкий район Архангельской области
<i>Приг</i>	— Пригородный район Свердловской области
<i>Прим</i>	— Приморский район Архангельской области
<i>Пыщ</i>	— Пыщугский район Костромской области
<i>Ревд</i>	— Ревдинский район Свердловской области
<i>Реж</i>	— Режевской район Свердловской области
<i>Сверд</i>	— Свердловская область
<i>Серов</i>	— Серовский район Свердловской области
<i>С.-Дв</i>	— Северодвинский район Архангельской области
<i>С.-Лог</i>	— Сухоложский район Свердловской области
<i>Сл.-Тур</i>	— Слободо-Туринский район Свердловской области
<i>Сок</i>	— Сокольский район Вологодской области
<i>Ср. Урал</i>	— Средний Урал
<i>Сукс</i>	— Суксунский район Пермской области
<i>Сус</i>	— Сусанинский район Костромской области
<i>Тар</i>	— Тарский район Омской области
<i>Тарн</i>	— Тарногский район Вологодской области
<i>Тевр</i>	— Тевризский район Омской области
<i>Тот</i>	— Тотемский район Вологодской области
<i>Туз</i>	— Тугулымский район Свердловской области
<i>Уват</i>	— Уватский район Тюменской области
<i>У.-Иш</i>	— Усть-Ишимский район Омской области
<i>У.-Куб</i>	— Усть-Кубенский район Вологодской области
<i>Уст</i>	— Устьянский район Архангельской области
<i>Устюж</i>	— Устюженский район Вологодской области
<i>Халт</i>	— Халтуринский район Кировской области
<i>Хар</i>	— Харовский район Вологодской области
<i>Холм</i>	— Холмогорский район Архангельской области

<i>Чаг</i>	— Чагодолецкий район Вологодской области
<i>Череп</i>	— Череповецкий район Вологодской области
<i>Чухл</i>	— Чухломской район Костромской области
<i>Шал</i>	— Шалинский район Свердловской области
<i>Шар</i>	— Шарьинский район Костромской области
<i>Шексн</i>	— Шекснинский район Вологодской области
<i>Шенк</i>	— Шенкурский район Архангельской области

в) в обозначениях географических терминов

<i>б.</i>	— бывший (населенный пункт)	<i>пер.</i>	— переулоч
<i>бер.</i>	— берег	<i>пок.</i>	— покос
<i>бол.</i>	— болото	<i>пос.</i>	— поселок
<i>г.</i>	— гора	<i>пр.</i>	— приток
<i>гор.</i>	— город	<i>прк.</i>	— перекат
<i>д.</i>	— деревня	<i>прт.</i>	— протока
<i>дор.</i>	— дорога	<i>р.</i>	— река
<i>зал.</i>	— залив	<i>руч.</i>	— ручей
<i>кам.</i>	— камень	<i>с.</i>	— село
<i>кладб.</i>	— кладбище	<i>ск.</i>	— скала
<i>н.п.</i>	— населенный пункт	<i>ст.</i>	— станция
<i>о-в</i>	— остров	<i>ул.</i>	— улица
<i>оз.</i>	— озеро	<i>ур.</i>	— урочище
<i>пастб.</i>	— пастбище	<i>уч.</i>	— участок
<i>паш.</i>	— пашня	<i>хут.</i>	— хутор

г) в наименованиях языков и диалектов

<i>др.-инд.</i>	— древнеиндийский	<i>манс.</i>	— мансийский
<i>др.-польск.</i>	— древнепольский	<i>серб.</i>	— сербский
<i>и.-е.</i>	— индоевропейский	<i>словен.</i>	— словенский
<i>казах.</i>	— казахский	<i>укр.</i>	— украинский
<i>карел-ливв.</i>	— ливвиковский	<i>фин.</i>	— финский
<i>лат.</i>	— латинский	<i>якут.</i>	— якутский
<i>лезг.</i>	— лезгинский		

д) прочие сокращения

<i>безл.</i>	— безличный	<i>нов.</i>	— новый
<i>букв.</i>	— буквально	<i>оф.</i>	— официальный
<i>вар.</i>	— вариант	<i>повсем.</i>	— повсеместно
<i>диал.</i>	— диалектный	<i>стар.</i>	— старый
<i>неоф.</i>	— неофициальный	<i>эвфем.</i>	— эвфемистический

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Общие вопросы этнолингвистического изучения топонимии	12
1. К вопросу об этнокультурной информации.....	12
2. Репрезентация этнокультурной информации в топонимическом материале.....	26
Глава II. Концепция географического пространства в русской топонимии	69
1. Локализация объекта в пространстве.....	71
1.1. Параметры локализации в пространстве.....	72
1.2. Проблема точки отсчета в пространственной топонимической номинации.....	110
2. Охват местности.....	143
3. Протяженность.....	157
4. Обжитость пространства.....	162
5. Характеристика ментального образа пространства в русской топонимии.....	167
Глава III. Народная религия и верования в зеркале топонимической номинации	176
1. Идеи и символы народной религии в русской топонимии.....	177
1.1. Персонажи и идеи, реализующие основную оппозицию народной религии.....	180
1.2. Библейские локативы.....	236
2. Концепция <i>заветного места</i> в русской топонимии.....	251
2.1. Семантическое поле 'нечистое место'.....	254
2.2. Семантическое поле 'святое место'.....	264
2.3. Семантическое поле 'место смерти и захоронения'.....	281
Заключение	301
Использованная литература.....	308
Сокращения.....	332

Научное издание

Елена Львовна Березович

ТОПОНИМИЯ РУССКОГО СЕВЕРА
Этнолингвистические исследования

Редактор *С.Г. Галинова*

Художник обложки *Л.И. Яранцева*

Изд. лиц. ЛР № 020257 от 22.11.96 г.

Подписано в печать 01.12.98. Формат 60 x 84/16. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 21,7. Усл. печ. л. 21,0. Тираж 100 экз. Заказ

Издательство Уральского университета.
620083 Екатеринбург, Гургенева, 4.
Издательский дом Уральской сельхозакадемии.